

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 4 (103) 2022

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
Адрес типографии: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел. (3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru
© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник
Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц.,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры
государственно-правовых дисциплин Восточно-
Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Рос-
сийской Федерации, д-р юрид. наук, проф.,
начальник кафедры криминалистики и оперативно-
разыскной деятельности Ростовского юридическо-
го института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., директор
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской
Федерации, заслуженный деятель науки Российской
Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры
управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный
по защите прав предпринимателей в Тульской
области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. ка-
федры уголовного права и криминологии Байкаль-
ского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный
научный сотрудник Института правовых исследова-
ний Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом
теории права и сравнительного правоведения Ин-
ститута правовых исследований Байкальского гос-
ударственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Россий-
ской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный
сотрудник Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета
правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром
уголовного, уголовно-процессуального законодательства
и судебной практики Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., главный
научный сотрудник Байкальского государственного
университета

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Феде-
рации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом
криминологических исследований Института право-
вых исследований Байкальского государственного
университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уго-
ловно-правовых дисциплин Иркутского юридического
института (филиал) Университета прокуратуры Рос-
сийской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской
Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры
уголовного процесса и прокурорского надзора Юри-
дического института Байкальского государственного
университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафе-
дры криминалистики, судебных экспертиз и юридиче-
ской психологии Байкальского государственного
университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, первый про-
ректор, проректор по науке и стратегическому разви-
тию Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника
Сибирского юридического института МВД России
(по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий
кафедрой правового обеспечения национальной безо-
пасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутрен-
них дел Санкт-Петербургского университета
МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., профессор ка-
федры административного и информационного права
Российской академии народного хозяйства и госу-
дарственной службы при Президенте Российской
Федерации

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нару-
шения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 23 декабря 2022 г. Дата выхода в свет 26 декабря 2022 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 37,5

Тираж 1000 экз.

Первый завод 75 экз. Заказ № 96

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 4 (103) 2022

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results
of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science
recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
fax: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2022

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economic Sciences, Head of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Baikal State University

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Strategic Development of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Information Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 23th December 2022. Publication date 26th December 2022.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 37,5. Issue 1000 copies

First issue 75 copies. Order No 96.

Research and Editorial-Publishing Department

Содержание

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Гаврюшкин К. А. Ценности и интересы в правовых теориях дореволюционной России, их восприятие современной доктриной и практикой правового строительства	9
Росинский С. Б., Грибунов О. П. Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.).....	22
Хрони Н. Н. Приоритетная обязанность как общеправовой феномен	33
Ханахмедова Л. В., Семенов В. В. Отдельные аспекты законодательной регламентации цифровых финансовых активов и цифровой валюты: международно-правовой опыт и отечественные реалии.....	44
Шарифзода Ф. Р., Ульянов А. Д. Информационные потребности государства в формировании цифрового пространства для обеспечения национальной безопасности	51

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Добров А. Н. Проблемы привлечения граждан к участию в охране общественного порядка	61
Майоров В. И. Проблемы совершенствования законодательства, регулирующего статус участников дорожного движения, использующих средства индивидуальной мобильности	69
Новичкова Е. Е. Типовые ошибки, допускаемые сотрудниками полиции при производстве по делам об административных правонарушениях	78
Шаламова А. Н. Роль социальной ответственности в реализации идеи социального государства	90

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Баданова А. Н. О перспективности проведения предъявления для опознания в дистанционном формате	97
Вальтер А. В. Криминогенные детерминанты налоговой преступности: проблемы и пути решения	108
Волченко А. В., Лакеева Е. В. Возможности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий	123
Гаврилов Б. Я., Шпагина Ю. В. Процессуальные сроки производства предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей: от проблем к решению	134

Гармышев Я. В., Ишигеев В. С., Бондарь А. Я. Квалификация отдельных составов преступлений, совершенных с применением оружия или предметов используемых в качестве оружия	146
Ивлиева Н. В. Аспекты обеспечения экономической безопасности органами внутренних дел в сфере добычи и транспортировки газа	158
Ивушкина О. В. Причины и условия, способствующие совершению краж скота в приграничных районах Российской Федерации с Монголией	166
Кувалдина Ю. В., Марьина Е. В. Проблемы института примирения в уголовном судопроизводстве и перспективы его развития	175
Лавдаренко Л. И., Плеснева Л. П. О значении акта привлечения лица в качестве обвиняемого	189
Ларичева И. В. Привлечение к участию в следственном действии оперативных сотрудников как форма взаимодействия следователя с оперативными подразделениями	198
Лузько Д. Н. Имитация преступного поведения в оперативно-разыскной деятельности: теоретико-методологический аспект.....	207
Мурина Ю. В. Особенности уголовной ответственности за халатность в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства	215
Петухова Ж. П. Приостановление предварительного следствия в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК Российской Федерации.	229
Попова И. П. К вопросу об оценочных категориях в уголовном судопроизводстве	239
Светличный А. А. Место и роль терминологии теории оперативно-разыскной деятельности в системе терминологического аппарата процесса расследования и раскрытия преступлений	247
Солодовник В. В. О некоторых проблемах особого порядка рассмотрения уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.....	259
Столбов В. Р. Тактические особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп	270
Тирских А. А. Противодействие пропаганде экстремизма и терроризма в сфере информационных технологий	285
Информация для авторов	295

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Gavryushkin K. A. Values and interests in the legal theories of pre-revolutionary Russia, their perception by contemporary legal doctrine and practice law construction	9
Rossinsky S. B., Gribunov O. P. Tribunal justice in the first years of Soviet power (1917-1922)	22
Khroni N. N. Priority duty as a general legal phenomenon.....	33
Khanakhmedova L. V., Semenov V. V. Certain aspects of legislative regulation of digital financial assets and cryptocurrencies: international legal experience and domestic realities	44
Sharifzoda F. R., Ulyanov A. D. Information needs of the state in shaping the digital space to ensure national security	51

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (legal sciences)

Dobrov A. N. Problems of involving citizens to participate in protection of public order.....	61
Mayorov V.I. Problems of improving the legislation regulating the status of road traffic participants using personal mobility devices	69
Novichkova E.E. Typical errors allowed by police employees during proceedings in case of administrative offenses	78
Shalamova A.N. The role of social responsibility in realising the idea of a welfare state	90

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Badanova A. N. On the prospects for conducting a the prospect of a distant line-up for identification	97
Walter A. V. Criminogenic determinants of tax crime: problems and solutions.....	108
Volchenko A. V., Lakeeva E. V. The Possibility of using videoconferencing in the course of investigations	123
Gavrilov B.Ya., Shpagina Yu.V. Procedural terms pre-trial investigation and the detention of the accused in custody: from problems to solutions	134
Garmyshev Ya. V., Ishigeev V. S., Bondar A. Ya. Qualification of certain elements of crimes committed with the use of weapons or items used as weapons	146
Ivlieva N.V. Aspects of ensuring economic security by internal affairs bodies in the field of gas production and transportation	158

Ivushkina O.V. Causes and conditions contributing to livestock theft in the Mongolian border region areas of the Russian Federation	166
Kuvaldina Yu. V., Maryina E. V. Problems of the institution of reconciliation in criminal proceedings and prospects for its development	175
Lavdarenko L. I., Plesneva L. P. About the meaning of the act of attracting a person as an accused	189
Laricheva I. V. Involvement of operational staff in the investigation as a form of interaction between the investigator and operational units.....	198
Luzko D. N. Imitation of criminal behavior in operational-search activity: theoretical and methodological aspect	207
Murina Yu. V. Specific features of criminal liability for negligence in the criminal law of the countries of the post-soviet space	215
Petukhova Zh .P. Suspension of the preliminary investigation in accordance with with paragraph 3, part 1, art. 208 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation	229
Popova I. P. On the issue of evaluation categories in criminal proceedings	239
Svetlichny A.A. The place and role of the terminology of the theory of operational-investigative activity in the system of the terminological apparatus of the process of investigation and disclosure of crimes.....	247
Solodovnik V.V. About some problems of a special order of consideration of a criminal case at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement	259
Stolbov V. R. Tactical features of carrying out operational-search measures when disclosing thefts of vehicles that caused damage on an especially large scale, committed as part of organized groups	270
Tirskikh A. A. Countering the promotion of extremism and terrorism on social media	285
Information for authors	295

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 9–21.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.4 (103). P. 9–21.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.20.89.001

ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ В ПРАВОВЫХ ТЕОРИЯХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, ИХ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНОЙ И ПРАКТИКОЙ ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Гаврюшкин Константин Артемович

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
kiren1996@mail.ru

Введение: в статье предпринята попытка теоретико-правового и историко-правового анализа места и роли категорий «правовые ценности» и «правовые интересы» в правовой действительности России в XIX и начале XX столетия. Авторами отражены исследовательские ракурсы правовых ценностей и правовых интересов, их место в российской правовой доктрине. Исследованы вопросы преемственности наследия политико-правовой, философско-правовой мысли XIX – начала XX вв. современной отечественной правовой доктриной и практикой правового строительства.

Материалы и методы: методологической основой исследования является диалектический метод познания, а также сравнительно-исторический метод, позволивший выявить закономерности развития категорий ценности и интересы в области права. Кроме того, в процессе исследования автором использовались методы сравнительно правового анализа, описания и обобщения.

Результаты исследования: позволили определить, что названные правовые категории в их современной терминологической интерпретации, вошли в отечественный научный оборот относительно недавно. Но обозначаемые ими явления изначально существовали в правовой действительности. Поэтому ученые (философы права, социологи права, теоретики права) изучаемого периода не всегда использовали соответствующие термины в своих трудах, но активно исследовали сами явления, которые в настоящее время ими обозначаются.

Выводы и заключения: проведен анализ понятий ценности и интересы, даваемых учеными рассматриваемого периода, в их юридическом значении. Дана сравнительная оценка исследуемых категорий в период XIX – начала XX вв. и в настоящее время.

Ключевые слова: история правовых учений, философия права, теория права, правовые ценности, правовые интересы.

Для цитирования: Гаврюшкин К. А. Ценности и интересы в правовых теориях дореволюционной России, их восприятие современной доктриной и практикой правового строительства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 9–21.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.20.89.001

Original article

**VALUES AND INTERESTS
IN THE LEGAL THEORIES OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA,
THEIR PERCEPTION BY CONTEMPORARY LEGAL DOCTRINE AND
PRACTICE LAW CONSTRUCTION**

Konstantin A. Gavryushkin

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation,
kiren1996@mail.ru

Introduction: the article attempts theoretical and legal and historical analysis of the place and role of the categories of "legal values" and "legal interests" in the legal reality of Russia in the XIX and early XX centuries. The authors reflect the research perspectives of legal values and interests, their place in Russian legal doctrine. The questions of continuity of heritage of political-legal, philosophical-legal thought of XIX - beginning of XX centuries by modern domestic legal doctrine and practice of legal construction are investigated.

Materials and methods: The methodological basis of the study is the dialectical method of cognition, as well as the comparative-historical method, which allowed to identify the regularities of the development of the categories of values and interests in the field of law. In addition, in the process of research the author used methods of comparative legal analysis, description and generalisation.

The results of the study: made it possible to determine that the named legal categories in their modern terminological interpretation entered the domestic scientific circulation relatively recently. But the phenomena they designate originally existed in legal reality. Therefore, scientists (philosophers of law, sociologists of law, legal theorists) of the period under study did not always use the corresponding terms in their works, but actively investigated the phenomena themselves, which are currently designated by them.

Findings and Conclusions: analysis of the notions of values and interests in their legal meaning given by the scientists of the considered period. The comparative assessment of the studied categories in XIX - early XX centuries and at present is given.

Keywords: history of legal doctrines, philosophy of law, theory of law, legal values, legal interests.

For citation: Gavryushkin K.A. Cennosti i interesy v pravovyh teoriyah dorevolucionnoy Rossii, ih vospriyatие sovremennoj doktrinoj i praktikoj pravovogo stroitel'stva [Values and interests in the legal theories of pre-revolutionary Russia, their perception by contemporary legal doctrine and practice law construction]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (103), pp. 9–21.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.20.89.001

В теории права, философии права и социологии права, а также в отраслевом юридическом знании в последние годы активно развиваются два взаимосвязанных и взаимодополняющих понятия – «правовые ценности» и «правовые интересы». Они выражают сущность двух объективно представленных в социально-правовой жизни явлений, имеющих множество реальных проявлений и особую значимость для построения разных элементов правовой системы общества. Можно утверждать, что ценности и интересы в этом смысле выступают базовыми явлениями и системообразующими факторами, обуславливающими многие другие явления и процессы правовой действительности.

сти. Соответственно, обозначающие их понятия «правовые ценности» и «правовые интересы» имеют фундаментальный характер и междисциплинарное научное значение, они обобщают наиболее значимые характеристики «своих» явлений и выступают понятийной базой для большого числа смежных явлений второго уровня. В связи с этим «правовые ценности» и «правовые интересы» приобретают значение уже не просто понятий, а правовых категорий, в которых соответствующие общенаучные (философские) категории: «ценности» и «интересы» – используются в юридическом, теоретико-правовом, историко-правовом, социально-правовом и конституционном контексте.

Историко-правовой и политико-правовой анализ юридических научных источников прошлых эпох позволяет сделать вывод о том, что правовые категории «правовые ценности» и «правовые интересы», в их современной терминологической интерпретации, вошли в отечественный научный оборот относительно недавно. Однако обозначаемые ими явления существовали изначально. Зарождение данных категорий следует относить к периоду начала становления правовых систем в государственно организуемом обществе, поскольку именно они выступали, и продолжают выступать в числе основных системообразующих факторов. Поэтому мыслители, работавшие в областях теории и истории права и государства, философии и социологии права, не могли оставить эти явления без внимания. Должно быть, они не использовали для их обозначения два этих современных понятия.

Научная мысль в данном случае развивалась по естественному пути, от частного к общему. Сначала были обнаружены, выделены и исследованы частные явления правовой жизни, относящиеся к ценностям и интересам. Затем, выявив наличие у них схожих свойств, проявлений и характеристик, исследователи постепенно пришли к пониманию общей сущности и сформировали современные категории – «правовые ценности» и «правовые интересы».

С учетом того огромного значения, которое они имеют в современной правовой доктрине и которое они играют для юридической деятельности, а также для формирования правосознания и правовой культуры общества, важно изучить и понять исторический процесс, основные вехи их становления. Мудрые мысли ученых прошлого остаются весьма значимыми и в настоящее время, поскольку отдельные забытые теоретические концепции зачастую «извлекаются из запасников» и оказываются весьма полезными для разработки современных правовых норм, институтов, статусов, процедур и механизмов.

Важным этапом становления отечественной теории правовых ценностей и теории правовых интересов является дореволюционный период развития правовой мысли. Обратимся ко времени наиболее осмысленного формулирования политико-правовых теорий (многие из которых остаются востребованными до сих пор), к XIX – нач. XX вв.

Известно, что русская философия права и юриспруденция того периода развивались «своим путем», хотя и не были абсолютно изолированы от европейского влияния. Однако российские концепты одноименных правовых явлений, социально-правовых институтов, выражали сущности, значительно отличающиеся от европейских. Прежде всего потому, что они имели более богатое деонтологическое содержание, духовное и нравственное наполнение. В полной мере это относится и к правовым ценностям.

В дореволюционный период развития отечественной юридической науки аксиология права как самостоятельное направление не выделилась, хотя по факту большинство российских правовых теорий имело ценностные основания. За основу рассуждений о природе, сущности и должном состоянии права брались такие категории, как «правда» (ценность, словесное обозначение которой имеет один корень со

словом «право»), «добро», «справедливость», «нравственность», «социальная солидарность» – то есть непреходящие ценности, имеющие общественную значимость и по сей день.

Отличительной чертой философских воззрений на перечисленные высшие ценности русских ученых XIX столетия стали православные воззрения, в результате чего в философии права тесно переплелись богословские и юридические аспекты. Божественное начало преобладает в человеческой жизни во всех ее сферах, в том числе и в правовой. А потому Божии законы дают ценностные основания для законов юридических, в которых они преломляются для удовлетворения потребностей людей в их светской жизни.

Ярким примером сказанному является теория К. А. Неволлина, который после окончания духовной академии продолжил свою образовательную деятельность изучением законоведения. Он, не используя понятия «ценности», фактически ставил знак равенства между правдой и справедливостью, видя в них сущность юридического закона. Божественная правда – справедливость в межличностном общении людей как «нравственных существ» трансформируется в религиозно-юридическую ценность – «праведность». Как писал В. С. Нерсисянц, правда, то есть справедливость, в концепции К. А. Неволлина, – «это проявление божественного начала в мире нравственном, где божество открывает себя при участии и посредстве людей. Существа нравственные сознают идею правды Божественной и в своей воле осуществляют ее» [1, с. 669]. Таким образом, мы можем выделить первую правовую ценность – справедливость.

Основной познавательной доминантой значительного числа философско-правовых теорий рассматриваемого периода являлась взаимосвязь и взаимное воздействие явлений нравственности и права. Соответственно, обращение к категориям, которые в наше время рассматриваются в качестве важнейших социально-правовых ценностей, а также к явлению интересов в праве, зачастую осуществлялось через анализ указанного соотношения. Позиции разных авторов по поводу корреляции нравственности и права существенно разошлись, что нашло свое отражение в вышедших в публичное научное пространство активных дискуссиях наиболее авторитетных из них. Так, внимание научной общественности было приковано к научной дискуссии между Б. Н. Чичериным, утверждавшим, что разница между нравственностью и правом имеет качественное выражение, и В. С. Соловьевым, пытавшимся использовать количественные показатели «минимум» и «максимум»: нравственность («добро») – это субстанция бескрайняя, естественным образом стремящаяся к максимуму, а право представляет собой принудительное требование некоего «минимума нравственности» («минимума добра») во взаимоотношениях между людьми, которое обеспечено возможностью принуждения. Тем самым следует определить вторую ценность, имеющую особую социальную значимость, – нравственность.

В. С. Соловьев обращался еще к одной философской категории, которая может рассматриваться как социально-правовая ценность – «добро», а также к ее антитезе – «зло» (это своего рода «антиценность»). «Между идеальным добром и злой действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла» [2, с. 520]. В итоговом варианте философ сформулировал свое определение права «в его отношении к нравственности»: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [2, с. 525]. Как следствие, в качестве третьей ценности, являющейся философской, мы можем отнести «добро» и «зло».

К следующей ценности в рассматриваемой правовой категории стоит отнести равенство. Так, Б. Н. Чичерин в своем обосновании естественно-правовых, разумных начал права оперирует понятиями «правда», «справедливость» и «равенство». Определяя векторы влияния права на человеческое сообщество, мыслитель выделяет четыре типа людских союзов – семейный, гражданский, церковный и государство. У каждого из этих союзов имеется собственная коллективная цель, для достижения которой индивид к ним присоединяется, а общей солидарной целью каждого является благо соответствующего союза. Оно достигается, в числе прочего, и с помощью позитивного права (юридического закона) [3]. Как представляется, Б. Н. Чичерин в данном случае обосновывает не что иное, как особую самостоятельную социально-правовую ценность – коллективное благо союза в одном из четырех его проявлений, выраженное в равенстве между индивидами.

В. С. Соловьев также обращался в своих трудах к традиционным для русской философии права нравственно-правовым категориям «правда», «свобода», «справедливость», «равенство» и т. д. Однако он, в отличие от ряда других мыслителей своего времени, воспринимает свободу и равенство людей не как имеющий место жизненный факт, и даже не как достижимую в ближайшем будущем реальную цель права. Провозглашенные и соблюдаемые свобода и равенство лиц являются условиями существования права, причем только в сочетании друг с другом. Так, философом была сформулирована следующая мысль: «Право есть свобода, обусловленная равенством. В этом основном определении права индивидуалистическое начало свободы неразрывно связано с общественным началом равенства, так что можно сказать, что право есть не что иное, как синтез свободы и равенства» [4, с. 531–532]. Равенство, являя собой, по сути, ограничение индивидуальных свобод, должно иметь нравственное содержание, и только так в праве может быть отражена справедливость, которая в юридическом законе, в отличие от высшего нравственного закона, может быть реализована посредством принуждения. Следовательно, личная свобода – свобода индивида в обществе, является важной и неотъемлемой правовой ценностью.

Считаем необходимым отметить, что в работах В. С. Соловьева, как и у большинства его современников, практически не используется понятие «ценности», равно как и обращение к понятию «интересы» не является системным. Поэтому читателю, изучающему его творческое наследие, бывает сложно провести грань между их содержанием. Так, личная свобода и общественное благо в отдельных эпизодах рассуждений автора описываются как две особо значимые ценности.

В то же время автор зачастую рассматривает их как лежащие в сфере нравственности интересы, равновесие которых определяет саму сущность права, при этом обуздание частного произвола в сфере собственности в пользу общего блага должно выступать в качестве принципа права. «Требование личной свободы предполагает – для собственного своего осуществления – стеснение свободы в той мере, в какой она при данном состоянии человечества несовместима с бытием общества или общим благом. Эти два интереса – индивидуальной свободы и общественного благосостояния – противоположные для отвлеченной мысли, но одинаково обязательные нравственно, в действительности сходятся между собою. Из их встречи рождается право» [4, с. 546].

Полагаем, что мысль ученого о влиянии общества на личную свободу индивида является истинной, поскольку настоящей идиллии между данными ценностями достичь очень сложно. Это объяснимо большим расхождением в понимании правовой действительности.

И. В. Першина полагает, что для В. С. Соловьева ближе категория «интерес». «Рассматривая право в его отношении к нравственности, ... В. С. Соловьев формулирует право, как исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага. Равновесие указанных интересов составляет, по его мнению, сущность права», – пишет она [5, с. 369].

П. А. Сорокин, не используя активно в своих философско-правовых рассуждениях понятия «ценности», в действительности о них и говорил. В его теории правового прогресса как «закона развития права» в качестве важнейших были выделены такие критерии прогресса, как количественный и качественный рост солидарности, альтруизм и социально-благожелательное поведение: что на самом деле и есть коллективистские ценности права.

Также П. А. Сорокин наравне с ценностями уделяет особое внимание понятию интерес. При этом ученый рассматривает интересы общества в сфере права: «Право идеального общества – это право, отданное на служение личности и интересам ее развития. Верховной ценностью идеального общества является человеческая личность, ее благо и ее интересы» [6, с. 192]. Права и интересы развития личности («самоценность личности») анализируются им в органической взаимосвязи с не меньшими по значимости общественными приоритетами. Это прежде всего равноправие, правовое и моральное равенство всех личностей, которое и обеспечивает правовую оценку личности как самой ценности. «Только равноправные личности могут быть равноценными. Только равноценные личности могут быть самоценными», – утверждает философ. Альтруизм, социальная солидарность и порождаемое ими социально-благожелательное поведение выступают как правовые поведенческие идеалы [6, с. 193]. Из этого следует, что правовые поведенческие идеалы в обществе выражены в интересах каждого человека, имеющих законодательное закрепление.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что в исследуемый исторический период вводится категория «интерес», которую ученые также раскрывают в правовом контексте. В трудах Л. И. Петражицкого предпочтение отдавалось категории интересов, причем зачастую в негативном смысле. Отрицались те значения, которые признавали за этой категорией его коллеги-современники. Постоянно обращаясь к данной категории, в частности, анализируя интересы в утилитарном смысле, в качестве критерия деления права на частное и публичное, основатель психологической теории правопонимания писал, что базирование теории права на представлении об «интересах» влечет за собой теоретические ошибки. «Право и нравственность регулируют не «интересы», а поведение» [5, с. 271]. Поэтому, по мнению ученого, использование в качестве элемента определения существа права словосочетания «защита интересов» страдает научным недостатком, заключающимся в том, что «оно не представляет точной формулировки научно определенных положений и понятий, а является в значительной степени сочетанием метафор, выражающим и вызывающим довольно неясные и неопределенные представления» [7, с. 249].

Что касается явления ценностей, то оно теряется в сплетении рассуждений об этическом сознании и эмоциях, об интуитивном праве, о соотношении императивных (нравственных) и императивно-атрибутивных (правовых) норм, и о других психологических аспектах права. Даже справедливость, которую другие авторы в большинстве своем представляют как ценность, имеющую подтвержденную историей объективность, у Л. И. Петражицкого представлена не как объективная данность, а как одно из переживаний, составляющих «интуитивное право». При этом ученый отмечает,

что «справедливость отличается индивидуальной изменчивостью по содержанию, имеет различное содержание у разных классов людей и индивидов» [7, с. 407].

В палитре отечественной политико-правовой мысли можно выделить и такие воззрения, в рамках которых среди социально-правовых ценностей первого порядка выделяются не те из них, которые имеют нравственно-этические, философские начала, а те, которые можно отнести к «собственно юридическим ценностям». Так, С. А. Муромцев в рамках либеральной социологической школы права рассматривал в качестве главной правовой ценности – правопорядок, который, по сути, и являет собой право (имея в виду правопорядок как устойчивую прогрессивную совокупность юридических отношений). Тем самым автор прямо отмечает категорию «правовые ценности», которая занимает особое место в юридической сфере. Однако автор не оставлял без внимания и категорию «интерес», представляя само право, как защищенный государством интерес [8]. Эта версия в разных интерпретациях присутствовала и у других российских теоретиков, социологов и философов права.

Так, Н. М. Коркунов определял право в объективном смысле как «разграничение интересов»: сравнительная оценка противоречащих друг другу интересов имеет нравственные начала, а поведенческие правила, в которых воплощается в итоге эта оценка, то есть нормы разграничения интересов, определяющие границу между правом и неправом, это и есть юридические нормы [9, с. 110].

Г. Ф. Шершеневич, будучи представителем правовой цивилистики, рассматривал интересы по большей части в связи с субъективным правом, которое он определял как очерченную объективным правом возможность осуществления интереса [10, с. 57].

Е. Н. Трубецкой критиковал идеи и С. А. Муромцева, и Н. М. Коркунова, и Л. И. Петражицкого, пытаясь при этом ответить на главный, по его мнению, вопрос: насколько полно возможны реализация нравственных начал в праве и достижение соответствия правовых норм вечному закону добра? Здесь можно увидеть очередной переход от интересов как первоочередной категории к ценностному ряду религиозно-нравственного направления русской философско-правовой мысли: существуют изначальные объективные ценности, обуславливающие возникновение и развитие права – это красота, истина, добро. При этом достижение индивидуумом своего личного блага, лежащего в системе координат этих непреложных ценностей, возможно только через участие в социуме, через союз с себе подобными. Поэтому социальным благом является солидарность между людьми, и наоборот, злом являются разъединение и раздор. В обеспечении добра и борьбе со злом заключается миссия права, идеальное содержание которого определяется требованиями нравственности. Вместе с тем автор четко разграничивает право и нравственность как взаимосвязанные между собой, но далеко не совпадающие явления, и дает близкое позитивизму определение: «право есть внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой» [11, с. 40].

Таким образом, современные представления о правовых ценностях и об интересах в праве во многом формировались в дореволюционный период, явились продуктом научных споров, в ходе которых была обозначена система либеральных ценностей под углом зрения соотношения и взаимосвязей между нравственностью и правом. Помимо процитированных авторов, содержание научных представлений о социально-правовых ценностях и об интересах в праве было насыщено в результате научных изысканий П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, С. И. Гессена,

Ф. В. Тарановского, А. С. Яценко и многих других выдающихся мыслителей. Современный исследователь Д. В. Шепелев, рассмотрев их в сравнительном аспекте, делает вывод о том, что некоторые авторы «интерес рассматривали как детерминирующий право фактор. В отдельных концепциях он возводился в ранг сущностной характеристики». Наконец, отдельные ученые «критически относились к теории интереса» [12, с. 186–187].

Соотношение рассматриваемых явлений – правовые ценности и правовые интересы – верно отразил в своих трудах Н. Н. Алексеев (уже прямо оперируя понятием «ценности»). По мнению этого представителя русской школы философии права, интерес представляет собой жизненное проявление ценностного значения. «Интерес является моментом права, причем не права положительного, но известной части правовой структуры, именно правовых ценностей». И далее: «Чтобы сформулировать производные понятия, вытекающие из идеи справедливости и с ней связанные, нужно освободить ... понятия эгоизма, свободы, равенства и интереса от их узколичного характера. Зерно истины, в них заключающееся, может быть отыскано только тогда, когда содержание их будет расширено до способности выражать не только существо личной ценности, но вообще всех возможных ценностей и благ. И, в частности, идея права вовсе не предполагает свободу лица – внутреннюю и внешнюю, как иногда утверждают, – но множество родов ценностей и, следовательно, множественность путей их реализации» [13, с. 411]. Таким образом, необходимую предпосылку идеи права составляет ценностный плюрализм. Как правильно отмечает М. Ю. Загирняк, основой философии права Н. Н. Алексеева является принцип тематизации социальной действительности посредством ценностей, при этом ценность – это основа формирования, как права, так и нравственности [14].

В приведенной обширной цитате Н. Н. Алексеева заключено, помимо прочего, главное отличие отечественной шкалы правовых ценностей от европейской (а затем и североамериканской). Оно заключается в том, что считающаяся там (на «западе») абсолютной и первой среди главных ценностей «права и свободы личности» в российской правовой системе, правосознании и правовой традиции никогда не имела такого первостепенного значения, хотя никогда полностью и не отрицалась. Однако общественный долг, соборный коллективизм («чувство локтя», взаимопомощь, коллективная праведность и совместное решение общих дел), справедливость, достигаемая через социальный компромисс, всегда преобладали в ценностной иерархии россиян по отношению к индивидуалистическим европейским ценностям. Так, в философии права того же Н. Н. Алексеева в качестве конечного идеала правового развития рассматривается некое «установленное право», которому предстоит заместить право объективное. «Установленное право» формируется на основе общенародного правосознания, зиждется на религиозно-нравственных идеях. Индивид в рамках «установленного права» существует как воплощение и как единица общественного целого, в чем и заключается цель, долг и право гражданина.

Эти идеи не только сформулированы в трудах российских философов, социологов и теоретиков права, но и нашли свое отражение и закрепление в актах законодательства, причем как в публично-правовой, так и в частно-правовой сфере.

Следует отметить, что на известном историческом изломе, после 1991–1993 гг. и на протяжении нескольких лет после, российская официальная политико-правовая доктрина усиленно пыталась скопировать и привнести в нашу правовую систему «западные либерально-демократические ценности», воспринимая их как некую априорную жизненную истину. Соответственно, главной ценностью были объявлены права и

свободы личности, что нашло свое выражение среди основ конституционного строя – в ст. 2 Конституции Российской Федерации.

М. А. Мушинский, охарактеризовав настроения того периода как «романтика конституционализма» в целом, обоснованно утверждает, что «прежняя напыщенная либеральная риторика с очевидностью требует пересмотра». «За истекшие 25 лет, – пишет автор, – произошла известная переоценка ценностей, и те концепты, которые ранее казались незыблемыми и очевидными, с позиций сегодняшнего дня воспринимаются иначе. ... дальнейшая эволюция российского конституционализма должна быть реалистичной, основанной на практике конституционного строительства, эмпирически обоснованной [15, с. 64]. Это утверждение справедливо, на наш взгляд, с точки зрения калибровки по отношению друг к другу ценностей личностных и ценностей социально-значимых, общественных. Вторые, исходя из российской социально-правовой традиции, имеют безусловный приоритет.

Примерно к такому же выводу приходят А. В. Краснов и А. В. Скоробогатов, попытавшиеся составить перечень фундаментальных правовых ценностей российского общества дореволюционного периода, которые, по мнению авторов, отчасти были восприняты и в советский период. К ним «можно было отнести коллективизм (соборность), достоинство, гармонию, справедливость, общественную цель, долженствование, подчинение авторитету, вертикальный перенос ответственности» [16, с. 140].

Таким образом, излишне интенсивное и масштабное внедрение в начале 1990-х гг. в отечественные официальную правовую доктрину и в законодательство, в том числе в Конституцию Российской Федерации, «западных» ценностей, следует признать аксиологическим дефектом, ошибкой, допущенной в результате игнорирования вековых ценностных традиций российской политической и правовой систем. Поэтому, осуществленная в 2020 г. конституционная реформа направлена, в числе прочего, и на устранение существующих аксиологических перекосов¹. Хотя изменения в первые две главы основного закона не вносились, многие поправки относятся к аксиологической организации российского общества и его правовой системы, к сочетанию ценностей и интересов в социально-экономической, политической, экологической и иных сферах. Прежде всего в этом контексте выделяется новая ст. 75¹ Конституции Российской Федерации, в которой слово «ценность» не используется, но, по существу, определяется целый ряд ценностей и их взаимосвязь между собой. В том числе это социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Со стороны личности эти ценности обеспечиваются наличием у нее не только прав и свобод, но и обязанностей перед другими личностями, обществом и государством. Провозглашенный в этом конституционном положении принцип сбалансированности прав и обязанностей гражданина призван обеспечить реальное достижение социального партнерства и солидарности как ценностей.

Считаем важным также отметить, что Россия была и остается огромным по территории государством, многонациональным, многоконфессиональным и экономически многоукладным. На формирование ценностей огромное влияние оказывает религия, преобладающая у населения определенной части страны, а также преимущественный род занятий, традиционный жизненный уклад, род занятий и иные факторы. Ценностные приоритеты в разных регионах государства, у разных народов и представителей разных страт, социальных групп, конфессий, значительно отличаются друг

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

от друга. Поэтому перед российским законодателем всегда стояла задача аксиологического согласования правового регулирования, поиска компромиссных правовых решений, позволяющих обеспечить все фактически сложившиеся на территории государства социально-правовые ценности. Одним из примеров является законодательство о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Еще один важный аспект заключается в том, что из всех явлений правовой действительности социально-правовые ценности являются явлением наиболее объективным из-за своей социально-исторической обусловленности, онтологической сущности. Они складываются исторически, естественным путем, и имеют объективный характер. В отличие от этого выбор правовых приоритетов и отражение их в законодательстве – задача политиков, процесс субъективный и ситуативный [17]. Как видится, именно юридической науке отводится роль связующего звена между ними: ученые должны убедительно довести до политиков, до законодателя, объективно существующую иерархию ценностей для того, чтобы они правильно выстроили систему целей и законодательных приоритетов. К сожалению, это получается не всегда, особенно если сами складывавшиеся столетиями ценности начинают трансформироваться.

В частности, в настоящее время ценности трансформируются в условиях формирования нового информационно-технологического общества и процесса глобализации. «Глобалистские трансгуманистические идеи строятся на искусственно созданной PR-технологиями переоценке общественных взглядов, ценностей по отношению к противозаконным институтам, чуждым современному цивилизационному обществу» [18, с. 59]. Цели, которые заявляют трансгуманисты, и ценности, на которые эти цели опираются, и которые они пытаются пролоббировать в опоре на правотворчество, не могут не вызывать настороженности. В гуманитарной области это, например, идеи, связанные с созданием сверхчеловека, с трансгенными мутациями, трансгендерным строительством организма человека, эвтаназией без медицинских показаний с крео-ническими экспериментами, идеи бездетности и предпочтительности искусственного зачатия, и т.п. Не менее «смелые» ценности формулируют и лоббируют в право трансгуманисты и в социальной, и в политической, и в экономической областях.

Логика моральных дозволений и запретов в сфере взаимоотношения полов всегда отражала историческую тенденцию к установлению внутри социума долгосрочного, перспективного контроля над данной сферой с тем, чтобы обеспечивать лучшие условия для биологического, психологического и социального выживания человека в группе и самой ее как межличностной социальной целостности. В современной европейской социальной действительности дозволения и запреты в сфере сексуальных отношений стерты, уничтожены в правовой аксиосфере посредством внедрения в юридическое регулирование глобалистической транс-либертанной идеи о сексуальной свободе как элементе «незыблемых» прав и свобод личности. Право в сложившихся условиях явилось инструментом для юридического закрепления неестественных прав в мире. Протиестественное начало взяло вверх над правом и победило его нравственные начала, создало образ псевдонравственности в защите лиц, реализовавших свое право на самоопределение пола [18, с. 59]. Как представляется, эта сегодняшняя ситуация – яркий пример формирования «обратной стороны» права, «неправа» или «негативного права», успешные попытки исследования которого неоднократно осуществлялись отечественными учеными [19; 20; 21].

Таким образом, формирующиеся тысячелетиями на базе народного менталитета, фундаментальные для конкретного общества ценности являются неизменными и незыблемыми. На практике возможен лишь корректирующий, частичный, постепенный и деликатный пересмотр их сущности с учетом кардинальных исторических изменений

в обществе, в его аксиосфере. Однако наряду с ценностной сферой интересы людей также учитывались и являлись одной из основных элементов правового регулирования в демократическом государстве. Любые попытки искусственной, «упреждающей» модернизации аксиосферы общества, навязывания ценностей, их подгонки под общественные потребности, «правильные» с точки зрения тех или иных социальных и политических сил, вредны и деструктивны. В связи с тем, что подобные попытки в России в последнее столетие предпринимались, сейчас есть необходимость вернуться к «корням», провести теоретико-правовую и философско-правовую инвентаризацию выраженного в нашем законодательстве ценностного ряда и аксиологического потенциала, в том числе путем обращения к «классикам» правовой мысли XIX – нач. XX вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник. М.: Норма, 2008. 848 с.
2. Соловьев В. С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 1996. 656 с.
3. Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерева, 1900. 344 с.
4. Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Собрание сочинений. Второе издание. Том восьмой. СПб.: Книгоиздательское товарищество Просвещение, 1914. 763 с.
5. Першина И. В. Проблема интереса в отечественном правоведении: история возникновения и преемственность в развитии // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 368–372.
6. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль : издание Ярославского кредитного союза кооперативов, 1919. – 236 с.
7. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
8. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: Юрайт, 2018. 170 с.
9. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 428 с.
10. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.
11. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
12. Шепелев Д. В. Дореволюционная российская правовая доктрина о категории «интерес» // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 177–187.
13. Алексеев Н. Н. Основы философии права // Русская философия права. Антология / Сост.: А. П. Альбов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Алетейя, 1999. 438 с.
14. Загирняк М. Ю. Неокантианская и феноменологическая аксиология в философии права Н.Н. Алексеева // Кантовский сборник. 2016. № 3. С. 87–96.
15. Мушинский М. А. О соотношении доктрин правового и социального государства и их реализации в российской политико-правовой практике в контексте современных социальных и политических перемен // Теория государства и права. 2019. № 1 (13). С. 62–70.
16. Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Правовая ценность в России: теоретико-правовой и ретроспективный анализ // Genesis: исторические исследования. 2017. № 3. С. 126–143.
17. Морозова Л. А. Роль правовых приоритетов в формировании стратегии законотворчества в России // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 485–487.

18. Воробьев С. М., Комаров С. А. Нивелирование трансгуманистических идей правом: теоретико-правовой анализ // Теория государства и права. 2020. № 2. С. 52–63.
19. Баранов В. М. Теневое право // Баранов В. М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды : монография. М.: Юстиция, 2017. 586 с.
20. Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реальность // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.
21. Мушинский М. А. «Изнанка» гражданского общества. Часть 2. Отдельные элементы и их научное познание // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 23–41.

REFERENCES

1. Nersesyants V. S. Philosophy of law. Moscow, Norma, 2008, 848 p.
2. Solovyov V. S. Justification of the good / Ed. ed. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization; Algorithm, 1996, 656 p.
3. Chicherin B.N. Philosophy of law. Moscow, 1900, 344 p.
4. Solovyov V. S. Law and morality. Essays on Applied Ethics, Collected Works. Second edition. Vol.8. - St. Petersburg, Publishing Association of Enlightenment, 1914, 763 p.
5. Pershina I. V. The problem of interest in domestic jurisprudence: the history of occurrence and continuity in development. Legal Technique. 2011, no. 5, pp. 368-372.
6. Sorokin P. A. Elementary textbook of the general theory of law in connection with the theory of the state. Yaroslavl, 1919, 236 p.
7. Petrazhitsky L. I. Theory of law and state in connection with the theory of morality. St. Petersburg, 2000, 608 p.
8. Muromtsev S. A. Definition and basic division of law. Moscow, 2018, 170 p.
9. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg, Legal Center Press, 2003, 428 p.
10. Shershenevich G. F. Textbook of Russian civil law (according to the edition of 1907). Moscow, SPARK, 1995, 556 p.
11. Trubetskoy E. N. Encyclopedia of Law. St. Petersburg, Lan, 1999, 224 p.
12. Shepelev D.V. Pre-revolutionary Russian legal doctrine about the category of "interest". Historical and legal problems: a new perspective. 2012, no. 5, pp. 177–187.
13. Alekseev N. N. Fundamentals of the philosophy of law. Russian philosophy of law. Anthology. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Aletheia, 1999, 438 p.
14. Zagirnyak M. Yu. Neo-Kantian and phenomenological axiology in the philosophy of law N.N. Alekseev. Kant's collection. 2016, no. 3, pp. 87–96.
15. Mushinsky M. A. On the relationship between the doctrines of the legal and social state and their implementation in Russian political and legal practice in the context of modern social and political changes. Theory of State and Law. 2019, no. 1 (13), pp. 62–70.
16. Krasnov A. V., Skorobogatov A. V. Legal value in Russia: theoretical-legal and retrospective analysis. Genesis: historical research. 2017, no. 3, pp. 126–143.
17. Morozova L. A. The role of legal priorities in shaping the strategy of lawmaking in Russia. Legal Technique. 2015, no. 9, pp. 485–487.
18. Vorobyov S. M., Komarov S. A. Leveling of transhumanistic ideas by law: theoretical and legal analysis. Theory of State and Law. 2020, no. 2, pp. 52–63.
19. Baranov V. M. Shadow law. Essays on the technique of law-creation. Selected works: monograph. Moscow, Justice, 2017, 586 p.
20. Bachinin V. A. Wrong (negative law) as a category and social reality. State and Law. 2001, no. 5, pp. 14–20.

21. Mushinsky M. A. "Inside out" of civil society. Part 2. Separate elements and their scientific knowledge. Social competence. 2017, Vol. 2, no. 4, pp. 23–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврюшкин Константин Артемович, преподаватель кафедры физической подготовки. Адъюнкт заочной формы обучения адъюнктуры. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavryushkin Konstantin Artemovich, Lecturer of the Department Physical Training. Postgraduate student. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Russia, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 22–32.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 22–32.

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.48.61.002

Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.)

Россинский Сергей Борисович¹, Грибунов Олег Павлович²

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com.

²Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации», Иркутск, Российская Федерация, gribunov@mail.ru.

Введение: целью исследования стало изучение истории становления трибунальной юстиции (1917–1922 гг.). Тема исследования актуальна, важно учитывать исторический опыт прошлых лет в процессе создания судебной системы в современной России, так как многие несовершенства в этой сфере уходят корнями в период революции и гражданской войны, помогают избежать повторения ошибок прошлых лет.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались общенаучные методы (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание) и специальные методы юридической науки, в том числе историко-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования: позволили раскрыть процесс становления и развития трибунальной юстиции, дают представления об истории создания и деятельности революционного правосудия в Советской России.

Выводы и заключения: изучена нормативно-правовая база, связанная с функционированием трибунальной юстиции в Советской России, проанализированы взаимоотношения революционных трибуналов и органов власти, рассмотрены основные направления деятельности революционных трибуналов.

Ключевые слова: трибунальная юстиция, суд, судебная система, революционные трибуналы, Декрет о суде.

Для цитирования: Россинский С. Б., Грибунов О. П. Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 22–32.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.48.61.002

Original article

TRIBUNAL JUSTICE IN THE FIRST YEARS OF
SOVIET POWER (1917-1922)Sergei B. Rossinsky¹, Oleg P. Gribunov²¹Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, s.rossinskiy@gmail.com.²Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation», Irkutsk, Russian Federation, gribunov@mail.ru.

Introduction: the aim of the research was to study the history of the establishment of tribunal justice (1917-1922). The theme of research is relevant, it is important to take into account the historical experience of the past years in the process of creation of the judicial system in modern Russia, as many imperfections in this sphere have their roots in the period of revolution and civil war, help to avoid repeating the mistakes of the past years.

Materials and methods: general scientific methods (analysis, observation, generalization, comparison, description) and special methods of legal science, including historical-legal and formal-legal, were used in the preparation of the article.

The Results of the study: allowed to reveal the process of formation and development of the tribunal justice, give an idea of the history of the creation and activity of the revolutionary law in Soviet Russia.

Findings and Conclusions: the legal framework related to the functioning of tribunal justice in Soviet Russia was studied, the relationship between revolutionary tribunals and the authorities was analysed, and the main activities of the revolutionary tribunals were examined.

Keywords: tribunal justice, court, judicial system, revolutionary tribunals, Decree on the court.

For citation: Rossinsky S. B., Gribunov O. P. Tribunal'naja justicija v pervye gody sovetskoj vlasti (1917–1922 gg.) [Tribunal justice in the first years of Soviet power (1917-1922)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no 4 (103), pp. 22–32.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.48.61.002

Национальная система уголовной юстиции в современном понимании этого феномена начала складываться во второй половине XIX в. – после известной судебной реформы 1864 г., послужившей импульсом для постепенного развития судостроительных и судопроизводственных институций, свойственных для буржуазных европейских государств и их многочисленных колоний. Причем, ввиду целого ряда объективных и достаточно понятных любому историку факторов, эти процессы были подтверждены сильному влиянию романо-германской публично-правовой доктрины Нового времени. В частности, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства Российской империи² дореволюционные правила предварительного следствия и судебного разбирательства предполагали весьма высокую степень преемственности по отношению к классической «наполеоновской» модели уголовного правосудия,

² «Устав уголовного судопроизводства» Российской Империи от 20 ноября 1864 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 20.01.2022)

возникшей на рубеже XIII – XIX вв. и впервые легализованной во французском Кодексе уголовного следствия (*Code d'instruction criminelle*) 1808 г.³

Так, предварительное следствие (досудебное производство) находилось в ведении судебных следователей, осуществляющих полномочия при помощи полиции и под надзором прокуратуры (как тогда говорили, «под наблюдением прокуроров и их товарищей»), а судебное производство – в ведении судов различных уровней: волостных и окружных, судебных палат и Сената, выполняющего функции высшей судебной инстанции по уголовным и гражданским делам.

Между тем революционные потрясения 1917 г. привели к глобальным изменениям всей системы государственного управления, неизбежно затронувшим и организацию уголовной юстиции, и правила реализации соответствующих полномочий в сфере расследования и судебного разбирательства уголовных дел. В силу продолжавшегося в течение нескольких последующих лет организационно-правового хаоса первые попытки реформирования уголовной юстиции носили весьма импульсивный, экстренный характер и во многом были обусловлены стремлением скорейшей ликвидации, как представлялось советскому правительству, «архаичных» механизмов судопроизводства, судебных и правоохранительных органов Российской империи и максимально быстрого, оперативного создания временной системы судебно-следственной власти, обеспечивающей возможность эффективной защиты завоеваний революции, осуществления уголовной репрессии в условиях политической нестабильности и построения новой государственности.

Несомненно, что одна из причин указанных реформ предполагала сугубо идеологическую основу – была связана с известными революционными идеями и лозунгами об абсолютной неприемлемости дальнейшего сохранения «не отвечающей интересам народа», «загнивающей», «эксплуататорской», неоднократно скомпрометировавшей себя в части уголовного преследования революционеров царской системы уголовной юстиции. Подобные позиции неоднократно высказывались основателями советского государства, например, были озвучены В. И. Лениным на прошедшем в январе 1918 г. III Всероссийском съезде Советов. Мотивируя решение большевиков, «не реформируя старый суд, сразу отдать его на слом», докладчик говорил, что «этим была расчищена дорога для настоящего народного суда, превратившегося из слепого орудия беспощадной эксплуатации трудящихся и защиты интересов денежного мешка в орудие воспитания на прочных основах социалистического общества» [6, с. 270]. Такие же объяснения вполне ожидаемо встречаются и в целом ряде публикаций, посвященных образованию судебных и правоохранительных органов РСФСР, советских ученых-процессуалистов [1, с. 104].

При более глубоком погружении в историю возникновения раннесоветской юстиции указанная причина начинает представляться далеко не определяющей проведе-

³ Ввиду известных причин, позволивших Франции на рубеже XVIII–XIX вв. занять лидирующие позиции в континентальной Европе, ее самая прогрессивная на тот момент правовая система, в частности система уголовной юстиции, вообще оказала очень сильное влияние на формирование и последующее развитие европейского законодательства. Наполеоновский кодекс уголовного следствия оказался настолько удачным, настолько хорошо гармонизировался с возникшей во второй половине XVIII в. континентальной (романо-германской) уголовно-правовой доктриной, в том числе с концептуальными идеями Чезаре Беккариа, что, помимо Франции, был принят «на вооружение» и в других странах, а в некоторых (например, в Бельгии или Люксембурге) с учетом ряда изменений используется по сей день.

ние столь поспешных и кардинальных преобразований. По крайней мере, многие доступные на сегодняшний день источники свидетельствуют, что вопросы реформирования системы судопроизводства и судебно-следственных органов вообще не входили в перечень первостепенных задач построения советской государственности. В частности, некоторые известные юристы – непосредственные участники и очевидцы тех событий писали о наблюдавшемся в конце октября – начале ноября 1917 г. достаточно равнодушном отношении нового политического руководства страны к необходимости каких-либо серьезных изменений в данном сегменте государственного управления [12, с. 16]. Тем более, что в сформированном после революции преимущественно большевистском правительстве – Совете народных комиссаров (Совнарком) «портфель» юстиции в силу известных договоренностей был обещан представителю партии левых социалистов-революционеров (эсеров), поэтому В. И. Ленин и его соратники вообще изначально не намеревались проводить в этом направлении никаких поспешных преобразований [12, с. 1]. К тому же и в самих программных документах СРДРП(б) подобные задачи были сформулированы в самом общем, не подразумевающем конкретики виде: говорилось лишь о праве каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника, а также о необходимости обеспечения выборности судей народом [9, с. 9]. По оценкам одного из ученых-правоведов послереволюционного периода, впоследствии репрессированного В. С. Ундревича, в первое время большевики сами признавали слабую проработанность вопросов роли и значения права и суда в пролетарской революции [13, с. 60].

Поэтому, по всей вероятности, имелась и еще одна веская причина, предопределившая необходимость реорганизации царской уголовной юстиции, – практически полное разложение существовавшей ранее системы судебно-следственных и правоохранительных органов, обусловившее утрату должной работоспособности, возможности надлежащего осуществления возложенных на нее функций. В частности, в конце октября – начале ноября 1917 г. советское правительство столкнулась с неожиданной проблемой – абсолютным игнорированием «служителями Фемиды» новых политических реалий, а иногда и явным пренебрежением этими обстоятельствами.

Еще целый месяц после революции – утверждал известный юрист того времени Ф. М. Нахимсон – суды продолжали работать, руководствуясь буржуазным законодательством, постановляя приговоры именем временного правительства [8, с. 28]. В свою очередь, один из основателей раннесоветской системы уголовной юстиции Д. И. Курский, вспоминая обстоятельства формирования новых судебно-следственных органов в г. Москве, писал о возникшем еще в период работы временного правительства и усилившемся после октябрьской революции нежелании многих царских судебных чиновников надлежаще исполнить свои служебные обязанности, в том числе о явном саботаже с их стороны [3, с. 4]. По мнению П. И. Стучки, суд казался чем-то посторонним, фактически продолжающим открыто и легально агитировать за свергнутую власть, против сторонников которой тут же велась вооруженная борьба [11, с. 1]. Одновременно начался и массовый отток с государственной службы опытных судей, следователей, прокуроров, приведший к кадровому голоду из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных юристов, желающих сотрудничать с советской властью и способных справиться с нарастающим объемом уголовных и квазиуголовных дел.

При таких обстоятельствах возникла объективная потребность в принятии ряда экстренных мер, связанных с упразднением прежней и формированием новой советской системы судебных органов, а, следовательно, и существенным реформировани-

ем механизмов судопроизводства, выявления, раскрытия и расследования преступлений. Так, вопрос о необходимости принятия специального «судебного» декрета впервые попал в повестку советского правительства в начале ноября 1917 г. А уже 10 (23) ноября проект документа в первоначальной редакции был оглашен народным комиссаром юстиции П. И. Стучкой на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В тот же день была опубликована статья П. И. Стучки «Классовый или демократический суд», где автор раскрывал основные положения готовящегося «судебного» декрета, предполагавшего кардинальные преобразования основ правосудия и системы судебных органов [7, с. 10]. Дальнейшая работа с проектом документа проходила в условиях бурной полемики и ожесточенной борьбы между представителями двух основных политических сил: большевиков и левых эсеров [5, с. 58].

Подготовленный правовой акт, названный Декретом о суде⁴ и вошедший в историю государства и права как Декрет о суде № 1, был принят на заседании Совнаркома 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Декретом полностью упразднялись суды, судебные следователи, прокуратура, присяжная и частная адвокатура. Взамен учреждались местные и соответствующие военные (фронтовые) суды, а в части образования иных судебных органов указывалось лишь на перспективные планы урегулирования этих вопросов отдельным декретом.

Для защиты завоеваний революции и борьбы с различными проявлениями контрреволюционного поведения, в том числе мародерством, хищениями имущества (хищничеством) саботажем, иными злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и др., учреждались первые чрезвычайные суды – так называемые рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Одновременно на базе трибуналов предполагалось создание особых следственных комиссий, которым предписывалось осуществлять предварительное следствие по подсудным им уголовным делам.

В силу понятных причин Декрет о суде № 1 являлся не более чем экстренной мерой, принятой советским правительством в целях срочного упразднения старой и оперативного формирования временной, как бы переходной системы судебно-следственных органов революционного типа, то есть был рассчитан на весьма непродолжительный период действия [10, с. 160]. Тем более, что его положения носили самый общий характер и прямо предполагали потребность в последующей конкретизации в других нормативных правовых актах. Поэтому уже через несколько недель его содержание стало дополняться и корректироваться посредством издания еще целого ряда подобных документов.

Так, в декабре 1917 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР (Наркомюстом) была утверждена специальная Инструкция, определяющая состав, полномочия и порядок работы революционных трибуналов [4]. К указанному времени вопросы юстиции практически полностью перешли под контроль левых эсеров, в связи с чем Инструкция во многом отразила не столько большевистский, сколько левозэсеровский подход, подразумевающий максимально возможную преемственность новой модели судостроительства и судопроизводства по отношению к дореволюционной системе, но с учетом новых общественно-политических реалий.

⁴ О суде: Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 20.01.2022).

И хотя Инструкция имела весьма ограниченную сферу применения – касалась лишь производства в чрезвычайных судах, ее принятие стало важным шагом на пути формирования раннесоветской системы уголовной юстиции. По сути, это был первый правовой акт советской власти, более или менее ясно определяющий порядок расследования и судебного разбирательства отдельных категорий уголовных дел. В частности, в Инструкции устанавливалась подсудность уголовных дел революционным трибуналам; более четко определялся их состав (один постоянный председатель, два постоянных заместителя, один постоянный секретарь, два его заместителя и сорок поочередно участвующих заседателей в количестве шести основных и одного либо двух запасных на каждую сессию), а также закреплялись правила избрания указанных лиц, сроки наделения их полномочиями и продолжительность проведения судебных сессий.

Кроме того, Инструкцией предусматривался перечень поводов к возбуждению уголовных дел, более или менее четко определялся порядок работы следственных комиссий, устанавливались условия судебного разбирательства: публичность (гласность); участие обвинителей и защитников, обязательное ведение стенографического протокола. Предусматривалась и особая форма привлечения общественности к осуществлению правосудия – при революционном трибунале могла учреждаться коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты. В соответствии с Инструкцией приговоры революционных трибуналов надлежало постановлять по большинству голосов членов коллегии. По общему правилу такие решения считались окончательными и обжалованию не подлежали. Вместе с тем в случае нарушения установленного порядка судопроизводства либо выявления признаков явной несправедливости приговора Наркомюсту позволялось обратиться во ВЦИК с предложением назначить повторное и окончательное рассмотрение дела.

Дальнейшие преобразования в сфере трибунальной юстиции начались через несколько месяцев. Так, 4 мая 1918 г. Совнаркомом был принят еще один декрет⁵, вносивший некоторые изменения и дополнения в организацию и порядок работы революционных трибуналов. В частности, советское правительство признало целесообразным сохранить указанные чрезвычайные суды только в столицах, крупных городах (губернских и промышленных центрах) и на узловых станциях, а все остальные местные и армейские трибуналы было решено упразднить с передачей находящихся в их производстве дел в ближайшие трибуналы. Кроме того, некоторый коррективке подверглись правила трибунальной подсудности. При каждом трибунале предписывалось создать коллегия обвинителей, состоящую не менее чем из трех избираемых местными Советами членов. В ее обязанности вменялось: а) делегирование своих членов для участия в заседаниях следственных комиссий по вопросам о предании уголовных дел революционным трибуналам; б) формулирование письменных заключений по вопросам подсудности и полноты проведенных следствий; в) внесение предложений о выдвижении обвинений в отношении лиц, подозреваемых в совершении контрреволюционных деяний; г) формулирование самих обвинительных тезисов по каждому уголовному делу при его назначении к слушанию; д) поддержание публичного обвинения в судебных заседаниях. Одновременно были внесены изменения в правила работы следственных комиссий.

В целях кассационного рассмотрения жалоб и протестов на приговоры местных революционных трибуналов в июне 1918 г. при ВЦИК был учрежден специальный кас-

⁵ Декрет СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. № 471 «О Революционных Трибуналах» // Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/29504> (дата обращения 20.01.2022)

сационный отдел в составе председателя и двух постоянных членов⁶. Одновременно устанавливался и сам кассационный порядок рассмотрения уголовных дел, в целом сводящийся к заслушиванию доклада представителя специально образованной центральной обвинительной коллегии Революционного трибунала при ВЦИК и соответствующим пояснениям сторон либо их представителей. Кстати, весьма примечательно, что именно данный порядок и предопределил общие подходы к кассационному производству по уголовному делу, в целом используемые вплоть до настоящего времени.

Наряду с этим, 29 мая 1918 г. для производства по особо важным уголовным делам, отнесенным к трибунальной подсудности, был образован высший чрезвычайный судебный орган – Революционный трибунал при ВЦИК в составе председателя и шести членов, избираемых ВЦИК на трёхмесячный срок⁷. При нем учреждались следственная комиссия и вышеупомянутая центральная обвинительная коллегия; последняя наряду с процессуальной ролью выполняла и управленческие функции – обеспечивала координацию и руководство деятельностью коллегий обвинителей местного уровня.

В целом оформление системы трибунальной юстиции было завершено в апреле 1919 г., что нашло отражение в новом Положении о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г.⁸ Документ по-новому определял правила трибунальной подсудности (по признаку политического значения дел о контрреволюционных и иных деяниях, противоречащих завоеваниям революции и направленных на ослабление силы и авторитета советской власти), что предполагало свободу усмотрения в принятии материалов к производству и полностью согласовывалось с чрезвычайным характером указанных судебных органов. Кроме того, устанавливалось право трибунала по собственному усмотрению допускать в процесс обвинителя и защитника, правда, участие первого обуславливало обязательность приглашения последнего. При постановлении приговора предписывалось руководствоваться «исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести».

Для рассмотрения дел в кассационной инстанции при ВЦИК учреждался Кассационный трибунал в составе председателя, двух членов и судьи-докладчика. Кассационное производство надлежало заканчивать в недельный срок, допуская к участию в судебном заседании инициаторов соответствующих жалоб и протестов на приговоры местных трибуналов. А основаниями кассационной отмены предыдущих решений признавались нарушения формы и порядка рассмотрения дела в первой инстанции, а также несоответствие примененных репрессивных мер характеру и степени общественной опасности деяния.

Несколько ранее, в феврале 1919 г. было издано специальное Положение о революционных военных трибуналах⁹, в соответствии с которым образовывался особый чрезвычайный орган военной юстиции в составе председателя и двух членов по назначению Реввоенсовета. К его подсудности относились все воинские и политические преступления, совершаемые представителями высшего командного состава Красной ар-

⁶ Декрет ВЦИК и СНК от 11 июня 1918 г. «Об учреждении кассационного отдела при ВЦИК и о порядке кассации приговоров революционных трибуналов» // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-06-11-2.htm> (дата обращения 20.01.2022).

⁷ Декрет ВЦИК и СНК от 29 мая 1918 г. «Положение о Революционном трибунале при ВЦИК» // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-29-2.htm> (дата обращения 20.01.2022).

⁸ Декрет ВЦИК от 12 апреля 1919 г. «О революционных трибуналах. (Положение)» // Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/35837> (дата обращения 20.01.2022).

⁹ Постановление Реввоенсовета Республики от 4 февраля 1919 г. «О революционных военных трибуналах. (Положение)» // Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/35836> (дата обращения 20.01.2022).

мии. Одновременно учреждались военные трибуналы армий и их отделы (в современной юридической терминологии – постоянные судебные присутствия), также состоящие из председателя и двух членов, и уполномоченные рассматривать аналогичные уголовные дела в отношении нижестоящих военнослужащих в зависимости от их должностного положения. Решения этих трибуналов не подлежали обжалованию и приводились в исполнение в течение 24 часов.

В ноябре 1919 г. было опубликовано новое Положение о военных трибуналах¹⁰, в соответствии с которым к их подсудности стали относиться уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и военнопленными в районах боевых действий и создающих опасность для социалистического строя и завоеваний революции, обороноспособности республики, организации и боеспособности Красной армии. Одновременно допускалась возможность учреждения дополнительных военных трибуналов, наделенных полномочиями трибунала армии, в укрепленных районах. В Положении уделялось достаточно пристальное внимание процессуальным основам работы военных трибуналов: формам участия обвинителей и защитников, поводам для начала производства, порядку рассмотрения дел, в первую очередь собирания и исследования доказательств, правилам постановления и исполнения приговора и т. д.

Ввиду изменений военно-политической обстановки и учреждения целого ряда новых чрезвычайных судов (особого трибунала при ВЧК, военно-железнодорожных трибуналов, комиссий по борьбе с дезертирством т. д.) в марте 1920 г. было принято очередное Положение о революционных трибуналах¹¹, направленное на упорядочение формирования трибунальной юстиции. Оно объявлялось основным законом для всех революционных трибуналов, обуславливающим потребность внесения соответствующих изменений в регламентирующие их деятельность правовые акты; особый трибунал при ВЧК упразднялся.

Положением закреплялись новые подходы к трибунальной подсудности уголовных дел, предполагающие обязательность рассмотрения материалов, поступающих из ВЧК, Наркомюста, НКВД, а также РКП(б), губисполкомов, народных судов и комиссий по борьбе с дезертирством. Кроме того, трибуналам дозволялось непосредственно принимать заявления и сообщения о преступлениях, которые надлежало направлять по подследственности. Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание, что существовавшие ранее трибунальные следственные комиссии упразднялись, а предварительное следствие передавалось в ведение органов ВЧК.

В Положении нашли отражение основные принципы и правила процессуального порядка работы революционных трибуналов. Исходя из смысла содержащихся в нем правовых норм предусматривались две основные формы трибунального судопроизводства: а) развернутая, которая определялась исключительным общественно-политическим значением либо сложностью уголовного дела и предполагала участие сторон, вызов свидетелей и использование прочих технологий, присущих полноценному судебному процессу; б) упрощенная, которая применялась при рассмотрении остальных уголовных дел и сводилась лишь к допросу подсудимого, его выступлению с последним словом, а также к допросам некоторых свидетелей, предварительные показания которых представлялись сомнительными, не заслуживающими доверия [1, с. 222].

¹⁰ Декрет ВЦИК от 27 ноября 1919 г. «Положение о Революционных Военных трибуналах» // Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/38779> (дата обращения 20.01.2022).

¹¹ Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах (Положение)» // Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/41441> (дата обращения 20.01.2022).

Кроме того, в Положении более четко определялись функции Кассационного трибунала: 1) установление единообразия в деятельности всех революционных трибуналов; 2) надзор за этой деятельностью; 3) разрешение процессуальных и других вопросов; 4) рассмотрение кассационных жалоб и протестов по делам, разбираемым в трибуналах. Иными словами, Кассационный трибунал превращался в центральный чрезвычайный суд, осуществляющий общее руководство государственной политикой в сфере трибунальной юстиции. Кстати, несколько позднее был учрежден Верховный трибунал при ВЦИК¹², ставший единым кассационно-надзорным органом для всех действовавших на территории РСФСР трибуналов, а также судом первой инстанции для уголовных дел особой важности [2, с. 31].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно констатировать, что в первые годы советской власти уголовная юстиция развивалась по двум параллельным векторам: «ординарному», предполагающему работу местных и иных народных судов и трибунальному, связанному с деятельностью чрезвычайных судебных органов, рассматривающих уголовные и квазиуголовные дела о деяниях контрреволюционного характера. Последних отличали организацией своего построения, принципами и механизмами осуществления юрисдикционных полномочий. При этом никакого объединяющего общереспубликанского судебного центра не существовало и в силу послереволюционного хаоса, нестабильности государственного управления и целого ряда других объективных факторов существовать не могло.

Однако завершение периода военного коммунизма и переход к новой экономической политике предопределили потребность в кардинальных преобразованиях судостроительства, в коренных изменениях порядка судопроизводства, в постепенном объединении общих (народных) и чрезвычайных судов, в формировании принципиально иных подходов к работе судебных и следственных органов, обеспечивающих возможность централизованного руководства всей системой советской, в том числе уголовной, юстиции. Эти задачи и обусловили необходимость проведения глобальной судебной реформы 1922 г., в ходе проведения которой революционные трибуналы были упразднены, а отнесенные к их подсудности дела переданы в ведение единой системы судебных учреждений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вышинский А. Я., Ундревич В. С. Курс уголовного процесса. Т. 1. Судостроительство. 2-е изд. М., 1936. 564 с.
2. Григорьев О. В. Военно-судебные органы (1918–1921 гг.) // Военно-юридический журнал. 2011. № 1. С. 25–32.
3. Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству (беседа с Наркомом юстиции тов. Дм. Ив. Курским) // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 1–48.
4. Инструкция Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 г. «Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/28274> (дата обращения 20.01.2022). Режим доступа: свободный.
5. Курский Д. И. Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. 1918. Вып. 2. С. 58.

¹² Декрет ВЦИК от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» // Исторические материалы : сайт. URL: <https://istmat.org/node/46275> (дата обращения 20.01.2022).

6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. Октябрь 1917 ~ март 1918. М., 1974.
7. Мишуниин П. Г. Из истории первого Декрета о суде // Вопросы истории. 1949. № 4. С. 9-21.
8. Нахимсон Ф. М. Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 28-29.
9. Программы политических партий России / сост.: А.В. Медведев, И. А. Хвостова. Нижний Новгород, 2013. 46 с.
10. Россинский С. Б. Декрет о суде № 1 - первый правовой акт советской власти в сфере уголовной юстиции (к 105-летию с момента принятия) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 155-161.
11. Стучка П. И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1.
12. Стучка П. И. Пять лет революции права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 1-48.
13. Ундревич В. С. Борьба за суд пролетарской диктатуры в первые месяцы Октябрьской революции // Советское государство и право. Журнал института советского строительства и права. 1931. № 7. С. 58-76.

REFERENCES

1. Vyshinsky A.Ya., Undrevich V. S. Course of criminal procedure. Judicial system. 2nd ed. Vol.1, Moscow, 1936, 564 p.
2. Grigoriev O.V. Military-judicial bodies (1918-1921). Military-legal journal. 2011, no.1, pp. 25-32.
3. From the activities of the Moscow Commissariat for Judicial Supervision (conversation with the People's Commissar of Justice, Comrade Dm. Iv. Kursky). Weekly of Soviet Justice. 1922, no. 44/45. pp. 1-48.
4. Instruction of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated December 19, 1917. «To the Revolutionary Tribunal. About the Revolutionary Tribunal, its composition, the cases subject to its jurisdiction, the punishments imposed by it and the procedure for conducting its meetings». Gazeta of the Provisional Workers' and Peasants' Government. 1917, № 38 (December 21).
5. Kursky D. I. Fundamentals of the revolutionary court. Materials of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. 1918, Issue 2, 58 p.
6. Lenin V. I. Complete works. 5th ed. Vol. 35. October 1917 ~ March 1918. M., 1974.
7. Mishunin P. G. From the history of the first Decree on the court. Questions of History. 1949, no. 4, pp. 9-21.
8. Nakhimson F. M. The first days of the life of the People's Court in Petrograd // Weekly of Soviet Justice. 1922, no. 44/45, pp. 28-29.
9. Medvedev A.V., Khvostova I.A. Programs of political parties of Russia. N. Novgorod, 2013, 46 p.
10. Rossinsky S. B. Decree on Court № 1 - the first legal act of the Soviet government in the field of criminal justice (to the 105th anniversary of its adoption) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (63). pp. 155-161.
11. Stuchka P. I. Proletarian revolution and court. Proletarian Revolution and Law. 1918, no. 1.
12. Stuchka P. I. Five years of the revolution of law // Weekly of Soviet Justice. 1922. no. 44/45, pp. 1-48.
13. Undrevich V. S. The struggle for the court of the proletarian dictatorship in the first months of the October Revolution. The Soviet state and law. Journal of the Institute of Soviet Construction and Law. 1931, no. 7. pp. 58-76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

Грибунов Олег Павлович, доктор юридических наук, профессор, директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, Иркутск, ул. Шевцова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rossinsky Sergei Borisovich, doctor of Law, assistant professor, Chief Research Officer of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 656038, Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gribunov Oleg Pavlovich, doctor of Law, professor, director Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation». 664035, Irkutsk, Shevtsova str., 1.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 33–43.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 33– 43.

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.56.98.003

ПРИОРИТЕТНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ КАК ОБЩЕПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Хрони Наталья Николаевна

МВД Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан,

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, N.Khroni@bk.ru

Введение: в статье предпринята попытка обосновать существование приоритетной обязанности как правового явления. Проводится анализ законодательства и судебной практики на предмет использования лексемы «приоритетная обязанность». Определяется взаимосвязь приоритетной обязанности с такими феноменами как «правовой статус личности», «субъективные права» и др.

Выявлена недостаточность разработки в государственно-правовой науке некоторых специальных правовых явлений, в том числе касающихся закрепления и реализации юридической обязанности, необходимость выполнения которой оперативностью, первоочередностью, значимостью для государства и общества отличается от общеустановленного уровня. Теоретическая разработка понятия, сущности приоритетной обязанности, полагаем, будет способствовать более глубокому пониманию основных начал и закономерностей развития правового государства, выработки научно обоснованных правовых институтов, развитию взаимодействия гражданского общества с аппаратом власти.

Материалы и методы включает применение общенаучных и частных научных методов, среди которых: логический метод, метод системного анализа, исторический, информационно-аналитический, формально-юридический, а также приемы обобщения и описания полученных данных.

Результаты исследования позволили определить признаки, свойственные приоритетной обязанности, раскрыть значение и перспективу научной разработки феномена приоритетной обязанности, как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Выводы и заключения: автор приходит к выводу о том, что приоритетная обязанность, существуя на практике как правовое явление, нуждается в дальнейшей теоретической разработке, а также разъяснении на практике для непосредственной реализации субъектами, с целью соответствия утверждаемым государством принципам верховенства закона и демократии.

Ключевые слова: «юридическая обязанность», «правовой приоритет», «приоритетная обязанность», «правовой статус личности», «правовые преимущества», «права человека».

Для цитирования: Хрони Н.Н. Приоритетная обязанность как общеправовой феномен // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 33–43.

DOI:10.55001/2312-3184.2022.56.98.003

Original article

PRIORITY DUTY AS A GENERAL LEGAL PHENOMENON

Natalia N. Khroni

Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Nur-Sultan,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation,
Moscow, N.Khroni@bk.ru

Introduction: The article attempts to substantiate the existence of priority duty as a legal phenomenon. The analysis of legislation and judicial practice on the use of the lexeme "priority duty" is carried out. The author defines the interconnection of senior duty with such phenomena as "legal status of person", "subjective rights" and others.

Inadequate elaboration of some special legal phenomena in state-legal science has been revealed, including those, concerning fixing and realization of legal obligation, necessity of which fulfillment differs from the generally established level by urgency, priority and importance for the state and society. Theoretical development of concept, essence of priority duty, we believe, will contribute to deeper understanding of basic principles and regularities of development of legal state, development of scientifically grounded legal institutes, development of interaction of civil society with apparatus of power.

Materials and Methods: The methodology of the work includes the use of general scientific and private scientific methods, including: logical method, method of system analysis, historical, information-analytical, formal-legal, as well as methods of generalization and description of the data obtained.

The results of the study: made it possible to identify the signs inherent in priority duty, to reveal the significance and perspective of the scientific development of the phenomenon of priority duty both in theoretical and practical aspects.

Findings and Conclusions: the priority duty, existing in practice as a legal phenomenon, needs further theoretical development, as well as explanation in practice for direct implementation by subjects, in order to comply with the principles of the rule of law and democracy approved by the state.

Keywords: legal duty, legal priority, priority duty, legal status of the individual, legal advantages, human rights.

For citation: Khroni N. N. Prioritetnaja objazannost' kak obshhepravovoj fenomen [Priority duty as a general legal phenomenon]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103), pp. 33–43 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.56.98.003

В период активной трансформации правовых основ общества теоретическое обоснование феномена приоритетной обязанности в действующей правовой системе приобретает оттенок необходимости осмысления и понимания данного правового явления. Несмотря на присутствие иерархии юридических обязанностей (с выделением среди них приоритетных) в правоприминительной практике, органы правотворчества, а также ученое сообщество лишь косвенно объективируют данный феномен в правовых актах и соответствующих исследованиях. Значительное отставание теории от практического применения, полагаем, не является положительной тенденцией для развития права.

Обращаясь к судебной практике, возможно констатировать присутствие приоритетной обязанности в соответствующих решениях. Например, в «Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя»¹. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала уважительными причины, по которым П. обратилась в суд по факту пропуска срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора об увольнении, а этот срок – подлежащим восстановлению, в том числе указав, что в период нетрудоспособности приоритетными обязанностями для истицы являлись защита ее здоровья в период беременности, а после рождения дочери – забота и уход за новорожденным ребенком.

Кроме того, по Определению Девятого кассационного суда общей юрисдикции в семейном споре о взыскании алиментов с совершеннолетних детей на содержание нетрудоспособных родителей, исходя из смысла статей 87 (обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей) и 88 (участие совершеннолетних детей в дополнительных расходах на родителей) Семейного кодекса Российской Федерации данные обязанности были определены как приоритетные².

Таким образом, в связи с отсутствием определения феномена приоритетной обязанности, суд вынужденно приходит к логическому обоснованию через смысловое толкование правовых явлений.

Некоторые исследователи в своих работах приближались к понятию приоритетной обязанности, но не развивали ее, либо переключались на иные понятия, в том числе права человека, останавливаясь лишь на упоминании рассматриваемого феномена. В работе Н. С. Шерстневой обозначено, что забота о детях является приоритетной обязанностью не только членов семьи, но и государства [1, с. 124]. Однако дальнейшего обоснования и развития данная категория не получает.

С. А. Чиркаев, уделяя внимание приоритету в целом как средству регулирования общественных отношений, которое предопределяет первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов [2, с. 82], не указывает на приоритетные обязанности, которые становятся необходимыми для перехода от абстрактных задач и интересов к воплощенной цели.

В исследованиях П. Журдена, посвященных гражданско-правовой ответственности и вопросам определения вины, выделяется приоритетная обязанность, которая зависит от правового статуса субъекта и может повлиять на определение вины субъекта при неисполнении иных обязанностей [3, с. 233].

О неравнозначности и иерархичности явлений, процессов, фактов, событий, состояний в государственно-правовой жизни говорится в работах В. П. Малахова. Объективно существующая масштабность современных правовых процессов неизбежно приводит к субъективным предпочтениям одних характеристик перед другими. По различным основаниям: идейным, политическим, социальным и др. [4, с. 112].

¹ «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020). // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/all/29463/> (дата обращения 31.07.2022).

² Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.10.2020 № 88-6480/2020 Категория: Семейные споры. Требования: О взыскании алиментов. Дело № 2-115/2020 27RS0003-01-2019-006802-53 // «КонсультантПлюс»: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=VrjMjBTWY2cZRSUR2&cacheid=A6E9D2921BD679D7B745A65EAA5C6BE8&mode=splus&base=KSOJ009&n=10796#hUIMjBTCyV484joA2> (дата обращения 18.05.2022).

В числе первых на фундаментальном уровне заявили о наличии иерархии обязанностей профессора А. Г. Репьев и И. Н. Сениякин, отдав главенствующее место среди них – преимущественной.

Проецируя данное высказывание на такое явление, как обязанность, учитывая их множественность, зависимость от субъективных факторов, полагаем неизбежным признание факта об иерархичности обязанностей, соответственно возможности выделения в предлагаемой нами концепции – приоритетной.

Поясним, что, несмотря на неоднозначность лексического толкования каждого из терминов («преимущество» и «приоритет»), полагаем возможным выделить их сущность.

Так, в различных словарях русского языка в трактовании слова «преимущество» выделяется одинаковая сравнительная категория «превосходство»³, качество, возвышающее кого-(чего-)нибудь, дающее кому-(чему-)нибудь перевес над другими⁴. Полагаем, именно это свойство лежит в основе сущности «преимущества». Термин «приоритет» имеет латинское происхождение (от *prior* – первый, старший). В словаре С. И. Ожегова «приоритет» определяется как первенство по времени в открытии, изобретении чего-нибудь, вообще первенствующее положение⁵. У Д. Н. Ушакова «приоритет» – первенство, первое место, преимущественное право на что-нибудь⁶. В философском словаре это – преобладающее, первенствующее значение чего-либо⁷. Согласно словарю русского языка слову «приоритет» соответствуют синонимы: главный, старший, преобладающий, наиболее важный, самый значимый⁸. Словарь иностранных слов дает несколько толкований: первенство во времени, преобладающее значение чего-либо, преимущественное право на что-либо⁹. В современном толковом словаре русского языка указывается значение первоочередности чего-либо¹⁰.

Отталкиваясь от лексического толкования, сущность рассматриваемых категорий заключается:

- для приоритета – это первенство во времени, первоочередность, важность;
- для преимущества – это превосходство, преобладание в чем-либо.

Отдавая должное внесенному вкладу в разработку обозначенной проблематики, все же достаточно сложно согласиться с примерами, указанными в работе профессора А. Г. Репьева и назвать «преимущественной» обязанность лица, состоящего под административным надзором, за которую предусмотрено более серьезное взыскание. Например, неприбытие без уважительных причин при освобождении из мест лишения свободы к

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Т.1-4. - М.: Рус.яз. 1989. Т.3. П. 1990. С.392.; Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. 2017. С. 472.

⁴ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта-Принт». Издательство «ДОМ XXI век». 2008 – VIII. С. 773.

⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. М. Издательство АСТ: Мир и Образование. 2017. С. 483.

⁶ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. «Альта-Принт». 2008. С. 789.

⁷ Философский словарь. Приоритет. [электронный ресурс] // URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict (дата обращения 11.09.2022).

⁸ Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Т. 2: О-Я/ АН СССР. Ин-т рус. языка; ред. Т.Н. Половцева, М. Н. Судоплатова; сост. Л.П. Алекторова, С.Л. Баженова, Г.П. Галаванова и др. – Л. Наука, 1971. – 854 с.

⁹ Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. Изд. 2-е, испр., М. «Мартин». 2008. С. 466.

¹⁰ Современный толковый словарь русского языка/ гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. «Норинт», М. «РИПОЛ классик». 2008. С. 616.

избранному месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок¹¹. За все иные формы бездействия в отношении перечня существующих обязанностей установлена административная ответственность, при этом, исходя из санкции, мягче, чем за игнорирование ограничений [5, с. 172]¹². В указанных примерах отсутствует связь с каким-либо превосходством и преобладанием. В этой связи, вероятно, целесообразнее было бы употреблять лексему «приоритетная обязанность», так как данная обязанность является более важной и первоочередной в когорте обязанностей для указанной категории лиц, за неисполнение которой предусмотрены более серьезные санкции, вплоть до изменения специального правового статуса.

Кроме того, данные термины будут восприниматься обществом более положительно, если обязанность не будет ассоциироваться у граждан с материальными благами, т. е. преимуществами.

Собственно, в работе А. Г. Репьева отмечено, что словосочетания «преимущественная обязанность» в современном отечественном законодательстве отсутствует [5, с. 168], в отличие от приведенных ранее практических примеров применения категории «приоритетная обязанность».

Таким образом, сложившаяся ситуация противоречия между практическим применением и отсутствием теоретических оснований, лексическое многообразие понятий, обуславливает необходимость дальнейшего развития теоретического обоснования, определения сущности и особенностей разновидностей юридических обязанностей. Сложность самостоятельного определения иерархии обязанностей провоцирует существование некой неудовлетворенности граждан работой государственных органов, увеличению потока жалоб, а со стороны правообязанных лиц – затягиванию рассмотрения вопросов по существу, коррупции, нарушению прав человека.

Остановимся на содержании приоритетной обязанности по средствам определения совокупности характеристик, свойственных юридическим обязанностям как родовой категории, а также выделяющих данную разновидность в отдельную самостоятельную категорию. Приоритетная обязанность характеризуется набором следующих качеств.

Непреложность. Данный вид не предусматривает добровольного отказа от выполнения, либо делегирования исполнения, как например, при почётной обязанности, где субъект может добровольно отказаться от выполнения, либо передать её выполнение иному лицу, ввиду чего отсутствуют гарантии реализации и обеспеченность мерами наказания в случае игнорирования [6, с. 33].

Важность. Решаемые субъектом задачи, проблемы значимы: во-первых, на государственном уровне для дальнейшего развития правового социально-ориентированного государства и конструктивного взаимодействия гражданского общества с аппаратом власти; во-вторых, для самого субъекта лично с целью сохранения своего специального статуса и исключения наступления правовых последствий в виде негативных санкций. Размер и вид наказания в зависимости от строгости служит одним из критериев для определения приоритетной обязанности. К

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020), ст. 314.1 // «КонсультантПлюс»: сайт. URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a8ff8bdc6025505e93a35652e12134165dae32bb/ (дата обращения 18.05.2022).

¹² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020), ст. 19.24 // «КонсультантПлюс»: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 18.05.2022).

примеру, в перечне обязанностей лица, состоящего под административным надзором, уголовная ответственность предусмотрена только за неприбытие без уважительных причин к избранному месту жительства при освобождении из мест лишения свободы¹³. За все иные формы бездействия в отношении перечня существующих обязанностей установлена более мягкая административная ответственность¹⁴. Неисполнение приоритетной обязанности по воспитанию ребенка, связанное с жестоким обращением с несовершеннолетним, влечет наступление уголовной ответственности¹⁵.

Безграничность (временная и территориальная). Распространение на всей территории государства, так и за его пределами; в рабочее и не рабочее время. Изменения территориальные и временные не оказывают влияния и не снимают данных обязанностей с субъекта. Согласно приказу МВД России, в период действия чрезвычайных ситуаций (военного положения, проведения контртеррористической операции, ликвидации последствий аварий и др.) допускается без согласия сотрудника «возложение обязанности уведомлять непосредственного руководителя о своем местонахождении в свободное от выполнения служебных обязанностей время, а также иных дополнительных обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации»¹⁶;

Субсидиарность. В случае неисполнения обязанности одним, предусмотрено возложение исполнения на иной субъект. Например, согласно уголовно-процессуальному законодательству, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда, гражданин, незаконно или необоснованно подвергнутый уголовному преследованию, получает право на реабилитацию, что включает в себя восстановление в правах, возмещение имущественного и морального вреда, при этом происходит это со стороны государства, иные обязанные субъекты реализуют исполнение¹⁷. В рамках семейного и гражданского права при лишении родительских прав государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. Ст. 314.1. (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a8ff8bdc6025505e93a35652e12134165dae32bb/ (дата обращения 8.08.2022).

¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/51d1a3c7f38b2c9486c6f90507a160a4142cffc3/ (дата обращения 8.08.2022).

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/48132b89ef9920ae94d8d48c658ebf60d3c66ca9/ (дата обращения 8.08.2022).

¹⁶ Приказ МВД России от 1.02.2018 №50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» п.268.2. // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/upload/site1635/document_file/urls/Prikaz_MVD_Rossii_ot_01.02.2018_N_50_red_ot_24.11.2020_O.pdf (дата обращения 8.08.2022).

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 24.09.2022). Гл.18. // КонсультантПлюс : сайт. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. №17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (ред. от 28.06.2022) // «КонсультантПлюс» : сайт. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122458/ (дата обращения 13.10.2022).

обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения¹⁸. Финансовое обеспечение дополнительных гарантий по социальной поддержке для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются расходными обязательствами Российской Федерации и ее субъектов¹⁹.

Вариативность. Наличие множественности действий, из которых необходимо выбрать соответствующий установленным законам. Кроме того, в исполнении приоритетной обязанности заинтересованы несколько субъектов. Например, С. А. Чиркаев указывает на множественность субъектов, которые причастны к получению в счет своей наследственной доли определенного вида имущества, и хотя бы один наследник наделен правом в первоочередном порядке получить то или иное имущество, входящее в наследственную массу [7, с. 169–172]. При этом приоритетная обязанность будет заключаться в предоставлении наследникам приоритета в строгом соответствии с нормами, указанными в ГК РФ²⁰.

Аксиологическая направленность. Цели и направления приоритетной обязанности согласовываются с идеей антропогуманизма, в складывающейся картине мира центральное место занимает человек, утверждаются и законодательно закрепляются принципы гуманизма, соответственно приоритетные обязанности направлены на обеспечение высших ценностей (жизни человека, его прав и др.). Обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, закрепленная в Конституции, должна проецироваться на обязанности всех должностных лиц, и более того всех субъектов со специальным правовым статусом и стать осознаваемо приоритетной. Ценностная направленность приоритетной обязанности демонстрирует взаимосвязь с моралью, нравственностью, гуманизмом.

Социально-чувствительный характер, так как уровень исполнения «приоритетных обязанностей» является показателем удовлетворения потребностей и интересов общества. Факты их неисполнения, и в том числе даже латентные, способствуют снижению уровня доверия со стороны граждан к государственной власти.

Исторический аспект приоритетных обязанностей характеризуется:

- вариабельностью (когда происходит смена идеологической системы, ценностных ориентиров, господствующих в обществе и поддерживаемых государством);
- обусловленностью (в соответствии с социальным мнением, сложившимися историческими тенденциями, устоями);
- трансформационностью (изменения ценностных ориентиров, как на государственном, так и личностном уровнях);
- созависимостью от развития государственно-правовых институтов;
- непрерывностью (существование во все исторические периоды).

¹⁸ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. п. 4. ст. 67.1 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [http://pravo.gov.ru/ constitution/](http://pravo.gov.ru/constitution/) (дата обращения 13.10.2022).

¹⁹ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.1996 №159 ФЗ (ред. от 14.07.2022). Ст. 5. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_dос_LAW_12778/ (дата обращения 13.10.2022).

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ (часть третья). Раздел V. Наследственное право. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10164072/cae826fe4c9a66b3489670e2f0677320/> (дата обращения 04.09.2022).

Приоритетная обязанность присутствует в любом историческом отрезке развития человеческого общества, несмотря на меняющееся содержание [8, с. 151]. Продемонстрируем рассматриваемый правовой феномен в некоторые исторические периоды, используя формационный подход. Первобытно-общинный строй, в котором правила поведения были изначально направлены на выполнение первоочередной задачи – выжить и обеспечить выживание и развитие своему потомству (виду), семье, общине, роду, племени. Общие потребности в данный период получили приоритет над потребностями отдельных членов общества.

В средние века возникают первые идеи об иерархии обязанностей, например к абсолютным обязанностям относят:

- 1) никого не оскорблять, а кому нанесен вред, то давать вознаграждение;
- 2) считать всех по природе себе равными;
- 3) делать по возможности добро другим;
- 4) соблюдать верность в договорах [9, с. 212–213].

В новое время в Российской империи приоритетными обязанностями выступали: служение государю-императору, сохранение его властных прав и преимуществ; знание уставов и законов, соблюдение иерархии должностей и чинов, наблюдение за работой подчиненных и т.д.²¹

Важным аспектом для вычленения приоритетной обязанности выступают временные рамки:

- первые определяются первоочередностью или внеочередностью, незамедлительными, срочными действиями по реализации обязанностей;
- вторые характеризует то, что данные обязанности действуют на протяжении периода, с момента их приобретения субъектом до прекращения действия в связи с лишением или сменой специального правового статуса.

На основании изложенного предлагается авторская *дефиниция приоритетной обязанности* – это разновидность юридической обязанности, которая предусматривает выбор правообязанным лицом, наделенным специальным правовым статусом, последовательности действий, в соответствии с правовыми установлениями, закрепленными в нормативных правовых актах, предусматривающими первоочередность, особую важность в процессе реализации.

На современном этапе все чаще, в том числе и в выступлениях глав государств, обозначаются приоритетные направления развития страны, конкретизируются первоочередные задачи государства, даются поручения исполнительным органам и определяются обязанности по их исполнению. Так, например, Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию в апреле 2021 года определил высшим национальным приоритетом страны – сбережение российского народа²². Вненесенные в 2020 году изменения в Конституцию Российской Федерации вывели на высший уровень приоритет государственной политики в отношении детей, созданию

²¹ Полный свод законов Российской Империи. Т. III. Устав о службе по определению от правительства. Кн. I. Ст. 705–720. / под. ред. Г.Г. Савича. СПб., 1903. С. 114–115.

²² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.04.2021. «Послание Президента Федеральному Собранию» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666 (обращения 05.08.2022)

условий по их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию. При этом конституционное закрепление получает обязанность государства по отношению к детям, оставшимся без попечения родителей²³. На фоне постоянного увеличения обязанностей правильный, основанный на проводимой государством политике, зафиксированный в законодательных нормах различного уровня выбор приоритетных обязанностей позволяет исключить возможность ошибок, способствует сокращению наказаний, а также жалоб со стороны общества в целом.

В свою очередь, государство обеспечивает защиту субъекта, выполняющего приоритетные обязанности, и гарантирует дополнительные преимущества, которые могут распространяться в том числе и на членов семьи. Так, в 2022 году Президент Российской Федерации издал Указ²⁴, которым устанавливалась квота (10 % от всех бюджетных мест по каждой специальности или направлению подготовки) на поступление в российские ВУЗы для детей участников спецоперации. Логика рассуждений следующая: за исполнение приоритетной обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, связанные в том числе, с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, не исключая риска для жизни²⁵, военнотружущие получают преимущества в виде социальных гарантий, компенсаций и пр. При этом преимущества могут распространяться на членов их семей, как показано в приведенном примере.

В качестве выводов полагаем определить, что понимание приоритетных обязанностей будет способствовать:

- закреплению правовых ценностей, провозглашаемых в государстве;
- исключению фактов злоупотреблений со стороны правообязанных лиц;
- укоренению в сознании, что для достижения и получения прав необходимо выполнение обязанностей, в том числе и особенно приоритетных;
- дальнейшей модернизации законодательства по обеспечению соблюдения прав человека. В том числе, по средствам законодательного закрепления обязанностей в соответствии с приоритетностью, т. е. перечислением обязанностей согласно их иерархии.

Говоря о важности определения феномена приоритетной обязанности для практической реализации субъектами, нельзя забывать, что сначала наука должна масштабно изучить и объяснить данное явление, уже объективно существующее в реальности.

²³ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. п. 4 ст. 67.1.] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения 13.10.2022).

²⁴ «О дополнительных мерах поддержки семей военнотружущих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов» Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2022 г. №268 (ред. от 05.08.2022) п.1 // Собрание законодательства РФ. 16.05.2022. №20. Ст. 3271; 08.0.2022. №32. Ст. 5817.

²⁵ О статусе военнотружущих: Федеральный закон от 27.05.1998 №76-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/ (дата обращения 04.09.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шерстнева Н. С. Принципы российского семейного права. Тверь. 2007. 415 с.
2. Чиркаев С. А. Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). 79–82 с.
3. Журден П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права 2021. № 6. Том 21. С. 233–255.
4. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М. ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 2018. 239 с.
5. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Правовая категория «преимущественная обязанность»: теория, законодательство, практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 164–179.
6. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Правовая категория «преимущественная обязанность»: теория, законодательство, практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 164–179.
7. Чиркаев С. А. Приоритет как средство правового регулирования наследственных отношений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 169–172. // URL: https://online-science.ru/m/productsunkt/number_5-2021/ (дата обращения 04.09.2022).
8. Хрони Н. Н. Приоритетная юридическая обязанность личности: исторический аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. №1(33). С. 147–153.
9. Перевезенцев С. В. Самуил Пуфендорф о правах и обязанностях человека. Schola–2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр стратегической конъюнктуры», 2014. 364 с.

REFERENCES

1. Sherstneva N.S. Principles of Russian family law. Tver. 2007, 415 p.
2. Chirkaev S.A. Priority as a special means of legal regulation. Eurasian Law Journal. 2022, no. 4 (167), pp. 79-82.
3. Jourdain P. Principles of civil liability. Vestnik of Civil Law. 2021, no. 6, vol. 21, pp. 233-255.
4. Malakhov V.P. Methodological thinking in the knowledge and understanding of law. M. UNITY-DANA. Law and law. 2018, 239 p.
5. Repev A. G., Senyakin I. N. Legal Category «Priority Duty»: Theory, Legislation, Practice // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15, no 1. Pp. 164-179.
6. Repev A. G. Honorary right and obligations: doctrine, practice and technology // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021, no. 1 (89), pp. 26-37.
7. Chirkaev S.A. Priority as a means of legal regulation of hereditary relations. Humanities, socio-economic and social sciences. 2021, no. 5, pp. 169-172. (date of appeal 09/14/2022).
8. Khroni N.N. Priority legal obligation of the individual: historical aspect. Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russia. 2022, no.1(33), pp. 147-153.
9. Perevezentsev S.V. Samuel Pufendorf on human rights and duties. Schola - 2014 : Collection of scientific articles of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University. Moscow, Limited Liability Company «Center for Strategic Conjuncture», 2014, 364 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хрони Наталья Николаевна, заместитель начальника управления ведомственного образования Департамента кадровой политики. МВД Республики Казахстан. 010000, Республика Казахстан, Нур-Султан, проспект Тауелсиздик, 1.

Магистр юридических наук, адъюнкт адъюнктуры факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, 125993, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Nikolaevna Khroni,

Deputy Head of Departmental Education Department of the Department of Personnel Policy. Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. 010000, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Tauelsizdik Avenue, 1.

Master of Law, Associate of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 44–50.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.4 (103). P. 44–50.

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.93.33.004

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ

Ханахмедова Людмила Викторовна¹, Семенов Виктор Владимирович²

^{1, 2}Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Рязань, Российская Федерация

¹milars-19@mail.ru

²viktor-sem@ya.ru

Введение: статья посвящена рассмотрению относительно новых объектов прав – цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Отмечается важность их изучения в связи с тем, что в ближайшее время они могут стать центральным элементом современной экономики. В статье исследованы вопросы правового оформления цифровых финансовых активов и оборота цифровой валюты в Российской Федерации, а также в других странах.

Материалы и методы: исследование основывается на проведении сравнительно-правового анализа норм международного и национального права, сочетании формально-юридического, социологического и иных частнонаучных методов познания.

Результаты исследования: сформулированы выводы о месте цифровой валюты и финансовых активов в правовом поле Российской Федерации, раскрыта специфика используемой терминологии, сделан вывод о том, что цифровая валюта является имуществом, обладающим особой правовой природой, выявлена потребность в более четкой законодательной регламентации цифровой валюты и финансовых активов как объектов прав.

Выводы и заключения: существует неоднозначность в использовании терминологии в различных правовых актах; цифровая валюта не находится вне правового поля на территории Российской Федерации, а регулируется гражданским законодательством как имущество, обладающее особой правовой природой, подпадает под понятие иного имущества; только четкая законодательная регламентация цифровой валюты и финансовых активов как объектов прав способна создать определенность в решении целого ряда вопросов, в том числе вопросов защиты.

Ключевые слова: цифровая валюта, финансовые активы, криптовалюта, объекты прав.

Для цитирования: Ханахмедова Л. В., Семенов В. В. Отдельные аспекты законодательной регламентации цифровых финансовых активов и цифровой валюты: международно-правовой опыт и отечественные реалии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2022. № 4 (103). С. 44–50.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.93.33.004

Original article

SELECTED ASPECTS OF LEGISLATIVE REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND DIGITAL CURRENCY: INTERNATIONAL LEGAL EXPERIENCE AND DOMESTIC REALITIES

Ludmila V. Khanakhmedova¹, Viktor V. Semenov²^{1,2} Ryazan branch of the V.Y. Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russian Federation¹milars-19@mail.ru²viktor-sem@ya.ru

Introduction: the article deals with relatively new objects of rights - digital financial assets and digital currency. It notes the importance of studying them due to the fact that in the near future they may become a central element of the modern economy. The article examines the issues of legal regulation of digital financial assets and digital currency circulation in the Russian Federation, as well as in other countries.

Materials and methods: the study is based on a comparative legal analysis of the norms of international and national law, a combination of formal legal, sociological and other private scientific methods of cognition.

The results of the study: conclusions are drawn about the place of digital currency and financial assets in the legal field of the Russian Federation, the specifics of the terminology used are disclosed, it is concluded that digital currency is a property of a special legal nature, the need for more precise legislative regulation of digital currency and financial assets as objects of legal relations has been identified.

Findings and Conclusions: the use of terminology in different legal acts is ambiguous; digital currency is not outside the legal field on the territory of the Russian Federation, but is regulated by civil law as property of a special legal nature, falls under the concept of other property; only a clear legislative regulation of digital currency and financial assets as objects of legal relations can create certainty in resolving a number of issues, including protection issues.

Keywords: digital currency, financial assets, cryptocurrency, objects of legal relations.

For citation: Khanakhmedova L.V., Semenov V.V. Otdel'nye aspekty zakonodatel'noj reglamentacii cifrovyyh finansovyh aktivov i cifrovoj valjuty: mezhdunarodno-pravovoj opyt i otechestvennye realii [Certain aspects of legislative regulation of digital financial assets and cryptocurrencies: international legal experience and domestic realities]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (103), pp. 44–50 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.93.33.004

Несколько десятилетий назад сложно было даже подумать о возможности существования цифровой валюты и цифровых финансовых активов. Однако сегодня они не только активно обсуждаются специалистами различных областей знаний, но и в отдельных странах получили соответствующее правовое оформление. Нет никаких сомнений в том, что они выступают в качестве объектов субъективных прав. С точки

зрения классификации объектов может возникнуть вопрос о том, к какому виду они относятся, являются ли они материальными или нематериальными благами. Если относятся к материальным, то подпадают ли они под понятие «имущество». В мировой юридической науке и практике не сложилось единого подхода к пониманию цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

В то же время стоит подчеркнуть важность их изучения, так как цифровые финансовые активы и цифровая валюта, становясь одним из элементов обязательственных правоотношений, могут в ближайшее время стать центральным элементом современной экономики. Возможно, без них будет немыслимо существование системы договорных отношений, а их использование уже сейчас является неотъемлемой частью цифровой экономики [1, с. 62]. Исчерпывающим образом спрогнозировать возможные направления их применения, в полной мере раскрыть потенциал день очень сложно.

Вместе с тем можно с уверенностью утверждать следующее:

- во-первых, в отношения с использованием финансовых активов и валютных ценностей будет вовлечено большое число лиц;
- во-вторых, эти отношения постоянно будут сопровождать риски нарушений, связанные с наличием уязвимостей в ИТ-системах, с «человеческим фактором» или с намеренными мошенническими действиями третьих лиц.

Работа по правовому оформлению цифровых финансовых активов и оборота цифровой валюты в Российской Федерации ведется крайне осторожно. Она была начата с Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) и продолжена принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА)². До этого времени Банк России размещал на своём официальном сайте информацию об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», которая предостерегала от использования «виртуальных валют» для их обмена на товары (работы, услуги) или на денежные средства в рублях и в иностранной валюте³.

При рассмотрении цифровых финансовых активов и цифровой валюты как объектов субъективных прав важно обратить внимание на неоднозначность в использовании терминологии в различных правовых актах. Закон о ЦФА закрепляет понятие цифровых финансовых активов, обращая внимание на то, что они, как цифровые права, включают, среди прочего: денежные требования; возможность осуществлять права по эмиссионным ценным бумагам; права участия в капитале непубличного АО. Сам же ГК РФ, не использует понятие цифровых финансовых активов, а употребляет понятие цифровых прав. Что касается цифровой валюты, то в ГК РФ это понятие даже не используется, хотя мы понимаем, что цифровые финансовые активы (цифровые права) цифровой валютой не являются. Впервые понятие цифровой валюты было закреплено в Законе о ЦФА, в соответствии с которым она рассматривается как сово-

¹ Принят Гос. Думой 21 октября 1994 года // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10164072/>

² Принят Государственной Думой 22 июля 2020 года. Одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

³ Пресс-релиз Банка России «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн». URL: https://cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения 13.10.2022).

купность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе, которые можно принять как инвестиции или средство платежа, и которые не являются денежной единицей. Важной особенностью выступает то, что в отношении цифровой валюты нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных.

Можно предположить, что цифровая валюта (в том числе криптовалюта), несмотря на отсутствие прямого указания на это в ГК РФ, подпадает под понятие иного имущества. Закрепляя не исчерпывающий перечень объектов гражданских прав, ГК РФ предусматривает возможность гражданско-правового регулирования не только вещей, но и иных видов имущества. Таким образом, цифровая валюта не находится вне правового поля на территории Российской Федерации, а регулируется гражданским законодательством как имущество, обладающее особой правовой природой.

В других государствах правовое регулирование данной сферы отличается от того, что закрепляет российское законодательство. Остановимся на исследовании правового регулирования, в первую очередь, криптовалют.

Например, в Беларуси действует Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики». Он допускает ограниченный экономический оборот криптовалюты. Юридическим лицам разрешается создавать, приобретать, хранить цифровые знаки (токены), их отчуждать, а физическим лицам дополнительно – совершать сделки по дарению криптовалюты и распоряжению путем составления завещательного распоряжения. Особая роль отводится Парку высоких технологий, так как указанные сделки нельзя совершать, минуя его. Криптовалюта, имеющая функцию денег, не признана деньгами на территории Беларуси, она не включена в экономическую деятельность. Отсутствуют специальные нормы по защите субъективных прав обладателей цифровых финансовых активов [2, с. 33–34].

В Китае цифровая валюта также находится под пристальным вниманием. Наблюдается усиление надзора за виртуальными валютами по причине возникновения соответствующих политических и правовых рисков. 4 сентября 2017 года Народный банк Китая и другие семь министерств и комиссий опубликовали «Объявление о предотвращении финансовых рисков, связанных с выпуском токенов». В нем отмечается, что токены или цифровые валюты не обязательны к исполнению и лишены законной силы⁴. В 2021 году Национальная комиссия по развитию и реформам и другие ведомства Китая специально выпустили «Уведомление о регулировании деятельности по майнингу виртуальной валюты»⁵. В сентябре того же года Народный банк Китая, Центральное информационное управление Интернета, Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура и другие десять департаментов выпустили совместное «Уведомление о дальнейшем предотвращении и устранении рисков спекуляции транзакциями с виртуальной валютой»⁶, характеризующее бизнес, связанный с криптовалютами, как незаконную финансовую деятельность. 14 апреля 2022 года директор департамента платежей и расчетов Народного банка Китая Вэнь Синьсян заявил на

⁴ Объявление Народного банка Китая и других семи ведомств о предотвращении финансовых рисков выпуска токенов. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-09/04/content_5222657.htm (дата обращения 13.10.2022).

⁵ Уведомление о регулировании деятельности по майнингу виртуальной валюты Национальной комиссии по развитию и реформам и другие ведомства по исправлению ситуации с «майнингом» виртуальной валюты. – URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202109/t202109241297474ext.html> (дата обращения 13.10.2022).

⁶ Китайская правительственная сеть. Центральный портал народного правительства. – URL: <http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-10/08/content5641404.htm> (дата обращения 13.10.2022).

пресс-конференции Государственного информационного управления, что необходимо усилить предотвращение рисков в новых типах областей, таких как виртуальные валюты, и блокировать преступные средства по всем направлениям. Стоит обратить внимание на цифровой юань. Это цифровая форма законного платежного средства, выпущенная Народным банком Китая, которая не относится к цифровой валюте, но является еще одной разновидностью денег. Цифровой юань признается объектом права, является законным платежным средством в цифровой форме, эквивалентен бумажным деньгам и монетам.

В Соединенных Штатах Америки криптовалюта признается легальным средством платежа. Однако, несмотря на то, что в США официально зарегистрировано и работает самое большое количество криптоинвесторов и блокчейн-компаний в мире, до сих пор не существует четкой и всеобъемлющей нормативной базы, регулирующей существующие механизмы оборота криптоактивов. Налоговое управление США для целей налогообложения классифицирует криптовалюту как собственность, представленную в цифровой форме. Кроме того, деятельность криптобирж в США и проводимые транзакции цифровых активов подпадают под действие правил и подзаконных актов, регулирующих банковскую деятельность (BSA), и требуют обязательной регистрации в реестре Агентства США по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN). Кроме того, на операции с криптовалютами в США распространяются требования законодательства по борьбе с отмыванием денег, а также ограничения, предусмотренные нормативными правовыми актами, регламентирующими противодействие финансированию терроризма. В свою очередь, Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) рассматривает цифровые финансовые активы (токены) в качестве ценных бумаг, регулирование которых осуществляется в рамках соответствующего законодательства о рынке ценных бумаг⁷.

Великобритания рассматривает криптовалюту как собственность, а не как средство платежа. Биржи, занимающиеся деятельностью, связанной с криптоактивами подлежат регистрации в Управлении финансового надзора Великобритании. Торговля криптодеривативами в стране запрещена. Также, согласно британскому законодательству, лица, осуществляющие инвестирование в криптовалюту, должны платить налог на прибыль, полученную в результате роста стоимости данного актива.⁸

Криптовалюта признается легальным финансовым активом в большинстве стран, входящих в Европейский союз, хотя регулирование транзакций определяется каждым государством самостоятельно⁹. В соответствии с позицией Европейского центрального банка, криптовалюта – это разновидность цифровых денег, которые не контролируются и создаются их разработчиками онлайн, а также используются и принимаются в качестве средств платежа членами определенных виртуальных сообществ. Подходы к регулированию налогообложения криптовалюты также варьируются в зависимости от законодательства отдельных стран внутри ЕС, а налоговая ставка

⁷ Информационный бюллетень: Белый дом выпускает первую в истории всеобъемлющую структуру для ответственного развития цифровых активов. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/09/16/fact-sheet-white-house-releases-first-ever-comprehensive-framework-for-responsible-development-of-digital-assets/> (дата обращения 13.10.2022).

⁸ CRYPTO20050 – Криптоактивы для физических лиц: какие налоги применяются. – URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/cryptoassets-manual/crypto20050/> (дата обращения 13.10.2022).

⁹ Изменения в Постановление Европейского Парламента и Совета о пилотном режиме для рыночных инфраструктур, основанных на технологии распределенных реестров – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020PC0594> (дата обращения 13.10.2022).

составляет от 0 до 50-ти %¹⁰. Кроме того, недавно вступили в силу Пятая и Шестая Директивы ЕС по борьбе с отмыванием денег, которые ужесточают отдельные ограничения и требования, в том числе связанные с оборотом криптовалют.¹¹

Таким образом, в Беларуси разрешено обращение криптовалюты как объекта права, ее можно дарить, завещать и совершать иные сделки, однако криптовалюта деньгами не признана. В Китае криптовалюта запрещена к обращению; бизнес, связанный с криптовалютой, считается незаконным. В то же время законом закреплена цифровая юань, который признается объектом права, эквивалентен бумажным деньгам и является платежным средством в цифровой форме. В США криптовалюта закреплена в качестве легального средства платежа, однако нормативной базы с единым подходом к пониманию и определению криптовалюты не существует, в то же время налоговое управление, банки, агентства по борьбе с финансовыми преступлениями, комиссии по ценным бумагам и биржи признают криптовалюту, при этом по-разному ее оценивая. Великобритания рассматривает криптовалюту как собственность, а не как средство платежа, обладатели криптовалют должны платить налог на прибыль. Криптовалюта признается легальным финансовым активом в большинстве стран Евросоюза, однако регулирование ее обращения осуществляется каждым государством самостоятельно.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что единого подхода в мире к законодательному регулированию цифровых валют и цифровых финансовых активов нет. Большинство стран идут по пути постепенной легализации отдельных аспектов, связанных с оборотом криптовалютных активов. Но есть и такие государства, в которых криптовалюта и связанные с ней технологии были запрещены полностью. Например, Бангладеш, Боливия, Эквадор, Кыргызстан и Вьетнам.

Отечественный законодатель, на наш взгляд, пошел по более взвешенному пути, опираясь как на положительный опыт отдельных стран, так и на свое видение и подходы к регулированию цифровых финансовых активов и цифровых валют. В этих подходах существуют значительные пробелы, о которых мы говорили в начале статьи, в том числе связанные с согласованием законодательной позиции относительно криптовалютного регулирования. Однако планомерная работа ведется, что способствует развитию новых направлений российской цифровой экономики. Четкая законодательная регламентация цифровых финансовых активов и цифровой валюты позволит создать определённую в решении целого ряда вопросов, в том числе вопросов защиты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеенко А. П., Светличный А. И. Регулирование криптовалюты и ICO в России и САР Макао // Юрист : журн. М.: Издат. группа «Юрист». 2020. № 5. С. 62–67. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2020/jurist/5/> (дата обращения 20.02.2022).
2. Маньковский И. А., Вабищевич С. С. Защита субъективных прав владельцев цифровых кошельков в условиях ограниченного гражданского оборота цифровых финансовых активов // Защита частных прав: проблемы теории и практики. Материалы VIII ежегодной

¹⁰ От 0 до 50% – время уплаты криптоналогов в Европейском Союзе – URL: <https://news.bitcoin.com/0-to-50-time-to-pay-crypto-taxes-in-the-european-union/> (дата обращения 13.10.2022).

¹¹ 6AMLD: 6-я Директива по борьбе с отмыванием денег и 6 Ключевых изменений – URL: <https://www.electronicid.eu/en/blog/post/aml6-sixth-anti-money-laundering-directive/en> (дата обращения 13.10.2022).

международной научно-практической конференции (20 декабря 2019 года) : сб. тр. конф. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2020. С. 30–39.

REFERENCES

1. Alekseenko A.P., Svetlichny A.I. Regulation of cryptocurrency and ICO in Russia and Macau SAR. Lawyer. 2020, no. 5, pp. 62-67.
2. Mankovsky I.A., Vabishchevich S.S. [Protecting the subjective rights of digital wallet owners in the context of limited civil circulation of digital financial assets] Zashhita chastnyh prav: problemy teorii i praktiki. Materialy VIII ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (20 dekabrja 2019 go-da) [Protection of private rights: problems of theory and practice. Materials of the VIII annual international scientific and practical conference]. Irkutsk, 2020, pp. 30-39.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ханахмедова Людмила Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин. Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 390043, Россия, Рязань, 1-я Красная, д. 18.

Семенов Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин. Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 390043, Россия, Рязань, 1-я Красная, д. 18.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Khanakhmedova Ludmila Viktorovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 18 1st Krasnaya St., Ryazan, 390043, Russia.

Semenov Viktor Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 18 1st Krasnaya St., Ryazan, 390043, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 51–60.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.4 (103). P. 51–60.

Научная статья

УДК 327(470+571)

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.79.45.005

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Шарифзода Файзали Рахмонали¹, Ульянов Александр Данилович²

¹Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан
faizali_74@mail.ru

²Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, profes-
sor.alex_ulyanov@inbox.ru

Введение: в статье рассматривается цифровое пространство, которое становится системообразующим явлением глобального масштаба и во многом предопределяет перспективы защищенности национальной безопасности и стратегию инновационного развития социально-политических и экономических основ государства. Цифровое пространство создается с учетом информационных потребностей, которые направлены на удовлетворение ценностных ориентаций соответствующих субъектов в противодействии внутренним и внешним угрозам и создают возможность полного использования преимуществ совместной работы элементов обеспечения национальной безопасности в информационной сфере путем рациональной эксплуатации единой автоматизированной телекоммуникационной сети.

Материалы и методы: нормативно-правовой базой исследования являются законодательство и нормативно-правовые акты Республики Таджикистан и Российской Федерации.

Методология работы включает в себя как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукции, индукции), так и частнонаучные методы, в т.ч. формально-логические и структурные.

Результаты исследования: в статье рассмотрены проблемные вопросы потребностей цифрового пространства. Особое внимание уделено сфере национальной безопасности.

Выводы и заключения: авторы приходят к выводу, что создание цифрового пространства обеспечит высокую надежность, актуальность, достоверность, своевременность и надежную защиту при передаче электронных документов и других сведений.

Ключевые слова: национальная безопасность, информация, цифровизация, пространство, потребности, ценности.

Для цитирования: Шарифзода Ф.Р., Ульянов А.Д. Информационные потребности цифрового пространства в сфере национальной безопасности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск.. 2022. № 4 (103). С. 51–60.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.79.45.005

Original article

INFORMATION NEEDS OF THE STATE IN SHAPING THE DIGITAL SPACE TO ENSURE NATIONAL SECURITY

Sharifzoda R. Faizali¹, Alexander D. Ulyanov²¹Academy of the MIA of Republic Tajikistan, Republic Tajikistan, Dushanbe, faizali_74@mail.ru² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Moscow, professor.alex_ulyanov@inbox.ru

Introduction: the article deals with the digital space, which is becoming a system-forming phenomenon on a global scale and largely predetermines the prospects of national security protection and the strategy of innovative development of the socio-political and economic foundations of the state. Digital space is being created considering information needs, which are aimed at satisfying value orientations of the relevant subjects in the fight against internal and external threats, and creates the possibility to take full advantage of elements of national security in the information sphere through the rational operation of a unified automated telecommunication network.

Materials and methods: the legal framework of the study is the legislation and regulations of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation.

The methodology of the work includes both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction) and private scientific methods, incl. formal-logical and structural.

The results of the study: the article deals with the problematic issues of the needs of the digital space. Particular attention is paid to the sphere of national security.

Findings and Conclusions: the authors come to the conclusion that the creation of a digital space will provide high reliability, relevance, reliability, timeliness and reliable protection in the transfer of electronic documents and other information.

Key words: national security, information, digitalization, space, needs, values.

For citation: Sharifzoda F.R., Ulyanov A.D. Informacionnye potrebnosti cifrovogo prostranstva v sfere nacional'noj bez-opasnosti [Information needs of the state in shaping the digital space to ensure national security]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 51–60 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.79.45.005

Определяя сферу национальной безопасности¹, следует выделить комплекс социально-политических и экономических факторов, составляющих фундамент общественного бытия любого государства. Конфликты в разных уголках мирового пространства, напряженная военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке, резкий рост глобальных и региональных вызовов и угроз, международный терроризм и транснациональная организованная преступность, увеличение незаконного оборота оружия и наркотических веществ, обострение социально-экономических и экологических проблем государств переросли в масштабный, системный кризис, и не только в

¹ Безопасность – положение, при котором не угрожает опасность кому-чему-нибудь. Национальный – относящийся к общественно-политической жизни наций, связанный с интересами нации. // Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: Изд. АСТ: Мир и образование. 2017. С. 47, 328.

военно-политической, но и в экономической, и гуманитарной сферах [1]. События последнего времени свидетельствуют о многократном возрастании цены решения вопросов обеспечения национальной безопасности.

К современным стимуляторам конфликтов и напряженности относится подстрекательство к вооруженному противостоянию сепаратистских группировок, вплоть до распада государства; неразрешенные социально-политические противоречия в обществе, распад доминирующих национальных ценностей или системы норм как окончательного этапа так называемого управляемого хаоса¹; дальнейшее осуществление различных методов и форм информационной интервенции, связанной, в том числе, с разжиганием протестного настроения через социальные сети, электронные СМИ и мессенджеры («сетевая революция»), полное разложение ключевых институтов государственной власти [2, с. 151]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации прямо указывается, что неупорядоченное развитие информационно-телекоммуникационных технологий с очевидностью свидетельствует о повышении вероятности возникновения угроз жизненно важным устоям государства [3]. Поэтому небезосновательно утверждение о том, что сохранение суверенитета и государственной целостности от военных опасностей (внешние угрозы) постепенно смещается в информационное пространство и внутреннюю сферу [4, с. 70].

Информационное пространство состоит из совокупности информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры [5]. Бурный рост и успешная деятельность информационно-телекоммуникационных устройств на основе цифровых технологий свидетельствует о глубоких структурных преобразованиях и, можно сказать, революционном качественном переходе от традиционных индустриальных к цифровым решениям и освоения искусственного интеллекта в развитии нового этапа экономики и общества Российской Федерации [5]. В Республике Таджикистан формируются сегменты цифровой экономики при переходе к инновационному развитию страны [6, с. 136; 7].

Процессы цифровой технологической трансформации позволяют добиться позитивных успехов во всех сферах жизнедеятельности, причем не только в экономике, но и государственном управлении, образовании, культуре, правоохранительной деятельности [3]. Между тем, по словам генерального секретаря ООН, хотя новые технологии имеют большие перспективы, они не свободны от рисков, а некоторые из них вызывают беспокойство и страх. Масштабное распространение цифровых технологий, компьютерных сетей, бурный рост информационной среды расширяют угрозы информационной безопасности, связанные с киберпреступностью, распространением экстремистской пропаганды и подстрекательства к насилию, использованием в преступной деятельности террористических и экстремистских формирований, увеличивают возможности совершения традиционных видов преступных деяний (незаконного оборота наркотикосодержащих веществ, мошенничеств), а также позволяют появляться новым бытовым преступлениям с использованием информационных технологий.

Опрос, проведенный Контртеррористическим центром ООН (КЦООН) (рис.) среди представителей правительства, промышленности, научного сообщества, международных и региональных организаций, продемонстрировал глубокую озабочен-

¹ Управляемый хаос – разработанная политехнологами запада геополитическая технология неокOLONиализма с применением «мягкой силы» свержения правящей власти, последующей гуманитарной интервенции и превращением суверенного государства в марионеточный объект мировой политики.

ность использования искусственного интеллекта, основанного на цифровых технологиях, в потенциальных злонамеренных действиях [8, с. 6].

Рис. Использование искусственного интеллекта в злонамеренных действиях

Цифровизация связывается с процессами освоения цифрового пространства и встраивания современных цифровых технологий не только в хозяйственную деятельность, но и в разные области жизнедеятельности путем преобразования информации в цифровой формат и широкомасштабным замещением аналоговых технико-технологических комплексов цифровыми системами [9]. Одна из формулировок цифрового пространства, по мнению научных работников, пришедшая на смену устоявшемуся информационному пространству [10, с. 45], связывается с виртуальной реальностью, которая вмещает в себя процессы передачи особым образом сведений, данных, реализацию многообразных видов функционирования персонализированных автоматических устройств, обеспечивающих быстроту поиска, получения, обработки и предоставления информации [11, с. 51]. Категория «пространство» рассматривается в виде объективной реальности, формы существования материи, которая имеет свою протяженность и объем [12, с. 504].

Другие специалисты в рамках уголовного права рассматривают цифровое пространство как составную часть информационного пространства [13, с. 160], как сферу информационной среды, включающую информационные технологии, телекоммуникационные сети, компьютерные системы [14].

Нетрудно заметить, что понятие цифрового пространства во многом сходно с трактовкой информационной сферы, которая представляет собой целостное сочетание информации, информационной структуры, осуществляющей сбор, формирование, распространение и использование информации, а также составляющей систему правовой упорядоченности возникающих при этом общественных отношений [15].

В обыденном понимании дефиниция «цифровое пространство» является образным выражением, употребляемым в переносном смысле, в виде метафоры¹, имея не-

¹ *Метафора* – оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-н. аналогии, сходства, сравнения. // Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: Изд. АСТ: Мир и образование. 2017. С. 291.

которое внешнее сходство (структурное, функциональное) с искомым термином. Так же, как термины «озеро данных», «большие данные», «облачные», «туманные» вычисления, «цифровая экономика», которые под воздействием технических достижений, с определенным стилистическим оттенком языковой единицы (коннотацией), в настоящее время приняты мировым сообществом в качестве официальных терминов [16] и имеют новое содержание.

Иными словами, суть цифрового пространства связана с использованием цифровых способов работы с большими объемами информации, оцифрованных данных и соответствующей технологической инфраструктуры, которая в целом представляет собой совокупность информации, ресурсного обеспечения, осуществляющего сбор, формирование, распространение и использование информации в основном в виде формализованных алгоритмов, а также систему регулирования возникающих при этом общественных отношений [17, с. 136].

Цифровое пространство становится системообразующим явлением мирового масштаба и все активнее влияет на состояние экономической, социально-политической, оборонной, правоохранительной, иной деятельности, составляющих основу защиты национальных интересов государства, упрочение демократии [17, с. 20]. С течением времени возрастающая значимость цифрового пространства становится все более очевидной, поскольку данный фактор общественной жизни во многом предопределяет перспективы защищенности национальной безопасности и стратегию инновационного развития социально-политических и экономических основ государства [8, с. 177]. Формирующееся цифровое пространство реализует информационные потребности [12, с. 572]¹, которые направлены на удовлетворение ценностных ориентаций, интересов субъектов предметной деятельности. Отметим в табличной форме ряд функций, которые с очевидностью, вытекают из сущностного анализа цифрового пространства.

Функции цифрового пространства	Предназначение функции
интегрирующая	дает возможность объединить в единую пространственно-коммуникативную среду разнообразные виды труда специалистов в рамках предметной деятельности
коммуникативная	формируется специфичная среда для интерактивного, мобильного общения с целью обмена информации между субъектами различных сфер труда
актуализирующая	происходит удовлетворение ценностных ориентаций, интересов и потребностей субъектов предметной деятельности в оперативных, обладающих новизной и практически значимых сведениях, которые смогут эффективно решать вопросы противодействия внутренним и внешним угрозам национальной безопасности с учетом финансовых механизмов реализации, правовой, организационной и методической согласованности

Для уточнения понятия «информационная потребность» необходимо рассмотреть его с нескольких позиций [19, с. 45]. Во-первых, информационная потребность является разновидностью индивидуальных ценностей, интересов, что требует учета ряда субъективных (психологических) факторов. Можно согласиться со взглядами ученых, разрабатывающих теорию ценностей, в том, что ценности в качестве явлений

¹ Потребность – надобность в чем-нибудь, требующая удовлетворения.

особой действительности, являются понятиями разносторонними и многовариантными и не сводятся исключительно к материальному бытию либо только к миру психики [20, с. 101]. В предметах объективной действительности, которые не зависят от человека, ценностей, самих по себе нет, они вообще не существуют оторванными от социума, в отсутствии индивидуума. Определенное качество предмета данной действительности становится ценностью, лишь коснувшись с соответствующим свойством субъекта и, в первую очередь, с его потребностями, интересами [21, с. 224–227].

Во-вторых, нужно учитывать информационные потребности и тематические интересы социальных групп.

В-третьих, информационная потребность является общественной категорией, что предполагает изучение социологических характеристик этого явления. В статье 1 Закона Республики Таджикистан «О безопасности» говорится о том, что жизненно важные интересы - совокупность потребностей, от удовлетворения которых зависит существование и развитие личности, общества и государства [22]. Отсюда можно сделать вывод, что необходимой составляющей каждого вида интересов выступают потребности, насущные запросы [12, с. 216]¹, учет которых важен для поддержания баланса между интересами, достигаемыми за счет существующей системы правового регулирования общественных отношений и обеспечения взаимодействия личности, общества и государства.

Качество обеспечения информационных потребностей во многом зависит не только от имеющегося в цифровом формате соответствия уровня и количества контента удовлетворяемым фактическим запросам, но и от правильной организации процесса обслуживания, четкого разграничения компетенций служб, поставляющих сведения, данные в надлежащем цифровом объеме, от использования рациональных форм и сроков представления информации, использования новых цифровых технологий. Поэтому анализ информационных потребностей и запросов становится основой построения рационального цифрового пространства. Формирование запросов субъектов национальной безопасности как потребителей цифрового продукта должно основываться, прежде всего, на осознании и выработке приоритетов в интересах государственных и иных структур в отношении информационного обеспечения национальной безопасности и на их видении оптимального решения возникших проблем.

Формирование цифрового пространства в противодействии внутренним и внешним угрозам создаст возможность полного использования преимуществ совместной работы в информационной сфере элементов национальной безопасности путем рациональной эксплуатации единой автоматизированной телекоммуникационной сети, в основе которой лежат унифицированные системы и средства связи, автоматизированные системы, их технико-технологические комплексы, подсистемы и компоненты. Создание цифрового пространства обеспечит высокую надежность, актуальность, достоверность, своевременность и надежную защиту при передаче электронных документов и других сведений, даст возможность применять инновационные формы сетевого обслуживания, включая доступ к удаленным локальным сетям, использовать цифровую передачу речи и видеoinформации.

Системообразующим фундаментом создания интегрированной автоматизированной системы управления, которая может объединить процессы информационной поддержки принятия решений по вертикали и горизонтали между элементами нацио-

¹ Запрос – потребности, интересы. Запросы (мн. число) – стремления, потребности, влечения; (информ.) – требования на непосредственный вывод данных или на их извлечение из базы данных, основанное на заданных условиях // URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения 02.07.2022).

нальной безопасности в противодействии внутренним и внешним угрозам, является необходимость создания единой информационной среды, как неотъемлемой части цифрового пространства Республики Таджикистан.

В целях предупреждения внутренних и внешних угроз национальной безопасности и вообще насильственных конфликтов социально-политической (а также военно-политической) направленности в информационном пространстве правоохранительной деятельности требуется формирование единой государственной пространственно-коммуникативной среды выявления и разрешения таких конфликтов на ранней стадии. Ее задача – осуществление многоуровневого мониторинга и прогноза развития конфликтов как потенциальных угроз национальной безопасности, а также (в перспективе) – реализация на данной основе действенного механизма ответственности органов власти различных уровней за принятие не просчитанных по своим последствиям либо умышленных политических, кадровых и административных решений, послуживших причиной социально-политических конфликтов.

Рациональное использование цифрового пространства может дать ощутимую экономию бюджетных затрат на ее создание за счет передачи всех форматов отображения информации (цифровые данные, сведения, голос, факс, видео) по одним и тем же цифровым каналам прямой и обратной связи; обеспечит общую экономию государственных финансовых средств за счет совместного использования соответствующими ведомствами дорогостоящих междугородных каналов связи (в том числе оптоволоконных и спутниковых) магистральной сети; обеспечит надежный доступ и эффективную эксплуатацию системы за счет типологии и унификации технологий и технических средств, программных комплексов и алгоритмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Речь Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба "Валдай" 27 октября 2022 г. // Комсомольская правда : сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (дата обращения: 28.10.2022).
2. Ким М.О. Проблемы национальной безопасности на современном этапе развития общества // Философия права, 2017, № 3 (82). С. 150–157.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 26.07.2022).
4. Асеев А.Г., Ляхов А.В. Система государственных органов по обеспечению национальной безопасности и применению мер принуждения / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII международной научно-практической конференции (2-3 апреля 2020 г.): в 2 ч. /отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 69–71.
5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 26.07.2022)
6. Холматов М.М. Институциональные аспекты развития цифровой экономики Таджикистана // Таджикистан и современный мир. 2020, №2 (70). С. 136–138;
7. Турдибеков Б.А. Современное состояние формирования цифровой экономики в Республике Таджикистан / Вестник Евразийской науки. 2018. № 1, Том 10 //: <http://esj.today/PDF/52ECVN118.pdf> (дата обращения: 28.07.2022).
8. Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта. Выпуск VI. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2021. С. 6.

9. Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 1 августа.2018 г. № 428. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/ (дата обращения: 26.10.2022).
10. Господарик Е., Головенчик Г. Единое цифровое пространство - фундамент евразийской интеграции / Наука и инновации. 2021. № 12 (226). С. 45–49.
11. Сидорова А. П. Понятие цифрового пространства и его характеристики. Возможности и угрозы использования цифрового пространства / Научный диалог: молодой ученый: сборник научных трудов по материалам XXVIII международной научной конференции. СПб. 2020. С. 48–56.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, - 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковик, 1997. 938 с.
13. Иванова Л. В., Перегожина Г. В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений / Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования/ 2020. Том 6. № 4 (24). С. 155–171.
14. Шахназаров Б. А. Территориальные принципы охраны интеллектуальной собственности и действие государственного суверенитета в цифровом пространстве <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.07.2022).
15. Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан: Указ Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 г. № 1175 //: <http://docplayer.ru/53184273-Koncepciya-informacionnoy-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan.html> (дата обращения: 13.10.2022).
16. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/48d8fcde0323439fed68fa60763c7429a0447942/ (дата обращения: 13.04.2022).
17. Махмадов П.А. Информационная безопасность в системе национальной безопасности государств Центральной Азии: учеб. пособие для студентов вузов. – Таджикский национальный университет: Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан. Душанбе, 2018. 134 с.
18. Агапов П.В., Ефремова М.А. Международно-правовые основы обеспечения информационной безопасности участников Содружества Независимых государств / Юридическая наука и правоохранительная практика 2015. № 1 (31). С. 176–182.
19. Бородин В.И. Информационные потребности различных категорий потребителей // Информационные потребности специалистов: Заочный семинар. М., 1980. С. 44–48.
20. Воскобоев А.И., Головкин В.А. Воспитание как комплексная дидактическая проблема: традиционные и инновационные интерпретации // Философия права. 2016. № 3 (76). С. 99–103.
21. Корват М., Милановский В. Политические ценности // Элементы теории политики. Ростов н/Д. 1991. С. 224–227.
22. О безопасности Закон Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2011 г., № 6, ст. 434; 2014 г., №11, ст. // URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Tajikistan/TJ_Law_on_Security_2011_as%20of%202016.pdf (дата обращения: 13.04.2022).

REFERENCES

1. Speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin at a meeting of the Valdai discussion club on October 27, 2022 // [Electronic resource] - Access mode: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (date of access: 10.28.2022).
2. Kim M.O. Problems of national security at the present stage of development of society / Philosophy of Law, 2017, no. 3 (82), pp. 150-157.

3. National Security Strategy of the Russian Federation: approved. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400) // [Electronic resource] - Access mode: URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 07.26.2022).
4. Aseev A.G., Lyakhov A.V. [The system of state bodies for ensuring national security and the use of coercive measures] Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'ju: voprosy teorii i praktiki: materialy XXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (2-3 aprelja 2020 g.) [Actual problems of combating crime: theory and practice: materials of the XXIII international scientific and practical conference (April 2-3, 2020)]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, pp. 69-71.
5. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 // [Electronic resource] - Access mode: URL: <http://www.consultant.ru/> (date circulation: 26.07.2022)
6. Kholmatov M.M. Institutional aspects of the development of the digital economy of Tajikistan / Tajikistan and the modern world. 2020, no. 2 (70), pp. 136-138.
7. Turdibekov B.A. The current state of the formation of the digital economy in the Republic of Tajikistan / Bulletin of Eurasian Science, 2018, - No. 1, Volume 10 // [Electronic resource] - Access mode: <https://esj.today/PDF/52ECVN118.pdf> (date of access: 28.10. 2022).
8. Review of selected issues in the field of big data and artificial intelligence. Issue VI. M.: FKU "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2021, pp. 6.
9. Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia dated August 1, 2018 No. 428 "On approval of Clarifications (guidelines) on the development of regional projects within the framework of federal projects of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" // [Electronic resource] - Access mode: URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 26.10.2022).
10. Gospodarik E., Golovenchik G. A single digital space is the foundation of Eurasian integration / Science and innovations. 2021, no. 12 (226), pp. 45-49.
11. Sidorova A.P. The concept of digital space and its characteristics. Opportunities and threats of using the digital space / Scientific dialogue: a young scientist / Collection of scientific papers based on the materials of the XXVIII international scientific conference. St. Petersburg, 2020, pp. 48-56.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences, Institute of Rus. lang. them. V.V. Vinogradova, - 4th ed., supplemented. - M.: Azbukovik, 1997, 938 p.
13. Ivanova L.V., Peregozhina G.V. Digital space as a crime scene under global restrictions / Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research / 2020. - Volume 6. - No. 4 (24). - Pp. 155-171.
14. Shakhnazarov B.A. Territorial principles for the protection of intellectual property and the operation of state sovereignty in the digital space // [Electronic resource] - Access mode: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 26.07.2022).
15. The concept of information security of the Republic of Tajikistan - Approved. Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated November 7, 2003 No. 1175 // [Electronic resource] - Access mode: <http://docplayer.ru/53184273-Koncepciya-informacionnoy-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan.html> (date of access: 13.10.2022).
16. Program «Digital Economy of the Russian Federation»: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1632-r dated July 28, 2017.
17. Makhmadov P.A. Information security in the system of national security of the states of Central Asia: textbook. allowance for university students. - Tajik National University: Institute of Philosophy, Political Science and Law. A. Bahovaddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. - Dushanbe, 2018. - 134 p.
18. Agapov P.V., Efremova M.A. International legal framework for ensuring information security of the members of the Commonwealth of Independent States / Legal Science and Law Enforcement Practice 2015, no. 1 (31), pp. 176-182.
19. Borodynya V.I. Information needs of various categories of consumers // Information

needs of specialists: Correspondence seminar. - M., 1980, pp. 44-48.

20. Voskoboev A.I., Golovko V.A. Education as a complex didactic problem: traditional and innovative interpretations // Philosophy of Law, 2016, no. 3 (76), pp. 99-103.

21. Korvat M., Milanovsky V. Political values // Elements of the theory of politics. - Rostov n/a. 1991, pp. 224-227.

22. Law of the Republic of Tajikistan "On Security" // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2011, No. 6, art. 434; 2014, No. 11, art. 646; Law of the Republic of Tajikistan dated March 15, 2016, No. 1283).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, доцент. Начальник Академии МВД Республики Таджикистан. 734024, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мاستонгулова, 3.

Ульянов Александр Данилович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации деятельности ОВД ЦКШУ Академии управления МВД России. 125993, Российская Федерация, Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8.

Sharifzoda Faizali Rahmonali, Doctor of Law, associate professor, Head of the Academy of the MIA of Republic of Tajikistan. 734024, Republic Tajikistan, Dushanbe, Mastongulova st., 3

Ulyanov Alexander Danilovich, Candidate of Law Sciences, Associate professor, Associate professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Ministry of Internal Affairs of Center for Command Games at the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 125993, Russian Federation, Moscow, Z. and A. Kosmodemyanskikh, 8.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 61–68.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 61–68.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.50.63.006

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН К УЧАСТИЮ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Добров Алексей Николаевич

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
dobson@bk.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемы привлечения граждан к участию в охране общественного порядка:

- несовершенство мер социального обеспечения и материального стимулирования лиц, принимающих участие в охране общественного порядка, в частности народных дружинников; недостаточное материально-техническое обеспечение деятельности народных дружин;
- проблемы, связанные с привлечением граждан в народные дружины;
- низкая мотивация у граждан в оказании помощи и содействия органам внутренних дел в охране общественного порядка и общественной безопасности;
- проблемы закрепления правового статуса народного дружинника в части применения им физической силы;
- отсутствие правовых норм в уголовном законодательстве, направленных на охрану жизни и здоровья лиц, принимающих участие в охране общественного порядка.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы действующего российского законодательства, регламентирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере содействия населению органам внутренних дел по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать обобщения и предложения, направленные на совершенствование законодательства в сфере участия граждан в профилактике правонарушений и охране общественного порядка.

Выводы и заключения: В целях усиления правового статуса народного дружинника, повышения уровня мотивации граждан к участию в охране общественного порядка сформулированы предложения по совершенствованию законодательства об участии граждан в охране общественного порядка.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, охрана общественного порядка, народные дружины, мотивация, профилактика правонарушений.

Для цитирования: Добров А.Н. Проблемы привлечения граждан к участию в охране общественного порядка // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 61–68.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.50.63.006

Original article

PROBLEMS OF CITIZEN PARTICIPATION IN COMMUNITY POLICING

Aleksey N. Dobrov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, dobson@bk.ru

Introduction: The article deals with the problems of involving citizens in the protection of public order:

- imperfection of social security measures and material incentives for persons taking part in the protection of public order, in particular, people's volunteer patrols; insufficient material and technical support for the activities of people's volunteer patrols;
- Problems related to the recruitment of citizens to volunteer patrols;
- low motivation of citizens to help and assist internal affairs bodies in protecting public order and public safety
- Problems of enshrining the legal status of people's vigilantes in terms of their use of physical force
- Lack of legal norms in the criminal legislation, aimed at protecting the life and health of persons taking part in the protection of public order.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the norms of the current Russian legislation regulating public relations that develop in the field of assistance to the population to the internal affairs bodies to ensure public order and public safety.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

The results of the study: made it possible to formulate generalizations and proposals aimed at improving legislation in the field of citizens' participation in the prevention of offenses and the protection of public order.

Findings and Conclusions: In order to improve the mechanism of interaction with citizens who assist in the protection of public order, proposals have been formulated to improve the legislation on the participation of citizens in the protection of public order.

Keywords: public safety, public order, protection of public order, people's squads, motivation, crime prevention.

For citation: Dobrov A. N. Problemy privlechenija grazhdan k uchastiju v ohrane obshhestvennogo porjadka [Problems of involving citizens to participate in protection of public order]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 61–68 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.50.63.006

Участие граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности является весомым вкладом в борьбе с противоправными деяниями. Вместе с тем, данная общественно-полезная деятельность в процессе своей реализа-

ции имеет ряд проблемных аспектов, своевременное разрешение которых позволит сделать содействие граждан органам внутренних дел максимально эффективным.

Правовую основу содействия граждан органам государственной власти Российской Федерации в охране общественного порядка составляют Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»¹ (далее – Закон №44-ФЗ) и другие нормативные правовые акты.

Одной из важнейших проблем создания и деятельности добровольных народных дружин является мотивация граждан к участию в охране общественного порядка в составе народных дружин на добровольной основе, в большей степени молодежи. При привлечении к участию в деятельности народных дружин параллельно выполняется функция социализации государства, которая состоит в том, чтобы воспитывать у подрастающего поколения правомерное поведение и высокий уровень правосознания.

Необходимо отметить, что в данном случае может быть полезен советский опыт. Так, в восьмидесятые годы XX века создавались добровольные народные дружины из числа студентов, которые отслужили в армии, за участие в работе народных дружин им предоставлялась возможность пропустить занятия на следующий день после вечернего или ночного дежурства. Деятельность добровольных народных дружин из студентов координировалась сотрудниками милиции, в частности, сотрудник милиции входил в добровольную народную дружину и осуществлял непосредственное руководство действиями дружинников. Однако в настоящее время возникает вопрос о том, чем можно заинтересовать молодежь к участию в народных дружинах. Исключительно денежные выплаты не смогут простимулировать молодое поколение к тому, чтобы участвовать в охране порядка. Поэтому необходимо, чтобы у молодёжи была и другая мотивация. Специфика молодого поколения состоит в том, что мотивом их деятельности может быть не только материальная составляющая. Это может быть желание занять активную социальную позицию, повысить свой имидж и авторитет, продемонстрировать возможности и способности. Кроме того, у молодого поколения присутствует запрос на повышение авторитета, социального статуса в своей социальной группе. Поэтому необходимо использовать все эти особенности молодого возраста для того, чтобы привлечь активных граждан к участию в работе народных дружин.

Кроме этого, дополнительной мотивацией могут послужить, например, бесплатные горячие обеды, а также льготы на оплату услуг жилищно-коммунального хозяйства, что тоже является немаловажным материальным стимулом для всех возрастных категорий граждан. Можно обеспечить проживание в муниципальных общежитиях, а также предоставить места в общежитиях университетов и институтов, других учебных заведений. Большой потенциал имеют выдача билетов для посещения различных спортивных и культурных мероприятий, например, соревнования, чемпионаты, выставки и т. д.

Не последнее место в списке мер морального стимулирования занимает конкурс на звание «Лучший дружинник» на муниципальном и региональном уровнях, победители которого в свою очередь могут награждаться ценными подарками, премиями и т. д.

Наиболее проблемным является вопрос финансирования деятельности народных дружин из региональных бюджетов, возможности которые предусмотрены феде-

¹ Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон № 44-ФЗ (в послед. ред.) : принят Государственной Думой 21 марта 2014 года : одобрен Советом Федерации 26 марта 2014 года // КонсультантПлюс : сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=286893&base=LAW&from=420531-0&rnd=EUIZvOT6HR5ilrO3#PuEovOT6DUJOkPp6l> (дата обращения: 20.03.2022). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

ральным законодательством. Руководители предприятий, в свою очередь, из-за дефицита бюджета не в состоянии наладить механизм поощрения работников, участвующих в охране общественного порядка.

Например, Постановление администрации Ангарского городского округа Иркутской области от 26 ноября 2021 г. № 1048-ПА «Об утверждении Положения о поощрении принявших участие в охране общественного порядка граждан, народных дружинников и охранников частных охранных организаций» регулирует вопросы поощрения граждан, участвующих в охране общественного порядка.

Размер денежной премии составляет 2 299 рублей, денежная премия выплачивается за счет средств бюджета Ангарского городского округа.

Основаниями для отказа в выплате денежной премии являются нарушение требований при подготовке и направлении ходатайства о награждении и отсутствие бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств.

Важно, что процедуру поощрения граждан, народных дружинников и охранников частных охранных организаций в торжественной обстановке проводит начальник управления по общественной безопасности администрации Ангарского городского округа.

Актуальным остается вопрос страхования жизни и здоровья народных дружинников в тот период, когда они принимают участие в деятельности народных дружин. Это является немаловажным аспектом, учитывая, что жизнь и здоровье сотрудника органов внутренних дел застрахованы. Однако народный дружинник во время несения своей службы в составе народных дружин также подвергается высокому риску, ведь против него возможны противоправные действия со стороны правонарушителей. Тем более что по сравнению с сотрудником полиции, он не имеет оружия, специальных средств, что могло бы защитить его от возможных агрессивных действий со стороны правонарушителя. Поэтому участники народных дружин имеют более высокий риск получить вред здоровью при охране общественного порядка.

Отдельно необходимо отметить низкую степень информированности населения о деятельности народных дружин. Рядовые граждане недостаточно осведомлены о правовых условиях, принципах и основных формах участия граждан в охране общественного порядка, а также предусмотренных привилегиях, льготах и компенсациях. В этой связи информационное сопровождение работы народных дружин в местных, региональных и федеральных средствах массовой информации должно стать неотъемлемой частью работы общественных формирований.

Кроме проблемы привлечения граждан к участию в работе народных дружин, обеспечения принципа добровольности в рассматриваемом вопросе, можно отметить и некоторые другие проблемы, которые имеются в сфере деятельности народных дружин и участия граждан в охране общественного порядка. Речь идет об усилении правового статуса народного дружинника и необходимости закрепления за ним специальных прав и обязанностей, которые в настоящее время в Законе №44-ФЗ не определены. Так, например, «закрепляя право применения физической силы в рамках всего двух правовых институтов (необходимой обороны и крайней необходимости), присущих всем физическим лицам на территории Российской Федерации, закон существенно минимизирует этим остальные правомочия народных дружинников. Запрет на применение ими физической силы для пресечения правонарушений доводит до абсурда предоставленное право требовать прекращения противоправных деяний, так как неясны дальнейшие действия в случае получения отказа».

Сложности возникают при получении отказа прекратить противоправное поведение. Несомненно, когда противоправное деяние направлено на самого народного

дружинника, то согласно ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации² он вправе защищаться любым способом и применять для защиты физическую силу. При этом возникает вопрос, как надлежит поступать, если объектом посягательства являются иные охраняемые законодательством общественные отношения? Трудно реализуемым для народного дружинника представляется и решение вопроса с доставлением лица, нарушившего законодательство, в подразделения органов внутренних дел. Перечень уполномоченных на такие принудительные меры лиц определяется ст. 27.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ³ (КоАП РФ), и народные дружинники в него не входят.

Анализ приведённых правовых норм позволяет сделать вывод о том, что народные дружинники фактически осуществляют функции представителя власти (их законные требования о прекращении противоправных действий обязательны для исполнения всеми гражданами и должностными лицами; за невыполнение этих требований предусмотрена административная ответственность), но юридически не обладают таким статусом в уголовном праве. Представитель власти - это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделённое в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости (примечание к ст. 318 Уголовного Кодекса Российской Федерации⁴). Народные дружинники не могут быть признаны должностными лицами, поскольку входят в состав общественного объединения.

Интересно отметить, что в соответствии с п. 22 действовавшего до 17 июля 1995 г. Примерного положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка народный дружинник, кроме указанных полномочий, имел право:

- составлять (в отсутствие работников милиции или иных уполномоченных на это лиц) протокол в случаях злостного нарушения общественного порядка или причинения имущественного или иного ущерба гражданину, предприятию, учреждению, организации, с последующей передачей протокола начальнику штаба (командиру) дружины;

- требовать от нарушителей общественного порядка предъявления паспорта или других документов, удостоверяющих личность, в случаях, когда установление личности необходимо для выяснения обстоятельств совершения правонарушения или причастности к нему.

Все это позволяло относить дружинника к лицам, исполняющим функции представителя власти [1].

Также проблемы могут возникать у дружинников при реализации прав по охране места происшествия, обеспечению сохранности вещественных доказательств до прибытия полиции, поскольку отсутствуют полномочия на применение физической силы в случае невыполнения законных требований.

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.12.2021).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 05.12.2022) : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 год // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.11.2021)

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/27be69905b583665efc52c084a6dd06920d4eae1/ (дата обращения: 01.11.2021)

Указанные аспекты требуют детальной проработки и закрепления в российском законодательстве. В данном случае ориентиром может служить модель закрепления за народным дружинником права на применения физической силы как специальной меры пресечения.

Еще одним проблемным моментом является отсутствие правовых норм в уголовном законодательстве, направленных на охрану жизни и здоровья лиц, принимающих участие в охране общественного порядка.

Представляется целесообразным согласиться с мнением некоторых авторов, что для обеспечения гарантий участия граждан в охране общественного порядка, а именно внештатных сотрудников и народных дружинников, деятельность которых наибольшим образом связана с угрозой для их жизни и здоровья, необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 25 Закона № 44-ФЗ, согласно которой предусматривается ответственность не только за воспрепятствование деятельности внештатного сотрудника или народного дружинника (в том числе с применением насилия и оскорбления), а также посягательство на жизнь дружинника или внештатного сотрудника (по аналогии с нормами, направленными на защиту жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих должностных обязанностей) [2].

Это, с одной стороны, позволит подчеркнуть особый правовой статус указанных представителей общественности, наделенных властными полномочиями, тем самым повысив гарантии их защищенности. С другой стороны, такая норма, усиливая ответственность названных субъектов, будет в большей мере способствовать соблюдению ими законности при осуществлении деятельности по охране общественного порядка и противодействию правонарушениям.

Таким образом, в настоящее время существует ряд проблем, возникающих в процессе участия граждан в охране правопорядка в России:

- несовершенство мер социального обеспечения и материального стимулирования лиц, принимающих участие в обеспечении общественного порядка, в частности народных дружинников; недостаточное материально-техническое обеспечение деятельности добровольных народных дружин;
- проблемы, связанные с привлечением граждан в добровольные народные дружины;
- низкая мотивация у граждан для участия в оказании помощи и содействия органам внутренних дел в охране общественного порядка и общественной безопасности;
- проблемы закрепления правового статуса народного дружинника в части применения им физической силы;
- отсутствие правовых норм в уголовном законодательстве, направленных на охрану жизни и здоровья лиц, принимающих участие в охране общественного порядка.

Многие исследователи считают, что для улучшения материально-социального статуса дружинников необходимо совершенствование действующего законодательства [3; 4; 5; 6].

Действительно, система продуманных социальных и финансовых гарантий правового статуса народного дружинника поддерживают мотивацию граждан к участию в охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на отведенной им территории.

Анализ приведенных положений позволяет сформулировать ряд предложений и рекомендаций по улучшению статуса народных дружинников. В частности, для улучшения социального положения лиц, принимающих участие в обеспечении общественного порядка, необходимо:

1) дополнить законы субъектов Российской Федерации, предметом регулирования которых выступают отдельные аспекты участия граждан в охране общественного порядка в пределах определенной территории и которые в настоящее время не содержат положений о личном страховании народных дружинников, такими нормами;

2) в субъектах России, где личное страхование лиц, принимающих участие в охране правопорядка, возложено на муниципальное образования, разработать модельные муниципальные правовые акты в помощь муниципалитетам;

3) предусмотреть обязательное финансовое обеспечение указанных мер.

Средств местного бюджета на страховые выплаты может быть недостаточно, поэтому необходимо субсидирование бюджетов муниципальных образований за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации. Только при выполнении данного условия законодательно закреплённые нормы о личном страховании народных дружинников будут эффективны и будут реализованы [7].

Широкий спектр имеющихся мер материального стимулирования и поощрения также будет иметь смысл только при реальных выплатах, которые заранее должны быть заложены в бюджет, из которого предусмотрено их финансирование.

Наряду с проблемой совершенствования социального и материального положения народных дружинников, существует также проблема недостаточной информированности граждан о возможности участия в охране общественного порядка и общественной безопасности, а также их низкая заинтересованность в участии в охране правопорядка.

Одним из основных направлений деятельности народных дружин является расширение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах. Реализация указанного направления напрямую может влиять на уровень информированности населения по вопросам содействия полиции и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка, что в свою очередь будет способствовать повышению имиджа народного дружинника.

В целях совершенствования правового статуса народного дружинника в Российской Федерации следует закрепить за ним право применения физической силы для пресечения противоправных деяний и задержания правонарушителя. В связи с этим необходимо внести изменения в ст. 17 Закона № 44-ФЗ, предусматривающую права народных дружинников, изложив п. 4 следующим образом: *«применять физическую силу в целях пресечения правонарушений, для задержания и передачи нарушителей в органы внутренних дел, если иные способы не обеспечивают выполнения функций по охране правопорядка»*.

Как представляется, указанные выше меры, направленные на усиление правового статуса народного дружинника, будут способствовать разрешению проблемы привлечения граждан к содействию органам внутренних дел в обеспечении правопорядка и поддержании общественной безопасности на определенной территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шнитенков А. Уголовно-правовое положение народного дружинника и внештатного сотрудника полиции // "Законность" : журнал. 2017. N 7. С. 43.
2. Данелян Р. Н. Проблемные вопросы законодательного регулирования деятельности членов общественных объединений по охране общественного порядка в Российской Федерации // Концепт. 2015. Т. 13. С. 4568
3. Андрианов И. П. Добровольная народная дружина как средство профилактики правонарушений, наркомании и алкогольной зависимости, противодействия развитию деструктивных течений и экстремизма в молодежной среде // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1-1. С. 268.

4. Афанасенко А. Н. Проблемы привлечения граждан к охране общественного порядка // Modern Science. 2019. № 10-3. С. 39.
5. Баньковский Е. А. Современные проблемы правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1 (42). С. 99.
6. Зайцев И. А., Фирсова Е. А. Участие граждан в охране общественного порядка: перспективные формы взаимодействия проблемы и предложения по совершенствованию // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 1 (32). С. 121.
7. Добров А. Н., Баранова С. А., Рачёв Д. Н. Об эффективности отдельных организационно-правовых мер по привлечению граждан к охране общественного порядка // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 4 (91). С. 219–226.

REFERENCES

1. Shnitenkov A. Criminal-legal status of the people's combatant and freelance police officer. Journal "Legality", 2017, no. 7, 43 p.
2. Danelyan R.N. Problematic issues of legislative regulation of the activities of members of public associations for the protection of public order in the Russian Federation. Concept. 2015. vol. 13, pp. 4568
3. Andrianov I.P. Voluntary people's squad as a means of preventing offenses, drug addiction and alcohol addiction, counteracting the development of destructive trends and extremism in the youth environment // Science of the XXI century: actual directions of development. 2017, no. 1-1, pp. 268.
4. Afanasenko A.N. Problems of attracting citizens to the protection of public order // Modern Science. 2019, no. 10-3, 39 p.
5. Bankovsky E.A. Modern problems of legal regulation of citizens' participation in the protection of public order. Vestnik of the Vladimir Law Institute. 2017, no. 1 (42), 99 p.
6. Zaitsev I.A., Firsova E.A. Participation of citizens in the protection of public order: promising forms of interaction problems and proposals for improvement. Vestnik of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 1 (32), 121 p.
7. Dobrov A.N., Baranova S.A., Rachev D.N. On the effectiveness of individual organizational and legal measures to attract citizens to the protection of public order. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 4 (91), pp. 219–226.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Добров Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dobrov Aleksey Nikolaevich, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Deputy chief of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of the internal affairs bodies. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 69–77.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
no. 4 (103). P. 69–77.

Научная статья

УДК: 342.951

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.67.54.007

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО СТАТУС УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Майоров Владимир Иванович

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
Тюмень, Российская Федерация, 1955715@rambler.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования эксплуатации средств индивидуальной мобильности (электросамокатов, сигвеев, гироскутеров и др.), а также определения статуса лиц, их использующих. Автором отмечаются особые преимущества средств индивидуальной мобильности в городских условиях, как возможность перемещения до пункта назначения с малыми затратами, так и их компактность, автономность, экономичность, доступная стоимость.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы действующего российского законодательства, а также отдельных зарубежных государств, регламентирующие общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, в части регулирования эксплуатации средств индивидуальной мобильности. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, метод системного анализа, сравнительно-правовой, статистический, формально-юридический методы, методы логической дедукции, индукции, сравнения, анализа, обобщения и описания, обосновывающие классификацию средств индивидуальной мобильности, а также требований к их движению.

Результаты исследования позволили определить ряд проблемных вопросов, возникших с появлением новых средств передвижения и отсутствием их правового статуса и, как следствие, реализации ответственности управляющими ими лиц, при нарушении правил дорожного движения.

Выводы и заключения. В статье обоснован подход к средствам индивидуальной мобильности как к особой разновидности транспортных средств, приводимых в движение электродвигателем, проанализирован опыт зарубежных стран в этой сфере. Разработана классификация средств индивидуальной мобильности по категориям, а также комплекс требований и ограничений для использования средств каждой из категорий в рамках улично-дорожной сети, в том числе возрастной порог, допустимая скорость, разрешенные зоны для движения.

Ключевые слова: средство индивидуальной мобильности, электросамокат, правовое регулирование, правовой статус, участники дорожного движения, пешеход, классификация.

Для цитирования: Майоров В.И. Проблемы совершенствования законодательства, регулирующего статус участников дорожного движения, использующих средства индивидуальной мобильности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 69–77.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.67.54.007

Original article

PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGISLATION REGULATING THE STATUS OF ROAD TRAFFIC PARTICIPANTS USING PERSONAL MOBILITY DEVICES

Vladimir I. Mayorov

Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Tyumen 1955715@rambler.ru

Introduction: the article deals with the problematic issues of legal regulation of individual mobility devices (electric scooters, sigvees, gyro scooters, etc.), as well as the definition of the status of people who use them. The author notes the special advantages of individual mobility devices in urban conditions, as the possibility of moving to a destination with low costs, as well as their compactness, autonomy, efficiency and affordable cost.

Materials and methods: the normative basis of the study is the norms of the current Russian legislation, as well as individual foreign countries, regulating social relations that develop in the field of road safety, in terms of regulation of the operation of personal mobility. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, the method of system analysis, comparative-legal, statistical, formal-legal methods, methods of logical deduction, induction, comparison, analysis, generalization and description, which substantiate the classification of personal mobility devices, as well as requirements for their movement.

The Results of the study allowed to identify a number of problematic issues that has arisen with the emergence of new means of transportation and the lack of their legal status and, as a consequence, the implementation of the responsibility of the persons driving them, when violating traffic rules.

Findings and Conclusions: The article substantiates the approach to individual mobility devices as a special type of vehicles powered by an electric motor, and analyzes the experience of foreign countries in this field. It develops a classification of individual mobility devices by categories, as well as a set of requirements and restrictions for the use of vehicles of each category within the street and road network, including the age threshold, permissible speed, allowed zones for movement.

Keywords: personal mobility device, electric scooter, legal regulation, legal status, road users, pedestrian, classification.

For citation: Mayorov V. I. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego status uchastnikov dorozhnogo dvizheniya, ispol'zuyushchikh sredstva individual'noi mobil'nosti [Problems of improving the legislation regulating the status of road traffic participants using personal mobility devices]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, no. 4 (103), pp. 69–77.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.67.54.007

Административно-правовой статус средств индивидуальной мобильности и управляющих ими лиц является одной из наиболее дискуссионных проблем в области дорожного движения, возникших в последние годы. Широкое распространение гироскутеров, моноколес, сигвеев, электросамокатов и других аналогичных устройств, начавшееся в крупных российских городах в последние годы, привело к появлению новой категории участников дорожного движения с неопределенным статусом, мнения относительно которого среди ученых и законодателей различны.

Эксплуатация так называемых средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ) в городских условиях имеет особые преимущества, позволяя с малыми затратами осуществить перемещение до пункта назначения. Кроме того, они отличаются компактностью, автономностью, экономичностью, стоимость приобретения и содержания СИМ относительно невысока. Еще одним важным фактором является отсутствие проблем с хранением, парковкой и перевозкой их в общественном транспорте.

Совокупность перечисленных преимуществ обуславливает использование СИМ не только в качестве средства развлечения (наряду со скейтбордом и роликовыми коньками), но и как транспортное средство, которое становится все более популярным среди участников дорожного движения различного возраста.

Стремительное развитие технологий по производству СИМ, рост их мощностных и динамических характеристик и увеличение количества пользователей в условиях существующего правового пробела правил использования СИМ неизбежно влекут за собой рост дорожно-транспортного травматизма с их участием. Так, за 2021 год зарегистрировано более чем в полтора раза больше дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с погибшими, нежели за 2020: 672 ДТП, в результате которых погибли 20 человек. Ранения получили 704 человека [1]. Как отмечается в информационно-аналитическом обзоре аварийности за 2021 год, анализ данных о местах улично-дорожной сети, где зарегистрированы ДТП с участием СИМ, а также данных о нарушениях пользователей СИМ показывает, что улично-дорожная сеть населенных пунктов в большинстве случаев не готова к появлению новой категории участников дорожного движения [1].

Полагаем, что для изменения негативной динамики показателей аварийности с участием СИМ и повышения безопасности дорожного движения прежде всего необходима регламентация административно-правового статуса лиц, их использующих. В условиях правовой неопределенности сложилась практика отнесения данных лиц к категории пешеходов, основанная на применении принципа аналогии закона, поскольку в понятие «велосипед» входят не только аналогичные устройства, приводящиеся в движение посредством использования мускульной энергии человека, но и велосипеды, имеющие электродвигатель (мощностью, не превышающей 0,25 кВт). Следовательно, к пешеходам теоретически возможно отнесение также участников движения, передвигающихся на самокатах, роликовых коньках и иных аналогичных средствах, использующих для движения электрический привод. Тем не менее, отнесение лиц, управляющих СИМ, к пешеходам отнюдь не решило проблему дорожно-транспортного травматизма с их участием и не способно стать основой для определения их правового статуса.

В научной литературе имеется ряд исследований, посвященных использованию СИМ, авторы которых предлагают самые различные, хотя зачастую и вполне обоснованные подходы к определению понятия СИМ и их места в дорожном движении. Так, по мнению К. А. Петрова и В. В. Сидорова, СИМ следует рассматривать как мало-мощные транспортные средства [7]. А. А. Затолокин и О. И. Вислогубова для изучаемых устройств предложили понятие «современное техническое средство передвижения» [2] (аналогичной позиции придерживается С. А. Сойников [8]). В работе

С. Е. Лаврова гироскутеры, сегвеи, моноколеса, электросамокаты причислены к индивидуальным средствам передвижения [4]. Д. В. Ирошников убежден, что данные средства передвижения следует именовать не иначе как «индивидуальные малые транспортные средства» [3]. Также многие авторы, разделяя официальную позицию, используют термин СИМ [5], но по-разному определяют его содержание.

Понятие «средство индивидуальной мобильности» вместе с комплексом изменений, которые необходимо внести в Правила дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД) для уточнения статуса самих средств и управляющих ими лиц, были предложены Минтрансом России еще в 2019 г.¹ С тех пор поправки прошли большое количество доработок и согласований, однако до сих пор не были приняты.

Понятие СИМ предлагалось определить следующим образом: это устройство, предназначенное для передвижения человека посредством использования электродвигателя (электродвигателей) и (или) мускульной энергии человека (роликовые коньки, самокаты, электросамокаты, скейтборды, электроскейтборды, гироскутеры, сегвеи, моноколеса и иные аналогичные средства), за исключением велосипедов и инвалидных колясок.

Анализ приведенного определения позволяет сделать вывод, что указанные средства передвижения не рассматриваются как транспортные средства, следовательно, на использующих их лиц не будут распространены требования, касающиеся водителей транспортных средств. Лиц, использующих СИМ, предполагается выделить в отдельную категорию участников дорожного движения, закрепив к их передвижению блок особых требований по аналогии с требованиями к движению велосипедистов.

Вместе с тем такая классификация имеет свои недостатки. Лица, использующие для передвижения роликовые коньки и самокаты, в настоящее время приравнены к пешеходам. Относить их к средствам передвижения было бы неверным, учитывая, что сфера их использования включает преимущественно проведение досуга (так же, как и у лыж, коньков и т. д.), и ограничивается специальными площадками, рекреационными зонами и другими подобными участками. Сами роликовые коньки и самокаты без электродвигателей характеризуются невысокими динамическими характеристиками, не обладают потенциальными рисками для участников дорожного движения и поэтому их использование не требует специальной нормативной регламентации.

На наш взгляд, ключевым «разделителем» СИМ и схожих с ними устройств является наличие электродвигателя и скорость передвижения. По мощности двигателя и максимальной развиваемой скорости многие СИМ имеют аналоги среди уже регламентированных ПДД средств передвижения, например, велосипедов, мопедов и даже мотоциклов. Поэтому вполне очевидно, что СИМ должны относиться к транспортным средствам, а не к «устройствам, предназначенным для передвижения».

Обобщая вышеизложенное, считаем возможным сформулировать определение средства индивидуальной мобильности как транспортного средства, предназначенного для индивидуального использования, приводимого в движение электродвигателем (за исключением велосипедов и инвалидных колясок).

Анализ зарубежного опыта также показывает отсутствие единообразного подхода к определению статуса СИМ и использующих их лиц. Важность урегулирования этого вопроса на международном уровне обусловлена тем, что Конвенция о безопасности дорожного движения, ратифицированная в большинстве стран мира, не содер-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2019 г. № 1733 «О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73223665/> (дата обращения: 18.09.2022).

жит положений, касающихся использования СИМ. Поэтому в каждой стране проблема определения их статуса решается по-своему, а в некоторых странах использование СИМ полностью или частично запрещено (например, Великобритания, Швеция).

В Германии для всех транспортных средств, оснащенных мотором и способных развивать скорость свыше шести километров в час, требуется официальный допуск для использования на дорогах. Транспортные средства без допуска подлежат изъятию, а на их владельцев налагается штраф².

По разрешенным для движения зонам законодательство Германии устанавливает следующие правила: в пределах населенных пунктов пользователи СИМ должны передвигаться по велосипедным дорожкам, велопешеходным дорожкам и велосипедным улицам; в условиях их отсутствия разрешено двигаться по проезжей части дорог и жилых зон; по тротуарам и пешеходным зонам разрешено движение только при наличии соответствующего дорожного знака. Установлен возрастной ценз использования СИМ – с 15-летнего возраста.

Во Франции использование СИМ, которые обозначены как «моторизованные личные транспортные средства», разрешено с 12 лет. Движение таких транспортных средств по тротуару (зонам для пешеходов) запрещается; в городах разрешается движение по велодорожкам, а при их отсутствии – по дорогам, на которых действует ограничение скорости в 50 км/ч. Максимальная скорость движения ограничена до 20 км/ч, на дорогах с активным пешеходным движением – 8 км/ч; запрещено использование СИМ, максимальная скорость которых превышает 25 км/ч.

В Дании с 2019 г. электросамокаты и другие электрические средства передвижения признаны полноправными участниками дорожного движения, а их пользователи получили право передвигаться по велодорожкам и тротуарам [6].

Разноплановость технических и эксплуатационных характеристик СИМ является одной из причин, затрудняющих определение их правового статуса, в связи с чем первоочередную важность приобретает их классификация. Разработка четкого нормативного правового регулирования эксплуатации СИМ в отечественном законодательстве возможна лишь на основе универсальной классификации, закреплённой как в ПДД, так и в государственных стандартах.

На наш взгляд, СИМ могут быть разделены на три основных вида (категории):

1. Малоскоростные – максимальная скорость до 10 км/ч, мощность электродвигателя до 150 Вт.

2. Среднескоростные – максимальная скорость до 25 км/ч, мощность электродвигателя до 250 Вт.

3. Высокоскоростные – максимальная скорость до 50 км/ч, мощность электродвигателя выше 250 Вт. В зависимости от характеристик данные СИМ следует приравнивать к мопедам. Исходя из этого эксплуатация высокоскоростных СИМ в зонах, предназначенных для пешеходов, должна быть строго запрещена.

Стоит отметить, что существуют СИМ, способные двигаться со скоростью более 50 км/ч и по мощности двигателя попадающие под характеристики мотоциклов, однако ввиду их высокой потенциальной опасности как для пользователей, так и для иных участников дорожного движения (которая следует из непригодности улично-дорожной сети к движению таких транспортных средств), эксплуатацию подобных СИМ на улицах и дорогах общего пользования необходимо запретить.

² Правила дорожного движения в Германии // Немецкое информационное агентство DPA. URL: <https://www.dpa.com/en/>. (дата обращения: 18.09.2022).

Таким образом, статус лиц, управляющих СИМ, будет зависеть от того, к какому уровню классификации относятся СИМ.

Требования к движению СИМ следует закрепить в отдельном разделе ПДД, по аналогии с требованиями к движению велосипедистов.

Должны быть установлены ограничения:

1) *по возрасту*

Лицам младше 14-ти лет запрещено передвигаться по велосипедной дорожке и полосе для велосипедистов (на дорогах общего пользования), а лицам младше 7-ми лет запрещено пользоваться СИМ. Детей до 14-ти лет следует допускать лишь к управлению малоскоростными СИМ и при условии наличия специальной экипировки – наколенников, шлема, налокотников. Среднескоростные СИМ могут использоваться с 14-ти лет, высокоскоростные – с 16-ти (по аналогии с допуском к управлению мопедами).

2) *по скорости*

В случае движения СИМ по тротуарам, пешеходным дорожкам и пешеходным зонам их скорость не должна превышать скорость пешеходного потока. В данных зонах приоритет в движении отдается исключительно пешеходам. При движении по специальной полосе на дорогах общего пользования скорость не только не должна превышать ограничения, установленные для конкретного участка дороги, ее необходимо поддерживать на 10-20 км ниже, в силу конструктивных особенностей СИМ, ведущих к сложностям в быстром реагировании на дорожную ситуацию и незащищенности управляющих ими лиц.

3) *по используемым для движения зонам* (в зависимости от вида СИМ).

Насчет последнего стоит отметить, что, по официальной позиции, СИМ запрещено передвигаться по дорогам общего пользования, даже используя специальную полосу для велосипедов. На наш взгляд, для высокоскоростных СИМ этот условный запрет следует снять (в силу опасности и нерациональности их движения по пешеходным дорожкам, а также отсутствия в инфраструктуре многих городов отдельных полос или дорожек для велосипедов), но при условии регистрации, обучения водителя, наличия знаков и соблюдения других требований, предъявляемых к привычным транспортным средствам, с их модификацией на основе особенностей СИМ. Также водителей следует обязать носить шлемы и запретить передвижение на данных средствах более чем одного человека (это следует из самого определения СИМ как транспортного средства для индивидуального использования).

Ответственность лиц, управляющих СИМ, является ключевым элементом их правового статуса. Наблюдаемое в настоящее время бесконтрольное распространение электросамокатов, сигвеев на улично-дорожной сети городов и рост аварий с их участием можно остановить лишь с четкой регламентацией правил и введением ответственности за их несоблюдение.

Проблема частого отнесения пользователей СИМ к пешеходам ведет к тому, что при совершении нарушений ПДД их действия квалифицируются по части 1 статьи 12.29 КоАП РФ, в качестве наказания предусматривающей предупреждение или наложение штрафа в размере 500 руб. Повышенная ответственность, предусмотренная частью 2 данной статьи в отношении водителей и др. лиц, участвующих в дорожном движении, не распространяется на пользователей СИМ. Кроме того, они не несут ответственности за нарушение ПДД в состоянии опьянения.

Среди других статей КоАП РФ также необходимо указать статью 12.30, по которой пользователей СИМ можно привлечь к ответственности за нарушение ПДД, повлекшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение лег-

кого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Максимальный штраф по части 2 данной статьи составляет 1 500 руб.

Нарушение ПДД лицом, использующим СИМ, повлекшее по неосторожности смерть человека или причинение тяжкого вреда здоровью человека, квалифицируется по статье 268 УК РФ (нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта), санкции по которой ниже, чем по статье 264 УК РФ, устанавливающей ответственность для водителей механических транспортных средств³.

Таким образом, необходимость признания СИМ транспортным средством становится очевидной, ведь без этого невозможно установить адекватную уровню общественной опасности линейку санкций за нарушения ПДД пользователями данных средств передвижения.

Приравнение высокоскоростных СИМ к мопедам позволит распространить на управляющих ими лиц действие статей главы 12 КоАП РФ, закрепляющих ответственность водителей транспортных средств. СИМ второго вида (среднескоростные) в соответствии с той же логикой могли бы быть приравнены к велосипедам, однако полагаем, что ряд технических и эксплуатационных различий требует введения отдельной статьи либо дополнения статей 12.29, 12.30 КоАП РФ составами, направленными на пользователей всех СИМ за исключением высокоскоростных. Данные составы должны включать повышенные санкции за нарушение ПДД: а) в состоянии опьянения; б) повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего; в) повторное.

В завершение нашего исследования следует отметить, что даже в случае упорядочивания движения СИМ с помощью вышеназванных правил данные транспортные средства весьма затруднительно органично встроить в процесс дорожного движения, не ущемляя права иных его участников и обеспечивая должный уровень безопасности. Широкое использование СИМ требует разработки не только правовых норм в области их эксплуатации, но и новых моделей развития городской инфраструктуры в целом и улично-дорожной сети в частности. Тем не менее, правовая регламентация статуса СИМ и лиц, ими управляющих, является важным шагом на пути к снижению аварийности с их участием и должна быть осуществлена в кратчайшие сроки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год : информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 126 с.
2. Затолокин А.А., Вислогубова О.И. Проблема правового регулирования государственного контроля за управлением гироскутером (сегвеем), электросамокатом // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Орёл, 2018. С. 57–60.
3. Ирошников Д.В. Правовые проблемы обеспечения безопасности личности на транспорте в условиях использования индивидуального электротранспорта // Правовое государство: теория и практика : науч. журнал. Башкирский гос. ун-т. 2019. № 4 (58). С. 40–50.
4. Лавров С.Е. Проблемы развития улично-дорожной сети города с учетом нетрадиционных видов транспорта // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре : сборник статей 77-й Всероссийской научно-технической конференции. Самара, 2020. С. 157–161.

³ Нормативно-правовые, организационно-технические аспекты эксплуатации высоко- и полностью автоматизированных транспортных средств : аналитическая справка. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2019. 35 с.

5. Мишина Ю.В. К вопросу об участии в дорожном движении пользователей средств индивидуальной мобильности // Правопорядок: история, теория, практика : науч.-практ. журн. 2019. № 1 (24). С. 44–46.

6. Нормативно-правовые, организационно-технические аспекты эксплуатации высоко- и полностью автоматизированных транспортных средств : аналитическая справка. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2019. 35 с.

7. Петров К. А., Сидоров В. В. Вопросы, связанные с отнесением гироскутеров, сигвеев, моноциклов и электросамокатов к категории транспортных средств // Актуальные проблемы расследования преступлений: междисциплинарный подход : сборник трудов конференции. Калининград, 2019. С. 89–93.

8. Сойников С.А. Особенности определения административно-правового статуса участников дорожного движения, использующих современные технические средства передвижения (средства индивидуальной мобильности) // Вестник экономической безопасности : научный журнал. М.: Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя. 2020. № 1. С. 216–219.

REFERENCES

1. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2021. Moscow, FKU "NTs BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2022, 126 p.

2. Zatolokin A.A., Vislogubova O.I. [The problem of legal regulation of state control over the management of a gyroscope (segway), electric scooter] *Sovremennoe sostojanie i perspektivy obespechenija bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija: teorija i praktika : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Current state and prospects for ensuring road safety: theory and practice: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Eagle, 2018, pp. 57–60.

3. Iroshnikov D.V. *Pravovye problemy obespechenija bezopasnosti lichnosti na transporte v uslovijah ispol'zovanija individual'nogo jelektrotransporta* [Legal problems of ensuring personal security in transport in the conditions of using individual electric transport]. *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika – Legal state: theory and practice*. 2019, no. 4 (58), pp. 40–50.

4. Lavrov S.E. [Problems of development of the street and road network of the city, taking into account non-traditional modes of transport] *Tradicii i innovacii v stroitel'stve i arhitekture : sbornik statej 77-j Vserossijskoj nauchno-tehnicheskoi konferencii* [Traditions and innovations in construction and architecture: collection of articles of the 77th All-Russian Scientific and Technical Conference]. Samara, 2020, pp. 157–161.

5. Mishina Yu.V. K voprosu ob uchastii v dorozhnom dvizhenii pol'zovatelej sredstv individual'noj mobil'nosti [On the issue of participation in road traffic of users of means of individual mobility]. *Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika – Law order: history, theory, practice*. 2019, no. 1 (24), pp. 44–46.

6. Regulatory, organizational and technical aspects of the operation of highly and fully automated vehicles: analytical reference. M.: FKU "NTs BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2019, 35 p.

7. Petrov K.A., Sidorov V.V. [Issues related to classifying hoverboards, segways, unicycles and electric scooters as vehicles] *Aktual'nye problemy rassledovanija prestuplenij: mezhdisciplinarnyj podhod : sbornik trudov konferencii* [Actual problems of crime investigation: an interdisciplinary approach: a collection of conference proceedings]. Kaliningrad, 2019, pp. 89–93.

8. Soinikov S.A. Features of determining the administrative and legal status of road users using modern technical means of transportation (means of individual mobility). *Vestnik jekonomicheskoi bezopasnosti – Vestnik of economic security*. 2020, no. 1, pp. 216–219.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Майоров Владимир Иванович,

профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД. 625049, Тюмень, ул. Амурская, 75.

ORCID: 0000-0002-6490-3546

Mayorov Vladimir Ivanovich

Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Tyumen, Amurskay st., 75. 625049.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 78–89.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 78–89.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.41.31.008

ТИПОВЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Новичкова Елена Евгеньевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация
qwerpoi07@rambler.ru

Введение: Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях определены полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях, значительная часть которых относится к юрисдикции органов внутренних дел (полиции). Более двухсот статей вышеназванного Кодекса отнесены к полномочиям органов внутренних дел (полиции), по которым сотрудники осуществляют производство по делам об административных правонарушениях. Значительный перечень сфер деятельности, компетентность в которых обязаны проявлять полицейские, порождает ошибки, допускаемые при производстве по делам об административных правонарушениях. Бесспорно, ряд ошибок допускается по вине сотрудника в связи с формальным подходом к выполнению отдельных указаний руководителей, однако достаточно часто ошибки допускаются по причине неверного толкования закона либо ввиду несовершенства последнего. В статье рассмотрены некоторые ошибки, наиболее часто допускаемые сотрудниками полиции, и пути их устранения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляет административно-деликтное законодательство, материалы правоприменительной практики. Автор проводит анализ судебных актов по материалам органов внутренних дел, представлений прокуратуры, применяются методы обобщения, описания.

Результаты исследования: обобщаются наиболее часто допускаемые ошибки при производстве по делам об административных правонарушениях, а также причины, послужившие этому.

Выводы и заключения: в заключении автор предлагает способы, направленные на недопущение ошибок при производстве по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное правонарушение, полиция, процессуальные действия, производство по делам об административных правонарушениях, ошибки, опечатки, недостатки протокола.

Для цитирования: Новичкова Е.Е. Типовые ошибки, допускаемые сотрудниками полиции при производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 78–89.

DOI:10.55001/2312-3184.2022.41.31.008

Original article

TYPICAL ERRORS ALLOWED BY POLICE EMPLOYEES DURING PROCEEDINGS IN CASE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Elena E. Novichkova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Russian Federation, Irkutsk, qwerpoi07@rambler.ru

Introduction: The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation defines the powers to draw up protocols on administrative offenses, a significant part of which fall under the jurisdiction of the internal affairs bodies (police). More than two hundred articles of the aforementioned Code are referred to the powers of internal affairs bodies (police), under which officers carry out proceedings on cases of administrative offences. A significant list of areas of activity, competence in which police officers are required to show competence, gives rise to mistakes made in proceedings on cases of administrative offences. Undoubtedly, a number of mistakes are made due to the fault of the officer in connection with a formal approach to the implementation of certain instructions of supervisors, but quite often mistakes are made due to incorrect interpretation of the law or due to the imperfection of the latter. This article discusses some of the most common mistakes made by police officers and ways to eliminate them.

Materials and methods: the normative basis of the study is administrative and tort legislation, materials of law enforcement practice. The author analyzes judicial acts based on the materials of the internal affairs bodies, the presentations of the prosecutor's office methods of generalization and description are applied.

The Results of the study: the most common mistakes made in the proceedings on cases of administrative offenses, as well as the reasons for this are summarized.

Findings and Conclusions: in conclusion, the author suggests methods aimed at preventing errors in the proceedings on administrative offenses.

Keywords: administrative offense, police, procedural actions, proceedings on cases of administrative offenses, errors, typos, shortcomings in the protocol.

For citation: Novichkova E.E., Tipovye oshibki, dopuskaemye sotrudnikami policii pri proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah [Typical errors allowed by police employees during proceedings in case of administrative offenses]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp.78–89 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.41.31.008

Исполнение административного законодательства является одной из основных задач органов внутренних дел (полиции). Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»¹ на полицию возложены задачи по пресечению административных правонарушений и осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, отнесенных отраслевым законодательством к подведомственности полиции.

Ряд функций, выполняемых подразделениями, направлен на реализацию задач, связанных с проверкой законности и качества составления сотрудниками территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации² процессуальных до-

¹ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: принят Гос. Думой 28 января 2011 года: одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года. URL: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 10.02.2021).

² Далее – МВД России.

кументов в ходе осуществления производства по делам об административных правонарушениях; составление протоколов об административных правонарушениях, сбор доказательств, а также иных функций, выполнение которых направлено на качественное, полное, своевременное исполнение административного законодательства в рамках возложенных на полицию полномочий³.

Своевременная и полная проверка качества процессуальных документов исключает впоследствии отмену постановлений по жалобам, а также факты уклонения нарушителей от ответственности, но, к сожалению, выполнение поставленных задач перед подразделениями полиции не исключает выявления на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении должностными лицами, судьями ошибок и случаев неправильного составления протоколов об административных правонарушениях, а также иных материалов, влияющих на исполнение процедуры рассмотрения дел и, как следствие, принятие решения.

Анализ статистических данных⁴, аналитических материалов МВД России⁵ позволяет сделать вывод об увеличении количества дел об административных правонарушениях, поступающих на рассмотрение, как должностным лицам ОВД, так и судьям, с содержащимися в них недостатками, по сравнению с предыдущим периодом, что указывает на актуальность изучения подобных фактов, обстоятельств, при которых подобные ошибки возможны в целях дальнейшего недопущения их.

Рассмотрим наиболее типичные ошибки, допускаемые сотрудниками полиции при производстве по делам на некоторых его стадиях.

Под ошибками понимаются противоправные или необоснованные действия уполномоченного лица органов внутренних дел по составлению административно-процессуальных документов. К. Д. Рыдченко и др. справедливо полагают, что «ошибки, допускаемые сотрудниками полиции при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, условно можно разделить на две группы:

- 1) ошибки, допускаемые должностным лицом неумышленно;
- 2) действия должностного лица умышленного характера» [5].

В первом случае уполномоченное должностное лицо при возбуждении дела и осуществлении производства ошибочно оценивает свои действия как правомерные и направленные на реализацию задач административного производства.

Ошибки неумышленного характера обычно допускаются при составлении процессуальных документов в связи с отсутствием должной подготовки сотрудника, недостаточными знаниями и умениями, как следствие – неправильное понимание административно-процессуальных норм и порядка их применения.

Во втором случае сотрудник полиции умышленно нарушает нормы административного законодательства, осознавая противоправность своих действий, что впоследствии может повлечь привлечение его к уголовной или дисциплинарной ответственности.

³ Об утверждении Типовых положений о подразделениях организации применения административного законодательства и подразделениях по исполнению административного законодательства: приказ МВД от 29.12.2012 № 1156. URL: <https://46.mvd.rf/document/6640014>. (дата обращения: 10.11.2021).

⁴ ИСОД МВД России: ведомственный цифровой ресурс. URL: <https://en.ppt-online.org/633963>. Режим доступа: для авториз. пользователей (дата обращения 05.09.2021).

⁵ Обзор о результатах деятельности территориальных органов МВД России по исполнению административного законодательства за 2019, 2020 год. URL: <https://50.mvd.rf/DEJATELNOST> (дата обращения 10.11.2021); Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2020 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021. 75 с. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2174642> (дата обращения 10.11.2021).

В словаре С. И. Ожегова «ошибка» – неправильность в действиях, мыслях [6]. Неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях, погрешность – такое толкование «ошибки» содержится в Словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [7].

Рассматривая проблемы правоприменения административно-деликтного законодательства сотрудниками полиции, полагаем целесообразным обратить внимание на первую группу, обозначенную К. Д. Рыдченко, поскольку вторая группа, выделенная указанными авторами, по сути, является должностным правонарушением и требует самостоятельного научного исследования в рамках деликтного законодательства.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает допущение ошибок при производстве по делам в виде описок, опечаток, арифметических ошибок, определяя порядок их исправления (ст. 29.12.1 КоАП РФ). Верховный Суд Российской Федерации при этом поясняет, какие из недостатков протоколов являются существенными и несущественными⁶.

К существенным недостаткам процессуальных документов относятся такие недостатки, которые нарушают права и свободы человека и гражданина. Так, положения ст. 28.2 КоАП РФ четко прописывают, какие сведения должны содержаться в протоколе об административном правонарушении. Отсутствие каких-либо сведений в протоколе затрудняет либо не позволяет объективно рассмотреть дело и принять в результате его рассмотрения правовое решение.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» содержит следующие разъяснения: в порядке подготовки дела к рассмотрению судья должен также установить, правильно ли составлен протокол об административном правонарушении, в полной ли мере исследованы события правонарушения, сведения о лице, его совершившем, достаточно ли соблюдены процедуры оформления протокола⁷.

Исходя из положений судебного акта, а также требований административно-процессуальных норм, существенным недостатком протокола является отсутствие таких сведений, которые представляют значимость для каждого конкретного дела (ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ), например: отсутствие данных о том, владеет ли лицо, в отношении которого возбуждено дело, языком, на котором ведется производство по делу, а также данных о предоставлении переводчика при составлении протокола; были ли ознакомлены участники производства по делу с содержанием процессуальных документов; привлекались ли понятые в предусмотренных законом случаях и пр.⁸

К недостаткам дела могут относиться: составление протоколов, иных материалов дела неуполномоченными лицами, неправильное оформление документов, неполнота представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении (ч. 3 ст. 29.4 КоАП РФ). Несомненно, необходимо исходить из существенности вреда, причиненного ошибкой.

⁶ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения 07.11.2021 г.)

⁷ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения 07.11.2021 г.)

⁸ Часть 2 ст. 28.2 КоАП РФ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/86eb9da50d2bebf0f8320070bcc298ad5a93d41a/ (дата обращения 07.11.2021 г.)

К существенным недостаткам протокола, по мнению Л. В. Шадринной, относятся:

- отсутствие указаний на ознакомление участников производства с отдельными процессуальными действиями. Например, ч. 4 ст. 26.4 КоАП РФ предусматривает ознакомление некоторых участников производства с материалами дела до направления определения о назначении экспертизы для исполнения;

- нарушение прав участников производства. Согласно ст. 25.1 КоАП РФ, лицо, в отношении которого ведется производство, вправе знакомиться с материалами дела, давать объяснения, заявлять ходатайства и отводы, а также наделено иными правами, предусмотренными законом;

- нарушение процессуальных норм при оценке доказательств по делу, а именно принятие доказательств недопустимых, недостаточных и недостоверных. [10, с. 59].

При обнаружении таких ошибок судья, должностное лицо вправе вернуть протокол с материалами дела должностному лицу, в производстве у которого оно находится, на доработку. Ошибки и опечатки в процессуальных документах могут стать причиной отмены постановлений, пересмотра решений по материалам дел, введения недостоверной информации в ведомственные базы учета и пр. [2, с. 36]. Существенным недостатком, например, может быть отсутствие доказательств существенного ущерба, в случае, когда данный признак является квалифицирующим (ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ), отсутствие сведений о наличии специального права у лица, совершившего административное правонарушение, влекущего лишение такового (гл. 12 КоАП РФ). [3]

Несущественными являются такие недостатки протокола, которые могут быть восполнены при рассмотрении дела по существу. К несущественным недостаткам относятся также нарушение сроков составления протокола об административном правонарушении и направление протокола для рассмотрения судье (ст. 28.5 и 28.8 КоАП РФ), поскольку эти сроки не являются пресекательными, либо составление протокола в отсутствие лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, если этому лицу было надлежащим образом сообщено о времени и месте его составления (ст. 25.15 КоАП РФ), но оно не явилось в назначенный срок и не уведомило о причинах неявки или причины неявки были признаны неуважительными⁹. Порядок уведомления лиц, участвующих в производстве по делу об административных правонарушениях, содержит ряд разъяснительных судебных документов: Постановление Пленума ВАС РФ № 10¹⁰ (п. 24.1), например, не содержит каких-либо оговорок по поводу направления извещения определенным способом, следовательно, оно может быть направлено любым средством связи; пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 содержит аналогичные разъяснения и также допускает уведомление лиц любыми доступными способами. Например, при рассмотрении жалобы юридического лица Верховным Судом Российской Федерации об отмене постановления по делу об административном правонарушении в связи с уведомлением лица о времени и месте протокола было сделано путем направления электронного сообщения в «личный кабинет» заявителя, Верховный Суд Российской Федерации оставил жалобу без удовлетворения, поясняя свое решение тем, что КоАП РФ не содер-

⁹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения 07.11.2021 г.)

¹⁰ О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48600/ (дата обращения: 10.02.2021).

жит каких-либо ограничений, связанных с таким извещением¹¹.

Ошибки, допущенные сотрудниками полиции, часто выявляются на стадии проверки правильности составления материалов в ходе исполнения сотрудниками подразделений по исполнению административного законодательства возложенных на них обязанностей (приказ МВД России № 1156¹²). В иных случаях возможны выявления ошибок, допущенных при производстве по делам об административных правонарушениях, прокуратурой в порядке надзора.

Основными причинами допущения ошибок при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях могут быть:

- недостаточный уровень профессионализма и практических навыков либо отсутствие таковых;
- осуществление производства должностными лицами, не имеющими специального или профессионального образования достаточного уровня;
- несовершенство действующего законодательства;
- неверное толкование должностными лицами органов внутренних дел законов и вопросов их реализации.

Анализ результатов проверки материалов дел сотрудниками по исполнению административного законодательства, судебных актов, протестов прокуроров позволяет выделить наиболее часто допускаемые ошибки.

1. Неверная квалификация противоправных деяний.

На стадии возбуждения дела сотрудники полиции довольно часто пренебрегают общими нормами теории права либо ошибочно считают свои умозаключения относительно применения норм административно-деликтного законодательства верными, следствием чего является неверная квалификация правонарушения.

Для правильной квалификации деяния необходимо четко определить его состав, правильно установить элементы состава – объект правонарушения, объективную сторону (выделить все признаки объективной стороны), субъект и субъективную сторону.

Объектом правонарушения являются охраняемые законом общественные отношения. Зачастую объект правонарушения устанавливается должностным лицом неверно, при этом ошибочно может быть выбран как родовой, так и видовой объект, примером в данном случае можно привести привлечение лица при повторном совершении однородного правонарушения по нормам, предусматривающим ответственность за совершение правонарушения впервые.

Объективная сторона правонарушения характеризуется непосредственно деянием (действием либо бездействием), наступившими последствиями и причинно-следственной связью между ними. В зависимости от момента окончания деяния выделяют формальный состав (для конструкции которого достаточно установить сам факт противоправного деяния, наступление же вредных последствий не требуется) и материальный состав, при котором наступают вредные последствия (ущерб). Исключения составляют некоторые составы, порядок применения которых разъясняет Верховный Суд Российской Федерации; к таковым относится ст. 7.27 КоАП РФ (мелкое хищение). Длительное время основной проблемой привлечения лиц к ответственности

¹¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2015 г. № 310-АД14-6262 // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70768732/> (дата обращения: 05.09.2021).

¹² Об утверждении Типовых положений о подразделениях организации применения административного законодательства и подразделениях по исполнению административного законодательства: приказ МВД России от 29.12.2012 № 1156 // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70346346/> (дата обращения: 10.02.2021).

по данной статье было отсутствие единообразного толкования данной нормы. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил порядок применения ст. 7.27 КоАП РФ, определив момент окончания противоправных действий – возникновение умысла на завладение чужим имуществом.

Таким образом, не исключая возможности распоряжения похищенным имуществом как факта окончания противоправного деяния, Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание на то, что при совершении мелкого хищения наличие умысла у нарушителя уже образует состав административного правонарушения¹³.

Субъектом административного правонарушения будет являться физическое либо юридическое лицо, субъективная же сторона выражается в форме психического отношения лица к содеянному – вина (умысел или неосторожность), мотив и цель.

При составлении протоколов об административных правонарушениях, а также иных процессуальных документов, допускается неполная квалификация правонарушений, а именно не указывается часть статьи, либо вместо части указывается порядковый номер статьи (вторая цифра номера), в соответствующей главе (например, «ч. 6 ст. 12 КоАП РФ»), по которой должностные лица привлекают лицо, в отношении которого ведется производство по делу. Допущение такой ошибки влечет возврат протокола с материалами дела на доработку, впоследствии могут быть нарушены сроки рассмотрения дела об административном правонарушении. Например, постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2017 г. № 18-АД17-36 отменено постановление суда о привлечении к административной ответственности, в связи с тем, что в протоколе об административном правонарушении не было указано, какой частью ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность¹⁴.

Уполномоченными должностными лицами допускается занижение квалификации административного правонарушения. Подобные факты довольно часто встречаются при наличии специальных составов, где санкция за содеянное значительно выше, чем предусмотренная общей нормой. Так, ч.1 ст.20.1 КоАП РФ за совершение мелкого хулиганства предусмотрен штраф в размере от пятисот до одной тысячи рублей, а ч.2 той же статьи – от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей. Обе части в качестве дополнительного наказания предусматривают административный арест до пятнадцати суток. Неверная квалификация противоправного деяния приводит к тому, что нарушитель несет ответственность, несоизмеримую степени опасности совершенного им правонарушения.

В иных случаях уполномоченные лица допускают ошибочные суждения о предметах административного правонарушения, как, например, при установлении по чч.1 и 2 ст.12.2 КоАП РФ сотрудники полиции занижают квалификацию, возбуждая дело по части 1, санкция которой предусматривает лишь административный штраф, тогда как часть 2 данной статьи содержит в качестве альтернативного наказания лишение права управления транспортным средством. Сложность возникает при применении оценочных признаков (например, видоизмененный номер), которые правоприменитель может толковать по своему усмотрению. В отношении одного из фактов неверной квалификации по данной статье Постановлением Верховного Суда Российской Федерации указано,

¹³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2006 года (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 7 и 14.06.2006) // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12047909/> (дата обращения 10.02.2021).

¹⁴ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2017 г. № 18-АД17-36 // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71691064/> (дата обращения 18.09.2021).

как квалифицировать действия водителя в случае, когда государственные регистрационные знаки перевернуты лицевой стороной к транспортному средству¹⁵.

2. Протокол составляется неуполномоченным лицом.

Необходимо помнить, что протокол может быть составлен только уполномоченным должностным лицом. Полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях регламентированы КоАП РФ. Статья 28.3 КоАП РФ предусматривает перечень должностных лиц органов исполнительной власти, должностных лиц иных государственных органов, должностных лиц органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и статей КоАП РФ, по которым указанные должностные лица уполномочены на составление процессуального документа. По смыслу части первой указанной статьи должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях (гл. 23 КоАП РФ), имеют право составлять протоколы по соответствующим статьям. Необходимо обращать внимание на данное положение при определении полномочности на осуществление процессуальных действий. Полномочия сотрудников полиции урегулированы ведомственным приказом от 30.08.2017 № 685¹⁶, который не противоречит закону, а лишь конкретизирует правомочность должностных лиц внутри ведомства. Необходимо отметить, что полномочия по составлению протокола об административном правонарушении предоставляет право на применение мер обеспечения производства по делам (гл. 27 КоАП РФ). Здесь необходимо заметить, что не только сотрудниками полиции допускается неверное трактование нормативных актов, в отдельных случаях судами так же допускаются ошибки при определении подведомственности составления протоколов, так, по информации сотрудников полиции Республики Крым, судьями возвращаются дела по ст. 14.26 КоАП РФ, производство по которым осуществляется участковыми уполномоченными полиции для устранения недостатков в связи с составлением протокола неуполномоченным лицом. В целях исключения двусмысленного толкования ведомственных актов, необходимо четко прописывать в должностных регламентах административно-юрисдикционные полномочия.

Согласно ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ, протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, составляются должностными лицами ОВД (полиции) в случае, если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче части полномочий. Следовательно, до заключения подобного соглашения составление протоколов должностными лицами полиции является незаконным. [8, с. 45]

¹⁵ Вынесенные ранее судебные акты в отношении лица, привлеченного к административной ответственности за управление транспортным средством с нарушением правил установки на нем государственных регистрационных знаков, подлежат изменению в части переквалификации содеянного, поскольку протокол об административном правонарушении содержит неправильную квалификацию совершенного административного правонарушения: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2017 г. № 78-АД17-9 // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559974/> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁶ О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание: приказ МВД России от 30.08.2017 № 685. Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2017 № 48613 // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71692502/> (дата обращения: 10.02.2021).

3. Неполнота отражения данных в протоколе об административном правонарушении.

Отсутствие либо неполное отражение в процессуальных документах данных об участниках производства по делу:

К участникам производства по делам об административных правонарушениях относятся лица, перечисленные в главе 25 КоАП РФ. Привлечение тех или иных участников требует отражения их участия в производстве в процессуальных документах. При внесении в процессуальные документы данных о лицах, привлеченных к участию в производстве, необходимо идентифицировать их, указав сведения, по которым впоследствии возможно их дальнейшее участие на иных стадиях (рассмотрение дела – рассмотрение постановления) либо в ином статусе (понятой – свидетель). Следует помнить, что сотрудник полиции не может быть привлечен в качестве понятого, на что обращает внимание Верховный Суд Российской Федерации¹⁷. [4, с. 47]

Составление протокола об административном правонарушении без применения мер установления личности нарушителя, со слов. Данные факты выявляются довольно часто, сотрудники полиции, пресекая административные правонарушения в общественных местах, связанные с нарушением общественного порядка, устанавливая личность нарушителя с его слов. Лица, неоднократно нарушающие общественный порядок, досконально знают процедуру работы с ними, при составлении процессуальных документов называют данные иных лиц: друзей, близких родственников, которые имеются в информационных базах органов внутренних дел. Проверая сведения, предоставленные нарушителем, сотрудник получает подтверждение лишь о существовании такого лица. Ошибка может быть выявлена лишь при рассмотрении дела об административном правонарушении, но чаще всего на стадии возбуждения исполнительного производства и направлении копии постановления лицу, сведения о котором предоставил нарушитель.

Отсутствие ссылки на нормативный акт, регулирующий общественные отношения в сфере государственного управления, являющейся объектом посягательства: КоАП РФ предусматривает только ответственность за нарушение тех или иных норм, регулирующих общественные отношения в сфере государственного управления. При составлении любого процессуального документа в части описания события административного правонарушения необходимо отразить, что именно нарушено. Например: «...распивал алкогольную продукцию (водка «Столичная» емкостью 0,5 л, крепостью 40 г) на детской площадке во дворе дома по адресу г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 85, чем нарушил ч. 7 ст. 16 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ»; «...управлял транспортным средством «Тойота Камри» гос. номер Н567Х 038 в состоянии алкогольного опьянения, чем нарушил п. 2.7 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090, ответственность за которое предусмотрена ст. 12.8 КоАП РФ».

Составление протокола неуполномоченным на то лицом влечет возврат материалов для устранения недостатков. Сокращенное написание наименования должности,

¹⁷ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2006 года (утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 07.03.2007) // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1681917/> (дата обращения: 10.02.2021).

а также написание наименования органа в аббревиатуре не представляет возможным определить полномочность должностных лиц на составление протоколов. Использование общепринятых аббревиатур возможно при оформлении процессуальных документов, однако, если аббревиатура не входит в тезаурус, то названия должности и подразделения должны быть указаны полностью.

Вследствие обобщения ошибок, допускаемых должностными лицами органов внутренних дел (полиции) при производстве по делам об административных правонарушениях, заметим, что основной причиной таковых являются в большей степени личные качества должностных лиц – недостаточная профессиональная подготовка, невнимательность при составлении документов, низкий уровень ответственности при исполнении служебных обязанностей. Исключить подобное явление возможно лишь проведением качественной подготовки специалистов.

В целях усиления контроля и унификации процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях необходимо вернуться к вопросу создания административных судов с передачей им полномочий по рассмотрению всех дел об административных правонарушениях. Причем, вопреки мнениям специалистов в области административного права, полагаем, кроме «рассмотрения и разрешения административных и публичных дел с целью защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений» [1, С.40] административные суды должны рассматривать и дела об административных правонарушениях для обеспечения единого подхода к применению норм административного законодательства, своевременного решения всех проблемных вопросов его применения. Организационная сторона вопроса достаточно непростая, в связи с чем требует тщательного дополнительного изучения.

Необходимо усилить все виды контроля – ведомственный, судебный. Нельзя не согласиться с мнением авторов о том, что «судебный контроль в производстве по делам об административных правонарушениях осуществляется в определенных формах, которые в настоящее время четко не выделены в науке административного права» [9, С. 25]. Судебный контроль необходимо законодательно закрепить, тогда как в настоящее время КоАП РФ прописывает лишь порядок возвращения протокола с материалами дела должностному лицу для устранения недостатков в случае, если таковые невозможно устранить при рассмотрении дела.

Ведомственный контроль также должен быть законодательно закреплён не только ведомственными актами управления. Но и на более высоком правовом уровне. Ведомственные же акты должны содержать конкретные положения, исключающие двусмысленность толкования норм.

КоАП РФ предусмотрена возможность исправления опечаток, описок, допущенных на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении в постановлениях, определениях (ст. 29.12.1. КоАП РФ). Исправления производятся в виде определения. Полагаем, необходимо законодательно закрепить возможность исправления опечаток, описок всеми должностными лицами, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и рассматривать дела на всех стадиях производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева, Е. С. Концепция административного судопроизводства в механизме административно-правового воздействия / Е. С. Васильева, К. В. Нехайчик // Административное и муниципальное право. 2011. № 10 (46). С. 38–43. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 05.09.2021). Режим доступа: свободный.
2. Емельянов, В. М., Новичкова Е. Е. Проблемы взаимодействия полиции и службы судебных приставов при взыскании административных штрафов. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 33–39.

3. Кондратьева, И. Верховный Суд Российской Федерации разобрался, когда исправления в протоколе не спасут от наказания // Право.ру : сайт. URL: <http://www.pravo.ru> (дата обращения: 10.02.2021). Режим доступа: свободный.
4. Новичкова, Е. Е. Институт понятых в производстве по делу об административном правонарушении: прошлое, настоящее и будущее. // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4). С. 44–49.
5. Рыдченко, К. Д. Типовые ошибки сотрудников полиции при составлении административно-процессуальных документов: учебно-методическое пособие / К. Д. Рыдченко, Р. В. Никулин, О. А. Федотова. Москва: ДГСК МВД России, 2017. 97 с.
6. Ожегов, С. И. Словарь. OnlineDIC.net : сайт. URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/> (дата обращения: 10.08.2021).
7. Толковый словарь русского языка. под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940) // Фундаментальная электронная библиотека : сайт. URL: [Feb-veb.ru](http://feb-veb.ru). (дата обращения: 10.08.2021).
8. Трухин, С. А. Возвращение протокола об административном правонарушении для устранения его недостатков: пробелы закона. // Судья. 2018. № 4. С. 53–57.
9. Трухачев, С. Б., Махина, С. Н. Формы судебного контроля в производстве по делам об административных правонарушениях // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2. С. 25–29. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 05.09.2021). Режим доступа: свободный.
10. Шадрина, Л. В. Типичные ошибки, допускаемые на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении // Правопорядок: теория, история и практика. 2020. № 1 (24). С. 57–64. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42365866> (дата обращения: 10.02.2021). Режим доступа: свободный.

REFERENCE

1. Vasilyeva, E. S. [The concept of administrative proceedings in the mechanism of administrative and legal influence]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 2011, no. 10 (46), pp. 38-43. Available at: <http://www.elibrary.ru> (accessed :09.05.2021).
2. Emelyanov V. M., Novichkova E. E. Problemy vzaimodeistviya politzii i sluzhby sudebnykh pristavov pri vzyiskanii administrativnykh shtrafov [Problems of interaction between the police and the bailiff service in the recovery of administrative fines]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice*. 2019, no. 1 (47), pp. 33-39.
3. Kondratyeva I. Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii razobratsya, kogda ispravleniya v protokole ne spasut ot nakazaniya [The Supreme Court of the Russian Federation figured out when corrections in the protocol will not save from punishment]. Available at: <http://www.pravo.ru> (accessed: 10.02.2021).
4. Novichkova E. E. Institut ponyatykh v proizvodstve po delu ob administrativnom pravonarushenii: proshloe, nastoyashchee i budushchee [The Institute of Witnesses in the Proceedings of an Administrative Offense: Past, Present and Future]. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – Vestnik of the Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015, no. 1 (4), pp. 44-49.
5. Rydchenko K. D., Nikulin R. V., Fedotova O. A. *Tipovye oshibki sotrudnikov politzii pri sostavlenii administrativno-protsessual'nykh dokumentov* [Typical mistakes of police officers in the preparation of administrative procedural documents: a teaching aid]. Moscow: DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, 97 p.
6. Ozhegov S.I. Dictionary. [Ozhegov-onlain.ru](http://onlain.ru). [Electronic resource]. (accessed: 08.10.2021).
7. Ushakov D. N. (Ed.) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (1935-1940)* [Explanatory dictionary of the Russian language (1935-1940)]. Fundamental electronic library. (accessed: 08.10.2021).
8. Trukhin S. A. Vozvrashchenie protokola ob administrativnom pravonarushenii dlya ustraneniya ego nedostatkov: probely zakona [Return of the protocol on an administrative offense to eliminate its shortcomings: gaps in the law]. *Sud'ya – Judge*. 2018, no. 4, pp. 53 -57.

9. Trukhachev S.B., Mahina S.N. [Forms of judicial control in proceedings on cases of administrative offenses]. Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti. 2016, no. 2, pp. 25-29. Available at: URL: <http://www.elibrary.ru> (accessed: 09.05.2021).

10. Shadrina L.V. [Typical mistakes made at the stage of consideration of a case on an administrative offense]. Pravoporyadok: teoriya, istoriya i praktika. 2020, no. 1 (24), pp. 57-64. Available at: URL: <http://www.elibrary.ru> (accessed: 10.02.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новичкова Елена Евгеньевна, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Novichkova Elena Evgenievna, associate professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, Lermontov st., 110

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 90–96.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 90–96.

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.71.009

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Шаламова Алиса Наильевна,

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
alisa.shalamova@yandex.ru

Введение: проблематика роли социальной ответственности в реализации идеи социального государства в современный период крайне актуальна, а ее разработка выступает необходимым фактором устойчивого роста экономики и построения социального государства, основанного на идее социального партнерства и снижения феномена социального иждивенчества. Цель исследования состоит в анализе разграничения полномочий в социальной сфере между государством, частным бизнесом и гражданским обществом.

Задачи проведенной работы предполагают: исследование факторов, способных реализовать на практике идею социально ориентированного государства, а также анализ положительных и отрицательных признаков социального государства как правового и экономического феномена.

Материалы и методы: методологическим базисом работы выступают системный и структурный методы, а также метод компаративистики. Анализируя социальную ответственность в рамках реализации социальных функций государства, автор не отступал от принципов научной объективности и историзма.

Результаты исследования: социальная ответственность государства не может в полной мере реализоваться без поддержки со стороны граждан, а значит необходимо разделить сферы социальной ответственности для каждого.

Выводы и заключения: в результате исследования автором предлагается закрепить за государством роль основного субъекта в области социальных инвестиций, в других направлениях реализации политики социального государства основную роль должен сыграть частный бизнес и структуры гражданского общества.

Ключевые слова: социальная ответственность, социальное государство, Конституция, социальный гуманизм, социальное иждивенчество, социальная солидарность.

Для цитирования: Шаламова А.Н. Роль социальной ответственности в реализации идеи социального государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 90–96.
DOI:10.55001/2312-3184.2022.78.71.009

Original article

**THE ROLE OF SOCIAL RESPONSIBILITY
IN REALISING THE IDEA OF A WELFARE STATE****Alisa N. Shalamova**

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, alisa.shalamova@yandex.ru

Introduction: The role of social responsibility in implementation of the idea of social statehood is highly relevant in the modern period and its development is a necessary factor of sustainable economic growth and building of a social state based on the idea of social partnership and reducing the phenomenon of social dependency. The purpose of the study is to analyse division of powers in the social sphere between the state, private business and civil society.

The objectives of the study are to investigate the factors that can implement in practice the idea of socially-oriented state, as well as to analyse the positive and negative features of the social state as a legal and economic phenomenon.

Materials and Methods: The methodological basis of the work is the system and structural methods, as well as the method of comparative studies. Analyzing social responsibility within the framework of the implementation of the social functions of the state, the author did not deviate from the principles of scientific objectivity and historicism.

The Results of the study: The social responsibility of the state cannot be fully realized without the support of citizens, which means that it is necessary to divide the spheres of social responsibility for everyone.

Findings and Conclusions: As a result of the research, the author proposes that the state should play the role of the main actor in social investment, while private business and civil society structures should play the main role in other areas of social state policy implementation.

Keywords: social responsibility, social state, Constitution, social humanism, social dependency, social solidarity.

For citation: Shalamova A.N. Rol' social'noj otvetstvennosti v realizacii idei social'nogo gosudarstva [The role of social responsibility in realising the idea of a welfare state]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103), pp. 90–96 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.71.009

В дефинитивной плоскости и в рамках исторического развития социальная ответственность прямо коррелируется с феноменом социальности, то есть с экономическими, правовыми и политическими явлениями. В свою очередь, сама социальность, а вместе с ней и социальная ответственность, концептуально связана с древнейшими формами организации социума, в образе которых выступали кровнородственная и соседская общины, вместе с другими догосударственными человеческими коллаборациями.

После официального принятия на себя государством бремени ответственности за благополучие своих граждан и, что важно, нормативного ее закрепления, которое уже исключало произвольную благотворительность, появилась возможность вести

речь о формировании феномена социальной ответственности и реализации идеи социального государства.

Стоит отметить, что социальное государство внешне выражается в образе органов государства различных уровней, а также специально образованных учреждений, функционирующих в социальной сфере, которые руководствуются принципами социальной солидарности и общественного консенсуса.

Пытаясь определить имманентные свойства социального государства, Л. Н. Кочеткова подчеркивает, что они расположены не столько в плоскости типологии государства, сколько в рамках такого состояния государственности, которое фиксирует определенную степень развития социума и общественных отношений, которые четко коррелируются со следующими важнейшими свойствами государственности: 1) добровольным принятием со стороны государства должностований перед обществом, группами граждан и отдельной личностью; 2) бенефициарными характеристиками государственного интереса в реализации социальных функций, в фундаменте которых прослеживается тесная связь между благополучием индивида и целями государства [1, с. 74]. Следовательно, ученый обозначает не менее двух базовых элементов феномена социальной ответственности в государственном функционале, первым из которых является нормативная ответственность, а вторым – ответственность субъективная, выражающая факт, что государство выступает не просто обязанным субъектом, но прежде всего основным интересантом в реализации социальных функций. В этой связи видна и конвергенция естественно-правовой концепции с нормативизмом, которая характеризует развитие отечественной конституционной доктрины [2, с. 21–24].

Нередко из поля зрения ученых ускользает такое важнейшее качество социальной государственности, как социально ответственная деятельность органов государства, вне рамок которой невозможно в полной мере реализовать принципы социальной политики государства.

В границах указанного концептуального пробела положительно можно охарактеризовать выводы И. Б. Орлова, который в качестве методологической основы социальной государственности видит принцип социального гуманизма, позволяющий реализовать такую государственную политику, которая создаст инструментарий по обеспечению достойной жизни граждан, социально защитит уязвимые категории людей, минимизировав их социальные риски, параллельно обеспечив развитие творческого потенциала личности, прежде всего в рамках трудовых правоотношений. Мало того, автор под социальным гуманизмом понимает механизм, который в плоскости политики государства целенаправленно развивает человеческую личность в общегосударственных масштабах [3, с. 69].

По нашему мнению, подобное концептуальное переосмысление социальной ответственности государства затрагивает проблематику имплементации такой государственной политики, которая четко связана с социально ответственным поведением не только органов государства, но и всего населения страны. Исходя из вышеуказанных положений, можно выявить и дефиницию сущности социального государства, которая оформляется в образе определенного этапа развития функционала государственной власти в социальной сфере, в плоскости институционализации и легитимации социальных обязательств публичной власти по вопросам имплементации государственной политики по созданию условий роста благосостояния общества и развития трудового потенциала отдельной личности.

Такой подход подтверждается и мнением В. Н. Лексина, который к социальному государству относит такое государство, которое реализует ряд следующих позиций:

1) следование ст. 25 «Всеобщей декларации прав человека»¹, даже в рамках публичного признания временного несоответствия существующих в государстве условий нормам указанного документа, параллельно с обозначением на государственном уровне стремлений к их практической реализации в будущем;

2) нормативное оформление системы социальных долженствований, масштаб которых демонстрирует желание публичной власти реализовать принципы социального государства;

3) создание условий для реализации взятых на себя социальных обязательств;

4) непосредственное участие в финансировании социальных программ, с параллельным созданием предпосылок для консолидации финансовых ресурсов негосударственных структур в рамках реализации принципов социальной солидарности;

5) инициирование механизма адресности социальных обязательств государства в рамках индивидуального подхода к каждому гражданину, в зависимости от степени его нуждаемости и существующего социального минимума в обществе [4, с. 219].

В то же время объем государственных долженствований в сфере социальной политики государства четко коррелируется с мерой ответственности публичной власти перед населением страны. Так, можно подчеркнуть, что реализуя свою функцию, социальное государство должно форсировать деятельность в русле не только ответственности за имплементацию социальных программ, но и за финансирование социальной инфраструктуры. Кроме того, социальное государства нам видится в образе активного субъекта по контролю за соблюдением минимальных социальных стандартов и расходованием бюджетных средств в социальной сфере.

Инструментарий имплементации социальной ответственности иницирует и ряд элементов, отвечающих за формирование правового, субъектного и динамического аспектов позитивной ответственности, задействованных в социальной политике акторов.

В правовом аспекте социальные долженствования зафиксированы во всем нормативном массиве, и прежде всего в Основном Законе государства. Так, Конституция Российской Федерации² фиксирует широкий спектр характеристик социального государства, как и конституции многих зарубежных государств, в том числе ФРГ, Финляндии, Японии и др. Обычно Основной Закон страны не детализирует спектр основных социальных обязанностей государства, что демонстрирует механизм субъективной ответственности в рамках абстрактных долженствований органов государства. В этой связи важно, что Конституция Российской Федерации выступает фундаментом социальных обязательств государства, так как ее нормы транслируются в остальной нормативный материал, где они качественно и количественно перерабатываются, конкретизируются, одновременно оформляя механизм претворения в жизнь конкретных социальных программ. В рамках такого подхода особую роль играют государственные социальные стандарты, которые могут различаться в зависимости от степени развитости конкретного государства.

¹ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/707fa15f83b08460bda25bf3ee28aeb05ede183f/ (дата обращения 30.01.2022).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.12.2021).

Применительно к отечественным реалиям мы можем наблюдать нормативную фиксацию социальных гарантий в виде установления минимального размера оплаты труда, принципов пенсионного обеспечения, при том что государство берет на себя обязанность постоянной индексации с учетом инфляционных процессов. Сюда же входит стандартизация медицины и образования и некоторые иные социальные кластеры. Отечественный правовой порядок преимущественно не отражает культурную и экологическую составляющую, а абстрактность государственной стандартизации сферы социальной помощи и социального обслуживания только подчеркивают проблемную плоскость нормативного оформления российской социальной политики.

В то же время субъективные позиции социальной ответственности публичной власти в России выражены ярче, чем ее нормативные характеристики. Основопологающие начала социальной ответственности государства имеют место и в существенной части концепций долгосрочного и среднесрочного развития на местных, региональных и общегосударственных уровнях. Тем не менее нельзя не увидеть определенную тенденцию их декларативности, которая не имеет отношения к реальной реализации идей социального государства. В этом аспекте важно понимать, что социально ответственное поведение государства выражается в механизмах, включающих в себя социальную защиту, социальное обеспечение и, что важно, социальное страхование, а сама социальная политика государства должна приближать текущее положение дел если не к идеалам, то хотя бы к имеющему место социальному минимуму, закрепленному нормативно.

Говоря о генезисе социального государства, нельзя обойти вниманием позитивные и негативные факторы, которые имеют место при реализации государственных социальных программ, что в свою очередь позволяет нам выделить значимые критерии, которые позволяющие выявить качественные характеристики социальной ответственности конкретного государства.

Ученые, представляющие плюралистический подход к проблематике социального государства, отталкиваются от существующей модели свободного рынка, которая не гарантирует равное перераспределение материальных благ, что может инициировать кризисные явления в политической сфере. В этой связи Европа XIX–XX столетий пережила бурный период политической нестабильности, что повлекло идею активной роли государства в обеспечении стабильности социума и положительную роль органов государства в разрешении социально-экономических противоречий.

Кроме положительной оценки государства в образе ведущего игрока на внутриполитической арене, в рамках реализации социальных функций имеют место и количественные критерии, которые могут охарактеризовать уровень социальности государства. В их спектр входят различные позиции, в том числе сравнение доли потребления и накопления бюджета, инвестиционные портфели в социальной сфере, доход на душу населения, минимальный уровень зарплат и пенсий и пр. Все указанные позиции обладают свойством передачи количественных параметров социальности государства. С другой стороны, существуют качественные параметры, отображающие уровень социальности государства и прямо коррелирующие с феноменом социального гуманизма. Так, к несомненным признакам социального государства можно отнести устойчивое и безопасное развитие страны, возрождение духовно-исторических ценностей и пр. крайне затруднительно оценить с точки зрения количественных параметров.

Стоит отметить, что число сторонников социального государства неизмеримо больше его противников, которые тем не менее есть, так как их доводы транслируют недостатки социального государства. В частности, негативной стороной социального

государства выступает так называемый «эффект вытеснения», когда за счет одних – успешных экономических субъектов – решаются проблемы экономически уязвимых акторов, через налоговую систему и механизм государственного перераспределения благ. Мало того, государственный патернализм провоцирует снижение инициативности граждан, рост их экономической пассивности и отсутствие личной мотивации в аспекте самостоятельного решения собственных материальных проблем. Все эти факторы детерминируют снижение конкурентоспособности социального государства в будущем.

Кроме того, материальное благополучие граждан в социальных государствах не всегда решает проблему деградации духовно-нравственных институтов общества. Так, довольно частным явлением в материально обеспеченных обществах выступают рост насильственных преступлений и число случаев суицида. Государственный патернализм нередко подавляет свободу личности, делает человека «винтиком» экономического и электорального процесса.

Обращаясь к отечественному опыту, можно отметить, что государственный патернализм в России – явление исторически длительное, которое наблюдалось как в царский, так и в советский период. Возможно в связи с этим отечественные отношения не демонстрируют развитую личную социальную ответственность и эффективные модели партнерских отношений между личностью и государством. В связи с этим на современном этапе отечественная экономика еще не обладает достаточной конкурентоспособностью, имея балласт в виде высокой доли социальных затрат и расходов на администрирование социальной сферы.

По нашему мнению, основным недостатком социального государства выступает тенденция к росту доли получателей социальных пособий, в ущерб возможным инвестициям в производство. Все это вызывает социальный перекос в сторону социального иждивенчества и нежелания прикладывать личные усилия для исправления кризисной ситуации.

В заключение необходимо отметить, что социальная ответственность государства не может в полной мере реализоваться без адекватной рефлексии со стороны обычных граждан, что поднимает вопрос о разделении сфер социальной ответственности для каждого. В этой связи предлагается закрепить за государством роль основного субъекта в области социальных инвестиций в образовательную, культурную и здравоохранительную сферы, для достижения глобальной цели повышения творческого потенциала личности. В то же время в иных направлениях реализации политики социального государства основную роль должен сыграть частный бизнес и структуры гражданского общества, так как только посредством такого перераспределения зон ответственности можно нивелировать рост экономической пассивности граждан и купировать увеличение числа социальных иждивенцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочеткова Л. Н. Социальное государство: опыт философского исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 160 с.
2. Грошев С. Н., Саудаханов М. В. Конвергенция естественно-правовой концепции и нормативизма через призму метода историзма // Вестник экономической безопасности. 2021. №2. С. 21–24.
3. Орлов И. Б. Социальный гуманизм: теория и общественно-государственная практика //Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 61–73.

4. Лексин В. Н. «Социальное государство»: фантом или реальность // Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 216–249.

REFERENCES

1. Kochetkova L.N. Social state: experience of philosophical research. Moscow, 2009, 160 p.
2. Groshev S.N., Saudakhanov M.V. Convergence of the natural law concept and normativism through the prism of the method of historicism. Vestnik of economic security. 2021, no. 2, pp. 21–24.
3. Orlov I.B. Social humanism: theory and public-state practice // Russia: the path to a social state: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, June 6, 2008). M.: Scientific expert, 2008, pp. 61–73.
4. Leksin V.N. "Social state": phantom or reality // Russia: the path to the welfare state: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, June 6, 2008). M.: Scientific expert, 2008, pp. 216–249.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаламова Алиса Наильевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0003-3818-9120

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shalamova Alisa Nailiyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 110, Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.
ORCID: 0000-0003-3818-9120

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 08.03.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 08.03.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 97–107.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 97–107.

Научная статья

УДК: 343.985

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.71.010

О ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

Баданова Анна Николаевна

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Косшы, Республика Казахстан, badanova-93@mail.ru

Введение: применение современных достижений научно-технического прогресса в процессе проведения досудебного расследования повлияло на оперативность, экономию человеческих ресурсов и денежных средств государства. Полагаем, что настоящая статья о возможностях проведения предъявления для опознания в дистанционном формате является актуальной и целесообразной для ее рассмотрения (условия пандемии; возможности Интернет-индустрии; обширная территория, трудности прибытия из одного населенного пункта в другой).

Материалы и методы: материалами исследования явились нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и ряда зарубежных государств, регулирующие порядок проведения предъявления для опознания; научные публикации исследователей по рассматриваемой теме. При написании статьи использовались нормативно-логический, формально-юридический, сравнительный и другие методы.

Результаты исследования: в статье проанализированы возможности проведения дистанционного предъявления для опознания; раскрыты условия и особенности указанного следственного действия. Дана авторская позиция касательно совершенствования законодательства в области проведения дистанционного предъявления для опознания.

Выводы и заключения: ключевым моментом данной статьи являются предложения автора расширить перечень следственных действий, проведение которых в определенных случаях целесообразно в дистанционном формате.

Ключевые слова: дистанционное предъявление для опознания, досудебное расследование, опознание, потерпевший, свидетель, следователь.

Для цитирования: Баданова А. Н. О перспективности проведения предъявления для опознания в дистанционном формате // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4(103) С. 97–107.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.71.010

Original article

ON THE PROSPECTS FOR CONDUCTING A THE PROSPECT OF A
DISTANT LINE-UP FOR IDENTIFICATION**Anna N. Badanova**

Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, police captain, e-mail: badanova-93@mail.ru

Introduction: the use of modern achievements of scientific and technological progress in the process of conducting a pre-trial investigation has affected the efficiency, saving human resources and money of the state. We believe that this article regarding the possibilities of presenting for identification in a remote format is definitely relevant and appropriate for its consideration (the conditions of the coronavirus pandemic; the possibilities of the Internet industry; the vast territory, the difficulties of arriving from one locality to another).

Materials and methods: the materials of the study were the norms of the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan and a number of foreign states regulating the procedure for presentation for identification; scientific publications of researchers on the topic under study. When writing the article, normative-logical, formal-legal, comparative and other methods were used.

The Results of the study: the article analyzes the possibilities of remote presentation for identification; the conditions and features of its conduct are disclosed. The author's position regarding the improvement of legislation in the field of remote presentation for identification is given.

Findings and Conclusions: the key point of this article is the author's proposals to expand the list of investigative actions, the conduct of which is advisable, in certain cases, in a remote format.

Keywords: remote presentation for identification, pre-trial investigation, identification victim, witness, investigator.

For citation: Badanova A. N. O perspektivnosti provedenija pred#javlenija dlja opoznaniya v distancionnom formate [On the prospects for conducting a the prospect of a distant line-up for identification]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 97–107 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.99.71.010

Одним из основных направлений реформ в правоохранительной системе, проводимых в Республике Казахстан, является вопрос совершенствования уголовно-процессуального законодательства. При решении данного вопроса необходимо изучить и провести анализ норм уголовно-процессуального законодательства зарубежных государств. В связи с этим представляется целесообразным проведение краткого анализа уголовно-процессуального законодательства зарубежных государств, в частности, проведения отдельных следственных действий, в том числе и с применением инновационных технологий.

Неоценимый вклад в формирование такого следственного действия, как предъявление для опознания, в качестве самостоятельного следственного действия внесен криминалистической наукой. Его анализ невозможен без изучения его исторического генезиса, как одного из «весомых» следственных действий идентификационного направления. Так, согласно положениям Русской Правды, при

пропаже вещи объявлялось оповещение всем членам общины, далее по названным признакам вещи происходила такая процедура, как «гонение» следа. Если в ходе него изымалось похищенное, то лицо, у которого было оно изъято, могло сослаться на факт приобретения вещи у иного лица. После чего «гонение следа» переходило в «свод», который представлял собой последовательность следственных действий – очных ставок для выяснения обстоятельств по делу [1, с. 40–41].

Одним из первых ученых-криминалистов, изучавшим вопросы процедуры предъявления для опознания, является В. И. Громов. При утверждении о целесообразности выделения предъявления для опознания, как самостоятельного следственного действия, он ссылаясь на итальянский Устав уголовного судопроизводства, который давал следующее определение данной процедуре: «опознающий должен сначала дать подробное описание того, кто подлежит опознанию; затем он вводится в комнату, где вместе с опознаваемым должны находиться несколько человек, имеющих хоть некоторое сходство с ним» [2, с. 6, 12, 20, 23]. Необходимо отметить ученых-процессуалистов, а также представителей криминалистической науки, таких как А. Я. Гинзбург, М. С. Строгович, М. А. Карев, Д. С. Чельцов, В. В. Лифшиц и др., труды которых посвящены проблематике проведения указанного следственного действия (далее – СД).

А. Я. Гинзбург выделяет предъявление для опознания: а) живых лиц, б) трупа, в) движимых предметов или иных объектов, в том числе животных, г) недвижимого объекта, д) уникального предмета, е) аудиоматериалов, кино, фото-, видеоизображений – при этом указывая, что «перечень таких видов может быть расширен с учетом особенностей объектов опознания и условий их предъявления» [3, с. 18]. «Опознание потерпевшим обвиняемого не может быть признано обоснованным, если опознающий указал такие признаки и приметы, которые вследствие своей неопределённости недостаточны для установления личности обвиняемого» [4, с. 110–112]. Впервые предъявление для опознания стало выделяться как форма допроса М. С. Строговичем [5]. В труде Г. И. Кочарова «Опознание на предварительном следствии» предъявление для опознания понимается, как «следственное действие, цель которого – установить, является ли предъявленный объект тем самым, который опознающий наблюдал ранее, в связи с фактом, имеющим отношение к исследуемому событию» [6, с. 3]. Таким образом, вопросам предъявления для опознания уделялось пристальное внимание ученых-процессуалистов и криминалистов. В настоящее время с развитием науки и техники они остаются актуальными и вызывают большой научный интерес.

Если обратиться к правовому регулированию предъявления для опознания в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств, в частности, в Российской Федерации¹, Республике Беларусь², предъявление для опознания не выделено в самостоятельную главу. Разбор определения данного СД свидетельствует о том, что в уголовно-процессуальном законодательстве данных стран оно неразрывно связано допросом, очной ставкой и другими СД. По нашему мнению, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации по рассматриваемому во-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года /№ 174 ФЗ Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года. Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2021 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 15.01.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года №295-3 (По состоянию на 08.01.2018) // База данных законодательство стран СНГ: сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 ()/ (дата обращения: 24.02.2020).

просу можно оценить в качестве передового опыта. «Анализ становления правовых основ использования видео-конференц-связи в сфере уголовного судопроизводства показывает, что эта современная и эффективная технология применяется на всей территории Российской Федерации, и ее преимущества зримо отражаются в статистических показателях» [7]. Так, «по официальным данным, в течение 13 лет произведено более 650 000 видеоконференций» [8]. Кроме того, в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации предусмотрено проведение допроса, очной ставки, опознания с использованием систем видео-конференц-связи в установленном законом случаях³.

Глава 27 УПК Кыргызской Республики посвящена проведению опознания. Опознание лиц или предметов может быть проведено в режиме видеоконференции при трансляции из другого помещения⁴.

По всей видимости, особенности проведения предъявления для опознания в онлайн-формате в уголовно-процессуальном законодательстве рассматриваемых государств можно оценить как передовой зарубежный опыт. Из вышеуказанного очевидно, что криминалистическая наука и следственная практика зарубежных государств достаточно давно и эффективно используют рассматриваемое СД в дистанционном формате, как один из основных способов собирания доказательств по делу.

Допрос лица, которое может выступить в качестве опознающего, имеет целый ряд тактических особенностей. Перед принятием решения о проведении указанного СД в дистанционном формате, следователю следует наиболее полно оценить все обстоятельства по расследуемому делу. Это касается содержания допроса, который имеет ряд отличий, от традиционного предъявления для опознания. Помимо установления ключевых моментов расследуемого события, необходимо получить информацию от допрашиваемого касательно условий восприятия, свойств, признаков объекта, подлежащего опознанию. Решение о проведении дистанционного предъявления для опознания должно приниматься следователем на основании всесторонней оценки имеющейся информации по делу (*следователем строится умозаключение о необходимости проведения данного СД, либо о нецелесообразности его проведения*).

Наиболее эффективными приемами допроса в данном случае являются приемы моделирования объекта. В случаях, когда описываемый объект – живое лицо, то дельно использовать методику описания внешности. Оценивая информацию о воспринимаемом объекте, следует установить вопрос о времени восприятия объекта допрашиваемым лицом, т. е. сколько времени прошло с момента восприятия. Как правило, если период между восприятием и опознанием не долгий, то имеется вероятность получить подробную, исчерпывающую информацию по делу. Здесь мы и видим одно из основных преимуществ дистанционных следственных действий (*дистанционного допроса, дистанционного предъявления для опознания*). Его проведение ускорит процесс расследования дела, принятия оперативного процессуального решения

³ Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи: ст. 189.1. Уголовно-процессуально Кодекса Российской Федерации (введена Федеральным законом от 30.12.2021 г. N 501 ФЗ) // КонсультантПлюс : сайт.URL: /https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a10cccd20d6164419b9e43609aa3ef99e8a59a23 (дата обращения 11.05.2022).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (с изменениями от 18.01.2022 г. №4). Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 22 сентября 2021 года. URL:https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=136101 (дата обращения 11.05.2022). Режим доступа: по подписке.

следователем, а также не даст опознающему лицу запомнить необходимые сведения для следствия. Мы согласны с высказыванием Г. Г. Доспулова о том, что «чем раньше свидетель, потерпевший, подозреваемый и обвиняемый будут допрошены об известных им фактах, тем с большей вероятностью от них будут получены полные и достоверные показания. Это общее правило» [9, с. 44].

Кроме того, проведение предъявления для опознания в дистанционном формате, по аналогии с дистанционным допросом, устранил боязнь граждан (*нежелание принимать участие в СД по причине страха за себя и своих близких*). Как видится, проведение дистанционного предъявления для опознания является необходимым условием для обеспечения безопасности опознающего лица, а также преодоления психологического барьера у последнего.

Местом проведения СД является место проведения досудебного расследования. При этом, говоря о дистанционном формате рассматриваемого СД, опознающее лицо пребывает в территориальном подразделении МВД РК, где оно проживает либо находится. Принимая во внимание тот факт, что следователь, в производстве которого находятся материалы досудебного расследования, задает вопросы касательно обстоятельств дела, демонстрирует вещи для опознания, либо предлагает опознать лиц, причастных к делу, посредством научно-технических средств; а другой следователь осуществляет протоколирование, фиксацию хода следственного действия, а в последующем заверяет подписью допрашиваемого лица и отправляет протокол СД следователю, в производстве которого находятся материалы досудебного расследования, местом проведения дистанционного предъявления для опознания представляется возможным установить два пункта.

С нашей точки зрения, целесообразно проводить дистанционное предъявление для опознания в несколько последовательных этапов. Так, подготовительный этап – это основная процедура, связанная с решением вопросов организационно-технического характера. Одной из них является подбор объектов для предъявления для опознания, технических средств фиксации, установление связи с органом, ведущим уголовный процесс, по месту досудебного расследования.

Следователь, исполняющий поручение о производстве дистанционного допроса, перед началом СД удостоверяет личность допрашиваемого, разъясняет его права и обязанности.

После разъяснения опознающему лицу его прав и обязанностей, предлагается ответить на вопрос, не узнает ли он кого-либо среди предъявленных для опознания лиц (*рабочий этап*). Далее процедура следственного действия зависит от складывающегося положения, аналогично классическому предъявлению для опознания. В случае, когда опознающий указывает на какое-либо лицо, необходимо уточнить, по каким именно признакам произошло распознавание. После чего происходит фиксация результатов СД.

На основе проведенного анализа, нами предлагаются следующие этапы проведения дистанционного предъявления для опознания (таблица 1).

Этапы проведения дистанционного предъявления для опознания

Дистанционное предъявление для опознания		
<u>Подготовительный этап</u>	<u>Рабочий этап</u>	<u>Заключительный этап</u>
1. Проведение дистанционного допроса опознающего лица. 2. Подготовка технических средств фиксации, программного обеспечения, предварительное соединение с органом досудебного расследования, где находится опознающее лицо. 3. Подготовка объектов опознания. 4. Подбор участников / предметов. 5. Проведения разъяснительных работ касательно проведения дистанционного предъявления для опознания.	1. Разъяснения прав и обязанностей участников дистанционного СД. 2. Участие защитника. 3. Предложение опознающему осмотреть участников СД / предметы с целью идентификации. 4. Уточнение признаков и примет, по которым опознающий опознал участника опознания / предмет.	1. Фиксация данных. 2. Составление протокола дистанционного предъявления для опознания, его последующее направление.

Помимо лиц, предъявлению могут быть подвергнуты и материальные объекты, которые находятся в определенной связи с обстоятельством расследуемого дела (*предъявление для опознания предметов*). Под дистанционным предъявлением для опознания предметов понимается происходящая в дистанционном формате идентификация материальных объектов, которые находятся в определенной связи с расследуемым событием. Согласно требованиям закона предъявляются однородные предметы, в количестве не менее трех. Каждому объекту присваивается номер, производится раскладывание объектов, запись процесса посредством научно-технических средств фиксации. Велика роль использования защищенных каналов связи для исключения утечки данных об участниках и результатах предъявления для опознания. При дистанционном предъявлении для опознания происходит соединение посредством программного обеспечения следователя, исполняющего поручение о производстве СД, в кабинете которого находится опознающее лицо со следователем, направившим отдельное поручение (*в производстве которого находятся материалы дела*). Опознающему лицу предлагается выбрать из предъявляемых для опознания вещей ту, которую он воспринимал в связи с расследуемым событием в прошлом. Опознающий не может взять вещь в руки и рассмотреть ее вследствие отдаленности. В данном случае видится допустимым, по просьбе опознающего (*при необходимости*) возможность показа предмета, его детальную демонстрацию возложить на следователя. В случае опознания предмета необходимо, чтобы опознающий указал на признаки, по которым он идентифицировал его.

Личная практика автора показывает, что продуктивность проведения дистанционных СД достаточно высока. Видится целесообразным проведение предъявления для опознания в дистанционном формате в следующих случаях:

а) невозможность непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам;

б) необходимость обеспечения безопасности лица;

- в) проведение предъявления для опознания с участием малолетнего или несовершеннолетнего;
- г) необходимость обеспечения соблюдения сроков досудебного расследования;
- д) наличие причин, дающих основания полагать, что указанное СД будет затруднено или связано с излишними затратами;
- е) в связи с введением чрезвычайного положения на территории государства.

К сожалению, трагические события, произошедшие на территории Республики Казахстан в январе 2022 года, направленные на дестабилизацию в обществе, подрыв конституционного строя, совершенные с особой жестокостью, дали отправную точку для глубокого размышления касательно внедрения передовых практик государств в сферу уголовно-процессуального права. «Силовые структуры и уполномоченные органы в сфере информации должны координировать усилия и оперативно реагировать на запросы общества»⁵. В результате нападения пострадали граждане, нанесен значительный ущерб государственным органам, объектам бизнеса. В связи с введением чрезвычайного положения на большей территории РК выезд из одного города в другой город был затруднен, само появление граждан на улицах городов было небезопасным. На наш взгляд, в данной ситуации (*при расследовании уголовных дел*) было бы оптимальным на законодательном уровне определить возможность проведения предъявления для опознания в дистанционном формате, что обеспечит безопасность граждан, в случаях невозможности непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс.

Кроме того, одним из пробелов современного законодательства, регламентирующего правила проведения предъявления для опознания, является отсутствие в законе указаний о допустимости его проведения в дистанционном формате. Проведение СД в настоящее время невозможно представить без использования научно-технических средств. Общеизвестно, что законодателем запрещен тот факт, когда опознающий и опознаваемый могут увидеть друг друга до начала следственного действия. Именно благодаря проведению дистанционного предъявления для опознания может успешно сочетаться фактор требуемой конспирации во избежание контакта между опознаваемым и опознающим, с соблюдением процессуальных норм гласности и «прозрачности» рассматриваемого вида СД. В некоторых случаях, на наш взгляд, проведение дистанционного предъявления для опознания целесообразно таким образом, что изображение опознающего лица было недоступным для опознаваемых лиц (*например, в целях обеспечения безопасности*).

Следует согласиться с мнением Е. Н. Бегалиева, который справедливо полагает, что «при анализе зарубежного опыта применения помещений, оснащенных зеркалом-шпионом Гезелла, установлена положительная практика использования рассматриваемой технологии при проведении иных следственных действий. В частности, при предъявлении для опознания живых лиц зеркало-шпион Гезелла позволяет, в интересах обеспечения безопасности опознающих лиц, производить скрытное опознание, не нарушая общие правила, регламентированные уголовно-процессуальным законодательством. В отечественном законодательстве данная норма регламентирована в ч. 11 ст. 230 УПК РК, однако отмечаем лишь единичные случаи ее практического использования. Тем не менее, вышеуказанная практика видится нам вполне рациональной, уместной, не требующей особого порядка финансирования и концептуально допустимой в реализации программ защиты свидетелей и жертв преступлений» [10, с. 81].

⁵ Официальный сайт Президента Республики Казахстан: сайт. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-provel-soveshchanie-s-rukovoditelyami-otdelnyh-gosudarstvennyh-organov-2205525> (дата обращения 01.12.2021)

Отметим, что проведение СД в помещениях, оборудованных зеркалом-шпионом Гезелла, является легитимной процедурой, не противоречащей нормам действующего уголовно-процессуального законодательства, которая обеспечивает контроль за проведением СД, без физического вмешательства. То есть в будущем возможно рассматривать вопрос использования вышеуказанного процесса и в дистанционном формате. Кроме того, мы в полной мере разделяем точку зрения Д.В. Галкина, который отмечает, что «эффективным средством получения информации от потерпевшего, имеющей значение для выдвижения версий, планирования расследования и разработки тактики отдельных следственных действий ... служит использование инновационных методов и средств» [11, с. 60].

Отмечается факт недостаточного оснащения специальными зеркалами в кабинетах следователей для того, чтобы не допустить визуальный контакт опознающего и опознаваемого. Так, при дистанционном проведении рассматриваемого СД данный вопрос исключится.

Среди процессуалистов отсутствует единое мнение касательно следственных действий, проведение которых возможно дистанционно. Например, С. П. Желтобрюхов придерживается мнения о целесообразности использования видеоконференц-связи в ходе расследования для производства допроса свидетеля (потерпевшего) и очной ставки [12, с. 64]. А. Н. Мартынов, Е. Г. Кравец, Н. В. Шувалов проводят исследования, касательно возможности производства большинства следственных действий в электронной среде. Они считают возможным дистанционное производство не только допросов, но и предъявления для опознания и освидетельствования [13, с. 128]. По нашему мнению, законодатель не должен ограничиваться только проведением дистанционного допроса свидетеля/потерпевшего на стадии досудебного производства. Соответственно, возникает вопрос о возможности расширения перечня следственных действий, проведение которых возможно и целесообразно в дистанционном формате. Считаем практически возможным, что при производстве предъявления для опознания с использованием видеоконференц-связи следует руководствоваться положениями ст.ст. 229, 230 «Предъявление для опознания», «Порядок предъявления для опознания» УПК РК, регламентирующей проведение вышеуказанного СД. Предлагается изложить п. 11 ст. 230 УПК РК в следующей редакции:

11. В целях обеспечения безопасности опознающего, а также при опознании по особенностям голоса, речи, походки, предъявление лица для опознания может быть произведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. В этих условиях понятие находятся в месте нахождения опознающего. Опознающему и понятым должна быть обеспечена возможность достаточного визуального наблюдения лиц, предъявленных для опознания. В необходимых случаях допускается проведение предъявления для опознания в дистанционном формате. Словосочетание «необходимые случаи» следует отнести к периоду военного положения, невозможности прибытия лица по объективным причинам на процедуру опознания.

Производство следственных действий с помощью видео-конференц-связи возможно в случае, когда его предметом является вербальная и визуальная информация. При производстве таких СД, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания ресурсы видео-конференц-связи позволяют подлинно зафиксировать доказательственную информацию.

На основании проведенного исследования, нами разработан Strengths, weaknesses, opportunities, threats – анализ (SWOT-анализ) проведения дистанционного предъявления для опознания (таблица 2).

Таблица 2

SWOT–анализ дистанционного предъявления для опознания

Сильные стороны (strengths)	Слабые стороны (weaknesses)
1. Сокращения сроков досудебного расследования. 2. Обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан. 3. Удобство явки допрашиваемого лица. 4. Невозможность предварительной «встречи» опознающего и опознаваемого. 5. Преодоление страха и психологического барьера у опознающего (страх за себя/близких, боязнь мести). 6. В период ведения военного положения, невозможности прибытия по объективным причинам для идентификации лица/предмет/трупа.	1. Отсутствие прямого «живого» контакта, присутствия лица. 2. Снижение восприятия информации, в случаях некачественной передаче данных посредством научно-технических средств фиксации. 3. Невозможность детально рассмотреть опознаваемый объект. 4. При дистанционном предъявлении для опознания предметов у опознающего нет возможности взять вещь в руки и рассмотреть ее вследствие отдаленности.
	Риски (threats)
	1.Возможность «утечки» данных. 2.Возможное недостижение цели проведения СД в дистанционном формате (трудности при опознании в онлайн режиме).
	Возможности (opportunities)
	1.Цифровизация. 2.Оптимизация проведения СД. 3.Реализация Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. 4.Опыт передовых зарубежных государств, показывающих продуктивность и целесообразность проведения данного СД в дистанционном формате.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу, что, в связи с развитием науки и техники, назрела необходимость проведения ряда следственных действий в онлайн (дистанционном) формате. Данное позволит вывести уголовный процесс на более высокий качественный уровень: в разумный срок получение необходимой информации, сокращение материальных и иных издержек, обеспечение безопасности граждан и иное.

В связи с чем, на наш взгляд, видится возможным:

1. Проведение дистанционного предъявления для опознания.

В целях совершенствования правовой системы полагаем, что необходимо внести изменения в УПК, что позволит сократить сроки расследования, обеспечить более высокий уровень безопасности участников процесса и экономию бюджетных средств.

2. Руководствуясь положениями ст.ст. 229, 230 «Предъявление для опознания», «Порядок предъявления для опознания» УПК РК, регламентирующих проведение вышеуказанного СД, предлагается изложить п. 11 ст. 230 в следующей редакции:

В целях обеспечения безопасности опознающего, а также при опознании по особенностям голоса, речи, походки, предъявление лица для опознания может быть произведено в условиях, исключая визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. В этих условиях понятие находится в месте нахождения

опознающего. Опознающему и понятым должна быть обеспечена возможность достаточного визуального наблюдения лиц, предъявленных для опознания. В необходимых случаях допускается проведение опознания дистанционно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крылов В. В. История развития приемов предъявления личности для опознания/ В. В. Крылов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2000. № 4. С. 4051.
2. Опознание личности обвиняемого при расследовании преступлений: Методическое письмо, утвержденное прокурором Союза СССР А. Я. Вышинским. М., «Советское законодательство», 1936.
3. Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике: Учеб.-практич. пособие / Под ред. проф. Р. С. Белкина. М., 1996. С. 18, 57, 61–71.
4. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда РСФСР / под ред. В. В. Кунина и Д. С. Карева. М.: Юр. лит-ра, 1974. 217 с.
5. Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1956. С.199.
6. Кочаров Г. И. Опознание на предварительном следствии. М., 1955. 97 с.
7. Поддубняк А. А., Евдокимова И. С. Допрос свидетеля посредством видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования как новелла Российского законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). №3. С. 159–165.
8. Щерба С. Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования / С. Щерба, Е. Архипова // Уголовное право. 2014. №4. С. 109–117.
9. Доспулов Г. Г. Психология допроса в уголовном процессе. Алматы, 1996. 224 с.
10. Бегалиев Е.Н. К вопросу о тактических особенностях проведения допроса с использованием зеркала-шпиона Гезелла // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения, 2020 г. № 4. С. 79–83.
11. Галкин Д.В. Об использовании зеркала Гезелла в ходе допроса несовершеннолетнего // Труды академии МВД Республики Таджикистан. 2015. №3 (27). С. 60.
12. Желтобрюхов С.П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 63–64.
13. Мартынов А.Н., Кравец Е.Г., Шувалов Н.В. Организационно-тактический модуль дистанционных следственных действий // Криминологические проблемы правоохранительной деятельности: Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 128–129.

REFERENCES

1. Krylov V. V. History of the development of identity presentation techniques for identification. Vestn. Moscow. un. Ser. 11. Law. 2000, no. 4, pp 40-51.
2. Identification of the identity of the accused in the investigation of crimes: A methodical letter approved by the Prosecutor of the USSR A. Ya. Vyshinsky. - M., «Soviet legislation», 1936.
3. Ginzburg A. Ya. Identification in investigative, operational-search and expert practice: Educational and practical manual / Edited by prof. R.S. Belkin. M., 1996. pp. 18., pp. 57, 61-71.
4. Questions of criminal procedure in the practice of the Supreme Court of the RSFSR / Edited by V. V. Kunin and D. S. Karev. M.: Legal lit., 1974, 217 p.
5. Strogovich M. Criminal process. M., 1956, 199 p.
6. Kocharov G. I. Identification at the preliminary investigation / G. I. Kocharov. M., 1955. 97 p.

7. Poddubniak A., Evdokimova I. Interrogation of witness through video conferencing at the stage of preliminary investigation as a novel of the Russian legislation // Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. Vol. 4 (70), no.4, pp. 161-167.
8. Shcherba S. Pravovye osnovy primeneniya videokonferenc-svyazi v ugovnom sudoproizvodstve Rossii I perspektivy ih sovershenstvovaniya / S. Shcherba, E. Arhipova // Ugolovnoe pravo. 2014, no.4, pp. 109–117.
9. Dospulov G. G. Psychology of interrogation in criminal proceedings-Almaty, 1996. 224p.
10. Begaliyev Y. N. On tactical features of interrogation using Gesell's mirror // Investigation of crimes: problems and solutions. 2020, no. 4, pp. 79–83.
11. Galkin D. V. About the use of the using Gesell's mirror during the interrogation of a minor. Proceeding of the Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan. 2015, no.3 (27), 60 p.
12. Zheltobryukhov S. P. On the need to provide the preliminary investigation body with the possibility of using videoconferencing at the stage of pre-trial proceedings // Russian justice. 2016, no. 1, pp. 63–64.
13. Martynov A. N., Kravets E. G., Shuvalov N. V. Organizational and tactical module of remote investigative actions // Criminological problems of law enforcement: Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 4 (44), pp. 128–129.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баданова Анна Николаевна, докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 010022, Республика Казахстан, Акмолинская область, город Косшы, ул.Республики, 16

ORCID: 0000-0003-2813-752X

ResearcherID: AAD-6557-2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Badanova Anna Nikolaevna doctoral student of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan, 010022, Republic of Kazakhstan, Akmola region, Kosshy city, Republic str,16.

ORCID: 0000-0003-2813-752X

ResearcherID: AAD-6557-2022

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 108–122.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.4 (103). P. 108–122.

Научная статья

УДК: 343.359.2

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.33.011

КРИМИНОГЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Вальтер Александр Валерьевич

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень,
Российская Федерация. T89612047813@gmail.com

Введение: в статье представлен анализ нравственно-этических основ налоговых правоотношений и ответственности за их нарушение, вопросов о причинности совершения налоговых преступлений.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались мнения, как отечественных ученых, так и зарубежных исследователей о причинности совершения налоговых правонарушений и преступлений. Также применялись общенаучные методы: статистический метод, диалектический метод познания, системный подход, индукция, дедукция, аналогия, анализ, синтез и др.

Результаты исследования: в работе выделены мотивы налоговых преступлений: корыстный, политический и интеллектуальный. Установлены некоторые философские параллели по вопросам налоговой повинности, определен переход к добровольным началам уплаты налогов.

Выводы и заключения: выделены наиболее актуальные причины роста уровня налоговой преступности в Российской Федерации, предложены конкретные пути по снижению уровня налоговой преступности. Установлены положительные элементы применения в Китае «системы социального доверия».

Ключевые слова: налоговая этика, мораль; налоговые правонарушения и преступления.

Для цитирования: Вальтер А. В. Криминогенные детерминанты налоговой преступности: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практический журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 108–122.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.33.011

Original article

CRIMINOGENIC DETERMINANTS OF TAX CRIME:
PROBLEMS AND SOLUTIONS

Alexander V. Walter

Tyumen Institute for the Search for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, Tyumen, T89612047813@gmail.com

Introduction: The article presents an analysis of the moral and ethical foundations of tax legal relations and responsibility for their violation, questions about the causality of tax crimes.

Materials and Methods: In the course of the study, the opinions of both domestic scientists and foreign researchers on the causality of committing tax offenses and crimes were used. General scientific methods were also used: statistical method, dialectical method of cognition, systematic approach, induction, deduction, analogy, analysis, synthesis, etc.

The Results of the study the motives of tax crimes are highlighted in the work: mercenary, political and intellectual. Some philosophical parallels on the issues of tax duty have been established, the transition to voluntary tax payment has been determined.

Findings and Conclusions: the most urgent reasons for the growth of the level of tax crime in the Russian Federation are highlighted, specific ways to reduce the level of tax crime are proposed. The positive elements of the application of "social trust system" in China were established.

Keywords: tax ethics and morality; tax offenses and crimes.

For citation: Walter A. V. Kriminogennye determinanty nalogovoj prestupnosti: problemy i puti resheniya [Criminogenic determinants of tax crime: problems and solutions]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 108–122 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.33.011

Современная модель взаимодействия налогоплательщика и надзорных налоговых органов на сегодняшний день в малой степени затрагивает вопросы, посвященные нравственно-философским вопросам о налогообложении, а также причинной связи в ходе совершения налоговых правонарушений и преступлений, при этом несомненно, в настоящее время активно исследуются криминологические аспекты налоговой преступности отечественными учеными криминологами (О. А. Абакумова, 2010; И. Н. Соловьев, 2016; А. И. Долгова, 2005; А. К. Бен-Акил, 2008; Н. Н. Балюк, 2015 и др.)

Как в России, так и на международном уровне, налоговая система занимает одно из центральных мест в государственном управлении, налоги являются одним из инструментов в ходе финансирования социальных благ и, несомненно, оказывают влияние на формирование «обратной связи» между обществом и государством.

Как мы полагаем, этические вопросы, связанные с налогообложением и уплатой налогов, зачастую являются основополагающими элементами частной собственности, вопросами государственного устройства, суверенного нейтралитета, обороноспособности страны, стабильности в обществе и других важных аспектах государственных институтов.

Отметим, что актуальность темы нашего исследования обозначена в том числе и активной деятельностью запрещенных и иных организаций по созданию различных «квази-юридических кружков пропаганды СССР»¹ призывающих к отказу от уплаты налогов в бюджет России, ссылаясь на веру о незаконной передаче СССР (РСФСР),

¹«ФСБ задержала членов экстремистской организации в Волгоградской области. 29.06.2022». // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20220629/ekstremizm-1798915447.html> (дата обращения 30.07.2022).

земли, недр, иных ресурсов, имущества на баланс Российской Федерации, со ссылкой на нелегитимность существования Российской Федерации,² а также растущим «Интернет-контентом», пропагандирующим анти-налоговые ценности, в том числе использования незаконных махинаций по неуплате налогов.³

Поэтому вопросы противодействия налоговым преступлениям не могут быть исследованы вне этического и морального переосмысления отечественной налоговой системы в целом, в виде междисциплинарного исследования налоговых проблем, с учетом уголовно-правовых вопросов, экономики и политики.

Природа налоговых правоотношений постоянно претерпевает изменения, связанные с обновлением налогового законодательства, переоценкой социальных ценностей, в частности вопросами коррупции, разумной тратой налогов, соблюдением прав и свобод граждан и др.

При таком стихийном темпе изменения налогового законодательства, уголовно-правовых норм о налоговых преступлениях, уголовно-процессуальных вопросов привлечения и освобождения от уголовной ответственности и других вопросов в настоящее время необходимо проанализировать систему нравственных ценностей в обществе, отношение к налоговым преступлениям, выявить положительные и отрицательные моменты и попытаться дать ответы на поставленные вопросы.

Исследуя вопросы нравственно-этических основ налоговых правоотношений и ответственности за их совершение, важно исследовать первопричины нарушения налогового законодательства, преступной неуплаты налогов, нравственное отношение налогоплательщика к уклонению от уплаты налогов. И как верно отмечает А. А. Гогин в своем диссертационном исследовании, «деяния корыстного характера наносят огромный вред социальной нравственности, этике, культуре и религии; разрушают традиционные ценности, ослабляют родственные, коллективистские и товарищеские связи. Когда во главу угла ставится нажива и культ денег, личность индивида, помимо его воли, подвергается существенной деформации» [1, с.4].

Отметим, что и некоторые зарубежные ученые в ходе исследования проблем уклонения от уплаты налогов на сегодняшний день выделяют три условных аспекта причин совершения налоговых преступлений: 1) религиозный (проявляется во взаимосвязи человека и Бога в ходе уплаты налогов); 2) этический (в ходе уклонения от уплаты налогов); 3) философский.

Обратимся к зарубежному опыту по исследованию вышеуказанной проблемы и в данной связи отметим работы Торглера [2], который рассматривал нарушение налогового законодательства, уклонение от уплаты налогов на междисциплинарном уровне, затрагивая некоторые психологические, моральные и философские аспекты исследуемой проблемы. Профессор Альфонсо Моралес [3, с. 380–399] изучал моральные стороны поведения по отношению к уплате налогов мексиканских иммигрантов (семейная лояльность против налоговой системы), нравственные вопросы уклонения

² Решение Салаватского районного суда (Республика Башкортостан) № 2а-249/2019 от 14.05.2019 г. по делу от взыскания с Петрова В. Г. обязательных платежей и санкций. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NHeutIvqlcdT/> «Судебные и нормативные акты РФ». (Дата обращения 20.05.2022)

³ Решение Октябрьского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) №2а-4257/2018 от 20.06.2018 г. о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. // Судебные и нормативные акты РФ. URL : https://sudact.ru/regular/doc/dmTQUUeZdfNb/?regular-txt=%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA®ular-case_doc=2%D0%B0-4257%2F2018®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1669287746601 «Судебные и нормативные акты РФ». (Дата обращения 20.05.2022)

от уплаты налогов, вопросы коррупции, когда желание дать взятку должностному лицу зачастую превалирует над моральным долгом гражданина уплатить налоги.

Интересно отмечал Мюррей Ньютон Ротбард в его либертарианской работе «Этика Свободы» [4], что, если налогообложение – это грабёж, то, соответственно, сопротивление налогообложению является законным способом его избежания: «Так как никто морально не обязан честно отвечать грабителю, когда он спрашивает, есть ли в чьём-то доме ценные вещи, то никто не обязан честно отвечать и на подобные вопросы, задаваемые государством, когда, например, оно увеличивает налоги».

Зарубежные ученые в ходе исследования проблем налоговой морали рассматривают данный вопрос комплексно. Так, Гронбахер [5, с. 159–167] рассматривает вопрос уклонения от уплаты налогов с точки зрения католической социальной мысли и классической философии либерализма; Шансберг [6, с. 144–157] по вопросам причинности уклонения от уплаты налогов обращается за руководством к библейской литературе; Кон [7, с. 180–189] исследовал взгляды ортодоксальных евреев по вопросам причинности уклонения от уплаты налогов; Пеннок [8, с. 124–142] обсуждает вопросы налоговой преступности с точки зрения «теории войн», которая наделяет граждан моральным обязательством платить справедливые налоги с учетом необходимости защиты своей страны от внешних врагов, а также вопросы уплаты именно несправедливых или аморальных налогов.

Интересно исследование и Роберта МакГи, проведенное в 2012 году [9], об этических аспектах отношения общества к налоговой системе в США, где, по мнению общества, правительство США было причастно к нарушениям прав человека, а также выдвинуты иные веские причины – в виде слишком высоких налоговых ставок, в совокупности с коррумпированностью чиновников, бездарной тратой налогов, затронуты вопросы восприятия в обществе справедливого налогообложения.

Для современной России вопросы справедливого налогообложения не теряют актуальности. Так, по мнению И. А. Урубковой в диссертационном исследовании о справедливости в налоговом праве, «в условиях сильного имущественного неравенства в Российском обществе возникает закономерный вопрос о справедливом распределении доходов и налоговом бремени между его различными слоями» [10, с. 4].

С точки зрения желания налогоплательщиков уплачивать самостоятельно налоги, как мы полагаем, существуют две формы: 1) добровольная форма уплата налогов, как результат доверия к налоговым и правоохранительным органам и 2) «добровольно-принудительные обязательства» гражданина внести свой вклад в развитие государства. Налоговая этика (мораль), по нашему мнению, объясняет уплату всех законно установленных налогов гражданским долгом человека и, в некоторых случаях, религиозными аспектами.⁴

Налоговая мораль тесно связана с такими факторами, как важность освещения в средствах массовой информации, вопросы, посвященные расходованию налогов, их взиманию, задолженности крупных предприятий. Указанные вопросы влияют на поведенческие намерения налогоплательщиков на индивидуальном уровне.

Таким образом, влияние на восприятие гражданами налоговых вопросов через сообщения средств массовой информации может быть эффективным средством увеличения налоговых поступлений, и его следует учитывать в большей степени при разработке налоговой политики, о чем с нами согласны зарубежные авторы [11].

В данном исследовании актуальность представляют вопросы налоговой этики, морали, нравственности, которые, несомненно, находятся в понимании самой «фило-

⁴ Прим.: Евангелие от Матфея Глава 22, абз. 16–21: ...«Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»....

софии налогов», выраженной в передаче части имущества государству, в связи с чем возможно выделить следующие мотивы в ходе неуплаты налогов: корыстные, политические, а также мотивы интеллектуальные (перехитрить закон).

1. Корыстные мотивы характеризуются тем, чтобы незаконными способами уйти от налоговой обязанности и «сэкономить на налогах».

2. Политические мотивы – ситуация, при которой налогоплательщик отказывается уплачивать налоги в стране проживания в связи с деятельностью государственных институтов власти.

3. Интеллектуальные мотивы – особенность, выраженная в поиске «налоговых лазеек», правовых коллизий, предоставляющих возможность избежать уплаты налогов каком-либо объеме.

В данной связи возможно упомянуть философский спор об «этических основаниях» Иммануила Канта и Джона Ролза, в вопросах «деонтологического аргумента». Так, понятие долга основано на соблюдении правил, положений, законов и норм. Моральные правила поведения определяется как то, что в наибольшей степени соотносится с ответственностью и долгом человека перед обществом.

Между тем философы-утилитаристы, такие как Джон Стюарт Милль и Джереми Бентам, выдвинули аргумент, который оправдывает затраты и выгоды или даже компромиссы стремлением к морали. Согласно этой системе убеждений, называемой «консеквенциализмом», поведение является этическим, если результат приносит пользу наибольшему количеству людей, даже если за это приходится платить определенную цену. По Аристотелю же предполагается, что «правильно» то, что приближает человека к нравственному совершенству, определяемому как избежание пороков и стремление творить добро.

Если придерживаться философии «деонтологии», стратегии по минимизации налогообложения, с использованием законных схем по оптимизации налогообложения и «честной» экономии на налогах, то, вероятнее всего, данная концепция будет являться в целом этической.

Напротив, «консеквенциалист», вероятно, будет оценивать результаты в связи с уплаченными (или неуплаченными) им налогами, с учетом конкретной пользы обществу, к примеру, количество построенных школ, больниц, детских садов и др.

Таким образом, этическое поведение – это то, что позволяет человеку достичь самого высокого нравственного «я». Возникает вопрос, возможно ли достичь этого в настоящее время, через призму исполнения налоговых обязанностей «без утайки», и мы полагаем, что да, возможно, с учетом внедрения, в т. ч. государственной «игровой модели» по мониторингу за налоговыми процессами в обществе.

В данной связи представляет интерес Китайская игровая модель в виде «системы социального кредита (рейтинга)», основанная на сборе данных (Big data), в т. ч. уплаты налогов и их категорирования (А, В, С, D категории) в отношении граждан Китая.

Так, с учетом положительного поведения граждан Китая им предоставляются различные социальные льготы и, по мнению председателя Центральной комиссии КПК по руководству деятельностью в области духовной культуры, члена Политбюро Китая Лю Юньшань, «Система Социального Доверия (Social credit score) – это базирующаяся на китайских традициях, больших данных и искусственном интеллекте, система формирования гармонии, искренности и доверия, а также воспитания и обеспе-

чения развития. «SCS» – это инструмент осуществления китайской мечты в условиях информатизации и технологического развития Китая»⁵.

Активисты системы «SCS», указывают, что она регулирует и улучшает социальное поведение граждан, повышает их надежность, воспитывает финансовую аккуратность (своевременная уплата налогов), укрепляет традиционные национальные моральные ценности, дает шансы на перевоспитание правонарушителей⁶.

В работе по повышению Российских моральных налоговых ценностей отметим отечественный цифровой эксперимент, недавно запущенный на основании Постановления Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 2371 «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства»⁷, одной из целей которого является формирование профиля пользователя с учетом различных сведений, в т. ч. налоговых данных. Задачами эксперимента являются разработка приоритетных сервисов (в т. ч. «Налоговые услуги»), а также иных услуг, мер поддержки и сервисов. К сожалению, в данном постановлении отсутствуют ссылки на систему поощрения налогоплательщиков в ходе исполнения своих налоговых обязанностей в полном объеме, либо иного поощрения для лиц, самостоятельно вступивших в ряды «самозанятого населения», и др.

Поощрения необходимы и с учетом ситуаций, когда налогоплательщик лично создает «добродетель», к примеру, в ходе уклонения от уплаты налогов налогоплательщиком оказывается личная финансовая поддержка, и часть средств направляется на финансирование медицинского центра по исследованию рака, СПИДа, финансирование строительства музея, храма и др. В данной связи возникают вопросы о применении смягчающих вину обстоятельств, либо в концептуальных рассуждениях о благодетельности возможно упомянуть версию о возмещенном ущербе налогоплательщиком.

Возвращаясь к концепции «игровой модели» взаимодействия государства и общества, отметим, что факты социальной активности, добродетели должны учитываться в цифровом профиле налогоплательщика, при этом возникают и вопросы социального контроля. По мнению Л. А. Тутова и В. Н. Рогожниковой: «Цифровая экономика дает нам новые возможности для свободы – но и новые формы бегства от нее»⁸.

Сложности возникают и в том случае, когда в обществе сформировано отрицательное мнение относительно государственной налоговой системы в целом, по вопросам, связанным с грамотной налоговой политикой, постоянным ужесточением налоговой нагрузки, а также по вопросам незнания налогоплательщиками информации – на что расходуется налоговые платежи, в совокупности со снижением реальных до-

⁵ «Китайская система социального кредита: традиции и технологии. В Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени» 04.09.2019. // URL: https://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii (дата обращения 07.06.2022)

⁶ «Social Credit System» URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Social_Credit_System (дата обращения 20.05.2022)

⁷ «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства»: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 2371. // URL: <http://government.ru/docs/all/138508/> (дата обращения 06.08.2022)

⁸ Семинар по исследованиям цифровой экономики «Цифровизация и свобода» Бегство от свободы в цифровой экономике / доктор филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики ЭФ МГУ Л. А. Тутов канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии экономики ЭФ МГУ В. Н. Рогожникова. Москва, 2 июня 2021 года. // URL <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=75167&p=attachment> (дата обращения 21.06.2022)

ходов граждан. Все эти факторы могут быть неким сигналом для государства в части изменения налоговой политики.

Отметим, что в новейшей России «философия налогообложения» длительное время фактически была построена по традиционному административному принципу – «Заплати налоги и спи спокойно» (в поисковой системе «Google» найдено примерно 40 000 совпадений)⁹, о чем свидетельствуют и масса публикаций в СМИ¹⁰, при этом в настоящее время происходит трансформация налогового администрирования, которая постепенно переходит на новый уровень – «партнерского взаимодействия»¹¹ (ФНС России и налогоплательщик).

Во взаимосвязи с вопросами налогового администрирования¹², которые трансформируются в новую модель взаимоотношений налоговых органов и налогоплательщиков, отметим, что, по нашему мнению, не все налогоплательщики готовы к данной модели взаимоотношений, так как актуальные данные социального опроса (2020 г.) показали, что 35% населения полагает, что иногда допустимо не уплачивать налоги (и при этом, что немаловажно, почти 50% населения желает знать о целях расходования налоговых отчислений) [12].

В продолжение указанного исследования нами были проанализированы сведения исследовательского проекта «Всемирный обзор ценностей» (англ. World Values Survey, WVS)¹³. За период 1990–1994 гг. было установлено, что уровень налоговой культуры в Российской Федерации в сравнении с Китаем, Японией, Швейцарией, Соединенными Штатами Америки находился на низком уровне. Так, процент положительного отношения к совершаемым налоговым преступлениям россиянами составлял почти 4,0 %. Для сравнения – в Японии процент граждан с положительным отношением к налоговым преступлениям составлял всего 0,6 %. Относительно порицания налоговых преступников установлено, что в России негативное отношение к налоговым преступлениям было у 48 % опрошенных лиц. В Китае налоговую преступность не оправдывали 81 % опрошенных.

Отметим, что за 30 последних лет ситуация в России относительно «налоговой морали» изменилась в негативном отношении. Так, в 2017 году в России фактически

⁹ Поисковая система «Google». URL: https://www.google.com.au/advanced_search (дата обращения 26.01.2022)

¹⁰ Семинар по исследованиям цифровой экономики «Цифровизация и свобода» Бегство от свободы в цифровой экономике д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики ЭФ МГУ Л.А. Тутов к.ф.н., доцент кафедры философии и методологии экономики ЭФ МГУ В.Н. Рогожников Москва, 2 июня 2021 года. // URL <https://www.econ.msu.ru/sys/rw.php?o=75167&p=attachment> (дата обращения 21.06.2022)

¹¹ «Заплати налоги и спи спокойно». // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn50/news/activities_fts/5769498/ (дата обращения 12.08.2022); «ФНС ищет замену известному слогану «Заплати налоги и спи спокойно». URL: <https://tass.ru/obschestvo/562448> (дата обращения 17.10.2022)

¹² Налоги глазами Россиян исследование налоговой культуры Российских граждан и их отношения к налоговой системе. 2020 г.». Исследование проведено Фондом «Центр стратегических разработок» // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock> (дата обращения 15.01.2022)

¹³ Прим.: WVS представляет собой организацию, занимающуюся всемирным исследованием социально-культурных и политических изменений, которая собирает сравнительные данные о системах ценностей и убеждений народов всего мира. Опросы основаны на представительных национальных выборках (не менее 1000 человек в стране) и проводятся более чем в 80 странах. Все опросы проводятся через личные интервью в домах респондентов и на соответствующих национальных языках. Проект выборки состоит из многоэтапного, случайного выбора точек отбора проб с рядом отдельных наблюдений, взятых из всех административных региональных подразделений. Результаты опроса могут быть взвешенными для представления национальных характеристик населения. // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения 27.01.2022).

1/3 опрошенных респондентов высказывались о негативном отношении к налоговым преступлениям. В Китае, Японии, Швейцарии и Соединенных Штатах Америки негативное отношение к налоговой преступности было значительно выше, чем в России, и составило 77,8 %, 86,5 %, 61,6 %, 63,5 % соответственно.

Рассуждая об уровне налоговой этики и культуре граждан, отметим, что вопросы налоговой преступности тесно связаны с уровнем теневой экономики (коррупция, взяточничество, коммерческий подкуп и др. преступления) – чем выше уровень теневой экономики, тем выше уровень позитивного отношения налогоплательщиков к применению незаконных налоговых махинаций, налогового мошенничества и др. противоправных действий, связанных с обманом налоговых органов и неуплатой налогов.

Так, относительно стран Европы, с учетом проведенного исследования Фридрихом Шнайдером [13], размер и развитие теневой экономики в европейских странах и странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития должен оцениваться обязательно с использованием различных процедур оценки, включающих в себя следующие негативные факторы:

- 1) повышенное бремя налогообложения в сочетании с интенсивным регулированием рынка труда;
- 2) «низкое» качество государственных институтов;
- 3) минимальные показатели «налоговой морали» в обществе. При этом по данным исследователя, вопросы налоговой морали (около 25 % респондентов) также влияют на развитие «теневой экономики» [14].

Возвращаясь к вопросам о несправедливом налогообложении, отметим работу западного «либертарианца» Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974 г.)¹⁴ о вопросах налогообложения доходов от труда. Это, по мнению Р. Нозика, не что иное, как принуждение к труду, и данные выводы в целом имеют логичный характер. Суть теории Р. Нозика в том, что в концепцию оплаты труда за произведенную гражданином работу изначально заложена обязанность уплатить часть своего дохода, т. е., с учетом концепции «свободы воли», труд, является не свободным, а закрепощенным налоговым бременем, и взыскание части налога от труда налогоплательщика эквивалентно принудительной работе.

Также Р. Нозик указывает, что государство не имеет права взимать налоги для финансирования своих функций (с точки зрения прогрессивного налогообложения) и что изъятие налогов у обеспеченных граждан и «бизнеса», для осуществления помощи малоимущим гражданам, является насилием над состоятельными налогоплательщиками. По мнению Р. Нозика, «если государство взыскивает 30 % доходов от трудовой деятельности у налогоплательщика, то это равноценно принуждению проработать 30 % рабочего времени на государство, и не называется ли этот принудительный труд рабством?» [15].

Также возможно упомянуть, не углубляясь в дальнейшие рассуждения о вопросах «наследственных налогов», когда наследник должен уплатить соответствующую часть налогов от полученного наследственного имущества (при его реализации), с которого ранее умерший фактически уже уплатил должные налоги. Так в «Моральных возражениях против налога на наследство» Стюарт Уайт, указывает на данные вопросы «двойного налогообложения» и некоторую несправедливость по отношению к наследнику в части обязанности уплаты налога на наследство.

¹⁴ Прим.: В либертарианском мировоззрении Роберта Нозика обязательное налогообложение должно ограничиваться обеспечением минимальных потребностей государства, которое защищает и обеспечивает только соблюдение прав собственности налогоплательщиков. Распределительные налоговые трансферты нуждающимся налогоплательщикам недопустимы с моральной точки зрения.

Продолжая исследование этических вопросов налогов и налогообложения, обратимся к работам Лиамы Мерфи и Томаса Нагеля «Миф о собственности: налоги и справедливость», которые указывают, что поскольку права собственности определяются законами и соглашениями, неотъемлемой частью которых является государство, налогообложение государством не может считаться воровством. Другие сторонники теории общественного договора и теории «справедливого права» (Платон, Гуго Гроций, Томас Гоббс, Самуэль фон Пуфендорф, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант, И. Гегель, О. Хеффе, И. А. Ильин), указывают, что общественность демократическим путем разрешила людям накапливать богатства, но лишь с условием, что часть этих накоплений будет взыскана и израсходована государством для общественного пользования.

Относительно вопросов о прогрессивной шкале налогообложения, укажем, что в настоящее время взаимосвязь между налогообложением по прогрессивной и стандартной ставке, вероятно, является теорией «черного ящика» (неизвестно какой результат будет на выходе) [16, с. 160] и вызывает ряд споров о справедливом распределении доходов (помимо неравенства доходов, исследователи выделяют неравенство возможностей и именно оно не позволяет реализовать потенциал, как отдельных людей, так и экономики в целом) [17], при огромном количестве действующих благотворительных фондов¹⁵.

В итоге весь комплекс социальных явлений, как на примерах зарубежных исследований, так и отечественных позиций в сфере налогообложения, порождает налоговую преступность, и, по нашему мнению, реалии сегодняшней ситуации таковы, что ряд неразрешенных вопросов в обществе является предпосылками и причинами роста налоговой преступности в Российской Федерации.

Если осуществлять анализ статистических данных по налоговым преступлениям, важно отметить, что реальную картину динамики по количеству совершаемых налоговых преступлениях сложно установить, так как за последние 10 лет происходили постоянные изменения в части увеличения пороговой суммы неуплаченных налогов по ст.198–199 УК России, изменений относительно порядка возбуждения уголовных дел по ст.198–199.2 УК России, в соответствии со ст. 140 УПК России. Аналогичного мнения придерживается и Ж. А. Николаева: «Достоверных сведений о том, что эти тенденции отображают реальный уровень налоговой преступности с учетом ее зарегистрированной и скрытой составляющих, не имеется» [18]. Однако эта тенденция находит объяснение и в изменении ведомственных подходов к формированию статистических сведений, согласно которым перечень преступлений, которые могли быть отнесены к налоговым, существенно сокращен¹⁶.

Мнение заместителя председателя СК России Елены Леоненко: «Если в целом анализировать динамику и количество поступающих к нам сообщений о налоговых преступлениях, то с 2011 года их количество постоянно сокращается, в том числе из-за повышения пороговых сумм, с которых наступает уголовная ответственность». При этом по данным СК России, средний ежегодный ущерб от налоговых преступлений составляет

¹⁵ Д. Доукинс. «Конкурс уклонения от налогов»: как благотворительность помогает скрывать скупость миллиардеров». Журнал Forbes // URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/386487-konkurs-ukloneniya-ot-nalogov-kak-blagotvoritelnost-pomogaet-skryvat-skupost> (дата обращения 04.02.2022)

¹⁶ Прим.: Статистика формируется в соответствии с указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» от 24 января 2020 г. № 35/11/1, которое существенно сократило перечень преступлений, относящихся к налоговым (СПС «Консультант. Плюс»). В официальных источниках документ опубликован не был.

порядка 58 млрд рублей (в соответствии с данными с 2011 по 2020 год), что может свидетельствовать о стабильной криминогенности в вопросах налоговой преступности¹⁷.

С учетом мнения некоторых известных криминологов, в том числе Н. Н. Балюк [19], основными причинами все еще остающегося высокого уровня налоговой преступности, объемов неуплаченных налогов в России, а также одобрения «налоговой преступности» со стороны налогоплательщиков являются:

- налоговый нигилизм;
- стремление к наживе (корысть, стяжательство, жадность и др.);
- завышенные потребности в материальной сфере.

Как мы полагаем, возможно дополнительно выделить и иные детерминанты налоговой преступности:

- сложившиеся социальные установки о несправедливой налоговой системе и вопросы социального неравенства;
- сложности в уяснении судебной практики по налоговым преступлениям (правонарушениям) и проблемы интерпретации налоговых разъяснений судебными органами¹⁸;
- уровень финансового благосостояния в обществе;
- усложненная система и проблемы трактовки текста отечественного Налогового кодекса.

Вообще противодействие налоговой преступности является важной задачей государства, ее налоговой и уголовно-правовой политикой по защите общественных ценностей, в виде нормально функционирующей государственной модели по взиманию налогов. И решение этой задачи, как мы считаем, невозможно достичь только лишь путем уголовно-правовых репрессий в виде увеличения наказания за налоговые преступления или определенных послаблений в виде усложнения (постоянного изменения) механизмов возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, в т. ч. увеличении минимальных пороговых значений сумм неуплаченных налогов в ходе уклонения от уплаты налогов.

Мы полагаем, что значительное снижение уровня налоговой преступности может быть достигнуто при создании новой цифровой концепции «налоговой добродетели» и нравственно-этических установок в сознании налогоплательщиков, когда моральная твердость при уплате налогов станет не привычкой вследствие страха грядущего уголовного наказания, а возникнет из актов мыслительной деятельности налогоплательщика.

С учетом вышеизложенного необходимо активнее использовать элементы «цифровой экономики», в т. ч. внедрять налоговую «игровую модель» (система социального кредита), взаимодействия налогоплательщика с налоговыми органами путем внедрения бальной системы в цифровой профиль налогоплательщика с учетом следующих элементов в виде «добродетелей налогоплательщика»:

- отсутствие нарушений налогового законодательства;
- отсутствие налоговой задолженности;

¹⁷ «О выстраивании границ при общении через Интернет, динамике детской преступности и неуплаченных налогах рассказывает заместитель председателя СК РФ Елена Леоненко» 17.01.2022 г. // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/13432229> (дата обращения 03.09.2022)

¹⁸ С. Пепеляев. «У судов сейчас нет никакой потребности в интерпретации и толковании. Суды выступают проводниками позиции налоговых органов» 09.06.2022г.// Официальный интернет сайт «ООО «Пепеляев Групп». URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/sergey-pepelyaev-u-sudov-seychas-net-nikakoy-potrebnosti-v-interpretatsii-i-tolkovanii-sudy-vystupayu/> (дата обращения 09.07.2022).

- Отсутствие просрочки по уплате налогов;
- регистрация в качестве «самозанятого» или индивидуального предпринимателя;
- рост налоговых отчислений налогоплательщиком;
- увеличение количества сотрудников предприятия (рост заработной платы);
- регистрация новых предприятий-налогоплательщиков;
- осуществление предпринимательской деятельности в определенных сферах (на примере налоговых льгот в отношении отрасли информационных технологий),¹⁹ проведение научных исследований и разработок в области естественных и технических наук и другие виды экономической деятельности, в которых заинтересовано государство на ближайшие 10 лет;
- отсутствие судимости по налоговым преступлениям, предусмотренным ст. 198–199.4 УК России;
- использования налоговыми органами нововведения в виде статуса «квалифицированного налогоплательщика».

Как отрицательные элементы цифрового профиля для налогоплательщика, возможно, выделить следующие показатели:

- налоговая задолженность;
- нарушения налогового законодательства;
- факты привлечения к уголовной ответственности по налоговым преступлениям;
- противодействие налоговым и правоохранительным органам в ходе осуществления мер налогового контроля и процессуальной проверки в отношении налогоплательщика (уничтожение бухгалтерских документов, подделка документации, внесение иных искажений в бухгалтерские документы);
- осуществление предпринимательской деятельности с нарушением адреса места регистрации «бизнеса» налогоплательщика;
- незаконное использование в «бизнесе» реквизитов «фирм-однодневок».

Используя элементы «налоговой добродетели» в цифровом профиле налогоплательщика, необходимо использовать методы поощрения в контексте возможного предоставления следующих налоговых льгот и определенных конкурентных преимуществ перед остальными налогоплательщиками:

- 1) скидки, установленные налоговым законодательством (до 50 % при уплате налогов);
- 2) возможные налоговые отсрочки до 3-х месяцев (к примеру, один раз в два года), по устному заявлению (в автоматическом режиме);
- 3) преимущества на тендерной электронной площадке, при выборе поставщика в ходе участия налогоплательщика в государственных закупках;
- 4) «Доска почета лучших налогоплательщиков» на официальном сайте налогового органа (официальный список на примере критериев налогового законодательства о «крупнейших налогоплательщиках»);
- 5) закрепление отдельного вида смягчающего обстоятельства в ч. 1 ст. 61 УК РФ в отношении добропорядочного налогоплательщика с учетом высокой категории налоговой активности и совершения преступления в сфере экономической деятельности (принцип справедливости с учетом личности виновного лица).

Вышеуказанные меры, по нашему мнению, позволят: создать «прозрачность» в ходе осуществления предпринимательской деятельности (без утайки доходов от налоговых органов); усилить эффект справедливого налогообложения (когда элек-

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403494486/> (дата обращения 09.07.2022).

тронная система цифрового профиля налогоплательщика фактически без вмешательства человека будет оценивать налоговые действия и выносить суждения, свободные от предвзятости, односторонности и иных ошибок); выработать усредненные нормы нравственных налоговых ценностей, приемлемых для широкого слоя налогоплательщиков; уменьшить налоговое администрирование и вовлечь налогоплательщика в активное участие в налоговых процессах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гогин, А. А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: специальность 12.00.02. Казань, 2011. С. 4.
2. B. Torgler. Tax morale: theory and empirical analysis of tax compliance, Edward Elgar Publishing limited, 2007, 307 p. URL: https://edoc.unibas.ch/56/1/DissB_6463.pdf (дата обращения 10.09.2022)
3. A. Morales. Income tax compliance and alternative views of ethics and human nature, Journal of accounting, Ethics & Public policy 1 (3), 380–399 p. URL : <https://www.jstor.org/stable/25123849> (дата обращения 10.07.2022)
4. M. N. Rotbard. The Ethics of Liberty. 1998. New York University Press. 336 p. URL: <https://cdn.mises.org/The%20Ethics%20of%20Liberty%2020191108.pdf> (дата обращения 12.03.2022)
5. Gronbacher, Gregory M.A. 1998. Taxation: Catholic Social Thought and Classical Liberalism. Journal of Accounting, Ethics & Public Policy 1(1): 91–100, reprinted in Robert W. McGee (Ed.), The Ethics of Tax Evasion (pp. 158–167). Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/0-387-25710-1_11 (дата обращения 10.06.2022)
6. Schansberg, D. Eric. 1998. The Ethics of Tax Evasion Within Biblical Christianity: Are There Limits to “Rendering Unto Caesar”? Journal of Accounting, Ethics & Public Policy 1(1): 77–90, reprinted in Robert W. McGee, editor, The Ethics of Tax Evasion. Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998, pp. 144–157. URL : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=956956 (дата обращения 27.09.2022)
7. Cohn, Gordon. 1998. The Jewish View on Paying Taxes. Journal of Accounting, Ethics & Public Policy 1(2): 109–120, reprinted in Robert W. McGee, editor, The Ethics of Tax Evasion. Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998, pp. 180–189. URL : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=956956 (дата обращения 23.10.2022)
8. Pennock, Robert T. 1998. Death and Taxes: On the Justice of Conscientious War Tax Resistance. Journal of Accounting, Ethics & Public Policy 1(1): 58–76, reprinted in Robert W. McGee, editor, The Ethics of Tax Evasion. Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998, pp. 124–142. URL: <https://www.jstor.org/stable/25123849> (дата обращения 24.11.2022)
9. McGee, R. W. (2012). The ethics of tax evasion: A survey of Hispanic opinion. Accounting & taxation. URL : <http://www.theibfr2.com/RePEc/ibf/acttax/at-v4n1-2012/AT-V4N1-2012-5.pdf> (дата обращения 20.09.2022)
10. Урубкова, И. А.: Принцип справедливости в налоговом праве: на примере налога на доходы физических лиц : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2011. С. 4.
11. Eric Mack, Robert Nozick’s Political Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy, June 22, 2014. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/nozick-political/> (дата обращения 12.06.2022)
12. Савина, О. Н. Новая философия в налогообложении физических лиц / О. Н. Савина // Налоги и налоговая грамотность: новая философия в налогообложении физических

лиц : сборник научных работ студентов – участников научно-практического студенческого кружка "Школа налогоплательщика" / Под редакцией О.Н. Савиной. Москва: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2018. С. 5–21.

13. Schneider, F. Size and development of the shadow economy in Germany, Austria and other OECD countries: some preliminary findings // *Revue Economique*, 2009. № 60. URL: https://ideas.repec.org/a/cai/recosp/reco_605_1079.html (дата обращения 30.01.2022)

14. Рувинский, В. «Россияне готовы не платить налоги» Руководители не привыкли отчитываться о расходовании собранных средств URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/05/28/831416-rossiyane-gotovi> (дата обращения 09.01.2021 г.)

15. Robert Nozick. *Anarchy, State, and Utopia*. - Hachette UK, 2013, 384 P. URL: https://www.academia.edu/2815491/Robert_Nozick_Anarchy_State_and_Utopia

16. Glanville Ranulph. "Black Boxes", *Cybernetics and Human Knowing*, 2009, pp. 153–167. URL: <https://www.ingentaconnect.com/content/imp/chk/2009/00000016/f0020001> (дата обращения 15.10.2022)

17. Гуриев, С. Неравенство справедливое и несправедливое. URL: <https://econs.online/articles/opinions/neravenstvo-spravedlivoie-i-nespravedlivoie/> (дата обращения 04.03.2022)

18. Николаева, Ж. А. Криминологические особенности и специфика детерминации современной налоговой преступности // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-osobennosti-i-spetsifika-determinatsii-sovremennoy-nalogovoy-prestupnosti> (дата обращения: 06.09.2022).

19. Балюк, Н. Н. Предупреждение налоговой преступности: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.08 / Н. Н. Балюк. Елец, 2015. 316 с.

REFERENCES

1. Gogin A.A. *Obshhaja koncepcija pravonarushenij: problemy metodologii, teorii i praktiki: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk: special'nost'* [The general concept of offenses: problems of methodology, theory and practice: dissertation abstract for the degree of Doctor of Law]. Kazan. 2011, pp. 4.

2. B. Torgler. *Tax morale: theory and empirical analysis of tax compliance*, Edward Elgar Publishing limited, 2007, 307 p. URL : https://edoc.unibas.ch/56/1/DissB_6463.pdf (Available at: 10.09.2022)

3. A. Morales. Income tax compliance and alternative views of ethics and human nature, *Journal of accounting, Ethics & Public policy* 1 (3), pp. 380–399. URL : <https://www.jstor.org/stable/25123849> (Available at: 10.07.2022)

4. M. N. Rotbard. *The Ethics of Liberty*. New York University Press. 1998, 336 p. URL: <https://cdn.mises.org/The%20Ethics%20of%20Liberty%2020191108.pdf> (Available at: 12.03.2022)

5. Gronbacher, Gregory M.A. 1998. Taxation: Catholic Social Thought and Classical Liberalism. *Journal of Accounting, Ethics & Public Policy* 1(1): 91–100, reprinted in Robert W. McGee (Ed.), *The Ethics of Tax Evasion* (pp. 158–167). Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/0-387-25710-1_11 (Available at: 10.06.2022)

6. Schansberg, D. Eric. 1998. The Ethics of Tax Evasion Within Biblical Christianity: Are There Limits to “Rendering Unto Caesar”? *Journal of Accounting, Ethics & Public Policy* 1(1): 77–90, reprinted in Robert W. McGee, editor, *The Ethics of Tax Evasion*. Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998, pp. 144–157. URL : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=956956 (Available at: 27.09.2022)

7. Cohn, Gordon. 1998. The Jewish View on Paying Taxes. *Journal of Accounting, Ethics & Public Policy* 1(2): 109–120, reprinted in Robert W. McGee, editor, *The Ethics of Tax Evasion*. Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998, pp. 180–189. URL : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=956956 (Available at: 23.10.2022)
8. Pennock, Robert T. 1998. Death and Taxes: On the Justice of Conscientious War Tax Resistance. *Journal of Accounting, Ethics & Public Policy* 1(1): 58–76, reprinted in Robert W. McGee, editor, *The Ethics of Tax Evasion*. Dumont, NJ: The Dumont Institute for Public Policy Research, 1998, pp. 124–142. URL : <https://www.jstor.org/stable/25123849> (Available at: 24.11.2022)
9. McGee, R. W. (2012). The ethics of tax evasion: A survey of Hispanic opinion. *Accounting & taxation*. URL : <http://www.theibfr2.com/RePEc/ibf/acttax/at-v4n1-2012/AT-V4N1-2012-5.pdf> (Available at: 20.09.2022)
10. Urubkova I.A.: The principle of justice in tax law: on the example of personal income tax. Abstract dis. ... candidate of legal sciences M.: 2011, pp. 4.
11. Eric Mack. Robert Nozick's Political Philosophy. – *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, June 22, 2014 // <https://plato.stanford.edu/entries/nozick-political/> (accessed 06/12/2022)
12. Savina, O. N. (Ed.) [New philosophy in the taxation of individuals] *Nalogi i nalogovaja gramotnost': novaja filosofija v nalogooblozhenii fizicheskikh lic : sbornik nauchnyh rabot studentov – uchastnikov nauchno-prakticheskogo studencheskogo krushka "Shkola nalogoplatel'shhika"* [Taxes and tax literacy: a new philosophy in the taxation of individuals: Collection of scientific works of students - participants of the scientific and practical student circle "School of the taxpayer"]. Moscow, Publishing and Trade Corporation "Dashkov and K", 2018, pp. 5-21.
13. Schneider F. Size and development of the shadow economy in Germany, Austria and other OECD countries: some preliminary findings // *Revue Economique*, 2009, no.60, URL: https://ideas.repec.org/a/cai/recosp/reco_605_1079.html (Available at: 30.01.2022)
14. V. Ruvinsky “Russians are ready not to pay taxes” Managers are not accustomed to reporting on the spending of collected funds. Access: [URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/05/28/831416-rossiyane-gotovi>] (Available at: 09.01.2021)
15. Robert Nozick. *Anarchy, State, and Utopia*. - Hachette UK, 2013, 384 P. URL: https://www.academia.edu/2815491/Robert_Noizick_Anarchy_State_and_Utopia (Available at: 9/09/2022)
16. Glanville Ranulph. "Black Boxes", *Cybernetics and Human Knowing*, 2009, pp. 153-167.
17. Guriev S. Inequality is fair and unfair. (e-access) URL: <https://www.ingentaconnect.com/content/imp/chk/2009/00000016/f0020001> (Available at: 04.03.2022)
18. Nikolaeva Zh.A. Kriminologicheskie osobennosti i specifika determinacii sovremennoj nalogovoj prestupnosti [Criminological features and specifics of the determination of modern tax crime]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian criminological journal*. 2020, no.5. (electronic access) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-osobennosti-i-spetsifika-determinatsii-sovremennoy-nalogovoy-prestupnosti> (Available at: 09/06/2022).
19. Balyuk N.N. Preduprezhdenie nalogovoj prestupnosti: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk [Prevention of tax crime: dis. ... cand. legal Sciences]. Yelets, 2015, 316 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальтер Александр Валерьевич, старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Walter Alexander Valerievich, Senior Lecturer Department of Crime Investigation and Forensic Science. Tyumen Institute for the Search for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Russia, 625049, Tyumen, st. Amurskaya, 75.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 123–133.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 123–133.

Научная статья

УДК: 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.56.012

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Волченко Анастасия Владимировна¹, Лакеева Екатерина Витальевна²

^{1, 2} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация,

¹espy207@yandex.ru

² ms.volnyagina@mail.ru

Введение: в статье рассматривается возможность использования видео-конференц-связи при производстве допроса, очной ставки и опознания. Авторы анализируют сложившуюся практику применения видео-конференц-связи судом при производстве допросов потерпевшего, свидетеля и подсудимого. В статье приводятся общие проблемы, с которыми сталкиваются суды при производстве процессуальных действий по видео-конференц-связи, в том числе, авторы рассматривают проблемные аспекты и коллизии норм статьи 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Материалы и методы: при проведении исследования были проанализированы нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Регламент организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний, утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также изучены мнения ученых и правоприменителей по вопросу возможности применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования. Методами исследования послужили общий диалектический метод научного познания, а также сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в нововведении присутствуют как положительные моменты, так и отрицательные. Безусловно новый способ производства следственных действий (допроса, очной ставки и опознания) направлен на уменьшение финансовых и временных затрат участников уголовного судопроизводства, однако остается ряд неурегулированных на законодательном уровне вопросов, связанных с порядком производства следственных действий посредством видео-конференц-связи.

Выводы и заключения: авторы считают, что для урегулирования некоторых аспектов необходимо: внести изменения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дополнив ее определением «видео-конференц-связь»; в статье 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации отразить основания, при которых возможно проводить следственные действия по видео-конференц-связи, определить срок организации такого соединения для привлекаемой стороны, а также регламентировать порядок применения видеозаписи. В статье предложен новый порядок подписи составленного протокола следственного действия, проведенного по видео-конференц-связи, в том числе, авторы считают необходимым разработать Регламент организации и порядка применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении допроса, очной ставки и опознания на стадии предварительного расследования для урегулирования всех вопросов, которые могут возникнуть при производстве следственных действий по видео-конференц-связи.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, допрос, очная ставка, опознание, суд, органы предварительного расследования, протокол, следственные действия.

Для цитирования: Волченко А.В., Лакеева Е.В. Возможности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2022. № 4 (103). С.123–133.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.56.012

Original article

THE POSSIBILITY OF USING VIDEOCONFERENCING IN THE COURSE OF INVESTIGATIONS

Anastasiya V. Volchenko¹, Ekaterina V. Lakeeva²

^{1, 2}Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

¹ espy207@yandex.ru

² ms.volnyagina@mail.ru

Introduction: the article discusses the possibility of using videoconferencing during interrogation, confrontation and identification. The authors analyze the current practice of using videoconferencing by the court during the interrogation of the victim, witness and defendant. The article presents the general problems that courts face in the production of legal proceedings via videoconferencing. In particular, the authors consider the problematic aspects and conflicts of the norms of Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Materials and Methods: during the study, the norms were analyzed of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Regulations on the organization of the use of videoconferencing in the preparation and conduct of court hearings, approved by order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the opinions of scientists and law enforcers on the possibility of using video conferencing in the production of investigative actions at the stage of preliminary investigation. The research methods were the general dialectical method of scientific knowledge, as well as comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the study: the study has led to the conclusion that the innovation has both positive and negative aspects. Undoubtedly, the new way of investigative actions (in-

terrogation, confrontation and identification) is aimed at reducing financial and time costs of participants of criminal proceedings. However, there are a number of unregulated issues related to the procedure of investigative actions via videoconferencing.

Findings and Conclusions: the authors believe that in order to resolve some aspects, it is necessary to: amend Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, supplementing it with the definition of «videoconferencing»; in Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, reflect the grounds under which it is possible to conduct investigative actions via videoconferencing, determine the term for organizing such a connection for the involved party, and also regulate the procedure for using video recording. The article proposes a new procedure for signing the protocol of an investigative action conducted via videoconferencing, including the authors consider it necessary to develop the Regulations for the organization and procedure for using videoconferencing in the preparation and conduct of interrogation, confrontation and identification at the stage of preliminary investigation, to resolve all issues that may arise during the production of investigative actions via videoconferencing.

Keywords: videoconferencing, interrogation, confrontation, identification, court, preliminary investigation authorities, protocol, investigative actions.

For citation: Volchenko A. V., Lakeeva E.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya videokonferenc-svjazi pri proizvodstve sledstvennyh dejstvij [The Possibility of using videoconferencing in the course of investigations]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103), pp. 123–133 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.56.012

В современном мире информационные технологии являются неотъемлемой частью жизни людей. Современные *технологии* начали активно развиваться во второй половине XX века вместе с появлением и *развитием* первых информационных систем. Информационные технологии создаются как для обеспечения автоматизации каких-либо процессов (создание единого портала Госуслуг, налоговой базы «Налог» и т. п.), так и при возникающей необходимости (ковидные ограничения, санкции и т. п.). В настоящее время информационные технологии внедрены во многие сферы жизнедеятельности, но данное направление продолжает развиваться.

Одной из разновидностей существующих информационных технологий является видеосвязь. В рамках данного исследования мы рассмотрели возможности применения видеосвязи, предусмотренные в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Актуальность данной темы возникла в связи с внедрением в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) статьи 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования видеоконференц-связи»¹.

При этом производство допроса посредством видеосвязи в рамках судебного следствия в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено с 2011 года. Так, в части 4 статьи 240 УПК РФ закреплено, что «Свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем видео-конференц-связи». В статье 278.1 УПК РФ были определены особенности проведения допроса свидетеля с помощью видеоконференц-связи (далее – ВКС). В статье 277 УПК РФ законодатель закрепил, что по-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (дата обращения 10.01.2022).

терпевший допрашивается по ВКС в порядке, установленном также статьей 278.1 УПК РФ. Введённые нормы были направлены на допрос свидетеля и потерпевшего по ВКС в случае, если допрос в суде, рассматривающем уголовное дело, затруднен (например, по причине проживания участников процесса в другом регионе [1, с. 40], значительные затраты на поездку, наличие реальной опасности жизни и здоровью и другим причинам), а также для обеспечения наиболее быстрого, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела [2, с. 31].

С 21 июля 2014 года законодатель расширяет возможности допроса по ВКС в процессе судебного следствия и в УПК РФ вводятся нормы, позволяющие допрашивать с помощью ВКС и подсудимых (часть 6.1 статьи 241 УПК РФ). Стоит отметить, что данная норма была введена прежде всего в целях обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших.

Как можно заметить, допрос с помощью ВКС существует в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации более 10 лет, в связи с чем, считаем интересным изучить положительный опыт допроса по ВКС в суде, а также рассмотреть уже существующие практические проблемы применения ВКС, в том числе, дать правовую оценку вновь введенной статьи 189.1 УПК РФ.

Определение ВКС на законодательном уровне было дано лишь 2015 году в Регламенте организации применения ВКС при подготовке и проведении судебных заседаний (далее – Регламент). Так, «видеоконференц-связь» (ВКС) – способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами»². Отметим, в уголовно-процессуальном законодательстве данное определение отсутствует до настоящего времени.

В юридической литературе процессуалисты приводят иные определения ВКС в уголовном судопроизводстве. Так, М. С. Плетникова и Е. А. Семенов под ВКС понимают технологию, позволяющую одновременно передавать видео и звук между двумя и более субъектами посредством аппаратно-программных средств коммуникации [3, с. 26]. Нам видится интересным данное определение, так как авторы отмечают необходимость одновременной передачи видео и звука, что может способствовать стабильному подключению участников уголовного судопроизводства.

Д. С. Гринь предложил под ВКС понимать компьютерно-цифровую технологию, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких абонентов – участников уголовного судопроизводства, с возможностью добавления к каналу связи дополнительных абонентов, имеющих уголовно-процессуальный статус, в целях обмена аудио- и видеоинформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети, либо с использованием закрытых каналов сети Интернет [4, с. 84]. В приведенном определении автор указывает необходимость закрепления в УПК РФ случаев проведения ВКС, в том числе использование обособленной телекоммуникационной сети или закрытых каналов сети Интернет.

По нашему мнению, ВКС в уголовном судопроизводстве следует рассматривать как способ производства процессуальных и следственных действий с условием

² Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-sudebnogo-departamenta-pri-verkhovnom-sude-rf-ot-28122015_1/ (дата обращения 10.01.2022).

использования специальных исправных программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи между двумя или более абонентами.

Целесообразность применения ВКС в уголовно-процессуальном законодательстве подтверждается и главой Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедевым, который отмечает что за 2021 год «290 тысяч заседаний удалось провести с помощью системы видео-конференц-связи. За январь 2022 года в формате ВКС «прошло уже свыше 26 тысяч судебных заседаний»³. Безусловно, такое большое количество дел, рассмотренных с применением ВКС связано с ковидными ограничениями, которые не позволяли проводить допросы некоторых участников судебного заседания в очном формате.

В научной литературе упоминаются как частные (например, отсутствие или занятость оборудования [5, с. 56], невозможность допроса специалиста и эксперта по ВКС), так и общие проблемы, возникающие при применении ВКС в суде

Учитывая сказанное, к общим проблемам применения ВКС можно отнести:

1. Неисправность оборудования или технические сбои. Как отмечает М. С. Кирюхина, «полноценная оценка судом доказательств не может быть осуществлена, если будет отсутствовать нормальное и стабильное Интернет-соединение, что может также сопровождаться отсутствием качественного изображения и хорошего звука» [6, с. 4]. С одной стороны, законодатель в Регламенте предусмотрел порядок технического обеспечения и обслуживания ВКС. С другой стороны, считаем необходимым на законодательном уровне закрепить понятие, которое будет включать в себя единое для всех представление, которое будет включать в себя единое для всех представление о том, какое соединение будет считаться стабильным и нормальным.

2. Установление психологического контакта с лицом (потерпевшим, свидетелем, подозреваемым), с которым проводится допрос по ВКС. О существующих проблемах установления психологического контакта с участниками уголовного судопроизводства говорят многие процессуалисты [7; 8; 9 и др.], так как установить психологический контакт с лицом по ВКС значительно сложнее, не всегда можно понять темп, интонацию речи. Вызывает сложность и отсутствие визуального контакта.

3. Обеспечение участия защитника [10, с. 96]. Согласно пункту 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» суду необходимо обеспечить возможность общения обвиняемого с защитником в отсутствие других участников судебного заседания. При этом в законодательстве отсутствует процедура обеспечения такого общения при допросе по ВКС.

Вышерассмотренные общие недостатки были выделены нами не случайно. В настоящее время практика применения ВКС при производстве допроса, очной ставки и опознания отсутствует, в связи с чем рассмотреть проблемные аспекты, с которыми сталкиваются в рамках предварительного расследования, практически невозможно. По нашему мнению, существующие в судебном следствии проблемы, могут возникнуть и при производстве следственных действий по ВКС. Считаем необходимым учитывать данные аспекты и при организации следственных действий по ВКС органами предварительного расследования.

Вернемся к производству следственных действий по ВКС в рамках предварительного расследования. Так, законодатель в статье 189.1 УПК РФ предусмотрел воз-

³ Глава ВС Лебедев сообщил о 26 000 заседаний с «виртуальными» участниками // Верховный суд Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/?category=category_mk.ru (дата обращения 15.01.2022).

возможность проводить допрос, очную ставку и опознание путем использования ВКС. Обратим внимание, что в процессе предварительного расследования законодатель не ограничивает круг участников, к которым может применяться ВКС.

Анализируя статью 189.1 УПК РФ, видится, что некоторые положения в ней даны размыто, что не в полной мере отражает возможность производства следственных действий по ВКС. Отметим, что, помимо изменений, внесенных в УПК РФ⁴, дополнительных разъяснительных документов и приказов по порядку проведения следственных действий по ВКС издано не было.

Рассмотрим положения, которые вызывают сомнения в нововведениях.

1. В части 1 статьи 189.1 УПК РФ законодатель указывает, что следователь и дознаватель вправе провести следственные действия (допрос, очную ставку и опознание) по ВКС «при наличии технической возможности» (ч.1 ст.189.1 УПК РФ). Но что понимать под такой технической возможностью? Обращаясь к Регламенту, под технической возможностью ВКС следует понимать «наличие исправного оборудования ВКС, каналов связи, достаточной пропускной способности для проведения судебного заседания в режиме ВКС». При этом, как уже было отмечено выше, Регламент распространяется лишь на суды общей юрисдикции.

В том числе – кем должно осуществляться техническое обеспечение и обслуживание ВКС? Органы предварительного расследования имеют юридическое образование, но не всегда обладают необходимыми знаниями в области информационных технологий, поэтому необходимо привлечение компетентного технического персонала, отвечающего за сопровождение сеанса ВКС.

2. Вызывает сомнение и трактовка в части 2 статьи 189.1 УПК РФ «В случае необходимости...». Что именно относить к таким случаям? С одной стороны, законодатель дает право органам предварительного расследования самим определить такие случаи. С другой стороны, это может вызвать необоснованное применение систем ВКС (например, допрос по ВКС свидетеля, проживающего только лишь на другом конце города, а не в ином регионе). Отсутствие законодательного определения оснований проведения вышеуказанных следственных действий по ВКС может способствовать необоснованному применению ВКС правоохранителями.

Интересным видится опыт зарубежных стран, где содержатся конкретные случаи производства допроса по ВКС. Так, в статье 213 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан закреплены конкретные случаи проведения допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос):

- невозможность непосредственного прибытия лица в орган, ведущий уголовный процесс, по месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам;
- необходимость обеспечения безопасности лица;
- проведение допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего;
- необходимость обеспечения соблюдения сроков досудебного расследования, судебного рассмотрения дела;
- наличие причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами.⁵

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (дата обращения 10.01.2022).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения 18.01.2022).

В статье 224.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь определены также конкретные случаи проведения следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции):

- невозможность прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;
- необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц;
- если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними;
- необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.⁶

3. Положение, указанное в части 2 статьи 189.1 УПК РФ, «...следователь или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования, направляет следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение...» дублирует норму, которая содержится в статье 152 УПК РФ о праве следователя и дознавателя направлять отдельное поручение для производства следственных действий в другом месте. Тем не менее в рассматриваемой нами статье законодатель не определяет срок для исполнения такого поручения – организации допроса, очной ставки и опознания по ВКС, что может вызвать противоречие норм и затягивание сроков расследования со стороны привлекаемых органов предварительного расследования.

4. Отдельного внимания заслуживают особенности составления протокола следственного действия, проведенного посредством ВКС (часть 4 статьи 189.1 УПК РФ). Так, согласно статье, протокол следственного действия ведет сотрудник органов предварительного расследования по месту производства предварительного расследования. При этом в протоколе должны быть указаны как дата, время и место нахождения органа, осуществляющего расследование, так и дата, время и место нахождения лица, с участием которого проводится следственное действие. Соответственно, проблемным аспектом может быть организация допроса, исключая его проведение в ночное время, при условии наличия разных часовых поясов.

Не совсем понятно, каким образом от участника уголовного судопроизводства вне места производства предварительного расследования должны быть получены подписи в новом процессуальном документе – подписке. Какое количество таких подписей должно ставиться в данной подписке? Например, в протоколе допроса потерпевшего в настоящее время целесообразно ставить как минимум семь подписей участника (удостоверение данных участника следственного действия; сведений об объявлении применения технических средств; разъяснения прав, обязанностей и порядка производства следственного действия; разъяснения ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний; самих показаний; наличия или отсутствия замечаний к протоколу; способа ознакомления с протоколом). В протоколах очной ставки и опознания количество подписей участников значительно больше. Составление двух протоколов тоже считаем нецелесообразным, так как в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют бланки процессуальных документов и стиль изложения у каждого сотрудника может отличаться. Учитывая тот факт, что

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения 18.01.2022).

данная норма была внедрена, чтобы участник уголовного судопроизводства, участвующий по ВКС, мог допрашиваться лицом, ведущим предварительное расследование, целесообразно составление единого протокола. Тем не менее требуются дополнительная регламентация порядка удостоверения подписями сведений, внесенных в протокол, лицом, находящимся в другом субъекте.

5. Не вызывает сомнения обязательность применения видеозаписи хода следственного действия, проводимого посредством ВКС (часть 4 статьи 189.1 УПК РФ). Однако порядок ведения видеозаписи законодательно также не определен. Достаточно ли будет сохранения состоявшейся видео-конференц-связи или требуется дополнительная видеосъемка с привлечением специалиста? Если требуется привлечение специалиста, то какая сторона должна его обеспечивать. Вероятней, что законодатель имеет в виду привлечение специалиста и ведение отдельной видеозаписи по месту производства предварительного расследования. Отметим, что допрос в рамках ВКС в суде не предполагал видеофиксацию.

6. В части 6 статьи 189.1 УПК РФ законодатель обязал следователя, дознавателя или орган дознания направить полученную от участника подписку и приобщенные к ней в ходе следственного действия, документы и материалы следователю или дознавателю, которым поручено производство предварительного расследования. Способ направления данных документов законодательно не закреплен. Предполагаем, что подразумевается направление указанных документов через канцелярию подразделения по месту нахождения лица, участвующего в соответствующем следственном действии с обязательной регистрацией таких документов в книге исходящей корреспонденции. Но будут ли данные документы отправлены в ограниченные законодательно 24 часа?

Возникает вопрос, что именно законодатель понимает под документами и материалами, приобщаемыми к следственному действию, проводимому по ВКС? Допускаем, что к подписке, составленной к протоколу, приобщается копия паспорта участника соответствующего следственного действия. Но могут ли быть приобщены к допросу, проведенному по ВКС, документы, подтверждающие стоимость похищенного у потерпевшего имущества (например, чек от похищенного мобильного телефона или выписка по счету банковской карты, с которой были похищены денежные средства). Вероятней всего, что нет, так как данные документы необходимо изымать посредством выемки, что законодательно по ВКС не допускается. В связи с изложенным, считаем, что требуется дополнительная регламентация данных понятий.

Приведенные коллизии могут быть частично решены путем выделения перечня оснований, при которых возможно проводить следственные действия по ВКС.

Проанализировав новый порядок производства следственных действий, мы считаем, что он направлен на уменьшение финансовых и временных затрат участников уголовного судопроизводства. Участникам по уголовному делу не придется преодолевать значительные расстояния для участия в следственных действиях. Но необходимо заранее представлять, будут ли участники рассмотренных следственных действий соглашаться на использование ВКС и имеет ли участник вообще право отказаться от участия в следственном действии по ВКС. Возникает вопрос, какое следственное действие будет считаться состоявшимся при условии, что была плохая слышимость, технические сбои, обрывы связи, потеря изображения и иные информационные неполадки. В том числе при условии участия в следственных действиях подозреваемого (обвиняемого), каким способом будет реализовываться права, предусмотренные пунктом 3 части 4 статьи 46 УПК РФ и пунктом 9 части 4 статьи 47 УПК РФ.

Мы считаем, на современном этапе невозможно добиться производства следственных действий по ВКС с любого компьютера следователя (дознателя). Предполагаем, что следственные действия в режиме ВКС могут проводиться только при наличии в органах предварительного расследования технической, организационной возможностей и только в специальных кабинетах, оснащенных программно-техническими комплексами ВКС, подключенными к ведомственной сети передачи данных.

Подводя итог, мы можем отметить, что законодатель решился на серьёзный шаг, внедрив систему ВКС в одну из самых ключевых стадий досудебного производства. В рассмотренном нововведении присутствуют, на первый взгляд, как положительные моменты, так и отрицательные.

Для урегулирования некоторых аспектов на первоначальном этапе считаем необходимым внести следующие изменения.

1. В статье 5 УПК РФ закрепить определение «видео-конференц-связь» (ВКС) – способ осуществления процессуальных и следственных действий, предусмотренных настоящим законом, с использованием специальных исправных программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи между двумя или более абонентами».

2. Дополнить часть 1 статьи 189.1 УПК РФ перечнем оснований, при которых возможно проводить допрос по ВКС, к которым отнести:

- невозможность непосредственного прибытия лица к месту расследования (рассмотрения) уголовного дела по состоянию здоровья или другим уважительным причинам;
- необходимость обеспечения безопасности лица;
- наличие причин, дающих основания полагать, что следственные действия будут затруднены или связаны с излишними затратами.

3. Для исключения двойного понимания, в части 2 статьи 189.1 УПК РФ установить срок организации следственных действий по ВКС – 10 суток.

4. Пересмотреть порядок подписи составленного протокола следственного действия. Составленный органом ведущим расследования протокол, целесообразно передать по ведомственной сети для ознакомления участником вне места производства предварительного расследования и уже на едином протоколе поставить подписи и направить протокол следователю или дознавателю, которым поручено производство предварительного расследования.

5. Часть 4 статьи 189.1 УПК РФ изложить следующим образом: *«Применение видеозаписи в ходе следственных действий, предусмотренных настоящей статьей, обязательно. Материалы видеозаписи и записи видео-конференц-связи приобщаются к протоколу соответствующего следственного действия.»*

6. Разработать Регламент организации и порядка применения видеоконференц-связи при подготовке и проведении допроса, очной ставки и опознания на стадии предварительного расследования, для урегулирования всех вопросов, которые могут возникнуть при производстве следственных действий о ВКС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жайворонок, Д. А. Проблемы организации видеоконференцсвязи в суде / Д. А. Жайворонок, О. И. Бокова // Вестник Воронежского института высоких технологий : науч. журн. Воронеж, 2021. № 2(37). С. 40–44.
2. Сквишлевска, Э. В. Некоторые проблемы и перспективы использования систем видео-конференц-связи в уголовном процессе / Э. В. Сквишлевска // Правопорядок: история, теория, практика : науч.-практ. журн. Челябинск, 2018. № 4(19). С. 30–33.

3. Плетникова, М. С. К вопросу использования видеоконференцсвязи при производстве допроса / М. С. Плетникова, Е. А. Семенов // Вестник Уральского юридического института МВД России : Федер. науч.-практ. журнал. Екатеринбург, 2021. № 1(29). С. 25–28.
4. Гринь, Д. С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука : науч.-практ. журн. М., 2020. № 3. С. 82–85.
5. Бегичева, Е. В., Примак В.Г. Видеоконференц-связь в цивилистическом процессе: проблемы и перспективы использования // Современное право : науч.-практ. журнал. М., 2020. № 5. С. 54–59.
6. Кирюхина, С. М. Проблемы использования систем видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2020. № 1. С. 1–8.
7. Андроник, Н. А. Тактико-криминалистические приемы преодоления противодействия при допросе и очной ставке / Н. А. Андроник // Вестник Уральского юридического института МВД России : Федер. науч.-практ. журнал. Екатеринбург, 2021. № 3(31). С. 95–99.
8. Ермаков, А. С. Особенности использования видеоконференц-связи при осуществлении правосудия по уголовным делам / А. С. Ермаков, Л. А. Возженников // Право и общество. 2021. № 2(3). С. 29–32.
9. Репин, А. В. Проблемные аспекты установления коммуникативного контакта при подготовке и проведении допроса подозреваемого и обвиняемого / А. В. Репин // Вестник Сибирского юридического института МВД России : науч.-практ. журн. Красноярск, 2020. № 3(40). С. 53–58.
10. Диденко, Н. С. Отдельные вопросы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве / Н. С. Диденко, Е. Л. Федосеева // Юрист-Правовед. науч.-теорет. и информац.-метод. журн. Ростов н/Д: Ростовский юридический институт. 2020. № 3(94). С. 95–97.

REFERENCES

1. Zhayvoronok, D. A. Problems of organizing videoconferencing in court. Vestnik of the Voronezh Institute of High Technologies. 2021, no. 2(37), pp. 40–44.
2. Skrzydlewska, E. V. Some problems and prospects for the use of videoconferencing systems in criminal proceedings. Law and order: history, theory, practice. 2018, no. 4, pp. 30–33.
3. Pletnikova, M. S. On the issue of using videoconferencing during interrogation. Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 1 (29), pp. 25–28.
4. Grin, D.S. Theoretical and normative definition of video conferencing in criminal proceedings. Legal Science. 2020, no. 3, pp. 82–85.
5. Begicheva E.V., Primak V.G. Videoconferencing in the civil process: problems and prospects of use. Modern law. 2020, no. 5, pp. 54–59.
6. Kiryukhina S.M. Problems of using videoconferencing systems in criminal proceedings // Topical issues of criminal procedure, criminalistics and forensic examination. 2020, no. 1, pp. 1–8.
7. Andronik, N. A. Tactical and forensic techniques for overcoming resistance during interrogation and confrontation. Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.. 2021, no. 3(31), pp. 95–99.
8. Ermakov, A. S. Features of the use of videoconferencing in the administration of justice in criminal cases. Law and society. 2021, no. 2(3), pp. 29–32.
9. Repin, A.V. Problematic aspects of establishing communicative contact in the preparation and conduct of interrogation of the suspect and the accused. Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 3(40), pp. 53–58.
10. Didenko, N. S. Some issues of the use of videoconferencing in criminal proceedings. Jurist-Pravoved. 2020, no. 3(94), pp. 95–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волченко Анастасия Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Лакеева Екатерина Витальевна, преподаватель кафедры уголовного процесса. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Volchenko Anastasiya Vladimirovna, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo Street, 71, Belgorod, Russia. 308024.

Lakeeva Ekaterina Vitalyevna, Lecturer at the Department of Criminal Procedure. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo Street, 71, Belgorod, Russia. 308024.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 19.05.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 134–145.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 134–145.

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.16.013

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ
ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
И СОДЕРЖАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ ПОД СТРАЖЕЙ:
ОТ ПРОБЛЕМ К РЕШЕНИЮ**

Гаврилов Борис Яковлевич¹, Шпагина Юлия Викторовна²

^{1, 2} Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация

¹ profgavrilov@yandex.ru

² iushpagina@yandex.ru.

Введение: в статье рассмотрены проблемы процессуальных сроков производства предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей.

Материалы и методы: нормативно-правовой базой исследования являются нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Методология работы включает в себя как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукции, индукции), так и частнонаучные методы, в т. ч. формально-логические и структурные.

Результаты исследования: предложен авторский подход к решению затронутых в исследовании проблем.

Выводы и заключения: авторами научно обоснована позиция о том, что процессуальные сроки, закрепленные в настоящее время в уголовно-процессуальном законе, не способны в полной мере гарантировать соблюдение прав участников уголовного процесса, а также рассмотрение и разрешение уголовного дела в разумный срок.

Ключевые слова: процессуальные сроки расследования, сроки содержания обвиняемых под стражей, гарантия прав личности, разумный срок уголовного судопроизводства.

Для цитирования: Гаврилов Б.Я., Шпагина Ю.В. Процессуальные сроки производства предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей: от проблем к решению // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2022. № 4 (103). С. 134–145.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.16.013

Original article

**PROCEDURAL TERMS PRE-TRIAL INVESTIGATION
AND THE DETENTION OF THE ACCUSED IN CUSTODY:
FROM PROBLEMS TO SOLUTIONS****Boris Ya. Gavrilov¹, Yulia V. Shpagina²**^{1, 2}Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Moscow¹profgavrilov@yandex.ru²iushpagina@yandex.ru

Introduction: in the article, the authors consider the problems of the procedural terms of the preliminary investigation and the detention of the accused.

Materials and methods : the legal framework of the study is the legislation the Russian Federation.

The methodology of the work includes both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction) and private scientific methods, incl. formal-logical and structural.

The Results of the study: the author's approach to solving the problems raised in the study is proposed.

Findings and Conclusions: The position is scientifically substantiated that the procedural deadlines stipulated in the law are not able to fully guarantee the observance of the rights of participants in the criminal process, as well as the consideration and resolution of a criminal case within a reasonable time.

Keywords: procedural terms of investigation, terms of detention of the accused, guarantee of individual rights, reasonable period of criminal proceedings.

For citation: Gavrilov B.Ya., Shpagina Yu.V. Processual'nye sroki proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya i sodержaniya ob-vinjaemyh pod strazhej: ot problem k resheniju [Procedural terms pre-trial investigation and the detention of the accused in custody: from problems to solutions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp.134–145 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.63.16.013

Положение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, (далее – УПК РФ) устанавливающее сроки предварительного следствия (ст. 162 УПК РФ)¹, является одним из ключевых правовых механизмов обеспечения реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ), затрагивающего права и свободы его участников.

Среди представителей научной общественности на протяжении длительного времени ведется активная научная дискуссия об институте процессуальных сроков уголовного судопроизводства. Одни ученые рассматривают данный институт сквозь призму гарантий реализации прав участников уголовного процесса, а также в каче-

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года /№ 174 ФЗ Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года. Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2021 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 15.01.2022).

стве элемента законности уголовного судопроизводства, гарантирующего защиту прав и интересов личности [1, с. 277, 278]. Другие, в дополнение к обеспечению обозначенных гарантий, высказываются и за обеспечение быстроты уголовного судопроизводства [2, с. 10].

Однако, исходя из реалий правоприменительной практики, о гарантийном обеспечении процессуальных сроков следует говорить с определенной долей условности. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России², порядка 40% уголовных дел, расследованных в форме предварительного следствия, оканчиваются с превышением установленного УПК РФ срока (*не должен превышать двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела – выделено авторами*), что отражено в таблице 1.

Таблица 1

Количество уголовных дел, оконченных следователями в срок, свыше установленного УПК РФ

	2019 г.	2020	⁺ , - АППГ ³ , %	2021 г.	⁺ , - АППГ, %
Всего	300 414	289 020	-3,8	289 412	+0,1
в том числе в срок, свыше установленно-го УПК РФ	122 511	119 847	-2,2	115 953	-3,2
доля от числа оконченных, %	40,8	41,5		40,1	
свыше 2-х месяцев, но не более 3-х месяцев	43 517	39 154	-10,0	37 030	-5,4
доля от числа оконченных, %	14,5	13,5		12,8	
свыше 3-х месяцев, но не более 6-ти месяцев	46 417	45 485	-2,0	44 645	-1,8
доля от числа оконченных, %	15,5	15,7		15,4	
свыше 6-ти месяцев, но не более 12-ти месяцев	27 647	29 777	7,7	28 847	-3,1
доля от числа оконченных, %	9,2	10,3		10,0	
свыше 12-ти месяцев	4 930	5 431	10,2	5 431	0,0
доля от числа оконченных, %	1,6	1,9		1,9	

² Форма федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел». Сводный отчет по России за январь-декабрь 2019 г., за январь-декабрь 2020 г., за январь-декабрь 2021 г. // ФКУ «ГИАЦ МВД России»: офиц. Сайт URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения 13.05.2022).

³ АППГ – аналогичный период прошлого года.

Следует отметить, что сегодня уголовно-процессуальным законом срок досудебного производства фактически не ограничен, за исключением истечения срока давности уголовного преследования, поэтому его продление сегодня возможно неоднократно количество раз. На недопустимость этого состояния законодательства еще в 1999 году указал Конституционный Суд Российской Федерации⁴ только применительно к нормам УПК РСФСР, однако указанное положение сохранилось и в УПК Российской Федерации.

Кроме того, мониторинг правоприменения позволил выделить ряд субъективных и объективных проблем, которые препятствуют органам предварительного следствия своевременно завершить расследование.

Во-первых, безосновательное использование правовых механизмов установления срока предварительного следствия, минуя общий порядок, предусмотренный ч.ч. 4, 5 ст. 162 УПК РФ.

Судами обращается внимание, что ч. 6 ст. 162 УПК РФ не может истолковываться и применяться в правоприменительной практике без учета сохраняющих свою силу и являющихся общеобязательными правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.1999 № 5-П, а значит, не позволяет произвольно и по надуманным основаниям многократно продлевать срок предварительного следствия.

Так, постановлением Димитровского районного суда г. Костромы от 04 сентября 2020 г.⁵ прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ возвращено уголовное дело № 11901340017000108 по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), для устранения препятствий его рассмотрения судом. Из материалов уголовного дела следует, что 3 августа 2020 г. врио начальника Следственного управления Управления МВД России по г. Костроме – руководителем следственного органа районного уровня было отменено незаконное постановление следователя о приостановлении производства по уголовному делу от 1 августа 2020 г. с последующим продлением срока предварительного следствия еще на один месяц, а в целом – до 13 месяцев. Суд пришел к выводу о том, что со стороны руководителя следственного органа имело место формальное реагирование на сроки. Такая отмена являлась неотъемлемой частью способа уклонения руководителя следственного органа от процессуального контроля над ходом расследования и злоупотребления им своим правом на продление срока предварительного следствия, предусмотренным ч. 6 ст. 162 УПК РФ. На это указывает несоответствующая действительности мотивировка отмены незаконного постановления о приостановлении производства по уголовному делу, согласно которой предварительное следствие по уголовному делу было приостановлено 1 августа 2020 г. в связи с невозможностью участия обвиняемого в уголовном деле. Однако каких-либо доказательств невозможности участия обвиняемого в предварительном следствии материалы уголовного дела не содержат. При этом в решении следователя о возобновлении не указано, какие конкретно основания для невозможности участия обвиняемого в предварительном следствии отпали.

⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.1999 № 5-П // КонсультантПлюс сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22704/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ (дата обращения 13.05.2022). Режим доступа: по подписке.

⁵ Постановление Димитровского районного суда г. Костромы по делу № 1-130/2020 от 4.09.2020 г. // Правосудие : гос. автоматизиров. система Российской Федерации. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения 13.05.2022).

Исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 02.07.2015 г. № 1541-О⁶, установление срока дополнительного следствия по правилам ч. 6 ст. 162 УПК РФ с указанием процессуальных действий, которые необходимо произвести, направлено на оптимизацию расследования, с тем чтобы сократить его сроки в ситуации, когда имелись основания для приостановления предварительного следствия (ст. 208 УПК РФ), однако такие основания отпали. Применение ч. 6 ст. 162 УПК РФ возможно только в единстве с закрепленными в законе принципами законности и разумного срока уголовного судопроизводства, предполагающими соблюдение требований законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений и принятие прокурором, руководителем следственного органа необходимых мер, направленных на ускорение расследования и рассмотрения уголовного дела.

Во-вторых, проблема заключается также в неэффективности контроля со стороны руководителя следственного органа за соблюдением процессуальных сроков проведения следственных действий. Так, 23 июля 2021 г. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю возбуждено уголовное дело в отношении должностных лиц СО ОМВД России по г. Невинномысску Ставропольского края по ч. 1 ст. 293 УК РФ по факту халатности, выразившейся в непроведении на протяжении длительного времени (более года) следственных действий по уголовному делу по обвинению С. по ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 158 УК РФ, что повлекло за собой истечение срока давности привлечения последней к уголовной ответственности и нарушение прав и законных интересов потерпевших Ж. и Р.

В-третьих, низкое качество расследования, волокита по уголовным делам. Так, в Главном следственном управлении Главного управления МВД России по Алтайскому краю по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, по факту хищения с банковской карты ПАО Сбербанк денежных средств, принадлежащих З., предварительное расследование 14 раз приостанавливалось по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и возобновлялось производством, на недопустимость чего Конституционный Суд Российской Федерации, как отмечено выше, указывал еще в своем Постановлении от 23.03.1999 № 5-П.

Или, например, в Следственном управлении Управления МВД России по г. Тюмени по уголовному делу о преступлении, предусмотренном п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, следователем за два месяца расследования был допрошен только потерпевший, приобщен характеризующий материал в отношении подозреваемого лица, что стало основной причиной необходимости продления срока предварительного следствия до трех месяцев.

В-четвертых, длительность и сложность производства отдельных видов судебных экспертиз по уголовным делам. В некоторых случаях, например, по преступлениям экономической направленности, причины продления срока предварительного расследования носят вполне объективный характер.

Так, по уголовному делу, возбужденному 24 июня 2020 г. в Главном следственном управлении Главного управления МВД России по Саратовской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, расследованием установлено, что в период с 5 мая 2018 г. по 30 апреля 2019 г. директор ООО «УК Уютный Дом», имея возможность распоряжаться и управлять имуществом указанно-

⁶ По жалобе гражданина Тихуна С.Н. на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2015 № 1541-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183294/ (дата обращения 13.05.2022)

го общества, вверенные ему управляющей организацией, растратил почти 390 тыс. денежных средств собственников помещений 5-ти многоквартирных домов, расположенных на территории г. Саратова.

В ходе расследования данного уголовного дела проведены следственные действия, а также 13 строительно-технических судебных экспертиз, *назначенных следователем своевременно* (выделено авторами), установлены документы, подтверждающие причастность к совершению преступления не только директора ООО «УК Уютный Дом», но и директора подрядной организации ООО «Горжилцентр», которым в ходе расследования предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ. 19 марта 2021 г. уголовное дело по обвинению указанных лиц направлено в суд.

В-пятых, передача прокурорами уголовных дел, расследованных дознавателями, со сроками расследования свыше двух месяцев, что обусловлено в основном изменением подследственности уголовных дел в связи с переквалификацией преступлений, наличием оснований для соединения дел, а также истечением 6-ти месячного срока дознания. Нередко дознание по таким уголовным делам осуществлялось с нарушениями уголовно-процессуального законодательства, связанными в том числе с неоднократным продлением процессуального срока по одним и тем же основаниям без своевременного проведения необходимых следственных и иных процессуальных действий.

Так, в следственный отдел Межмуниципального отдела МВД России «Канский» (Красноярский край) в связи с истечением предельного (6 месяцев) срока дознания передано уголовное дело в отношении гражданина Китайской Народной Республики, привлеченного к уголовной ответственности за покушение на дачу мелкой взятки инспектору дорожно-патрульной службы (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ). В ходе предварительного следствия установлено отсутствие в действиях названного гражданина состава преступления, что подтверждено заключением лингвистической судебной экспертизы и протоколами следственных действий. В результате уголовное дело прекращено по реабилитирующим основаниям.

В Следственном управлении Управления МВД России по Липецкой области из 191 уголовного дела, поступившего в связи с истечением предельного срока дознания, более чем по половине (98 уголовных дел) установлены факты ненадлежащего расследования. Одновременно данные обстоятельства свидетельствуют о недостаточной организации взаимодействия с подразделениями дознания, включая принятие исчерпывающих мер управленческого реагирования на нарушения, допущенные в ходе проведения дознания, и по их предупреждению.

Так, в Следственном управлении Управления МВД России по Забайкальскому краю в 2020 г. из подразделений дознания поступило 525 уголовных дел, из которых 180 дел – с предельным сроком дознания. Несмотря на их значительное количество, подготовлены и направлены заместителю начальника Управления МВД России по Забайкальскому краю – начальнику полиции информационные письма лишь по 23 из указанного количества уголовным делам для рассмотрения вопроса о проведении служебных проверок. В результате только одному дознавателю в устной форме объявлен выговор, а в отношении остальных должностных лиц – сроки привлечения к дисциплинарной ответственности истекли.

Одновременно анализ практики осуществления процессуального контроля за соблюдением процессуальных сроков расследования позволяет выявить и положительные примеры осуществления данного контроля за расследованием уголовных дел органами дознания. Так, Главным управлением МВД России по Свердловской области и прокурату-

рой Свердловской области издано межведомственное указание, которым предусмотрены алгоритм осуществления процессуального контроля, алгоритм действий сотрудников следственных подразделений при поступлении уголовных дел с предельными сроками дознания и меры прокурорского реагирования, а также ответственность должностных лиц, в том числе руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне, за подобные нарушения уголовно-процессуального закона.

В-шестых, среди прочих причин продления процессуальных сроков предварительного расследования авторы публикации выделяют несвоевременное исполнение законных требований следователей кредитно-финансовыми учреждениями, операторами сотовой связи, интернет сервисами и интернет-провайдерами.

На разрешение данной проблемы направлена проводимая МВД России и территориальными органами МВД России деятельность по заключению с наиболее крупными из них соглашений об информационном взаимодействии. В рамках организации этой работы МВД России совместно с ПАО Сбербанк, Банк ВТБ (ПАО), АО «Россельхозбанк», ПАО МТС, ПАО «ВымпелКом» и другими организациями заключены соглашения об обмене информацией в электронном виде, а также осуществляется выработка технических решений их реализации.

Рассмотренные выше проблемы в правоприменении подтверждают доводы авторов о том, что процессуальные сроки, закрепленные в УПК РФ в настоящем виде, не способны в полной мере гарантировать соблюдение прав участников уголовного процесса, а также рассмотрение и разрешение уголовного дела в разумный срок.

Не привело к разрешению проблем, с которыми сегодня сталкивается правоприменитель при реализации института процессуальных сроков производства предварительного следствия и введение в УПК РФ нормы-принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства.

Несовершенство норм данного института приводит к дисбалансу обеспечения защиты конституционных прав и свобод личности и порождает искивые требования участников уголовного процесса, чьи права на судопроизводство в разумный срок были нарушены.

К органам внутренних дел Российской Федерации в 2020 г. за нарушение права на судопроизводство в разумный срок был предъявлен 381 иск или +16,5% (АППГ – 327 исков) о взыскании компенсации на сумму 6 млрд. 315 тыс. рублей (АППГ – 1 млрд. 754 млн. рублей) или увеличение в 3,4 раза. Из заявленных исков удовлетворено 213 исков (АППГ – 166 исков) или +28,3% на сумму 13 млн. рублей. В среднем размер компенсации по одному иску составил 62 тыс. рублей.

В качестве примеров возможно привести следующие судебные решения.

Так, решением Кемеровского областного суда от 30.01.2020 г. удовлетворен иск Л. и в его пользу взыскана компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 250 тыс. рублей. Истец еще в августе 1997 г. обратился в орган внутренних дел с заявлением о совершении преступления, связанного с завладением его денежными средствами от продажи квартиры. Срок расследования составил 21 год 11 месяцев и 24 дня. Уголовное дело, объем которого составил всего 2 тома, в июне 2019 г. было прекращено в связи с истечением срока давности. Судом отмечены волокита, допущенная при расследовании уголовного дела, неэффективность действий следователей, непринятие своевременных и надлежащих мер, направленных на изобличение лиц, причастных к совершению преступления, отсутствием контроля за исполнением отдельных поручений.

Решением Пермского краевого суда от 5 октября 2020 г. удовлетворен иск Г. о взыскании компенсации за нарушение права на разумный срок досудебного производства по уголовному делу, в соответствии с фактурой которого 24 декабря 2004 г. на

истца было совершено разбойное нападение, в результате которого он получил огнестрельное ранение и у него были похищены денежные средства в сумме 20 тыс. рублей. В этот же день в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 162 УК РФ, опрошены свидетели. Однако потерпевшим Г. признан и допрошен в этом качестве только 20 марта 2019 г., то есть спустя 14,5 лет. В пользу истца с Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации за счет средств федерального бюджета взыскана компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в сумме 150 тыс. рублей⁷.

Несмотря на то, что Следственным департаментом МВД России в настоящее время выработан механизм для осуществления надлежащего процессуального контроля при продлении срока предварительного следствия свыше 12 месяцев, из анализа контрольно-накопительных дел, формируемых контрольно-методическим управлением Следственного департамента МВД России при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока предварительного следствия по уголовному делу, следует, что объемы таких материалов в среднем составляют от 50 до 100 листов, а в отдельных случаях достигают более 300 листов, а материалы следователем в таком объеме готовятся неоднократно.

Так, по уголовному делу № 12001180001000194, находящемуся в производстве Главного следственного управления Главного управления МВД России по Волгоградской области, по обвинению более 10 человек, входящих в состав организованной группы, специализирующейся на незаконном сбыте наркотических средств на территории различных субъектов Российской Федерации, объем материала, направленного в Следственный департамент МВД России для продления срока предварительного следствия до 18 месяцев, составил 308 листов. Всего с ходатайством о продлении срока следствия по данному уголовному делу следователь пять раз обращался к руководителю следственного органа в порядке, установленном УПК РФ. Кроме того, в отношении 9 обвиняемых в ходе расследования была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок которой в установленном УПК РФ порядке продлевался 4 раза.

С учетом установленного УПК РФ порядка на продление срока предварительного расследования следователь затрачивает примерно один рабочий день, то затраты на его продление по одному такому уголовному делу составляют не менее 6 рабочих дней в год. И таких уголовных дел, расследуемых следователями органов предварительного следствия, ежегодно по России составляет тысячи. Статистические данные об основных показателях работы свидетельствуют о том, что на одного следователя приходится в среднем по 5 уголовных дел. Таким образом, указанные показатели составят 30 дней в год, что является чрезмерным расходом сил и средств.

Схожая ситуация складывается с процессуальным сроком содержания обвиняемых под стражей. Хотя законодатель и ограничил предельный срок содержания под стражей 6, 12 и 18 месяцами в зависимости от тяжести совершенного преступления, он также ограничил первоначальный срок, который не должен превышать два месяца

⁷ Иски о взыскании компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // О судебной практике по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, подразделений системы МВД России и их должностных лиц и (или) о возмещении вреда, причиненного данными действиями (бездействием), за 2020 г.: информационно-аналитический обзор. М.: ДПД МВД России, 2021. С. 43–44.

(ч. 1 ст. 109 УПК РФ).

Отметим, что данная мера пресечения избирается, как правило, в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, расследование которых занимает значительное время, в силу необходимости проведения значительного объема следственных действий, а также сложных судебных процедур. Таким образом, законодатель обрекает правоприменителя не только на необходимость неоднократных продлений сроков предварительного расследования, но и сроков содержания обвиняемых под стражей.

Если суд счел необходимым принять решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, остается неясной необходимость ограничения указанной меры пресечения двумя месяцами и требование законодателя дальнейшего ее продления судом. При этом фактически не учитывается, что, если отпали основания для применения указанной меры пресечения, ее может изменить следователь своим решением (ст. 110 УПК РФ). А при наличии оснований для продления срока содержания под стражей следует учитывать, что суд уже высказал свою позицию, избрав указанную меру пресечения.

По сформировавшейся следственной практике срок содержания под стражей не может превышать установленного процессуального срока расследования. На это же обстоятельство указывают результаты изучения уголовных дел, где каждый раз срок содержания обвиняемых под стражей, так же, как и срок предварительного расследования, устанавливается на один или, максимум, два месяца, вне зависимости от правовой или фактической сложности уголовного дела.

О необходимости снятия ограничения процессуального срока содержания обвиняемого под стражей двумя месяцами свидетельствует и порядок предоставления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору и в суд.

Так, при окончании предварительного расследования уголовное дело с обвинительным заключением направляются прокурору, которому ч. 1 ст. 221 УПК РФ предоставляет от 10 до 30 суток (в зависимости от сложности дела и т. д.) для ознакомления с материалами уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением. Кроме того, согласно ч. 6 ст. 109 УПК РФ материалы уголовного дела должны быть представлены обвиняемому, находящемуся под стражей, не позднее 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей. Следует также учесть, что 14 суток предоставляется суду на принятие решения по поступившему уголовному делу в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей (ч. 3 ст. 227 УПК РФ). Таким образом, предварительное расследование должно быть осуществлено максимум в течение 36 дней, а минимум – 16 дней с момента избрания меры пресечения в виде содержания обвиняемого под стражей, что по значительной категории уголовных дел не представляется возможным.

Учитывая изложенное, возможно утверждать, что существующий порядок предварительного расследования не предоставляет следователю возможности направления уголовного дела, по которому избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в суд в течение двух месяцев.

Еще одной причиной, свидетельствующей о нерациональности существования в УПК РФ двухмесячного срока содержания обвиняемых под стражей, является трудоемкость и затратность продления указанных процессуальных сроков. Так, на процедуры продления срока содержания под стражей затрачивается ежегодно труд более 2 тыс. следователей, что также ведет к увеличению общей продолжительности уголовного судопроизводства [2, с. 5].

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что наличие установленной УПК РФ процедуры продления процессуальных сроков предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей, ведет к необоснованным затратам рабочего времени следователя. Ситуация усугубляется тем, что несмотря на введение принципа разумного срока уголовного судопроизводства, в российском уголовном процессе в настоящее время отсутствует ограничение срока предварительного расследования. Об обоснованности указанного вывода свидетельствуют и результаты опроса практических работников⁸, согласно которому почти половина (46,3 %) опрошенных следователей считают, что наличие ограниченного первоначального процессуального срока предварительного расследования при возможности его продления фактически без ограничений является одной из причин нарушения разумного срока уголовного судопроизводства.

С учетом изложенного выше, возможно утверждать, что процессуальные сроки в настоящем виде не способны гарантировать соблюдение прав участников уголовного судопроизводства, в том числе на его разумный срок путем ускорения процедур предварительного расследования и судебного разбирательства, поскольку не все нормы УПК РФ, регламентирующие процессуальные сроки в уголовном производстве и, в первую очередь, в досудебном производстве, обеспечивают реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Следует также отметить, что в ст. 6¹ УПК РФ закреплены лишь обстоятельства, являющиеся критериями оценки деятельности органов предварительного расследования и суда как по реализации указанного принципа, так и тех обстоятельств, которые законодатель должен учитывать при создании или совершенствовании норм об уголовно-процессуальных сроках уголовного судопроизводства, позволяющих реализовать указанный принцип в правоприменительной деятельности [3, с. 11].

При этом необходимо учитывать, что российский законодатель, закрепив в УПК РФ норму-принцип разумного срока уголовного судопроизводства, до настоящего времени фактически не реформировал процессуальное законодательство в соответствии с указанным принципом. Как следствие – в российском уголовном судопроизводстве сложилась ситуация одновременного присутствия двух видов сроков, фактически не зависящих друг от друга: процессуального и разумного.

Именно поэтому введение в УПК РФ нормы-принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства до настоящего времени не оказало должного влияния на реальное сокращение сроков досудебного производства (в первую очередь, предварительного расследования), на что неоднократно обращают внимание представители научного сообщества [4, 3, 5, 6 и другие].

Учитывая изложенное, предлагается внести в УПК РФ соответствующие изменения, направленные, во-первых, на исключение действующих правил, устанавливающих первоначальный срок предварительного следствия (два месяца), исходя из позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 г.⁹, установившего, что разумный срок по уголовным делам не может превышать 4-х лет, а с

⁸ Респондентами выступили руководители органов предварительного следствия системы МВД России, проходившие курс повышения квалификации по дополнительной профессиональной образовательной программе в Академии управления МВД России (апрель 2022 г.).

⁹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 г. № 11 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (дата обращения 13.05.2022). Режим доступа: по подписке.

учетом реалий правоприменительной практики расследования уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях предлагается избирать заключение под стражу с учетом обстоятельств уголовного дела на разумный срок, не превышающий предельный срок данной меры пресечения, *с условием обеспечения судебного контроля через установленное законодателем время* (выделено авторами).

Наличие в действующем УПК РФ норм, устанавливающих, во-первых, первоначальные сроки предварительного следствия и содержания обвиняемых под стражей (два месяца), которые – с учетом современного состояния преступности, носящей нередко организованный характер, в условиях постоянно совершенствующихся способов совершения преступления и значительного увеличения их объема, роста эпизодов преступной деятельности, значительного количества потерпевших, – не позволяют обеспечить расследование уголовного дела в предусмотренные законом минимальные сроки расследования. Во-вторых, правовое содержание ст. 162 УПК РФ, предусматривающей возможность продления сроков предварительного расследования без ограничений, вступило в явное противоречие с положениями ст. 61 УПК РФ и указанным выше Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11. При условии внесения в УПК РФ предлагаемых изменений в части регламентации указанных выше процессуальных сроков действующие нормы УПК РФ позволяют обеспечить контроль за их соблюдением, который сегодня осуществляется руководителем следственного органа на всех уровнях, надзирающим прокурором и судом, к которым участник уголовного судопроизводства может обратиться в случаях длительности сроков расследования и т. д. Данный уровень контроля позволяет предупреждать нарушения разумных сроков расследования и возможные факты злоупотреблений следователями своим правом на расследование уголовного дела свыше разумного срока.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев И.М. К вопросу о сущности и ведомственном понимании некоторых полномочий руководителя следственного органа // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 106–110.
2. Гаврилов Б.Я. Институт процессуальных сроков в российском уголовном судопроизводстве и перспективы его совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 3–7.
3. Гаврилов Б.Я. О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 9–15.
4. Григорьев В.Н. Уголовный процесс / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М., 2005. – 827 с.
5. Кушнерев В.И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 224 с.
6. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 239 с.

REFERENCES

1. Alekseev I.M. K voprosu o sushhnosti i vedomstvennom ponimanii nekotorykh polnomochij rukovoditelja sledstvennogo organa [The question of the essence and departmental understanding of some powers of the head of the investigative body]. Society and Law. 2017, no. 3 (61), pp. 106–110.

2. Gavrilov B.Ya. Institute of procedural terms in Russian criminal proceedings and prospects for its improvement. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 2 (18).

3. Gavrilov B.Ya. On the ratio of procedural terms in pre-trial proceedings and a reasonable period of criminal proceedings. Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 3 (36), pp 3-7.

4. Grigoriev V.N. Criminal process. Moscow, 2005, 827 p.

5. Kushnarev V.I. Implementation of the principle of a reasonable period of criminal proceedings in the norms governing procedural terms in pre-trial proceedings: dis. ... cand. jurid. M., 2019, 224 p.

6. Maslov I.V. Criminal procedural terms in pre-trial proceedings: monograph. M.: Norm: INFRA-M, 2013, 239 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Борис Яковлевич. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8.

Шпагина Юлия Викторовна. Кандидат юридических наук. Старший преподаватель. Кафедра управления органами расследования преступлений. Академия управления МВД России. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gavrilov Boris Yakovlevich. Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation. Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125993, Russian Federation, Moscow, Z. and A. Kosmodemyanskikh, 8.

Shpagina Yulia Viktorovna. Candidate of Legal Sciences. Senior lecturer of the Department of Management of Crime Investigation Bodies. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125993, Russian Federation, Moscow, Z. and A. Kosmodemyanskikh, 8.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 146–157.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 146–157.

Научная статья

УДК 343.01; 343.851.3

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.26.99.014

КВАЛИФИКАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ

**Гармышев Ярослав Владимирович¹, Ишигеев Владимир Степанович²,
Бондарь Альберт Янович³**

^{1, 2} Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

¹garmyv@mail.ru

²vladimir.ishigeev@mail.ru

³alikh425701@gmail.ru

Введение: в статье рассмотрена правовая природа обстоятельства, отягчающего наказание «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» на примере отдельных составов насильственных преступлений.

Материалы и методы: законодательную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации и образованное на ее основе уголовное законодательство России, иные отраслевые нормативные акты, регламентирующие сферу общественной безопасности, а также определяющие правовые основы ответственности за отдельные виды вооруженных преступлений. Методологической характеристикой исследования определен диалектический подход к научному познанию объектов социальной действительности, позволяющей всесторонне изучить объект и предмет исследования, использовались формально-логический, системно-структурный и иные методы научного познания.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к особенностям законодательного понятия «оружие» в уголовно-правовом аспекте на современном этапе развития общественных отношений. Определены теоретические и практические вопросы законодательной оценки понятия оружие, в контексте правовой характеристики признаков отдельных составов преступлений, связанных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Обращается внимание на необходимость единообразного применения и четкого разграничения признаков «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» и «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья» в теории уголовного права и в судебной практике. Анализ судебной практики свидетельствует о ее противоречивости и нестабильности, что во многом предопределяется различными взглядами на содержание данного обстоятельства, отягчающего наказание.

Выводы и заключения: полученные результаты помогут в определении особенностей квалификации вооруженных преступлений, в целях определения единой судебной практики; в статье определены основные правовые характеристики элементов составов анализируемых преступлений. Высказано предложение о необходимости изменения некоторых базовых положений теории уголовного права при квалификации преступлений, связанных применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Ключевые слова: оружие, уголовное право, квалификация преступлений с оружием, преступное насилие.

Для цитирования: Гармышев Я. В., Ишигеев В. С., Бондарь А. Я. Квалификация отдельных составов преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Квалификация отдельных составов преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2022. № 4 (103). С. 146–157.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.26.99.014

Original article

QUALIFICATION OF CERTAIN ELEMENTS OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF WEAPONS OR ITEMS USED AS WEAPONS

Yaroslav V. Garmyshev ¹, Vladimir S. Ishigeev ², Albert Ya. Bondar ³

^{1, 2} Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

¹garmyv@mail.ru

²vladimir.ishigeev@mail.ru

³alik425701@gmail.ru

Introduction: the article considers the legal nature of the circumstance aggravating the punishment «with the use of weapons or objects used as weapons» on the example of certain violent crimes

Materials and Methods: the legislative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation and the criminal legislation of Russia formed on its basis, other sectoral regulations regulating the sphere of public security, as well as defining the legal basis of responsibility for certain types of armed crimes. The methodological characteristic of the study is a dialectical approach to scientific cognition of objects of social reality, which allows a comprehensive study of the object and subject of research, formal-logical, system-structural and other methods of scientific cognition were used

The Results of the study: it allowed us to clarify certain provisions relating to the peculiarities of the legislative concept of «weapons» in the criminal law aspect at the present stage of the development of public relations. The theoretical and practical issues of the legislative assessment of the concept of weapons are determined in the context of the legal characteristics of the signs of certain elements of crimes related to the use of weapons or objects used as weapons. Attention is drawn to the need for uniform application and clear differentiation of the signs «with the use of weapons or objects used as weapons» and «with

the use of violence dangerous to life or health» in the theory of criminal law and in judicial practice. The analysis of judicial practice testifies to the inconsistency and instability of judicial practice, which is largely predetermined by different views on the content of this circumstance aggravating punishment

Findings and Conclusions: the results obtained will help in determining the characteristics of the qualification of armed crimes, in order to determine a unified judicial practice; the main legal characteristics of the elements of the compositions of the analyzed crimes are determined. It is suggested that it is necessary to change some basic provisions of the theory of criminal law in the qualification of crimes involving the use of weapons or objects used as weapons

Keywords: weapons, criminal law, qualification of crimes with weapons, criminal violence.

For citation: Garmyshev Y. V., Ishigeev V. S., Bondar A. Ya. Kvalifikacija otдел'nyh sostavov prestuplenij, sovershennyh s primeneniem oru-zhija ili predmetov, ispol'zuemyh v kachestve oruzhija [Qualification of certain elements of crimes committed with the use of weapons or items used as weapons]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 146–157 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.26.99.014

При совершении отдельных насильственных преступлений в качестве орудия преступления используется оружие. Его применение в качестве квалифицирующего признака указано в диспозиции многих статей Уголовного кодекса Российской Федерации¹(п. «г» ч. 2 ст. 126, п. «г» ч. 2 ст. 162, п. «в» ч. 2 ст. 205, п. «г» ч. 2 ст. 206 и др.)². Рассматриваемый вариант характеристики совершения преступления повышает свойства общественной опасности преступных деяний, в контексте использования «убедительных средств» обуславливает так же латентность анализируемых деяний [1, с. 48–54].

Как отмечается в юридической литературе, каждая юридическая дисциплина рассматривает оружие применительно к своим задачам (уголовно-правовым, экспертно-криминалистическим и т.д.) [14, с. 82]. Комплексное определение термина «предмет, используемый в качестве оружия», которое могло бы быть использовано при квалификации преступлений, так же отсутствует.

Вместе с тем универсальность норм Федерального закона «Об оружии»³ (далее – ФЗ «Об оружии») вытекает не только из формального толкования его преамбулы и абз. 1 ч. 1 ст. 1, но и самой системы права. «Внутреннее устройство российского права, его подразделение на отрасли с характерными отличиями в предмете и методе регулирования, требует учитывать то, как будет использоваться категориальный аппарат одной отрасли права в отношении тех предметов, которые одновременно выступают объектом нескольких отраслей, где нормативное предписание, находясь в системном единстве с иными отраслевыми предписаниями, образует „полную“, „логическую“ уголовно-правовую норму» [1, с. 49, 2, с. 18].

¹ Далее – УК РФ.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.04.2022 г.)

³ Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ : принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения 10.04.2022 г.)

В юридической литературе отмечается, что у отечественного законодателя в оценке юридических признаков отсутствует единый подход при определении вооруженных преступлений, где применение оружия следует рассматривать как насилие, опасное для жизни по признаку применения орудий: в частности, в ст. 162, 286 УК РФ к отягчающим признакам конструкцией состава признано применение оружия, тем не менее, применение насилия, опасного для жизни или здоровья или угроза применения такого насилия образует систему признаков, характерных для основного состава преступления. Признаки преступного деяния, определенные в ст. 127 и 206 УК РФ, указывают непосредственное применение насилия, так же как и применение оружия, и не рассматривается угроза применения такого насилия, а в ст. 313 УК РФ применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а также угроза применения такого насилия приравнивается к применению оружия или предметов, используемых в качестве оружия [4, с. 23–26].

Рассматривая вопрос о предметной характеристике ФЗ «Об оружии», целесообразно обратить внимание на определенные обстоятельства, где, «во-первых, не совсем верно сформулировано название закона: в контексте системности его содержанию наиболее соответствует название „Закон о гражданском, служебном, боевом ручном стрелковом и холодном оружии“ и, во-вторых, не вполне корректно определен предмет регулирования в преамбуле анализируемого закона» [15, с. 62–64]. В ней говорится, что данный закон «регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного и стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации». «Несмотря на ведущуюся долгие годы дискуссию о сущности и соотношении понятий „общественное отношение“ и „правоотношение“, необходимо признать, что регулированию подлежат общественные отношения, а правоотношения представляют собой результат такого регулирования, т. е. уже урегулированные нормами права общественные отношения» [15, с. 63]. По этой причине говорить о регулировании правоотношений не вполне правильно, а в рамках стилистических и технико-юридических неточностей все это также затрудняет понятие смысла правовых норм [16, с. 84]. В теории права существует точка зрения о закреплении в УК РФ такого состава преступления, как изготовление нарушение порядка производства оружия с помощью 3D-технологий [8, с. 13].

Таким образом, предопределяется необходимость единого законодательного подхода в понимании категории оружие в уголовно-правовой, экспертно-криминалистической, административно-правовой сфере законодательного регулирования, а в процессе правоприменения при установлении признаков анализируемого деяния, выступающего в качестве отягчающего обстоятельства, необходимо в отношении схожих составов преступлений, где предусмотрен такой признак, как применение оружия, определить правила квалификации. Как справедливо определил О. А. Красавчиков, юридический анализ любого правового явления должен учитывать свойства тех объективных социальных взаимосвязей, юридическим содержанием которых предопределяется анализируемое явление, игнорирование в научном познании вышеуказанных обстоятельств влечет невозможным определить суть искомого правового явления, что в конечном итоге создает криминологическую опасность в области теории и практики противодействия преступности [18, с. 49].

В ст. 1 ФЗ «Об оружии» указано, что оружие – это изделие, предназначенное для механического поражения живой или иной цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

К категории оружие ФЗ «Об оружии» относит устройства и предметы, конструктивно предназначенные для подачи световых, дымовых или звуковых сигналов (сигнальное оружие). В. Е. Зварыгин в свое время обращал внимание на несовершенство данного вывода в сфере проблем правового режима оружия. Обращалось внимание и на необходимость изменения самого режима сигнального оружия [10, с. 103]

«В самой же правоприменительной деятельности в вопросе правовой оценки сигнального оружия не усматривается необходимая единая последовательность: не определяется необходимый признак вооруженности в преступных деяниях, совершенных с применением сигнального оружия, тем не менее, рассматриваемый вид оружия отнесен к его образцам» [9, с. 49]. Кроме этого, Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях рекомендует исключение ракетниц из категории огнестрельного оружия.

Необходимо обратить внимание на определенную неточность в характеристике признания оружием таких предметов, которые не предназначены для поражения целей. «С таким же успехом можно говорить о строительном оружии (отбойные молотки, монтажные пистолеты и т. д.), медицинском (лазеры, ланцеты) и включать их в предмет регулирования ФЗ “Об оружии”» [15, с. 62].

В юридической литературе имеется точка зрения, согласно которой в определение оружия необходимо включать предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой цели, созданные по типу исторически выработанных стандартов, отвечающие определенным задачам в формировании преступных идей, в отношении которых нет другой характеристики в целевом назначении [14, с. 852].

Законодательство России достаточно четко закрепляет понятие того, что не следует считать оружием. Например, к оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового назначения, спортивные снаряды и какие-либо предметы, сходные конструктивно с действительным оружием.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства и определенный отсылочный характер правовых норм уголовного закона, предлагается вариант о переносе определения категории «оружие» из ст. 1 ФЗ «Об оружии» в примечание к ст. 63 УК РФ, конкретизировав данное понятие с учетом норм уголовного права и разъяснений высших судебных инстанций, что в определенной мере будет способствовать единообразию судебной практики [15, с. 64].

Законодательство России достаточно четко закрепляет понятие того, что не следует считать оружием. Например, к оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового назначения, спортивные снаряды и какие-либо предметы, сходные конструктивно с действительным оружием.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства и определенный отсылочный характер правовых норм уголовного закона, предлагается вариант о переносе определения категории «оружие» из ст. 1 Закона об оружии в примечание к ст. 63 УК РФ, конкретизировав данное понятие с учетом норм уголовного права и разъяснений высших судебных инстанций, что в определенной мере это будет способствовать единообразию судебной практики [15, с. 62].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29⁴ под предметами, используемыми в качестве оружия, предлагается

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 N 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое". // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения 10.04.2022 г.)

понимать любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т. п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами. В ином постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45⁵ определено также, что под предметами, используемыми в качестве оружия при совершении хулиганства, понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека [17, с. 30].

Таким образом, нам представляется, что высший судебный орган России допускает терминологическую ошибку, определяя понятие оружие «предметами, используемыми в качестве оружия». Целесообразнее было бы указать, что какие-либо средства поражения целей, которые законодательно определены оружием, в судебной практике должны считаться оружием, и признак вооружённости будет присутствовать при их обладании.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает судам, что при возникновении трудностей в решении вопроса об отнесении конкретных образцов оружия, патронов и боеприпасов к тому или иному виду, необходимо назначать экспертизу для определения тактико-технических характеристик данных образцов. Если указанные трудности обусловлены не техническими причинами, а являются следствием противоречий между законодательными актами Российской Федерации и нормами международного права, определяющими критерии разграничения видов оружия, то, в соответствии с частью четвертой статьи пятнадцать Конституции Российской Федерации, следует руководствоваться нормами международного права.

Общепризнанным постулатом в теории права и на практике является факт, что нельзя признавать в юридическом смысле оружием неисправное или негодное оружие, где его определенные конструктивные свойства не создадут предпосылки его применения по целевому назначению: причинению вреда объекту правовой охраны – человеку. Как может показаться на первый взгляд, решение вышеуказанного правового вопроса при квалификации преступлений с непригодным оружием определено в судебной практике. Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений определил, что применение макета или непригодного оружия как признак объективной стороны состава преступления (хулиганства) – «применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т. п. – дает основание для квалификации содеянного по пункту „а“ ч. 1 ст. 213 УК РФ⁵. Вышеуказанное обстоятельство в правоприменении указывает на определенную непоследовательность в процессе квалификации преступлений. Как отмечает В. Н. Винокуров, это также существенно нарушает принцип криминализации деяний [5, с. 214].

Применительно к ситуациям, когда виновное лицо использует в процессе совершения преступления предметы, похожие на оружие (макет пистолета), но непригодных к причинению вреда, имеется лишь субъективная оценка потерпевшими лицами о свойствах таких предметов, и с учетом конкретных обстоятельств де-

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 N 45 "О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений" // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/ (дата обращения 10.04.2022 г.)

ла деяние следует квалифицировать по основному составу преступления, без признака оружия или предмета, используемого в качестве такового.

Так, действия условного гражданина О. органами предварительного следствия ошибочно квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предмета используемого в качестве оружия, поскольку О. при нападении угрожала потерпевшим незаряженным пистолетом, не являющимся огнестрельным оружием, фактически не намереваясь использовать его для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья. В свое время по анализируемой ситуации отдельные криминалисты не поддерживали вышеуказанный подход, так как, исходя из природы психического насилия, потерпевший не знаком с реальными свойствами орудия преступления.

Определенную дискуссию вызывает вопрос толкования термина «использование», так как в уголовном праве применяется термин «использование оружия» одновременно с понятием «применение оружия». Квалифицирующий признак «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия», установленный в статьях уголовного закона в качестве частного проявления п. «к» ст. 63 УК РФ, позволяет на первый взгляд определить факт, что законодатель употребляет термины «использование» и «применение» как синонимы.

Как определено в юридической литературе, «вышеуказанное обстоятельство не соответствует нормативным актам, регулирующим различные деяния с оружием, в которых принципиально разведены эти понятия» [4, с. 24]. Отдельными же исследователями термин «применение» предлагалось считать более узким, по сравнению с «использованием», так как в ряде Федеральных законов («О полиции», «О Федеральной службе безопасности» и т. д.) сказано, что сотрудники могут применять оружие для поражения живой цели, а вот тот же пистолет для остановки транспортного средства путем выстрела по колесам они только используют, следовательно, применение оружия исключает его демонстрацию без намерения причинить телесные повреждения или угрозу незаряженным или негодным оружием, и это служит фактом выражения угрозы насилием [10, с. 58; 12, с. 54].

Полагаем, что конкретизация термина «оружие» должна определять свойства деяния, которое связано с непосредственным использованием оружия в целевом его предназначении (поражение необходимой цели), так и иные противоправные деяния (высказывание угрозы преступным насилием в виде демонстрации оружия и т.п.)

В современной судебной практике, что подтверждает вышеуказанный вывод, демонстрация оружия виновным лицом, а не только непосредственное применение оружия на месте преступления, считается условием применения оружия.

Так, например, Ярославским районным судом Ярославской области признак состава деяния «с применением предмета, используемого в качестве оружия», нашел подтверждение в действиях К., поскольку предмет, применяемый в качестве оружия (нож), использовался для психического воздействия в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с целью завладения имуществом потерпевшей⁶.

На сегодняшний день правоприменитель при квалификации вооруженных преступлений нередко сталкивается с определенной проблемой отнесения тех или иных орудий преступлений к правовой категории предметов, используемых

⁶ Приговор Ярославского районного суда Ярославской области от 26 июля 2021 г. по делу № 1-161/2021 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QfhVPBdO1n6t> (дата обращения 10.04.2022 г.). Режим доступа: по подписке.

в качестве оружия. В юридической литературе указывается, что к числу иных предметов, используемых в качестве оружия, можно отнести, например, кислоту [18, с. 181]. Сложность вопроса заключается в том, что мере Верховный Суд Российской Федерации не считает определенные жидкости предметами, используемым в качестве оружия при совершении преступлений, а указывает примеры с распылителями и другими устройствами, содержащих раздражающие вещества. В судебной практике, когда приговором суда был установлен факт того, что виновные лица выливали кипяток на тело потерпевших, причиняя вред их здоровью, судами использование кипятка признавалось анализируемым признаком⁷. Применительно к использованию кислот в различных тарах судебная практика также признавала анализируемый квалифицирующий признак и, как указывается в отдельных материалах судебной практики, наличие в таре кислоты или другого агрессивного вещества, воздействие которого на тело человека могло причинить вред здоровью, должно быть доказано⁸.

На практике может возникнуть вопрос в квалификации вооруженных преступлений, когда в ходе массовых беспорядков виновные лица с целью возбуждения толпы и создания атмосферы хаоса, а не с целью причинения физического вреда человеку, бросают поджигающие устройства, например, бутылки с горючей смесью. Полагаем, что применение данных предметов также следует расценивать по анализируемому признаку. В процессе совершения насильственного преступного деяния виновным лицом может быть применен кусок веревки, шнур и т. п., в итоге потерпевшей стороне причиняется смерть или тяжкий вред здоровью. Правоприменителем данные деяния квалифицируются по признаку «использование предметов в качестве оружия», и данный подход был поддержан Верховным Судом Российской Федерации [17, с. 30].

В последнее время участились случаи использования собак агрессивных пород и других опасных животных для причинения вреда здоровью, на что обращал внимание Р. Д. Шарапов [15, с. 63]. Возможный вариант, на наш взгляд, признание вышеуказанных животных предметом, используемым в качестве оружия, хотя не все правоприменители согласны с этим подходом, но Верховный Суд Российской Федерации по делам о разбое предлагает именно такой вариант квалификации.

Практический интерес в квалификации деяний, совершенных с использованием оружия, представляют ситуации, когда виновное лицо наносит вред потерпевшему предметами, применяемые в медицине. Например, в ряде уголовных дел скальпель был признан предметом, используемым в качестве оружия [17, с. 30]. В процессе квалификации преступлений дискуссию в теории права и в процессе правоприменения могут представлять ситуации совершения преступления при использовании медицинского шприца. Так, Ю. С. Норвартян считает, что «медицинский шприц, наполненный ВИЧ-инфицированной кровью, вряд ли можно признать предметом, используемым в качестве оружия, так как он по своему функциональному назначению не предназначен для насильственного нарушения анатомической целостности органов

⁷ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14 августа 2018 г. по делу № 22-5921/2018. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOUR&n=164681&demo=1> (дата обращения 10.04.2022 г.). Режим доступа: по подписке; Апелляционное определение Челябинского областного суда от 9 апреля 2019 г. по делу № 11-4643/2019. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOUR&n=186060&demo=1> (дата обращения 10.04.2022 г.). Режим доступа: по подписке.

⁸ Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2017 г. <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOSB&n=238151&demo=1> // КонсультантПлюс. (дата обращения 10.04.2022 г.). Режим доступа: по подписке.

человеческого организма, и тем самым причинения смерти или вреда здоровью потерпевшего (применяется он лишь для создания условий, облегчающих противоправное завладение чужим имуществом и обеспечивающих результативное совершение разбойного нападения без отягчающих обстоятельств). Тем не менее, не отрицается возможность признания шприца в некоторых других случаях» [13, с. 82]. В судебной практике есть пример, поддерживающий вышеуказанную точку зрения, когда органами следствия виновному лицу в разбое вменяли использование предмета, используемого в качестве оружия (шприца, заполненного неустановленной жидкостью, похожей на кровь), но государственный обвинитель отказался поддерживать такой вариант квалификации, указав, что под предметами, используемым в качестве оружия, следует понимать предметы, которыми потерпевшему могли быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни или здоровья, а также предметы, предназначенные для временного поражения цели, шприц к таковым не относится, и дело было переквалифицировано на ч. 1 ст. 162 УК РФ⁹. В месте с тем в правоприменении есть пример, когда похожая ситуация произошла в разбойном нападении, и шприц был признан предметом, используемым в качестве оружия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пушкарев А. Л. Критический анализ нормативного определения категории «Оружие» применительно к определению понятие «Оружие, имеющее культурную ценность» // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 48–54. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28983074> (дата обращения 18.01.2022).
2. Абубакиров Ф. М. Квалификации причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Российский следователь. 2016. № 13. С. 17–20 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26331207> (дата обращения: 11.01.2022).
3. Тыдыкова Н. В. Вопросы квалификации преступлений при использовании виновным нетипичных предметов в качестве оружия // Уголовное право. 2020. № 1. С. 82–84. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42747535> (дата обращения: 10.01.2022).
4. Векленко В. В., Зайцева Е. В. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2009. № 2. С. 23–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12518196> (дата обращения: 10.01.2022).
5. Пугачев А. В., Суханов Г. В. Категория "оружие" в уголовно-правовой науке // Закон и право. 2016. № 9. С. 213–216. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26008478> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Кабисова О. С. Проблемы квалификации признаков, характеризующих оружие, при совершении насильственных преступлений // Перспективные научные исследования: опыт, проблемы и перспективы развития : сб. статей по материалам международной науч.-практич. конф. Уфа. 17 июня 2019 года. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2019. 250 с.
7. Савинский А. В. О некоторых неточностях Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения 2020. № 1. С. 99–105. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43868788> (дата обращения: 14.01.2022).

⁹ Приговор Измайловского районного суда г. Москвы от 24 июня 2013 г. по делу № №1-250/13. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bTaNq4EaCww>. (дата обращения 11.04.2022). Режим доступа: по подписке.

8. Винокуров В. Н. Квалификация хулиганства с применением оружия как преступления против общественной безопасности // Уголовное право. 2020. № 2. С.10–14. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=42863330> (дата обращения: 17.01.2022).
9. Григорьева О. С. Уголовная ответственность за нарушение правил оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : учеб. пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2008. 70 с.
10. Зварыгин В. Е. Незаконный оборот огнестрельного оружия: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. 282 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15994780> (дата обращения: 9.01.2022).
11. Казакова В. А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы. М.: Логос, 2003. 256 с.
12. Каплунов А. И. О понятиях «использование» и «применение» огнестрельного оружия как элементах оборота оружия // Государство и право. 2003. № 7. С. 51–58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17356011> (дата обращения: 7.01.2022).
13. Норвартян Ю. С. О некоторых вопросах квалификации разбоя // Уголовное право. 2017. № 5. С. 81–84. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32522614> (дата обращения: 6.01.2022).
14. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. 2-е изд., переработ, и доп. / Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект. Новосибирск, 2015. 1184 с. URL: <https://www.studentlibrary.ru/ru/book/ISBN9785392165834.html> (дата обращения 7.01.2022).
15. Шарапов Р. Д. Понятие предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2005. № 3. С. 62–64.
16. Асланян Р. Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48214848> (дата обращения: 13.01.2022). С. 82-90.
17. Босхолов С. С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности. DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30 // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 3. С. 30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46616832> (дата обращения: 18.01.2022)
18. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. М., 2005. Т. 2. / Науч. ред.: Ем В.С. М.: Статут, 2005. 494 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20039045> (дата обращения: 18.01.2022)
19. Кузнецов В. И. Уголовно-правовое противодействие корыстной преступности : учеб. пособие в 2 частях; Министерство образования и науки РФ, Иркутский государственный университет, Юридический институт. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. 233 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25608432> (дата обращения: 13.01.2022).

REFERENCES

1. Pushkarev A.L. Critical analysis of the normative definition of the category «Weapons» in relation to the definition of the concept of «Weapons of cultural value» / A.L. Pushkarev // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 1, pp. 48–54. (Date of application: 18.01.2022) .
2. Abubakirov F.M. Qualifications of causing harm to health with the use of weapons or objects used as weapons / F.M. Abubakirov // Russian investigator. 2016, no. 13, pp. 17–20. (Date of application: 11.01.2022)
3. Tydykova N.V. Questions of qualification of crimes when using atypical objects as weapons by the guilty . Criminal law. 2020, no. 1, pp. 820–84 (Date of application: 10.01.2022) .
4. Veklenko V.V., Zaitseva E.V. Controversial issues of qualification of crimes committed with the use of weapons or objects used as weapons .Criminal law. 2009, no. 2, pp. 23-29.

5. Pugachev A.V., Sukhanov G.V. The concept of «weapons» in modern criminal law science . Law and right. 2016, no. 9, pp.213-216 (Date of application: 12.01.2022) .
6. Kabisova O.S. Problems of qualification of signs characterizing weapons in the commission of violent crimes. Promising scientific research: experience, problems and prospects of development: A collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Ufa, June 17, 2019. Ufa: LLC «Scientific Publishing Center «Bulletin of Science», 2019. 250 p
7. Savinsky A.V. On some inaccuracies of the Criminal Code of the Russian Federation. Siberian Criminal procedural and Criminalistic readings. 2020, no. 1, pp. 99–105 (Date of application: 14.01.2022) .
8. Vinokurov V.N. Qualification of hooliganism with the use of weapons as crimes against public safety . Criminal law. 2020, no.2, pp.10.-13 (Date of application: 17.01.2022) .
9. Grigorieva O. S. Criminal liability for violation of the rules of turnover of firearms, ammunition, explosives and explosive devices: textbook. stipend. Yekaterinburg, UrUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 70 p.
10. Zvarygin V. E. Illegal firearms trafficking: criminal-legal and criminological aspects: dis. ... cand. jurid. sciences'. Izhevsk, 2002. 282 p. (Date of application: 9.01.2022).
11. Kazakova V.A. Armed crime: criminological and criminal law problems / Kazakova V.A. M.: Logos, 2003. 256 p.
12. Kaplunov A.I. On the concepts of «use» and «application» of firearms as elements of arms turnover. State and Law. 2003, no. 7, pp. 51-58 (Date of application: 7.01.2022) .
13. Norvartyan Yu.S. On some issues of qualification of robbery Yu.S. Norvartyan // Criminal law. 2017, no. 5, pp. 81-84 (Date of application: 6.01.2022) .
14. Brilliantova A.V. Criminal law of Russia. Novosibirsk, 2015, 1184 p. (Date of application: 7.01.2022).
15. Sharapov R.D. The concept of objects used as weapons / R.D. Sharapov // Criminal law. 2005, no. 3, pp. 62-64.
16. Aslanyan R.G. The concept and content of the normative prescription of the special part of criminal law . All-Russian Journal of Criminology. 2022, vol. 16, no. 1, pp. 82-90 (Date of application: 13.01.2022) .
17. Bosholov S.S. Criminological security as the ideological basis of the theory and practice of countering crime. Baikal Research Journal. 2021, vol. 12, no. 3. DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3) .30
18. Krasavchikov O.A. Categories of the science of civil law: selected works: in 2 volumes, 2005. Vol. 2. / Krasavchikov O.A.; Scientific ed.: Em V.S. M.: Statute, 2005, 494 p.
19. Kuznetsov, V. I. Criminal law counteraction to mercenary crime: a textbook in 2 parts / V. I. Kuznetsov ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Irkutsk State University, Law Institute. Irkutsk: Irkutsk State University, 2015, 233 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гармышев Ярослав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, Иркутск, Ленина, 11.

Ишигеев Владимир Степанович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, Иркутск, Ленина, 11.

Бондарь Альберт Янович, старший преподаватель кафедры физической подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ON AUTHORS

Garmyshev Yaroslav Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University.

664003, Russia, Irkutsk, Lenina st., 11.

Ishigeev Vladimir Stepanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University. 664003, Russia, Irkutsk, Lenina st., 11.

Bondar Albert Yanovich, senior lecturer of the Department of Physical Training. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 158–165.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 158–165.

Научная статья

УДК 343.3/7

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.98.51.015

АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ И ТРАНСПОРТИРОВКИ ГАЗА

Ивлиева Наталья Владимировна

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация, Natie25@yandex.ru

Введение: в статье на основе анализа действующего законодательства, научной литературы и служебных документов рассматриваются отдельные проблемы, связанные с обеспечением экономической безопасности газовой отрасли России.

Материалы и методы: нормативной основой исследования является действующие нормативные правовые акты; методологическую основу составляют дедукция, индукция, общий диалектический метод научного познания, системный, логический, формально-юридический методы исследования, анализ, синтез и обобщение.

Результаты исследования: основные идеи по решению отдельных практических проблем представлены в виде анализа действующего законодательства и рассмотрения современного состояния оперативной обстановки в газовой отрасли топливно-энергетического комплекса Российской Федерации, которая характеризуется весьма высокими показателями зарегистрированных преступлений экономической и коррупционной направленности, а также предложений правового (регламентационного) и организационного характера

Выводы и заключения: делается обоснованный вывод об эффективности реализации широкомасштабного комплекса мер по декриминализации отечественной газовой отрасли силами МВД России во взаимодействии с заинтересованными министерствами и ведомствами.

Ключевые слова: объекты газовой отрасли топливно-энергетического комплекса, преступления экономической и коррупционной направленности, сфера добычи и переработки газа, задолженности потребителей газа на территории субъектов Российской Федерации, разбаланс газа.

Для цитирования: Ивлиева Н.В. Аспекты обеспечения экономической безопасности органами внутренних дел в сфере добычи и транспортировки газа // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С.158–165.

DOI:10.55001/2312-3184.2022.98.51.015

Original article

ASPECTS OF ENSURING ECONOMIC SECURITY BY INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE FIELD OF GAS PRODUCTION AND TRANSPORTATION

Natalya V. Ivlieva

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Moscow, Natie25@yandex.ru

Introduction: Based on the analysis of the current legislation, scientific literature and official documents, the article discusses certain problems related to ensuring the economic security of the Russian gas industry.

Materials and methods: the normative basis of the study is the current regulatory legal acts; the methodological basis is deduction, induction, the general dialectical method of scientific knowledge, systemic, logical, formal legal methods of research, analysis, synthesis and generalization.

The results of the study: the main ideas for solving certain practical problems are presented in the form of an analysis of the current legislation and a review of the current state of the operational situation in the gas industry of the fuel and energy complex of the Russian Federation, which is characterized by very high rates of registered economic and corruption crimes, as well as proposals for a legal (regulatory) and organizational nature.

Findings and Conclusions: a reasonable conclusion is made about the effectiveness of the implementation of a large-scale set of measures to decriminalize the Russian gas industry by the Russian Ministry of Internal Affairs in cooperation with interested ministries and departments.

Keywords: objects of the gas industry of the fuel and energy complex, economic and corruption crimes, gas production and processing, debts of gas consumers on the territory of the constituent entities of the Russian Federation, gas imbalance.

For citation: Ivlieva N. V. Aspekty obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti organami vnutrennikh del v sfere dobychi i transportirovki gaza [Aspects of ensuring economic security by internal affairs bodies in the field of gas production and transportation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103), pp. 158–165 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.98.51.015

В системе органов внутренних дел борьба с преступлениями экономической и коррупционной направленности в сфере топливно-энергетического комплекса России (ТЭК), в частности добычи и транспортировки газа, возложены на подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК). Приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по рассматриваемому направлению являются:

- проведение мероприятий, направленных на выявление, пресечение, предупреждение преступлений, связанных с хищением активов предприятий ТЭК, в том числе денежных средств, получаемых от потребителей за поставленные энергоресурсы;
- пресечение хищений углеводородов из трубопроводной системы и их незаконной переработки;

– пресечение коррупционных проявлений при формировании регулируемых государством тарифов на энергетические ресурсы, а также в стратегически важных отраслях¹.

Помимо вышеперечисленных, на 2022 год приоритетными направлениями работы подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России были определены:

- документирование противоправной деятельности в ТЭК преступных сообществ (организаций), в том числе созданных по этническому признаку;
- противодействие хищениям активов ТЭК, в том числе преступлениям в области поставок природного газа и электроэнергии;
- документирование коррупционных и должностных преступлений в ТЭК;
- защита бюджетных средств, выделяемых на финансирование национальных проектов, государственных и федеральных целевых программ, в том числе в рамках исполнения Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года, утверждённого распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.09.2018 № 2101-р (федеральные проекты «Гарантированное обеспечение доступной электроэнергией» и «Гарантированное обеспечение транспорта нефти, нефтепродуктов, газа и газового конденсата»)²;
- выявление и пресечение преступлений, связанных с установлением тарифов на производство, передачу и сбыт энергоресурсов [1].

Сравнение статистических показателей за последние три года позволяет констатировать достаточно стабильный уровень количества преступлений экономической направленности в газовой отрасли ТЭК с незначительной тенденцией к увеличению³.

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2021 г. в ТЭК было выявлено 1 593 преступления (- 0,3 %)³, из них:

- коррупционной направленности – 485 (+3 % к АППГ), в том числе против интересов государственной службы – 121, (+ 12,7 % к АППГ), против интересов в коммерческих организациях – 155 (+26 % к АППГ);
- против собственности – 886 (- 0,6 % к АППГ) по ч. ч. 2-4 ст. 159 УК РФ – 422, (+5 % к АППГ), каждое второе задокументированное преступление совершено в крупном или особо крупном размере – 742 (+ 12,4 % к АППГ);
- в сфере экономической деятельности – 301 (+19,4 % к АППГ) в том числе: налоговых – 144 (+54,8% к АППГ), в т. ч. по ч. 2 ст. 199 УК РФ – 72 (+44 % к АППГ), незаконное предпринимательство (ч. 2 ст. 171 УК РФ) – 51 (-22,7 % к АППГ).

Раскрыто 143 преступления (+70,2 % к АППГ), совершенных группой лиц по предварительному сговору, и 72 – организованной группой либо преступным сообществом (+213 % к АППГ).

Отдельно отметим, что в сфере добычи и переработки газа, производства и распределения газообразного топлива в 2019 г. по России выявлено 162 преступления, в 2020 г. – 171 преступление, в 2021 г. – 175 преступлений.

¹ Обзор результатов оперативно-служебной деятельности ГУЭБиПК МВД России и подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России по линии декриминализации сфер недропользования и угольной промышленности за 2021 год. // Письмо ГУЭБиПК МВД России от 11.03.2022 исх. № 7/10-4334.

² Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 г. № 2101-р 16 октября 2018 // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71975292/>

³ Форма «5-БЭП» (495), кн. 103. Экспертс-информация по России. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации. // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2021 гг..

Самыми результативными по показателям в 2021 г. стали следующие регионы: Омская область (58), Нижегородская область (40), Чеченская республика (14), Республика Дагестан (14)⁴.

В сравнении с другими отраслями ТЭК газовая отрасль по выявлению преступлений в 2021 году занимает лидирующее место, так, например, общее число выявленных преступлений подразделениями ЭБиПК МВД России всех регионов в газовой отрасли составило – 175, в нефтяной – 48, в угольной – 30. Преступлений, выявленных против собственности, – 106, в нефтяной – 20, в угольной – 13⁵.

Анализ практики показал, что благодаря усилиям органов внутренних дел, в том числе направленным на предупреждение преступлений в газовой отрасли, несомненно возросло качество отработки каждого факта, выявления всех обстоятельств также установления видов и сумм похищенного имущества, денег, ценностей.

Наиболее острой проблемой экономической безопасности газовой отрасли являются задолженности за поставленный природный газ и потери при его транспортировке до конечных потребителей.

Долг потребителей газа перед ПАО «Газпром» за 2021 год вырос на 2,3 % и составил 178,4 млрд руб. Из них на население приходится почти половина – 80,2 млрд руб., на теплоснабжающие организации – 55,9 млрд руб., оставшиеся приходятся на «прочих» промышленных потребителей. В ПАО «Газпром» эту тему не комментируют.

Наиболее сложной остаётся оперативная обстановка в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО). Долг предприятий и жителей которого за газ по итогам 2020 год вырос на 6,7 млрд руб. и составил 99,2 млрд руб., или 55,6 % от общероссийского⁶. Общая суммарная задолженность потребителей СКФО за поставленный газ по состоянию на 31 декабря 2021 года составила 96,7 млрд руб. (снижение задолженности на 2,5 млрд. руб. по сравнению с предыдущим годом). Согласно данным, предоставленным ПАО «Газпром», задолженность конечных потребителей за поставленный газ по округу на 1 июня 2022 г. составляет 81 млрд 603,8 млн руб. (без проведённой уступки – 139,6 млрд руб.).

Размер просроченной задолженности потребителей газа на территории субъектов Российской Федерации, входящих в состав СКФО, за 2021 год составил: Республика Дагестан – 47,9 млрд руб. (-9,85 %); Республика Северная Осетия-Алания – 9,6 млрд руб. (-5,1 %); Кабардино-Балканская Республика – 10,9 млрд руб. (-4,3 %); Республика Ингушетия – 9,5 млрд руб. (+9,1 %); Карачаево-Черкесская Республика – 2,1 млрд руб. (-4,5 %); Чеченская Республика – 14,2 млрд руб. (+28,4 %); Ставропольский край – 2,5 млрд руб. (-4,2%).

Кроме больших долгов Северо-Кавказский регион также является лидером и по потерям газа в сетях. По данным «Газпром межрегионгаз», потери в СКФО по итогам прошлого года составили более 2,5 млрд м³. Для сравнения: эта цифра сопоставима с ежегодными поставками ПАО «Газпрома» в Бельгию (2,5 млрд м³), Болгарию (2,3 млрд м³) или Армению (2,2 млрд м³).

⁴ Сведения о преступлениях экономической направленности следствие по которым обязательно, выявленных подразделениями экономической безопасности в сфере добычи, переработки газа, производство и распределения газообразного топлива за январь-декабрь 2021 года. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России». Ф. 495. Кн.102. Раздел 2.2021.

⁵ Там же.

⁶ Долги за газ в России достигли 178 млрд р. // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/03/23/862843-dolgi-gaz?ysclid=138q9d0ch4> (дата обращения: 17.09.2022).

Главной причиной масштабных потерь в сетях являются криминальные хищения: незаконные врезки, изменения показателей приборов учета и использование несертифицированного газового оборудования [2].

Также основной причиной потерь газа в большинстве случаев является отсутствие на объектах газовой отрасли эффективной системы внутреннего контроля и управления.

Одним из негативных факторов, наиболее существенно влияющих на оздоровление ситуации, являются многочисленные криминальные проявления и преступления, совершаемые работниками региональных газовых компаний (РГК) и газораспределительных организаций (ГРО). В то же время вызывает озабоченность непринятие работниками РГК и ГРО мер по предотвращению фактов хищений газа промышленными потребителями [3].

МВД России во взаимодействии с заинтересованными министерствами и ведомствами реализован широкомасштабный комплекс мер по декриминализации отраслей ТЭК [4]. Подразделения ЭБиПК территориальных органов МВД России планомерно проводят работу данному направлению во всех отраслях ТЭК, в том числе в сфере добычи и транспортировки газа.

В МВД по Кабардино-Балкарской Республике во взаимодействии с правоохранительными и контрольно-надзорными органами и ведомствами проводится целенаправленная работа по выявлению и пресечению фактов хищений газа промышленными предприятиями, в том числе совершаемых в крупном и особо крупном размерах.

По состоянию на 1 июня 2022 года дебиторская задолженность перед ООО «Газпром межрегионгаз Нальчик» составляет 11 424 млн руб. (за 5 месяцев задолженность увеличилась на 1 472,3 млн руб., на 1 января 2022 года – 9 952 млн руб.) (основные должники г. Нальчик – 4 023 млн руб., Баксанский район – 2 277 млн руб., Чегемский район – 1 237 млн руб., Урванский район – 1 125 млн руб.), в том числе:

физические лица – 6 217 млн руб. (Баксанский район – 2 032 млн руб., г. Нальчик – 989 млн руб., Урванский район – 933 млн руб.);

юридические лица – 5 207 млн руб. (г. Нальчик – 3 033 млн руб., Эльбрусский район – 520 млн руб., Чегемский район – 333 млн руб., Терский район – 294 млн руб.).

Разбаланс газа⁷ на 1 июня 2022 года составляет 196,1 млн м³, т. е. 24,1 % (АППГ на 31 декабря 2021 года – 23,4 %). В том числе, от поставленного газа (813,7 млн м³) на территорию Кабардино-Балкарской Республики, самый высокий разбаланс в следующих районах: Лескенский – 45%, Урванский – 44,3 %, Баксанский – 29,9 %, Зольский – 28,2 %, Чегемский – 27,7 %.

Уровень оплаты за январь-май 2022 года составил 64,3 %, в том числе: население – 67 %; бюджетные потребители – 103 %; теплоснабжающие организации – 24,2 %; прочие потребители – 105,5 %.

Основные должники за потреблённый природный газ – теплоснабжающие организации (общая задолженность 4 596 млн руб.): МУП НТСК – 2 830 млн руб.; ООО «Тырныауз теплоэнерго» – 470 млн руб.; МУП «Теректеплосбыт» – 265 млн руб.; МУП «Чегемтеплосервис» – 238 млн руб.; МУП «Баксантеплоэнерго» – 212 млн руб.; ОАО «Урвантеплосервис» – 161 млн руб.⁸

В целях недопущения роста задолженности за потреблённые энергоресурсы на постоянной основе проводятся мониторинг складывающейся ситуации и планирова-

⁷ Разбаланс газа – это разница между общим объёмом газа, поступившим от поставщика (по данным узлов учёта на ГРС) и объёмом газа, реализованным потребителям, в том числе население и ГРС.

⁸ Информационный материал о состоянии оперативной обстановки, результатах работы силового блока и мерах, принимаемых органами внутренних дел СКФО по декриминализации топливно-энергетического комплекса округа за первое полугодие 2022 года.

ние оперативно-разыскных мероприятий⁹, направленных на выявление фактов хищений энергоресурсов.

В связи со значительным ростом задолженности за газ, особенно на территории г. Владикавказа, сотрудниками подразделения ЭБиПК в июне 2022 года пресечена преступная деятельность должностных лиц ООО «Газпром газораспределение Владикавказ», которые в сговоре с потребителями за незаконные денежные вознаграждения занижали показатели приборов учёта газа, как физическим лицам, так и предпринимателям. По 9 фактам по результатам экспертизы наличие вмешательств в приборы учёта подтверждено и газоснабжающим предприятием произведен расчет нанесенного ущерба (168 тыс. руб.). Возбуждено 5 уголовных дел по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, по 23 фактам проводятся следственные действия¹⁰.

Также одним из приоритетных направлений оперативной деятельности подразделений ЭБиПК является возмещение причинённого ущерба в бюджет государства [5]. Например, сотрудниками ГУЭБиПК МВД России в 2019–2021 годах совместно с Управлением «К» СЭФ ФСБ России осуществлялось оперативное сопровождение уголовного дела в отношении членов организованного преступного сообщества, возглавляемого советником генерального директора ООО «Газпром межрегионгаз» гражданином Р. и его сыном, бывшим членом Комитета Совета Федерации по экономической политике Федерального Собрания Российской Федерации, представителем от исполнительного органа государственной власти Карачаево-Черкесской Республики гражданином А., которые занимались организацией заказных убийств, а также осуществляли хищение денежных средств дочерних обществ ПАО «Газпром», расположенных на территории СКФО.

В результате проведённых ГУЭБиПК МВД России ОРМ ГСУ СК России 21.10.2019 мероприятий возбуждены уголовные дела по ч. 4 ст. 160 УК РФ по фактам хищения участниками организованного преступного сообщества (ОПС) денежных средств ООО «Газпром газораспределение Ставрополь» в сумме более 761 млн руб. Кроме того, в ходе совместной работы задокументированы факты хищения природного газа, принадлежащего ПАО «Газпром», на сумму более 4,5 млрд руб..

На основании собранных материалов в июле 2021 г. Басманным районным судом г. Москвы удовлетворён иск Генеральной прокуратуры Российской Федерации об обращении в доход государства имущества участников организованного преступного сообщества на общую сумму 1,56 млрд руб. В августе 2021 г. уголовное дело по обвинению шести участников ОПС и 14 пособников в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 4 ст. 160, ч. 1–3 ст. 210, ч. 3 ст. 286, ч. 3 ст. 306, ч. 4 ст. 309 УК РФ, направлено в суд.

Однако в некоторых регионах страны одним из факторов, способствующих низким результатам оперативно-служебной деятельности по данному направлению либо их отсутствию, является несвоевременное проведение ОРМ, направленных на установление движимого и недвижимого имущества фигурантов с целью применения дальнейших обеспечительных мер, что способствует сокрытию преступниками своего имущества [6].

Сложности выявления хищений газа вызваны сложностью установления точного времени начала совершения хищения и соответственно его периода протекания [7]. В случае если продолжительность хищения газа не установлена, она принимается равной периоду со дня последней проверки поставщиком газа, эксплуатационной или

⁹Далее – ОРМ.

¹⁰Информационный материал о состоянии оперативной обстановки, результатах работы силового блока и мерах, принимаемых органами внутренних дел СКФО по декриминализации топливно-энергетического комплекса округа за первое полугодие 2022 года.

специализированной организацией целостности газопровода в месте самовольного подключения к такому газопроводу до дня установления факта такого хищения газа поставщиком газа, эксплуатационной или специализированной организацией, но не более шести месяцев.

Объем похищенного газа определяется по формуле, учитывающей расход газа, соответствующий максимальной мощности газоиспользующего оборудования, приведённый к стандартным условиям, а также продолжительность хищения газа с учётом круглосуточной работы газоиспользующего оборудования¹¹.

Подводя итог, можно утверждать, что непреодолимые проблемы в деятельности подразделений ЭБиПК органов внутренних дел по противодействию преступлениям экономической и коррупционной направленности на объектах газовой отрасли ТЭК, которые могут влиять на выявление и раскрываемость преступлений, отсутствуют.

МВД России во взаимодействии с заинтересованными министерствами и ведомствами реализуется широкомасштабный комплекс мер по декриминализации отраслей ТЭК. Подразделения ЭБиПК территориальных органов МВД России планомерно проводят работу данному направлению во всех отраслях ТЭК, в том числе в сфере добычи и транспортировки газа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вильданов И. Р., Минникаева Г. Ф. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса. // Теория и практика современной науки. 11 (29), 2017. С. 241–245. URL: <https://readera.org/read/140270323> (дата обращения: 16.06.2022).
2. Очкасова И. В., Сидорова О. Н., Предупреждение коррупционных правонарушений в топливно-энергетическом комплексе. // Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. 2017. № 7 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 16.06.2022).
3. Гриняев С. Н., Правиков Д. И., Медведев Д. А. Актуальные вопросы формирования теории комплексной безопасности объектов топливно-энергетического комплекса // Название : сборник научных статей Научно-исследовательского Института проблем безопасности Содружества Независимых Государств. М.: ИПБ СНГ. 2020. С. 69–75.
4. Гуськова А. В., Салеева Ю. Е. Актуальные вопросы предупреждения и расследования преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса: Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 125–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23790460> (дата обращения: 22.10.2022).
5. Кручинин М. В., Потапова Н.Н., Долгачёва О.И. Некоторые вопросы выявления и раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса. // Вестник ВГАВТ, выпуск 44, 2015 г. С. 23–30.
6. Татаринов М. К., Волеводз А. Г. Преступления в сфере энергетики: сравнительно-правовой взгляд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35110571> (дата обращения: 23.10.2022).
7. Чернышев Д. Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, сопряженная с их повреждением – проблемы совокупного вменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань. 2019. № 2 (36). С. 234–238.

¹¹ Об утверждении Методики расчёта ущерба, причинённого в результате хищения, совершенного из газопровода» и другие нормативные правовые акты общего и специального характера : приказ Министерства энергетики России от 30.12.2020 № 1227 // Гарант: сайт URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400177642/?ysclid=la6hzcxyj7502264601> (дата обращения: 11.10.2022 г.).

REFERENCES

1. Vildanov I.R., Minnikayeva G.F. Operational-investigative support for the prevention and detection of crimes in the field of the fuel and energy complex. Theory and practice of modern science. 2017, no.11 (29), pp. 241-245.
2. Ochkasova I.V., Sidorova O.N., Prevention of corruption offenses in the fuel and energy complex. // Criminal law and criminology, penal law. 2017, no. 7 (40).
3. Grinyaev S.N., Pravikov D.I., Medvedev D.A. Topical issues of the formation of the theory of integrated security of fuel and energy facilities : Title: Collection of scientific articles of the Research Institute for Security Problems of the Commonwealth of Independent States. - M.: IPB CIS., 2020, pp. 69 - 75.
4. Guskova A.V., Saleeva Yu.E. Actual issues of prevention and investigation of crimes in the sphere of the fuel and energy complex: Economics and Law. 2015, vol. 25, no. 3, pp. 125-130.
5. Kruchinin M.V., Potapova N.N., Dolgacheva O.I. Some issues of identifying and solving crimes in the field of the fuel and energy complex.: Vestnik VGAVT, 2015, issue 44, pp. 23-30.
6. Tatarinov M. K., Volevodz A. G., Crimes in the energy sector: a comparative legal view [Electronic resource] - URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/4d7/27> (date of access: 23.10. 2022).
7. Chernyshev D.B. Theft from an oil pipeline, an oil product pipeline, a gas pipeline, coupled with their damage - problems of cumulative imputation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 2 (36), pp. 234-238.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивлиева Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра № 3. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 123995, г. Москва, Поварская ул., 25

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivlieva Natalya Vladimirovna, candidat of law, associate professor, colonel leading researcher, research center № 3. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. 123995, Moscow, Povarskaya st., 25.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 166–174.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 166–174.

Научная статья

УДК: 343.988

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.54.61.016

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ КРАЖ СКОТА В ПРИГРАНИЧНЫХ С МОНГОЛИЕЙ РАЙОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ивушкина Ольга Викторовна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
Grigorieva086@mail.ru; mailto:iafomina@mail.ru

Введение: статья посвящена рассмотрению общих вопросов причин краж скота и условий, способствующих их совершению в приграничных с Монголией районах Российской Федерации, на основе анализа судебной и правоприменительной практики, которая свидетельствует о распространенности данного вида преступлений, несмотря на предпринимаемые профилактические меры со стороны правоохранительных органов. Представляется, что установление отдельных элементов криминологической характеристики хищений домашних животных, в ряде случаев позволит своевременно предупредить их кражи; выявлять новые преступные деяния; повысить раскрываемость исследуемого вида преступлений; оказать соответствующие меры профилактического характера.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство Российской Федерации, Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Выводы и предложения основаны на анализе статистических данных и материалов следственной и судебной практики по делам о краже скота. В ходе исследования были использованы формально-юридический и сравнительно-правовые методы, а также методы дедукции, индукции, анализа, синтеза, междотраслевого исследования, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили обозначить основные детерминанты совершения краж скота, а также обозначить направления профилактической работы.

Выводы и заключения: автором установлена необходимость в усилении профилактических мер в исследуемом направлении. В заключении сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования института профилактики краж скота в приграничных с Монголией районах Российской Федерации как наиболее действенного и способного минимизировать совершение данных преступлений в будущем, в том числе и виктимологического характера.

Ключевые слова: кража, причины, условия, скотокрадство, профилактика, детерминанты, личность преступника.

Для цитирования: Ивушкина О.В. Причины и условия, способствующие совершению краж скота в приграничных районах Российской Федерации с Монголией // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 166–174.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.54.61.016

Original article

CAUSES AND CONDITIONS CONTRIBUTING TO LIVESTOCK THEFT IN
THE MONGOLIAN BORDER REGION AREAS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga V. Ivushkina

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, Grigorievao86@mail.ru; mailto:iafomina@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the consideration of general issues of the causes and conditions contributing to the commission of cattle thefts in the border areas of the Russian Federation with Mongolia, based on the analysis of judicial and law enforcement practice, which indicates the prevalence of this type of crime, despite the preventive measures taken by law enforcement agencies. It seems that the establishment of the causes and conditions conducive to the theft of animals, in some cases, will allow timely prevention of the theft of pets; identify new criminal acts; increase the detection of the type of crimes under investigation; provide appropriate preventive measures.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the criminal legislation of the Russian Federation, Federal Law No. 182-FZ of 23.06.2016 «On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation». Conclusions and suggestions are based on the analysis of statistical data and materials of investigative and judicial practice in the consideration of cattle thefts. In the course of the study, formal legal and comparative legal methods were used, as well as methods of deduction, induction, analysis, synthesis, intersectoral research, generalization and description.

The results of the study: allowed us to identify the main causes and conditions conducive to the commission of cattle thefts, as well as to identify areas of preventive work.

Findings and Conclusions: the author has identified the main causes and conditions that contribute to the commission of cattle thefts. The need to strengthen preventive measures in the direction under study has been established. In conclusion, conclusions are drawn about the need for further improvement of the institute for the prevention of cattle theft in the border areas of the Russian Federation with Mongolia as the most effective and capable of minimizing the commission of these crimes in the future, including victimological nature.

Keywords: theft, causes, conditions, rustling, prevention, determinants, identity of the criminal.

For citation: Ivushkina O.V. Prichiny i uslovija, sposobstvujushhie soversheniju krazh skota v prigranichnyh rajonah Rossijskoj Federacii s Mongoliej [Causes and conditions contributing to livestock theft in the Mongolian border region areas of the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 166–174 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.54.61.016

Скот относится к группе домашних животных, и основное отличие этой группы животных от других домашних – целевое предназначение. На протяжении длительного времени количество и разновидности животных, относящихся к домашнему скоту, менялись. Среди всего этого многообразия можно выделить наиболее стабильные виды, такие как корова, овца, коза, лошадь, свинья, которые в течение сотен лет относятся к предста-

вителям данного типа животных и разводятся повсеместно. Существование других видов обусловлено локализацией территории и традициями определённой национальности и народности, проживающими на конкретной территории.

Скот разводят для получения продуктов питания, жира, сырья, для выполнения транспортных и рабочих функций. Со времён, когда человечество научилось одомашнивать диких животных (например, предком домашних коров считается тур) и использовать продукты животноводства в личных целях, встал вопрос об определении их правового статуса и их охране, в том числе и уголовно-правовой. Так как отношение ко всем видам скота обусловлено природой его целевого предназначения, соответствующий подход, как к понятийному аппарату, так и к вопросам охраны вполне обоснован. Скот – это собственность (государственная или частная), и такой статус, наравне с другим имуществом, у которого есть владелец, предопределяет существующие в теории и законодательстве позиции относительно охранных норм, а также обуславливает практику реализации мер охраны.

Поголовье крупного и мелкого рогатого скота в Республике Тыва постоянно увеличивается, например, в 2020 году прирост составил 5% и 11% соответственно. Одновременно с этим растёт и криминальный интерес к ценному живому ресурсу.

Республика Тыва по югу и юго-востоку государственной границы граничит с Монголией на протяжении 1371,2 км. Шесть районов (кожуунов – местное название административных районов республики) республики Тыва располагаются вдоль границы с Монголией и имеют три действующих автомобильных пункта пропуска (Шара-Сур, Цаган-Толгой, Хандагайты (Боршо)). Все районы имеют горно-котловинный рельеф, тундровые плоскогорья с вечной мерзлотой, таежные массивы, соединяющиеся со степью и пустыней¹. Ведущая отрасль экономики республики – аграрно-промышленный комплекс. В сельском хозяйстве указанных районов развиты охота, мясное скотоводство, овцеводство, козоводство и коневодство.

Общая площадь приграничных территорий Республики Бурятия с Монголией составляет 66,4 тыс. кв. км, что составляет 19% общей площади республики. Пограничными муниципальными районами Республики Бурятия являются Кяхтинский, Джидинский, Окинский, Закаменский и Тункинский. Республика Бурятия имеет три наземных пункта пропуска с Монголией². Жители пограничных районов решают разного рода ситуации: тушение трансграничных пожаров; пресечение миграции диких и домашних животных с монгольской стороны, избежание переноса разного рода болезней – ящура, сибирской язвы, сапа и др.; скотокрадство. Общая площадь приграничных территорий Республики Бурятия с Монголией составляет 66,4 тыс. кв. км, что составляет 19% общей площади республики. Пограничными муниципальными районами Республики Бурятия являются Кяхтинский, Джидинский, Окинский, Закаменский и Тункинский. Республика Бурятия имеет три наземных пункта пропуска с Монголией³. Жители пограничных районов помогают в решении многих проблем: в тушении трансграничных пожаров; пресечении миграции диких и домашних животных с монгольской стороны, предотвращении скотокрадства и переноса животными разного рода болезней – ящура, сибирской язвы, сапа и др.

Как известно, разведение скота для жителей сельской местности является чуть ли не основным источником дохода [1, с.21]. Со снижением уровня жизни жителей

¹ Социально-экономические характеристики республики Тыва. // URL: https://knowledge.allbest.ru/geography/2c0a65625a3bd68a5d53b89521216d37_0.html (дата обращения 15 января 2022)

² Перечень пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации. // URL: <http://27.rosпотребнадзор.ru/tsoyuz/sanregion/propusk/> (дата обращения 15 января 2022)

³ Перечень пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации. // URL: <http://rospotrebнадзор.ru/tsoyuz/sanregion/propusk/> (дата обращения 15 января 2022)

сельской местности и увеличением числа безработных в последнее время, возрастает и уровень преступности, что приводит не только к снижению показателей экономики, но и сдерживает развитие скотоводства.

В вопросах борьбы с преступными посягательствами на собственность, безусловно, является предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с кражами скота, которые являются частым явлением среди хищений чужого имущества на приграничных с Монголией территориях.

Исследование показывает, что преступления рассматриваемого вида более чем в 70% раскрываются при помощи оперативно-разыскных мероприятий во взаимодействии сотрудников уголовного розыска и следственных подразделений [2, с.162].

Одним из направлений деятельности органов внутренних дел на приграничных территориях с Монголией является борьба со скотокрадством. Для данной местности, хищение скота является одним из специфических видов преступлений, ввиду того, что такой вид хозяйственной деятельности, как скотоводство – основная отрасль хозяйства Монголии, играющая наиважнейшую экономическую, трудовую и экспортную роль. Скот, являясь ведущей отраслью животноводства, и обладая высокой материальной стоимостью, является чуть ли не единственным и основным источником дохода.

Протяженность границ между Республикой Тыва и Монголией весьма значительная, имеет малозаселенные местности, и недостаточную охрану приграничных территорий. Особый вид преступников «кайгал» (скотокрад) представляет особую опасность для скотоводов сопредельных сторон.

До сих пор органы внутренних дел в исследуемом вопросе не предпринимают достаточно эффективных мер борьбы в вопросах скотокрадства. Здесь необходимо создание четкого системного подхода, основанного на взаимосвязи всех составляющих элементов, образующих преступное посягательство.

Отметим, что территории регионов Республики Алтай, Республики Тыва, Бурятии, Забайкальского края, граничащие с Монголией, традиционно занимаются скотоводством. Поэтому скотокрадство наносит колоссальный вред не только владельцам скота, но и обществу, и государству в целом. А в условиях кризисного состояния экономики государства в последние годы, снижения уровня жизни граждан, проживающих в сельской местности, скотокрадство получает все большую распространенность.

Таким образом, противодействие кражам скота, несмотря на усилия государственных органов, остается актуальной проблемой, оказывающей негативное влияние на экономическое и социальное положение общества.

Если обратить внимание на статистические данные, то на каждого выявленного преступника (скотокрада) в среднем приходится около трёх зарегистрированных преступлений и еще большее число незарегистрированных преступлений (так как рассматриваемые преступления относятся к латентным), общее количество которых варьируется от 10 до 50 %, при этом раскрываемость краж скота не превышает 20%. В соответствии со статистическими сведениями предметом преступного посягательства рассматриваемого вида преступлений являются такие животные, как лошади (как правило, кони), овцы, козы и крупный рогатый скот.

Постоянная динамика и совершенствование преступной деятельности по угону скота в приграничных с Монголией районах Российской Федерации требует использования новых форм и методов раскрытия, расследования, профилактики и предупреждения таких преступлений, а также выработки более совершенных путей при взаимодействии правоохранительных органов в данных направлениях. В тоже время, как представляется, решение вопроса снижения количества рассматриваемых пре-

ступлений и предупреждение их совершения должно основываться не только на изучении самой преступной деятельности как таковой, с целью выработки рекомендаций по борьбе с ней, но и на погружении в проблематику существования данных преступлений в целом, с изучением детерминантов их появления и роли потерпевшего.

Кражи скота, весьма специфический вид преступления с позиции раскрываемости, что обусловлено объективными и субъективными признаками, ввиду того, что после забоя животного практически отсутствует возможность доказать его принадлежность.

При совершении краж скота нередко используется автотранспорт, крупный же рогатый скот чаще всего крадется в ночное время с подворных территорий частных домов, с пастбищ и выгулов, так как в это время в большинстве случаев скот остается без присмотра и без привязи.

Заметим, что рассматриваемого вида преступления совершаются не только «случайными» преступниками, но и местными жителями, как правило, отрицательно характеризующимися, ведущими маргинальный образ жизни, злоупотребляющими спиртными напитками, нигде не работающими [3, с.48].

Тот факт, что кражи скота существуют достаточно продолжительный период времени, свидетельствует об имеющихся причинах существования исследуемого вида преступлений, несмотря на предпринимаемые попытки профилактических мероприятий органами внутренних дел.

В силу того, что все происходящие процессы и явления взаимосвязаны между собой, исследование вопросов причин и условий, способствующих кражам скота, предусматривает установление факторов, которые порождают данное деяние как следствие, и находятся с этим деянием в непосредственной корреляционной зависимости.

Представляется, что можно выделить две основные причины краж скота на приграничных территориях Монголии:

- общие (не связаны с вопросами приграничности с Монголией и характеризуют кражу скота в целом вне зависимости от других сопутствующих факторов);
- частные (их наличие обусловлено рядом факторов, характеризующих особенности видовой характеристики кражи скота – «приграничные с Монголией территории Российской Федерации»).

Такое разделение поможет выявить факторы, способствующие совершению краж скота с учетом индивидуальных признаков совершения данного вида преступления с целью разработки наиболее эффективных мер по их предупреждению и профилактике.

При изучении статистических данных, практики выявления, а также материалов проведения доследственных проверок в порядке ст.144 УПК РФ, самыми распространёнными причинами кражи скота являются:

- отсутствие надлежащего контроля (беспечность) собственников;
- неорганизованный прогон, выпас скота и его оставление в ночное время без присмотра на отведенной для выпаса скота территории;
- недобросовестное отношение владельцев к своему скоту, выразившееся в отсутствии прогона до отведенной для выпаса скота территории или выпас скота вне этой территории.

К условиям кражи скота целесообразно отнести:

- отказ от клеймения скота, что упрощает выбор конкретного скота как предмета преступного посягательства;
- отсутствие запирающих устройств в местах содержания скота;

- ненадлежащее укрепление кошар и загонов;
- наличие мест сбыта, готовность неопределенного круга лиц приобрести по низкой цене мясо заведомо похищенного скота.

Перечисленные причины и условия, хотя и относятся к разряду общих, являются непосредственными, влекущими совершение кражи скота. Наряду с ними, существуют причины общего характера, которые не имеют непосредственного отношения к возникновению возможности кражи скота, но при наличии и во взаимосвязи с непосредственными, обуславливают возможность её совершения.

Согласно статистическим данным, субъекты совершения кражи скота на приграничных с Монголией территориях можно условно подразделить на две группы: заезжие гастролеры (в том числе из числа жителей пограничных территорий соседнего государства) и местные жители (как правило, безработные, злоупотребляющие спиртными напитками и ведущие паразитический образ жизни). Всех их объединяет одно – корыстный умысел совершения данных деяний.

Многие угоняют скот с целью материального обогащения. Кражи продолжают-ся, поскольку есть возможность беспрепятственного сбыта нелегальной добычи (мясо и шкуры сдаются через посредников на местные рынки без какой-либо документации или непосредственно реализуются местным жителям, которых мало интересует законность его происхождения. Часть виновных оставляли скот себе и успевали его клеймить, выдавая в последующем за свой. В связи с этим представляется целесообразным привлечение экспертов-оценщиков с целью оценки стоимости украденного и перспектив дальнейшей реализации [4, с.48].

В этой связи изучение личности потерпевших в результате совершения краж личного имущества граждан, а также ситуаций, которые предшествовали или сопровождали момент совершения деяния, позволит разработать конкретные меры для предотвращения совершения преступлений и на уровне потерпевших [5, с. 115].

Так, многие, ввиду трудного материального положения (чтобы сэкономить и не платить за выпас скота), не отдают его в общее стадо, а привязывают свой скот (особенно если это одна или несколько голов, в основном, до 3-х) к дереву и оставляют так без должного присмотра.

Сами по себе низкий уровень жизни и трудное материальное положение не являются непосредственной причиной кражи скота, однако они порождают, с одной стороны, необходимость экономии средств потерпевшими, в виду их нехватки или отсутствия, а с другой стороны – преступное поведение лиц, виновных в краже скота.

Специфика краж скота с приграничных территорий Монголии позволяет сделать вывод о том, что поведение потерпевшего можно охарактеризовать такими негативными особенностями, как беспечность и создание условий, способствующих совершению исследуемого преступления.

Говоря о предупреждении преступлений, связанных с кражей скота, в первую очередь, подразделениям уголовного розыска целесообразно уделить внимание индивидуально-профилактической работе в отношении лиц, склонных к асоциальному образу жизни; ранее судимых за аналогичные преступления и проживающих в сельской местности; лиц, родом из Монголии, Средней Азии или цыган в местах их компактного проживания, к национальным традициям которых относится скотокрадство.

Образ жизни установленных лиц необходимо изучить и при наличии оснований поставить на профилактический учет, с проведением индивидуальной профилактической работы.

В связи с вышесказанным, стоит отметить, что необходимость изучения сведений об обстоятельствах сбыта похищенного остается весьма актуальной и до конца неизученной проблемой. Известно, что преступники предварительно согласовывают варианты сбыта похищенного. Сложности в установлении сбытчиков возникают и в тех случаях, когда похищенное мясо реализуется на пункты питания (рестораны, кафе и др.), где в очень короткие сроки осуществляется его переработка.

Ситуации, в которых совершаются кражи скота, могут быть различными. В большинстве случаев, как показало изучение следственной практики, такие преступления готовятся, а не являются результатом внезапно возникшего умысла.

Подводя итог, стоит отметить, что основной причиной, способствующей совершению исследуемого вида преступлений, является отсутствие контроля собственников над своим скотом. Выпуская питомцев на свободный выпас, их собственники каждый раз надеются, что они самостоятельно вернутся домой, и оставляют их без присмотра.

Проанализировав совершенные кражи скота, можно сделать вывод, что преступления стали возможными по нескольким причинам – свободный выгул скота на приграничных территориях, при этом отсутствует контроль собственников над их местонахождением. Самыми пиковыми моментами для животноводов в плане краж является время межсезонья, когда скот выгоняют на пастбища, и перед заходом его в стойло на зиму, кроме того, отдельные руководители хозяйств не заинтересованы в сохранности поголовья и технической укреплённости объектов. Скот содержится очень часто в открытых помещениях. Сторожевая охрана сводится к наличию места ночлега сторожа. В большинстве случаев сторож – это пожилой человек, не способный к быстрому реагированию в сложной ситуации.

Несмотря на предпринимаемые меры по борьбе со скотокрадством, оно процветает. Между тем борьба с ним – забота не только сотрудников правоохранительных органов. Кражи продолжаются, поскольку есть возможность беспрепятственно сбывать добычу, как указывалось ранее. Нажива сдается на мясо и шкуры. Сделать это несложно. На любом крупном рынке посредники без всяких документов купят у сбытчика краденого мяса.

Действенное предупредительно-профилактическое значение имеет систематическая проверка мест возможного сбыта похищенного, поскольку кражи большого количества животных совершаются при наличии гарантированного сбыта или на «заказ». Данные проверки должны носить целевой, комплексный характер и проводиться во взаимодействии с другими службами и соседними органами внутренних дел [6, с.123].

Немаловажным моментом в вопросах предупреждения этого вида преступлений является использование средств массовой информации (в первую очередь, местных), с помощью которых можно освещать проблемы сохранности поголовья, в определенной мере обеспечивая правовое просвещение граждан. Убедительное и наглядное профилактическое воздействие на граждан (особенно в сельской местности) оказывают выездные заседания суда по рассмотрению уголовных дел. Такие мероприятия целесообразно проводить по рекомендации аппаратов уголовного розыска в населенных пунктах со сложной оперативной обстановкой.

В заключение хотелось бы отметить некоторые рекомендации по минимизации краж скота. Для минимизации краж скота необходимо:

1. Обязательно регистрировать скот, ставить клеймо, тавро или наносить метку, получать паспорта.

2. Оснащать пастухов (чабанов) средствами связи для оперативного уведомления. Нельзя оставлять скот на выпасах без присмотра или на попечение несовершеннолетних.

3. Возводить более прочные и надежных ограждений по периметру земельного участка, на котором содержится скот, строить надежные помещения для содержания животных, а также использовать сторожевых собак или сигнализацию.

4. После обнаружения пропажи скота владельцам скота незамедлительно обращаться в правоохранительные органы, так как преступления, связанные с кражами скота легче раскрыть по горячим следам.

5. Формировать специализированные конные отряды и дружин самоохраны мест выпаса скота.

6. Обращаться к населению с разъяснением о необходимости усиления охраны скотопоголовья и борьбы со скотокрадством.

7. Заключать договоры с вневедомственной охраной на установку.

Ввиду того, что в подавляющем большинстве случаев причины и условия совершения краж скота свидетельствует о виктимном поведении потерпевших, основным направлением противодействия должны стать меры профилактического воздействия на потенциальных жертв рассматриваемых преступлений.

Таким образом, необходимо отметить, что кража скота на территориях Российской Федерации, граничащих с Монголией, отрицательно влияет не только на обеспечение жизнедеятельности населения, так как скотоводство в сельских местностях зачастую является единственным источником пропитания и существования, но и приводит к подрыву двухсторонних отношений между двумя дружественными государствами. В этой связи совершенствование организации доследственной проверки и расследование уголовных дел данной категории, взаимодействие в целях профилактики краж скота является немаловажным условием для эффективной работы по противодействию преступлений рассматриваемой категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Ханов Т.А., Биржанов К.К. Особенности хищений скота, совершаемые путем кражи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №6-2. С.161–165.
2. Бабурин В.В., Шаменов М.Д. Предупреждение скотокрадства в Кыргызской республике // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. - №2.49. С.20–24.
3. Гаджиев Вугар Эдвар-Оглы. Правовое просвещение и оперативно-разыскное обеспечение расследования краж скота // Глаголь правосудия. 2018. №3 (17). С.47–49.
4. Антонов В.А., Агафонов А.С., Агафонов М.П. К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании краж скота в сельской местности (на примере республики Бурятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. №4(8). С.17–24.
5. Камалова А.К. Виктимологические аспекты механизма преступного поведения при совершении кражи // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. с.114–117.
6. Ондар А.Х.Э. Взаимодействие органов внутренних дел с компетентными органами приграничных государств при раскрытии краж сельскохозяйственных животных (по материалам МВД по Республике Тыва) // Труды Академии управления МВД России. 2016. №2 (38). с. 120–123.

REFERENCES:

1. Khanov T.A., Birzhanov K.K. Features of cattle theft committed by theft. Actual problems of humanities and natural sciences. 2016, no.6-2, pp.161-165.
2. Baburin V.V., Shamenov M.D. Prevention of cattle theft in the Kyrgyz Republic. Scientific Vestnik of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013, no.2.49, pp. 20-24.
3. Hajiyeve Vugar Edvar-Ogly. Legal education and operative-investigative support for the investigation of cattle thefts. Verb of Justice. 2018, no.3 (17), pp.47-49.

4. Antonov V.A., Agafonov A.S., Agafonov M.P. On the use of special knowledge in the investigation of cattle thefts in rural areas (on the example of the Republic of Buryatia). Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2018, no.4(8), pp.17-24.

5. Kamalova A.K. Victimological aspects of the mechanism of criminal behavior in the commission of theft. Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016, no. 3, pp.114-117.

6. Ondar A.H.E. Interaction of internal affairs bodies with competent authorities of border states in the detection of thefts farm animals (based on the materials of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tyva). Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016, no.2 (38), pp. 120-123.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивушкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivushkina Olga Viktorovna, Candidate of Law, deputy head of the department of the Department of criminal law and criminology East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, Lermontova st., 110

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 05.012.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 175–188.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 175–188.

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.98.28.017

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Кувалдина Юлия Владимировна¹, Марьина Евгения Владимировна²

^{1,2}Самарский национальный исследовательский университет им. академика
С. П. Королева, Самара, Российская Федерация

¹iylia79@mail.ru

²urclin@yandex.ru

Введение: в судебной практике нет единого подхода к условиям прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. В этой связи учеными предлагается этот институт совершенствовать, в том числе путем заключения примирительных договоров, введения фигуры судебного примирителя. Так, в научном сообществе широко обсуждается законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим»¹, предложенный Советом по правам человека при Президенте Российской Федерации. Вместе с тем данные предложения нуждаются в детальной проработке.

Материалы и методы: правовую основу исследования образует уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и решения Конституционного Суда Российской Федерации. Были изучены труды российских ученых по вопросу прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

В процессе работы над статьей авторами была изучена следственная практика УМВД России по Самарской области и Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области, а также опубликованная судебная практика по Самарской области.

Методологическая основа исследования включила в себя применение универсального диалектического метода познания объективной действительности, а также общенаучных и специальных методов: анализа и синтеза, исторического, конкретно-социологического, статистического анализа и формально-юридического метода.

© Кувалдина Ю. В., Марьина Е. В., 2022

¹ URL: http://www.president-sovet.ru/docs/Project_FZ_16.04.2021.doc (дата обращения 21.01.2022).

Результаты исследования: проведенное исследование показало, что в судебной практике сложилось два подхода относительно соотношения публичного и частного в институте прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Одни судьи считают примирение достаточным для прекращения уголовного дела. Другие – для принятия такого решения устанавливают не только предусмотренные законом условия, но и дополнительные, не указанные в нем обстоятельства. Предложение о возможности отказа в возбуждении уголовного дела в связи с примирением вызывает сомнения в силу того, что статус участников урегулирован неудовлетворительно, возможны неточности и ошибки в квалификации. Трудно согласиться и с идеей о возможности замены лицу неотбытой части наказания более мягким или его условно-досрочного освобождения в связи с примирением осужденного и потерпевшего, поскольку примирение является одним из многих обстоятельств, учитываемых судом при применении поощрительных институтов. Приостановление уголовного дела для проведения примирительной процедуры может привести к нарушению принципов уголовного процесса.

Выводы и заключения: авторы пришли к выводу, что институт примирения нуждается в разумном реформировании. Следует изменить подход к решению вопроса – по уголовным делам о каких преступлениях примирение может являться основанием их прекращения, а также закрепить в законе императивное требование прекращать уголовные дела, если установлены все предусмотренные законом условия для этого, а также признание обвиняемым своей вины в совершении преступления как обязательное условие для прекращения дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прекращение уголовного дела, не реабилитирующие основания, примирение сторон, судебный примиритель, медиатор.

Для цитирования: Кувалдина Ю.В., Марьина Е.В. Проблемы института примирения в уголовном судопроизводстве и перспективы его развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 175–188.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.98.28.017

Original article

PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF RECONCILIATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT

Julia V. Kuvaldina¹, Evgeniya V. Marina²

¹⁻²Samara national research university, , Samara, Russian Federation

¹iyliia79@mail.ru

²urclin@yandex.ru

Introduction: in judicial practice there is no single approach to the conditions for the termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties. In this regard, scientists propose to improve this institution by concluding conciliation agreements and introducing the figure of a judicial conciliator. Thus, the scientific community is widely discussing the bill “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Improve the Procedure for Release from Criminal Liability of Juvenile Suspects and Ac-

cused Who Reconciled with the Victim”, proposed by the Human Rights Council under the President of the Russian Federation. However, these proposals require detailed study.

Materials and methods: the legal basis of the study is formed by the criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The works of Russian scientists on the issue of termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties were studied.

In the process of working on the article, the authors studied the investigative practice of the Russian Ministry of Internal Affairs for the Samara Region and the Investigative Committee of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Samara Region, as well as the published judicial practice for the Samara Region.

The methodological basis of the study included the use of the universal dialectical method of cognition of objective reality, as well as general scientific and special methods: analysis and synthesis, historical, concrete sociological, statistical analysis and the formal legal method.

The Results of the study: the study showed that in judicial practice there are two approaches regarding the ratio of public and private in the institute of termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties. Some judges consider reconciliation sufficient to terminate the criminal case. Others - for making such a decision, they establish not only the conditions provided for by law, but also additional circumstances not specified in it. The proposal on the possibility of refusing to initiate a criminal case in connection with reconciliation raises doubts due to the fact that the status of its participants is regulated unsatisfactorily, inaccuracies and errors in qualification are possible. It is also difficult to agree with the idea of the possibility of replacing the unserved part of the sentence with a milder one or his parole in connection with the reconciliation of the convicted person and the victim, since reconciliation is one of the many circumstances taken into account by the court when applying incentive institutions. Suspension of a criminal case for a conciliation procedure may lead to a violation of the principles of the criminal process.

Findings and Conclusions: the authors concluded that the institution of reconciliation needs a reasonable reform. It is necessary to change the approach to resolving the issue of which criminal cases for which crimes reconciliation can be the basis for their termination, as well as to enshrine in the law an imperative requirement to terminate criminal cases if all the conditions for this are established by law, as well as recognition by the accused of his guilt in committing crime as a prerequisite for dismissal.

Keywords: criminal proceedings, termination of a criminal case, non-rehabilitating grounds, reconciliation of the parties, judicial conciliator, mediator

For citation: Kuvaldina J. V., Marina E. V. Problemy instituta primirenija v ugovonom sudoproizvodstve i perspektivy ego razvitija [Problems of the institution of reconciliation in criminal proceedings and prospects for its development]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 175–188 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.98.28.017

В теории уголовно-процессуальные формы дифференцируют по разным критериям [1, с. 267]. Одним из таких критериев является соотношение публичного и частного интересов. К институтам, в которых соседствуют оба этих интереса, можно отнести прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. При этом УПК РФ предусматривает два института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон – по делам частного обвинения и по делам частно-публичного и публич-

ного обвинения. Последствия примирения в этих институтах различны. В первом случае примирение обязывает мирового судью прекратить уголовное дело. И никакие обстоятельства, характеризующие личность, смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, факт заглаживания вреда, виновность лица в совершении преступления не устанавливаются и не влияют на решение об окончании производства по делу. Прекращение же уголовного дела по ст. 25 УПК РФ является правом суда, следователя и дознавателя, которое они реализуют в зависимости от оценки перечисленных обстоятельств. Возникает вопрос, почему в первом случае прекращение уголовного дела – это императивное требование, а во втором – дискреционное полномочие правоприменителя?

В соответствии со ст. 6 УПК РФ публичный интерес защищается посредством защиты личных интересов. При этом государство, обладая монопольным правом на привлечение к уголовной ответственности и освобождение от нее, определяет сферы, в которых публичный интерес отступает в пользу личных интересов, но не исчезает. Это, прежде всего, дела, по которым государство допускает примирение сторон.

В теории примирение понимается по-разному. Мы видим примирение как взаимное осознанное добровольное волеизъявление сторон по поводу устранения уголовно-правового конфликта, возникшего в результате совершения преступления. Такое примирение по делам частного обвинения оценивается государством как достаточное для того, чтобы считать, что степень общественной опасности преступления и лица его совершившего, снизились, что и дает основание мировому судье прекратить уголовное дело.

Это обусловлено особенностями объекта преступлений частного обвинения, который лежит преимущественно в личной сфере, а также тем, что квалификация деяния как преступления зависит от того, воспринимает ли потерпевший совершенное в отношении него деяние именно как общественно опасное.

По делам публичного обвинения степень общественной опасности преступления определяется правоприменителем. При этом с учетом конкретных обстоятельств (объекты преступного посягательства и их количество, характер и размер наступивших последствий, способ совершения преступления, обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, смягчающие или отягчающие наказание)¹ государство делает вывод, что преступление настолько общественно опасно, что страдает публичный интерес. В таком случае примирения для прекращения уголовного дела недостаточно, необходимы дополнительные условия, связанные с совершением подозреваемым (обвиняемым) положительных посткриминальных действий.

Вмеепрос, когда приоритет приобретает личный, а когда публичный интерес, при принятии решения в порядке ст. 25 УПК РФ, решается на практике неоднозначно.

Так, анонимный опрос судей и их постановлений показал, что относительно соотношения публичного и частного в институте прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ существует два основных подхода.

Первый подход основан на приоритете частного интереса над публичным. Судьи – сторонники этого подхода, принимая решение в порядке ст. 25 УПК РФ, исходят из наличия «согласованного волеизъявления потерпевшего и подсудимого на

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Консультант-Плюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 15.01.2022 г.)

примирение, как необходимого и достаточного условия прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон»².

Эта же категория судей в ходе опроса указала, что при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением они проверяют наличие заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела, согласие подсудимого на прекращение дела по нереабилитирующему основанию и заглаживание потерпевшему вреда, причиненного преступлением, в полном объеме К вопросу о заглаживании вреда в большинстве случаев судьи подходят формально, ограничиваясь лишь постановкой перед потерпевшим двух вопросов: есть ли материальные претензии к подсудимому и заглажен ли вред в полном объеме. При положительном ответе на эти вопросы судьи не выясняют, в какой форме и каким способом заглажен вред, в каком размере возмещен ущерб.

Признание вины сторонники данного подхода также не считают необходимым условием для прекращения дела по ст. 25 УПК РФ, так же как не считают, что для прекращения уголовного дела необходимо устанавливать виновность лица в совершении преступления. При этом одни из них прекращают уголовные дела по ст. 25 УПК РФ уже в подготовительной части судебного заседания, другие – проводят судебное следствие формально и исследуют только наличие условий для прекращения уголовного дела.

Вывод по этому подходу можно сделать следующий. Примирение по делам публичного обвинения судьи считают императивом, при наличии которого они обязаны прекратить уголовное дело, также как это происходит по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). При этом постановление судьи о прекращении уголовного дела в связи с примирением лишь процессуально оформляет то фактическое решение о примирении по делу, к которому пришли потерпевший и подсудимый.

При втором подходе свое решение о прекращении уголовного дела по ст. 25 УПК РФ судьи обосновывают не примирением сторон, а тем, что с учетом всей совокупности обстоятельств дела его прекращение соответствует «целям и задачам защиты, прав и законных интересов личности, общества и государства, требованиям справедливости, целям правосудия»³. Примечательно, что аналогично судьи обосновывают свои постановления об отказе в прекращении уголовного в связи с примирением сторон.

Постановления судов можно условно разделить на две группы – те, в которых вывод о прекращении или об отказе в прекращении уголовного дела не подкрепляется анализом совокупности обстоятельств дела, повлиявших на принятое решение, и те, в которых такой анализ присутствует. В первом случае судьи ограничиваются лишь перечислением тех обстоятельств, которые рекомендуют учитывать Пленум Верховного Суда Российской Федерации и Конституционный Суд Российской Федерации⁴. Во втором случае судьи раскрывают эти обстоятельства, но в самом общем виде. Так,

² Постановление Ленинского районного суда г. Самары от 16 января 2020 г. № 1-22/2020 1-265/2019 по делу № 1-22/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт): офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7pNsSaNHqbR/> (дата обращения: 15.01.2022 г.)

³ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 15.01.2022 г.)

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. № 860-ОО «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 УК РФ» // Законы, Кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : офиц. Сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21062011-n-860-o-o-ob/> (дата обращения: 15.01.2022 г.)

степень общественной опасности преступления судьи определяют, исходя из его категории, а степень общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, – исходя из отсутствия судимости и характеристик лица по месту жительства и работы. В качестве смягчающих ответственность обстоятельств судьи чаще всего называют признание вины и раскаяние в содеянном. Особенности и количество объектов преступного посягательства, вид уголовного преследования вообще никогда не раскрываются⁵.

В этом смысле интересна практика прекращения уголовных дел, возбужденных по ст. 319 УК РФ. Мы уже привыкли к тому, что поскольку деяние, предусмотренное ст. 319 УК РФ, посягает на два объекта, уголовные дела об этом преступлении не прекращают, мотивируя это тем, что здесь основным объектом, которому причиняется существенный вред, являются интересы государства. Не так давно практика начала меняться. И сейчас такие дела прекращают по ст. 25 УПК РФ. В постановлениях судов вообще не упоминается о том, что это деяние посягает на два объекта, а указывается лишь, что закон не запрещает прекращать дела о преступлении, предусмотренном ст. 319 УК РФ, за примирением сторон.

Однако в некоторых постановлениях судьи, наоборот, как будто ищут какие-то дополнительные обстоятельства, которые позволят им не прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон. Среди них судьи чаще всего называют прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в прошлом, а также вывод о том, что вред потерпевшему полностью не заглажен, который судьи делают вопреки мнению потерпевшего, считающему, что ущерб ему возмещен полностью. Здесь следует отметить, что сами судьи в ходе опроса указали, что таких случаев мало. И не потому, что они считают, что подобные обстоятельства не должны влиять на решение судьи о прекращении уголовного дела, а потому что, если при наличии указанных обстоятельств судьи откажут в прекращении дела, вышестоящая судебная инстанция все равно отменит это постановление и дело прекратит в связи с примирением сторон.

Иногда судьи в обоснование отказа прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон ссылаются на совсем уж странные обстоятельства, – отсутствие у подсудимого работы, непроживание по месту регистрации, неучастие в воспитании и содержании детей, сожительство и прочее⁶. Неясны и критерии, которыми руководствуются судьи при оценке тех или иных обстоятельств дела. Так, анализ практики показывает, что в одних случаях положительные характеристики не дают судам основание прекратить дело, в других – отрицательная характеристика не препятствует его прекращению, что при наличии всех условий по преступлениям небольшой тяжести и с менее тяжкими последствиями в прекращении дела отказывают, а по преступлениям средней тяжести с более тяжкими последствиями – прекращают, что указанные в законе условия рассматривают лишь как смягчающие ответственность обстоятельства.

Второй подход, который основан на приоритете публичного интереса, сводится к тому, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является не субъективным правом сторон и не должно применяться автоматически. Позиция судей, придерживающихся этого подхода, красноречиво проявляется в следующей ци-

⁵ Постановление Кинельского районного суда Самарской области № 1-160/2018 от 18 сентября 2018 г. по делу № 1-160/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт) [Офиц. сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ndEKQph91QdK/> (дата обращения: 15.01.2022 г.)

⁶ Приговор Красноярского районного суда Самарской области № 1-149/2017 от 9 октября 2017 г. по делу № 1-149/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт) : офиц. Сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A6REednCHIgW/> (дата обращения: 15.01.2022 г.)

тате, взятой из приговора: «полномочие суда отказать в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, несмотря на наличие к тому заявления потерпевшего и предусмотренных ст. 76 УК РФ оснований, не противоречит закону, поскольку направлено на достижение целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и тем самым, защиты личности, общества и государства от преступных посягательств»⁷.

Таким образом, неоднородная практика применения ст. 25 УПК РФ свидетельствует о несовершенстве института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Многие учёные направлением реформирования этого института видят внедрение в практику мирового соглашения. Интерес в этом смысле представляет разработанный Советом при Президенте РФ по правам человека законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим»⁸.

Хотелось бы указать на положительные стороны этого законопроекта. Примирительная процедура, о которой идет речь в законопроекте в большей степени соответствует идее развития поощрительных институтов в праве и процессе. Примирительные процедуры в духе восстановительного правосудия рассчитаны не только на возмещение ущерба, причиненного преступлением, они ориентированы на истинное раскаяние обвиняемого и подлинное прощение его потерпевшим. Под истинным раскаянием следует понимать активные действия обвиняемого, которые включают в себя как дачу показаний о своей преступной деятельности, так и заглаживание вреда, что свидетельствует о снижении степени общественной опасности лица, совершившего преступление. Такое понимание примирения в представлении авторов законопроекта дает возможность не связывать его лишь с прекращением уголовного дела.

Примирение может иметь значение при рассмотрении дела о преступлениях любой категории: по делам небольшой и средней тяжести – как основание для освобождения от уголовной ответственности; по делам любых категорий – как смягчающее ответственность обстоятельство и как обстоятельство, учитываемое судом при рассмотрении вопроса о досрочном снятии судимости, а также при назначении наказания условно. С учетом сказанного предоставление права участникам процесса примириться по делам любой категории расширяет границы применения института в уголовном судопроизводстве, а потому может быть оценено положительно.

Примирение, основанное на восстановительных технологиях, особенно актуально по делам несовершеннолетних [2, с. 38]. Для несовершеннолетних, впервые совершивших преступление, необходимо предусмотреть адекватный способ реагирования на совершенное преступление, исключающий применения мер уголовного наказания, а также не допустить повторного совершения преступления и исключить контакт с криминальной средой в местах лишения свободы. Таким образом, примирительные процедуры нацелены на то, чтобы исключить негативное воздействие уго-

⁷ Приговор Красноярского районного суда Самарской области № 1-149/2017 от 9 октября 2017 г. по делу № 1-149/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт) : офиц. Сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A6REednCHlgW/> (дата обращения: 15.01.2022 г.)

⁸ Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: офиц. сайт. URL: http://www.president-совет.ru/members/blogs/post/o_rabote_nad_proektom_federalnogo_zakona_o_vnesenii_izmeneniy_v_otdelnye_zakonodatelnye_akt_rossiys (дата обращения: 04.01.2022 г.)

ловного преследования и наказания на несовершеннолетнего обвиняемого, и обеспечить короткие сроки для восстановления прав потерпевшего.

Авторы законопроекта предлагают отказывать в возбуждении уголовного дела о преступлениях небольшой и средней тяжести в случае выполнения обязательств, взятых по примирительному договору. Отношение к подобным предложениям в науке неоднозначно.

Так, Л. В. Головкин предлагает предусмотреть в ст. 76 УК РФ возможность отказа в возбуждении уголовного дела в связи с примирением между пострадавшим и лицом, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении [3, с. 83]. Автор исходит из того, что альтернативные меры разрешения уголовно-правовых конфликтов наиболее эффективны на ранних этапах движения дела.

Другие ученые полагают, что институт, предусмотренный ст. 25 УПК РФ, может быть применен только после возбуждения уголовного дела, однако допускают возможность прекращения уголовного дела в отношении подозреваемого [4, с. 135]. В силу того, что примирение является нереабилитирующим основанием, прекращение уголовного дела возможно, как минимум после того, когда правоприменитель убедится в обоснованности подозрения, т. е. установит и проверит данные, явившиеся основанием для задержания, избрания меры пресечения, возбуждения уголовного дела, уведомления о подозрении.

Третьи указывают, что примирение возможно только при наличии достаточных доказательств, позволяющих предъявить лицу обвинение в совершении преступления [5, с. 208]. По мнению этих авторов только в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого решается вопрос о квалификации преступления, которая позволяет определить, что оно относится к категории небольшой или средней тяжести.

Четвертые полагают, что прекращение уголовного дела возможно только в стадии судебного разбирательства [6, с. 9], т. е. после того, как у судьи сформируется внутреннее убеждение о доказанности предъявленного лицу обвинения.

Идея ученых о примирении как основании отказа в возбуждении уголовного дела еще не достаточно разработана и обоснована. Можно высказать аргументы, позволяющие как ее поддерживать, так и критиковать. В частности отказ в возбуждении уголовного дела можно было бы допустить о преступлениях, посягающих на личные неимущественные и имущественные права частных лиц, которые могут быть восстановлены путем заглаживания вреда. Здесь необходимо учитывать такой критерий, как категория преступления: преступления, посягающие на личные неимущественные права, могут быть только небольшой и средней тяжести, а преступления, нарушающие имущественные права, – любой категории, например, кража в особо крупном размере.

По таким делам существующие способы доследственной проверки, в том числе назначение экспертизы и получение заключения эксперта в разумные сроки, обеспечат возможность правильной квалификации содеянного в стадии возбуждения уголовного дела.

С другой стороны, отказ в возбуждении уголовного дела в связи с примирением настораживает тем, что в этой стадии нет традиционных участников процесса, объем процессуальных прав лиц, участвующих при проверке сообщения о преступлении, весьма узкий. Неизбежно возникнет вопрос о порядке и основаниях обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с примирением, например, в случае изменения категории преступления (когда лицу фактически был причинен тяжкий, а не средний тяжести вред здоровью).

Авторы законопроекта вносят предложение о примирении осужденного и потерпевшего на стадии исполнения приговора (ч. 5 ст. 28² УПК РФ). При этом примирение они рассматривают как обстоятельство, которое учитывается администрацией исправительного учреждения при подготовке материалов для внесения представлений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, а также как обстоятельство, учитываемое при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

В науке высказываются разные точки зрения о том, какие юридические последствия может иметь примирение, достигнутое на стадии исполнения приговора. Так, некоторые авторы рассматривают примирение, как обстоятельство, учитываемое при замене наказания более мягким видом [7, с. 43–46]. А часть авторов рассматривают раскаяние и возмещение ущерба, которые являются элементами примирения, основанием для освобождения лица от дальнейшего отбывания наказания [8, с. 106].

По нашему мнению, примирение на стадии исполнения приговора не исключается, однако применение поощрительных норм, предусмотренных ст.ст. 79 и 80 УК РФ не может зависеть от воли осужденного и потерпевшего, оно зависит от правоприменителя. Последний принимает решение с учетом снижения общественной опасности осужденного, которая определяется исходя из многих обстоятельств, в первую очередь заглаживание вреда, причиненного преступлением. Законодатель предлагает учитывать при применении указанных поощрительных норм отношение осужденного к совершенному деянию, примирение с потерпевшим является проявлением такого отношения, поэтому примирение не требует отдельного закрепления в законе в качестве обстоятельства, учитываемого при условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. На стадии исполнения приговора нередко примирение осужденного с потерпевшим может явиться вовсе не следствием раскаяния, а способом улучшения своего положения – как можно скорее выйти из исправительного учреждения, либо добиться смягчения наказания.

Авторы законопроекта предлагают предоставлять встречи осужденному с потерпевшим в местах лишения свободы и при участии примирителя. Инициатором примирения должен быть осужденный, поэтому странным звучит предложение о том, что на примирительные встречи потерпевший должен ездить к осужденному в места лишения свободы. В этой связи устранение психологических последствий уголовно-правового конфликта, на наш взгляд, должно происходить не на стадии исполнения приговора, а уже после отбывания наказания, с участием уголовно-исполнительных инспекций, а в идеале служб пробации. В стадии же исполнения приговора, в соответствии с ч. 2¹ ст. 399 УПК РФ в судебном заседании можно было бы выяснять позицию потерпевшего (извинился ли осужденный, возместил ли вред, есть ли материальные претензии у потерпевшего).

Авторам законопроекта следовало бы уточнить, будет ли примирения достаточно, чтобы лицо условно-досрочно освободить или заменить неотбытую часть наказания более мягким видом наказания. Очевидно, что принимая подобное решение, суд ориентируется не на мнение потерпевшего, а на тот ущерб, который подлежит возмещению по приговору суда и еще на целый ряд обстоятельств, перечисленных в уголовном законе. Продолжая нашу мысль, высказанную относительно примирения в стадии возбуждения уголовного дела, полагаем, что в стадии исполнения приговора, во-первых, примирение не обязывает суд поощрить осужденного и, во-вторых, примирение и заглаживание вреда будут иметь значение только по определенным, точно отобранному составом преступлений.

Авторы законопроекта предлагают сохранить действующую редакцию ст. 25 УПК РФ. Возникает вопрос, как это предложение согласуется с предложением о дополнении

ст. 20 УПК РФ частью 3¹, в соответствии с которым правоприменитель обязан прекращать уголовные дела частного-публичного обвинения в отношении несовершеннолетних, примерившихся с потерпевшим. Во-первых, маловероятно, что субъектом большинства преступлений частного-публичного обвинения небольшой и средней тяжести, указанных в ст. 20 УПК РФ, будет несовершеннолетний. Во-вторых, не логично, что по делам о преступлениях публичного обвинения небольшой и средней тяжести правоприменитель лишь вправе их прекратить в отношении несовершеннолетнего.

На наш взгляд, следует превратить право следователя, дознавателя, суда прекращать уголовные дела по ст. 25 УПК РФ при соблюдении всех установленных в законе условий в их обязанность. Это позволит придать единообразие практике применения института примирения, а также исключит произвольное принятие правоприменителем решений о прекращении или отказе в прекращении уголовного дела.

Разработчики законопроекта предлагают закрепить в уголовно-процессуальном законе статус нового участника – судебного примирителя. Поскольку деятельность судебного примирителя носит непроцессуальный характер, закреплять в уголовно-процессуальном законе его права и обязанности в примирительной процедуре, равно как и сам порядок примирения нецелесообразно. Кроме того, авторы законопроекта не объясняют, почему участника примирительной процедуры называют судебный примиритель, а не медиатор. Либо они отождествляют этих субъектов, либо судебный примиритель имеет определенные преимущества перед медиатором. Однако представление о том, в чем состоят эти преимущества из законопроекта получить невозможно, поскольку его авторы ничего не говорят ни о специальности, ни о возрасте, ни о стаже работы, ни о критериях их отбора. Поэтому сегодня представление о судебном примирителе можно получить только обратившись к цивилистическим наукам, а также к законодательству, которому известны примирительные процедуры не только с участием медиатора, но и судебного примирителя.

Сегодня в российских цивилистических процессах примирение осуществляется не только медиатором, но и судебным примирителем. Примирение с участием последнего в большей степени носит юридическую направленность, это связано с тем, что судебный примиритель – это судья в отставке, и его прошлая профессиональная деятельность неизбежно будет оказывать влияние на примирительную процедуру, придавая ей более формальный характер. Судебный примиритель имеет права, сходные с процессуальными правами участников процесса (например, ознакомление с материалами дела с согласия суда), а также обязанности правоприменителя (разъяснять законодательство и практику его применения, разъяснять особенности и последствия исполнения результатов примирения, а также правовые последствия завершения судебного примирения, в случае не достижения результатов примирения). В определении судьи о проведении примирительной процедуры может быть указан перечень вопросов, для урегулирования которых может быть использовано судебное примирение, также иные указания для обеспечения проведения надлежащего примирения. Структура судебного примирения во многом аналогична структуре судебного разбирательства, а полномочия судебного примирителя при окончании примирительной процедуры – полномочиям судьи. Так, судебный примиритель может прекратить примирительную процедуру в связи с нецелесообразностью примирения⁹.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения: 04.02.2022 г.)

В отличие от судебного примирителя медиатор для урегулирования конфликта между сторонами использует психологические приемы и знания. Данная точка разделяется большинством цивилистов, которые видят основное отличие медиатора от судебного примирителя в том, что первый является «специалистом в области психологии, конфликтологии, экономики, социологии – каких угодно областях, но только не юриспруденции» [9, С. 62-65]. Кроме того, эта позиция подтверждается соответствующими положениями Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», ГПК РФ и АПК РФ, из которых можно сделать вывод, что основной задачей медиатора является создание психологически комфортных условий для примирения сторон. Нормы гражданского законодательства отдают предпочтение медиаторам не юристам и запрещают им юридическую помощь сторонам и вносить предложения об урегулировании спора. К тому же изучение зарубежного опыта показывает, что в примирительных процедурах, основанных на восстановительных технологиях, чаще участвует именно медиатор. Идея медиатора-психолога в большей степени соответствует духу восстановительного правосудия, важным компонентом которого является разрешение юридического конфликта психологическим путем. Если развивать идею авторов законопроекта и допустить введение фигуры судебного примирителя, то он уж точно не должен быть субъектом уголовного процесса и юристом.

В законопроекте остался не разрешенным один из самых острых вопросов, а именно о том, требуется ли в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям устанавливать правоприменителю виновность лица, а также является ли признание вины обязательным условием для прекращения уголовного дела по таким основаниям. В законопроекте говорится лишь о том, что заключение примирительного договора и согласие на возмещение ущерба не свидетельствуют о признании вины и не являются доказательствами виновности.

Если исходить из предусмотренных российским действующим законодательством дифференцированных уголовно-процессуальных форм, возникает представление о существовании двух способов установления виновности:

1. Собственно признание вины обвиняемым, когда он самостоятельно распоряжается правом признавать себя виновным. И в этом случае правоприменитель освобождается от доказывания его вины.

2. Основанный на установлении виновности правоприменителем. Причем не только в случае, когда лицо вину не признает, но и в обратной ситуации. Что мы видим, на практике? Виновность в случае примирения сторон не устанавливается. Из постановлений судов видно, что судьи не анализируют в них доказательства причастности лица к совершению преступления. Мы нашли только одно решение, в котором суд проанализировал доказательства, подтверждающие вину лица в совершении преступления, при этом подсудимый вину не признавал¹⁰. В большинстве же постановлений доказательства, подтверждающие обоснованность обвинения не анализируются, зато ссылка на признание вины имеется. При этом признание рассматривается не как одно из условий прекращения уголовного дела, а как смягчающее обстоятельство.

Вместе с тем включение признания вины в число условий прекращения уголовного дела соответствовало бы идее рассматриваемого законопроекта. Ведь в нем

¹⁰ Постановление Корочанского районного суда Белгородской области от 19 мая 2020 г. № 1-32/2020 по делу № 1-32/2020 // Интернет ресурс Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт): офиц. Сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kuTH5lnX49da/> (дата обращения: 15.01.2022 г.).

речь идет о примирительном договоре, а не просто о согласовании сторонами «стоимости» прекращения уголовного дела. Можно ли считать, что если обвиняемый возместил вред, он раскаялся? Далеко не всегда, но если бы он признал вину и дал полные и правдивые показания и возместил ущерб, то можно уже говорить о положительных посткриминальных действиях, которые ведут к снижению общественной опасности лица.

Необходимо решить вопрос о процессуальном значении признания вины с точки зрения продолжения уголовного процесса. Если мы выбираем зарубежный путь (признание вины освобождает правоприменителя от доказывания), прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон будет иметь своим последствием упрощение и ускорение уголовного судопроизводства. Если мы выбираем публично-состязательный процесс, то необходимо убедиться в обоснованности предъявленного обвинения или подозрения, несмотря на признание вины. И тогда уголовное дело может быть передано на примирительную процедуру, только после того, как правоприменитель убедится в причастности лица к совершенному преступлению.

Некоторые ученые, в том числе и авторы законопроекта, предлагают для проведения примирительной процедуры и исполнения примирительного договора приостанавливать производство по уголовному делу. Мы считаем эту идею не слишком удачной, поскольку примирительная процедура – это деятельность не процессуальная, потому что мешает осуществлять эту процедуру параллельно с производством по делу, тем более что правоприменитель не освобождается от обязанности доказывать состав преступления. В тоже время продолжительные сроки производства по уголовным делам обеспечивают сторонам достаточное время для примирения. Согласимся с теми авторами, которые указывают на нелогичность включения в качестве основания для приостановления уголовного дела проведение примирительной процедуры, поскольку все действующие основания связаны с невозможностью участия подозреваемого или обвиняемого в производстве по уголовному делу [10, с. 366].

Сложность приостановления уголовного дела возникает и тогда, когда примирительным договором установлено условие о возмещении вреда в течение длительного периода времени (от нескольких месяцев до нескольких лет). Например, примирительным договором по делу о преступлении небольшой тяжести установлено, что вред должен быть возмещен не позднее трех лет, однако обвиняемый в данный срок вред не возместил. После возобновления уголовного дела правоприменитель его прекратит за истечением сроков давности. Возникает вопрос, на сколько такая ситуация соответствует принципу разумного срока судопроизводства, а также обеспечивает его назначение, а именно, быстрое возмещение вреда потерпевшему.

Нам представляется, что реформа не должна носить радикальный характер, а должна осуществляться с учетом особенностей современного российского уголовного процесса и нашего исторического прошлого.

Первый вывод, который можно сделать из анализа правоприменительной практики, заключается в том, что критериями, лежащими в основе прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ, являются свободно выраженное волеизъявление потерпевшего и утрата обвиняемым общественной опасности в связи с примирением с потерпевшим, заглаживанием ему вреда, причиненного преступлением, и признанием вины. Решение, принятое в соответствии с этими критериями, отвечало бы как интересам участников уголовного процесса, так и публичным интересам.

Второй вывод, основанный на анализе предложения о введении в отечественное законодательство примирительных процедур, убеждает нас в том, что примирение, равно как и деятельное раскаяние в уголовном процессе понимается не буквально. Даже если примирение сторон не является искренним и основано на удовлетво-

нии каких-то своих личных интересов, не связанных с раскаянием и прощением, это не будет иметь никаких юридических последствий, а удостовериться в заглаживании вреда может и сам правоприменитель.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николук В. В. Российский уголовный процесс как комплекс дифференцированных основных и особых производств // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXII междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. Т. 1. С. 266–273.
2. Карнозова Л. М. Восстановительное правосудие в России: практика и проблемы институционализации // Вестник восстановительной юстиции. 2018. № 15. С. 38–42.
3. Головкин Л. В. Новые основания освобождения от уголовной ответственности и проблемы их процессуального применения // Государство и право. 1997. № 8. С. 77–83.
4. Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 132–136.
5. Смахтин Е. В., Ларионова А. А. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского университета. 2013. № 1(19). С. 204–216.
6. Варяник А. А. Прекращение публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям: проблемы нормативного регулирования и правоприменения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09; Н. Новгород. 2005. 30 с.
7. Шараева Я. А., Джелали Т. И. Реализация идеи примирения сторон на стадии исполнения приговора // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (44). С. 43–46.
8. Конин В. В. О публичном и частном интересе в стадии исполнения приговора // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 102–107.
9. Воронцов П. М. Некоторые причины непопулярности института медиации в Российской Федерации // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 62–65.
10. Машинская Н. В. Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» // Пенитенциарная наука. 2020. № 3. Т. 14. С. 362–367.

REFERENCES

1. Nikolyuk V. V. Russian criminal process as a complex of differentiated basic and special proceedings. Activity of law enforcement agencies in modern conditions: coll. Proceedings of the XXII Intern. scientific-practical. conf. In 2 volumes. Irkutsk: FGKOU VO VSI MIA of Russia, 2017, Vol. 1, pp. 266-273
2. Karnozova L. M. Restorative justice in Russia: practice and problems of institutionalization. Vestnik of restorative justice. 2018, no. 15, pp. 38-42.
3. Golovko L. V. New grounds for exemption from criminal liability and problems of their procedural application. State and Law. 1997, no. 8, pp. 77-83.
4. Smirnova I. G. Mediation: a thorny path in the criminal procedure. Tomsk State University Journal. 2011, no. 350, pp. 132-136.
5. Smahtin E. V., Larionova A. A. To the parties' reconciliation in criminal trial // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2013, no. 1(19), pp. 204-216.
6. Varyanik A. A. Termination of public criminal prosecution (case) on non-rehabilitating grounds: problems of regulation and law enforcement: Abstract of the thesis. dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.09; [Place of protection: Nizhegorsk. Acad. Ministry of Internal Affairs of Russia]. N. Novgorod, 2005, 30 p.
7. Sharaeva Ya. A., Dzhelaly T. I. Implementation of the idea of reconciliation of the parties as the stage of execution of the sentence. Vestnik of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2019, no. 2 (44), pp. 43-46.
8. Konin V. V. To the question of public and private as the stage of execution of the sentence. Judicial authority and criminal process. 2016, no. 3, pp.102-107.

9. Voronetsky P. M. Some of the reasons for the unpopularity of mediation in the Russian Federation // Russian Justice. 2016, no. 3, pp. 62-65.

10. Mashinskaya N. V. Analysis of the Project «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation». Penitentiary Science, 2020, no. 3, vol. 14, pp. 362-367.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кувалдина Юлия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34.

Марьина Евгения Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Kuvaldina Julia Vladimirovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Samara National Research University. 34, Moskovskoye shosse, Samara, Russia. 443086.

Marina Evgeniya Vladimirovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Samara National Research University. 34, Moskovskoye shosse, Samara, Russia. 443086.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 189–197.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 189–197.

Научная статья

УДК 343.132

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.28.018

О ЗНАЧЕНИИ АКТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Лавдаренко Людмила Ивановна ¹, Плеснева Людмила Павловна ²

¹Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, lavdarenko@mail.ru,

²Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация, plesnevalp@mail.ru

Введение: в статье исследуются понятие, сущность следственного обвинения, включающего деятельность по выдвижению обвинительного тезиса, и процессуальное решение в виде постановления, содержащее обвинительный тезис; показано значение акта привлечения лица в качестве обвиняемого в отечественном уголовном судопроизводстве; соотношение следственного обвинения с институтом привлечения к уголовной ответственности, подозрением. Необходимость исследования следственного обвинения обусловлена тем, что в контексте проблемы процессуальной экономии и упрощения вопрос о его значимости и сохранении в российском досудебном производстве приобретает концептуальный характер.

Материалы и методы: исследованы правовые источники и специальная литература. Методологической основой исследования является общий диалектический метод познания. Использовались также логический, системный методы исследования, а также методы лингвистического анализа, описания и обобщения.

Результаты исследования: акт привлечения лица в качестве обвиняемого играет важную роль не только в досудебном производстве, но и в целом в российском уголовном процессе. Именно через привлечение лица в качестве обвиняемого начинается реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности. Значение акта выдвижения обвинения заключается также в том, что он выступает своего рода конституционной гарантией прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Выводы и заключения: в российском уголовном судопроизводстве следственное обвинение (процедура привлечения лица в качестве обвиняемого) – институциональный (органический) акт уголовного судопроизводства смешенного типа. Сделан вывод о необходимости сохранения акта привлечения лица в качестве обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: обвинение, правоприменительный акт, досудебное производство, обоснованное подозрение.

Для цитирования: Лавдаренко Л. И., Плеснева Л. П. О значении акта привлечения лица в качестве обвиняемого / Л. И. Лавдаренко, Л.П. Плеснева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 189–197.

DOI:10.55001/2312-3184.2022.23.28.018

Original article

ABOUT THE MEANING OF THE ACT OF ATTRACTING
A PERSON AS AN ACCUSEDLyudmila I. Lavdarenko ¹, Lyudmila P. Plesneva ²¹Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk²Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russian Federation, Irkutsk¹lavdarenko@mail.ru²plesnevalp@mail.ru

Introduction: the article explores the concept, the essence of the investigative charge, including the activity of putting forward an accusatory thesis and a procedural decision in the form of a resolution containing an accusatory thesis; shows the significance of the act of bringing a person as an accused in domestic criminal proceedings; the relationship of the investigative charge with the institution of criminal prosecution, suspicion. The need to study the investigative charge is due to the fact that in the context of the problem of procedural economy and simplification, the question of its significance and preservation in Russian pre-trial proceedings acquires a conceptual character.

Materials and methods: legal sources and special literature are investigated. The methodological basis of the research is the general dialectical method of cognition. Logical, systematic research methods, as well as methods of linguistic analysis, description and generalization were also used.

The results of the study: conclusions are drawn about the essence and significance of the act of bringing a person as an accused in the domestic criminal justice system both from the standpoint of ensuring the principle of inevitability of criminal responsibility, and the presumption of innocence, guarantees of the rights of a person brought to criminal responsibility; about the advantages of investigative charges over reasonable suspicion;

Findings and Conclusion: in Russian criminal proceedings, an investigative charge (a procedure for involving a person as an accused) is an institutional (organic) act of a mixed type of criminal proceedings. Conclusions are drawn about the need to preserve the act of bringing a person as an accused in Russian criminal proceedings.

Keywords: accusation, law enforcement act, pre-trial proceedings, reasonable suspicion.

For citation: Lavdarenko L.I., Plesneva L.P. О значении акта привлечения лица в качестве обвиняемого [About the meaning of the act of attracting a person as an accused]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (103), pp. 189–197 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.28.018

В уголовной юстиции обвинение является важнейшим и необходимым элементом, без обвинения невозможна сама уголовная юстиция (правосудие). Известно выражение Цицерона: «Nemo nisi accusatus fuerit, condemnari potest» – никто не может быть осужден без соответствующего обвинения [1, с. 144]. Обвинение в значительной степени генерирует всю уголовно-процессуальную деятельность, обеспечивая реализацию норм материального (уголовного) права. С учётом значимости обвинения вы-

дающимися российскими правоведами оно определялось как «маховое колесо» [2, с. 25], «движущая сила» [3, с. 106], «пусковой механизм» [4, с. 56] уголовного процесса, «пружина, действие которой обуславливает развитие процесса и его движение по ступеням» [5, с. 88].

Обвинение, несмотря на особенности его организации в тех или иных странах, в подавляющем большинстве случаев осуществляется от имени государства, что обуславливается общественной опасностью преступления – преступление посягает на общий (публичный интерес), защищать который государство и призвано [6, с. 628].

По содержанию обвинение различается в зависимости от того, развивалось ли национальное уголовное судопроизводство в русле англо-саксонской либо континентальной традиции. Если континентальной, то оно включает в себя так называемое следственное обвинение – продукт досудебного производства

В российском уголовном судопроизводстве следственное обвинение (процедура привлечения лица в качестве обвиняемого) – институциональный (органический) акт уголовного судопроизводства смешенного типа. Правогенезис данного акта обусловлен учреждением Уставами Уголовного Судопроизводства 1864 г. стадии предварительного следствия). Изначально он представлял собой «призыв к следствию» в виде вызова обвиняемого к следователю и его допроса. В дальнейшем «призыв к следствию» получил регламентацию и оформился в процедуру, которая без существенных изменений предусмотрена действующим УПК РФ [7, с. 16].

Привлечение лица в качестве обвиняемого есть важнейший после возбуждения уголовного дела акт правоприменения – результат властно-организующей деятельности компетентного должностного лица (следователя) по квалификации (правовой оценке социально-значимого поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности). Он включает установление фактов, связанных с совершенным противоправным деянием, определение их юридической природы, и принятие решения, выраженного в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Такое решение с формально-логической стороны (в узком смысле) «... представляет собой умозаключение, в котором конкретные факты (обстоятельства дела) подводятся под норму права, т. е. решение дела является как бы совмещением фактического и юридического оснований применения права» [8, с. 548–549]. Данный правоприменительный акт выступает в качестве «первого официального утверждения органа предварительного расследования о доказанности совершения определенным лицом деяния, запрещенного законом» [9, с. 71].

Акт привлечения лица в качестве обвиняемого играет важную роль не только в досудебном производстве, но и в целом в уголовном судопроизводстве. Именно через привлечение лица в качестве обвиняемого начинает обеспечиваться принцип неотвратимости уголовной ответственности [10, с. 31].

Уголовная ответственность является способом официального реагирования государственных органов и должностных лиц на совершенные преступления, выступает методом активного воздействия на конкретных лиц, виновных в совершении определенного общественно-опасного деяния и превентивного предупредительного влияния на других граждан. Эффективная деятельность по реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности способствует достижению декларируемых законодателем принципов законности, равенства граждан перед законом, справедливости, гуманизма [11, с. 130].

Уголовное право не имеет собственных механизмов реализации уголовно-правовых норм, уголовно-правовые нормы могут быть применены и реализованы только посредством уголовного судопроизводства путем установления события и

картины преступления, лица, его совершившего, наличия в его действиях всех признаков состава преступления и т. д. Началом реализации привлечения к уголовной ответственности выступает акт предварительного расследования – привлечение лица в качестве обвиняемого, именно с этого момента преступление считается официально раскрытым [12, с. 50]. Судебная практика традиционно идет по пути признания акта привлечения лица в качестве обвиняемого как начала привлечения лица к уголовной ответственности. В частности, в постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР по делу Стюхина указывалось, что: «предъявление обвинения является процессуальным актом привлечения к уголовной ответственности, что вытекает из смысла ст. ст. 46, 143, 144, 148 и 149 УПК РСФСР»¹. Законодатель также увязывает возникновение уголовной ответственности с привлечением лица в качестве обвиняемого. Так, в ст. 299 и 300 УК РФ говорится о привлечении к уголовной ответственности заведомо невиновного и незаконном освобождении от таковой на стадии предварительного расследования.

Поскольку суд не может выходить за рамки обвинения, сформулированного в досудебном производстве (ч. 1 ст. 252 УК РФ), не предъявление обвинения на предварительном следствии всем лицам, совершившим преступные деяния, либо предъявление обвинения не в полном объеме влечет не достижение участниками, осуществляющими от имени государства уголовное преследование, возложенной на них задачи по обеспечению принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Значение акта выдвижения обвинения заключается также в том, что он выступает своего рода конституционной гарантией прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Так, согласно ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации одним из оснований вступления защитника в уголовное дело служит предъявление обвинения [13, с. 101].

Выдвижение обвинения означает «перевод» подозреваемого в статус обвиняемого при получении достаточных доказательств его вины. Обвинение может быть предъявлено также лицу, которое статус подозреваемого не имело. Получив статус обвиняемого, лицо ставится в известность о том, в чём его обвиняют, становится активным участником процесса, реализующим предоставленное ему законом право на защиту [14, с. 753].

Акт привлечения лица в качестве обвиняемого обеспечивает режим законности при применении мер уголовно-процессуального принуждения, создает дополнительные гарантии защиты прав и свобод личности, ограждая от произвольного их ограничения [15, с. 32]. Так, в соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством условием, предопределяющим правомерность избрания меры пресечения, традиционно является выдвижение обвинения и наличие статуса обвиняемого у лица, к которому эта мера избирается. Требование выдвижения обвинения в качестве предпосылки избрания меры пресечения не случайно. Оно обусловлено, во-первых, необходимостью соразмерять избираемую меру пресечения с наказанием, которое грозит обвиняемому за совершенное преступление: «чем тяжелее наказание, угрожающее обвиняемому, тем сильнее у него может быть побуждение уклониться от следствия и суда, избежать наказания...» [16, с. 402]. Во-вторых, доказанностью участия обвиняемого в преступлении.

Так, УУС при решении вопроса о мере пресечения наряду с другими обстоятельствами обязывали учитывать свойство преступления и тяжесть улик против обвиняемого, соизмерять необходимость применения меры пресечения со строгостью

¹БВС РСФСР. 1974 г. № 4. С. 8.

наказания (ст. 419); в постановлении о взятии под стражу подлежало указывать основания избрания этой меры (ст. 430). Сложившийся механизм избрания меры пресечения был поддержан законодателем в советский период: в соответствии со ст. 147 УПК РСФСР 1922 г. при избрании меры пресечения должны учитываться «важность преступления, предписываемого обвиняемому, тяжесть имеющихся против него улик...». Основами уголовного судопроизводства СССР и союзных республик в 1924 г. арест предусматривался только в отношении обвиняемого (ст. 10). В дальнейшем уголовно-процессуальным законом применение меры пресечения было допущено и в отношении подозреваемого, но лишь в исключительных случаях и в течение непродолжительного срока (10 суток), по истечении которого необходимо было предъявить обвинения либо отменить меру пресечения (ст. 90 УПК РСФСР 1960 г.). Об исключительности применения меры пресечения к подозреваемому свидетельствует также то, что в ст. 89 УПК РСФСР 1960 г., устанавливающей общие правила применения мер пресечения, указывался только обвиняемый. Действующий УПК РФ, закрепляя в ст.ст.: 97–99 общие положения применения мер пресечения, говорит как об обвиняемом, так и подозреваемом. Тем не менее ст. 100 УПК РФ полностью воспринимает правило об исключительности применения меры пресечения к подозреваемому и «правило 10 суток» её применения [17, с. 753].

В последнее время среди процессуалистов стали высказываться предложения об отмене процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого в связи с её излишней бюрократизированностью, а также потому, что право на защиту может обеспечить институт обоснованного подозрения [18, с. 89].

Мы не разделяем данную позицию, считаем неприемлемым отказ от акта привлечения лица в качестве обвиняемого, поскольку он возник не случайно, имеет генетическую связь с предварительным следствием, тогда как подозрение ассоциируется с дознанием, доследственной, полицейской деятельностью.

Понятия «обвинение» и «подозрение», как и другие понятия и категории, формировались в языке путём обобщения и абстрагирования. Поскольку обобщение и абстрагирование позволяют выделять существенные свойства явлений, раскрыть их единство и внутреннюю связь, постольку операции с понятиями «...уже включают в себя представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира» [19, с. 38].

В русском языке «подозрение» происходит от глагола «подозревать», который, в свою очередь, от более древнего – «подзирать», означавшего «... подглядывать, под(вы)сматривать, стараться увидеть тайком, присматривать, примечать...». По В. Далю подозревать означает «... заподозрить, усомниться в ком, не доверять кому», полагать или догадываться, что он виноват в чем, тайно что сделал... Подозрение – это значит не обвинить и не оправдать, а установить повод считать лицо виновным...» [20, с. 174–175]. В современном русском языке подозрение толкуется как «1. Предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-н. поступков, в правдивости чьих-н. слов... 2. Предположение о возможности чего-нибудь», «предположение о виновности кого-либо, о предосудительности чьих-либо поступков, о нечестности чьих-либо намерений. Предположение, догадка» [21, с. 539]. Для правовой сферы по смыслу наиболее подходит вариант определения подозрения как **предположения о возможности чего-нибудь**. Слово «предположение» в русском языке определяется следующим образом: «1) догадка, предварительное соображение; 2) предварительный план, намерение». Соображение, в сущности, как и догадка, – это сопоставление известных фактов (информации), то есть мыслительный

процесс. В решениях Европейского Суда по правам человека², Конституционного Суда РФ³ и Верховного Суда РФ используются термины «обоснованное подозрение», «степень подозрения»⁴, которые не отвечают требованиям определенности и получают неоднозначные толкования.

Обвинение при его смысловой характеристике кардинально отличается от подозрения. Оно производно от существительного «вина» – лингвокультурного концепта в русской языковой картине мира. В словаре В. Даля в первом значении «вины» названы: «начало, причина, источник, повод, предлог». Затем в лексикосемантическое поле вины среди основных значений указаны: «провинность, проступок, преступление, прегрешение, ... всякий недозволенный, предосудительный поступок...» [20, с. 204–205].

Подозрение и все, что с ним связано, имеет негативную оценку, в том числе в отношении того, кто подозревает – подглядывает, подсматривает тайком, строит предположения или домыслы: «До улики никого не подозревай, почему и говорят: кто украл, на том один грех, у кого украли, на том сто – всех подозревать».

Если подозрение относится к внутреннему, психическому состоянию того, кто подозревает, то вина, грех лежит на виноватом (виновнике), который должен ответить, раскаяться.

В настоящее время обвинение понимается как: «1. Упреки, укоры... 2. Признание виновным в чем-н., приписывание кому-н. какой-н. вины; вменение в вину. ... Юридические действия, направленные на доказательство виновности того, кто привлекается к уголовной ответственности...»; обвинитель – «1. Тот, кто обвинил, обвиняет кого-н. 2. Юрист, обвиняющий на суде, а также вообще лицо, поддерживающие обвинение перед судебными органами...»; обвинить – «1. кого (что) в чём. Счесть виновным, упрекнуть, укорить. 2. Считая виновным, привлечь к суду»; обвиняемый – «человек, к-рому предъявлено обвинение по суду» [21, с. 424–425]. Обвинение понимается как психический ментальный акт – заявление, вменение: «Я объявляю, я вменяю в вину» – как действие, словесное объявление на основе созревшего убеждения: «Ты виновен».

На законодательном уровне обвинение определяется как утверждение компетентных органов и должностных лиц о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

² Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства : решение Европейского Суда по правам человека от 30 августа 1990 г. (жалобы № 12244/86, 12245/86, 12383/86). // URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/foks-kempbel-i-xartli-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения 22.01.2022).

³ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 года № 4-П. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102091637> (дата обращения 22.01.2022).

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий. (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г. № 23 и от 11 июня 2020 г. № 7) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8379/> (дата обращения 22.01.2022).

Очевидно, что подозрение, являясь предположением о причастности лица к совершенному преступлению, таит в себе более высокую вероятность ошибки, чем основанное на совокупности достаточных доказательств обвинение в совершении лицом преступления.

Подытоживая сказанное о сущности привлечения в качестве обвиняемого можно прийти к выводу, что постановка лица в процессуальное положение обвиняемого влечет существенное ограничение его прав и свобод и одновременно порождает у государства материальную и моральную ответственность в случае необоснованного предъявления обвинения. Чрезвычайно важно, чтобы было установлено действительно виновное лицо и не допущено незаконное и необоснованное обвинение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Т. 1. Москва: Госюриздат, 1957. 839 с.
2. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры. Т. 4 // Собрание сочинений в 8 т. Москва: Юридическая литература, 1967. 543 с.
3. Полянский Н. Н. К вопросу о юридической природе уголовного процесса // Правоведение. 1960. № 1. С. 105 – 115.
4. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1951. 191 с.
5. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс : учебник. Москва: Госюриздат, 1951. 511 с.
6. Головкин Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.
7. Лавдаренко Л. И. Привлечение в качестве обвиняемого : учеб. пособие. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 72 с.
8. Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. Москва: Проспект, 2009. 565 с.
9. Федотченко А. В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 156 с.
10. Гармаев Ю.П., Телегин И. И. Составление постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Законность. 2009. № 7. С. 31–33.
11. Дворецкий М.Ю. Реализация уголовной ответственности в контексте её эффективности, оптимизации, направлений законодательного совершенствования форм и их видов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 10 (138). С. 129–135.
12. Рябинина Т. К., Струкова В. В. Формирование и предъявление обвинения на стадии предварительного расследования // Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2013. № 6 (164). С. 63 –65.
13. Коновалов С. Г. Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека. Научные труды. Российская академия юридических наук / С. Г. Коновалов. Москва, 2019. С. 752–755.
14. Белкин А. Р. Предъявление обвинения: уточнение понятий // Публичное и частное право. 2016. № 2 (30). С. 100–105.
15. Россинский С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 30–36.
16. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. О предварительном следствии. Ч. III. Санкт-Петербург, 1869. 641 с.

17. Лавдаренко Л. И., Амосова Т. В., Борбат А. В. Выдвижение обвинения как условие применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2020. № 2. С. 12–16.

18. Гаврилов Б. Я. Институт предъявления обвинения: современное состояние и пути развития // Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 109-117.

19. Янускина В. В. Конституционно-правовой статус русского языка и его роль в формировании и развитии российской государственности: монография. Москва, 2017. 244 с.

20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. 3-е изд., испр. и доп.; под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург ; Москва : Товарищество М. О. Вольф, 1882. 555 с.

21. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская Академия наук, Институт русского языка, Российский фонд культуры. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

REFERENCES

1. Cheltsov-Bebutov M. A. Course of Soviet criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal and bourgeois states. Vol. 1. / M. A. Cheltsov-Bebutov. Moscow: Gosyurizdat, 1957, 839 p.

2. Koni A. F. Techniques and tasks of the prosecutor's office. Moscow: Legal Literature, 1967, vol. 4, 543 p.

3. Polyansky N. N. To the question of the legal nature of the criminal process. Jurisprudence. 1960, no. 1, pp. 105 – 115.

4. Strogovich M. S. Criminal prosecution in the Soviet criminal process. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951, 191 p.

5. Cheltsov-Bebutov M. A. Soviet criminal trial. Moscow, Gosyurizdat, 1951, 511 p.

6. Golovko L. V. State participation in criminal proceedings: from "equality of arms" to realistic concepts. State and law. 2020, no. 6, pp. 107-118.

7. Lavdarenko L. I. Involvement as an accused. Irkutsk, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2022, 72 p.

8. Alekseev S. S. General theory of law. Moscow, Prospekt, 2009, 565 p.

9. Fedotchenko A. V. Involvement of a person as an accused: Dis. ... cand. jurid. sciences'. Moscow, 2006, 156 p.

10. Garmaev Yu.P., Telegin I. I. Drafting a resolution on involvement as an accused. Legality. 2009, no. 7, pp. 31-33.

11. Dvoretzky M. Y. Implementation of criminal liability in the context of its effectiveness, optimization, directions of legislative improvement of forms and their types. Vstnik of the Tambov University. Series: Humanities. 2014, no 10 (138), pp. 129-135.

12. Ryabinina T. K., Strukova V. V. Formation and presentation of charges at the stage of preliminary investigation. Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. 2013, no. 6 (164), pp. 63-65.

13. Konovalov S. G. The procedure of bringing as an accused as a constitutional guarantee of human rights. Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences, Moscow, 2019, pp. 752-755.

14. Belkin A. R. Bringing charges: clarifying concepts. Public and private law. 2016, no. 2 (30), pp. 100-105.

15. Rossinsky S. B. Legal conditions for the application of measures of criminal procedural restraint lead to haste and groundlessness of charges / S. B. Rossinsky // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018, no. 5, pp. 30-36.

16. Kvachevsky A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the Judicial Statutes of 1864. About the preliminary investigation. St. Petersburg, 1869, pp. 641.

17. Lavdarenko L. I., Amosova T. V., Borbat A. V. Bringing charges as a condition for applying a preventive measure in the form of detention. Russian investigator. 2020, no. 2, pp. 12-16.
18. Gavrilov B. Ya. Institute of indictment: current state and ways of development. Modern criminal procedural law of Russia - lessons of history and problems of further reforming: Sat. matlov Intern. scientific-practical. conf. Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, 2017, pp. 109-117.
19. Yanuskina V.V. Constitutional and legal status the Russian language and its role in the formation and development of Russian statehood: monograph. Moscow, 2017, 244 p.
20. Dahl V. I. Explanatory Dictionary of the living Great Russian language. St. Petersburg; Moscow : M. O. Wolf Partnership, 1882, 555 p.
21. Russian Russian Language Dictionary / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova / Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language, Russian Cultural Foundation. – 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Az, 1994, 907 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лавдаренко Людмила Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования.

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры. 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Плеснева Людмила Павловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4.

INFORMATION ON AUTHORS

Lavdarenko Lyudmila Ivanovna, PhD in Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office. 664035, Russian Federation, Irkutsk, Shevtsova, 1.

Plesneva Lyudmila Pavlovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 664011, Russian Federation, Irkutsk, Nekrasova, 4.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 198–206.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 198–206.

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.51.019

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УЧАСТИЮ В СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЙСТВИИ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ

Ларичева Ирина Васильевна

УВД по г. Сочи ГУ МВД России по Краснодарскому краю,
адъюнктура Краснодарского университета МВД России, Сочи,
Российская Федерация, baup23@rambler.ru

Введение: Статья посвящена одной из важных форм взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками – привлечению их к участию в следственных действиях. Анализируются порядок привлечения оперативных сотрудников в качестве участников следственных действий, решаемые с их помощью задачи, показываются отличия данной формы взаимодействия следователя с органом дознания от оказания должностными лицами органа дознания содействия следователю при производстве им процессуальных действий.

Методы и материалы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, УПК РСФСР 1960 г., действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее следственные действия, а также научные работы в области уголовного процесса, касающиеся исследуемой проблематики. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили рассмотреть, уточнить и обобщить отдельные положения, касающиеся участия оперативных сотрудников в следственных действиях.

Выводы и заключения: несмотря на сложившуюся судебно-следственную практику взаимодействия оперативных сотрудников и лиц, производящих следственные действия, возникают дискуссионные вопросы, на которые нет достоверно точного подхода в научной литературе, поскольку возникают трудности с определением круга (видов) следственных действий, в которых необходимо участвовать оперативному сотруднику, его полномочий как участника следственного действия. Кроме того, предлагается считать, что формами участия оперативных сотрудников в следственных действиях могут быть: организационно-обеспечительное и поисково-познавательное, в зависимости от которых будет выстраиваться система взаимодействия, представляющие собой отграничение от содействия следователю при производстве следственных и процессуальных действий.

Ключевые слова: следователь, оперативный сотрудник, следственные действия, взаимодействие следователя и органа дознания, содействие следователю при расследовании.

Для цитирования: Ларичева И.В. Привлечение к участию в следственном действии оперативных сотрудников как форма взаимодействия следователя с оперативными подразделениями / Ларичева И.В. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 198–206.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.51.019

Original article

INVOLVEMENT OF OPERATIONAL STAFF IN THE INVESTIGATION AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND OPERATIONAL UNITS

Irina V. Laricheva

Department of Internal Affairs for Sochi, Main Department of Internal Affairs of Russia in Krasnodar Krai, Adjunct of Krasnodar University of the Russian Interior Ministry, Sochi, Russian Federation, baup23@rambler.ru

Introduction: The article is devoted to one of the important forms of interaction between an investigator and operational officers - involving them in investigative actions. The procedure for attracting operational staff as participants in investigative actions, the tasks solved with their help are analyzed, the differences between this form of interaction between the investigator and the body of inquiry from the assistance provided by officials of the body of inquiry to the investigator in the production of procedural actions are shown.

Methods and materials: the legal framework of the study was formed by the Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960, the current criminal procedure legislation governing investigative actions, as well as scientific work in the field of criminal procedure related to the issues under study. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the study: allowed us to consider, clarify and summarize certain provisions concerning the participation of operational officers in investigative actions.

Findings and Conclusion: concluded that, despite the established judicial and investigative practice of interaction between operational officers and persons conducting investigative actions, there are controversial issues that there is no reliably accurate approach to in the scientific literature, since difficulties arise with determining the range (types) of investigative actions in which an operational officer needs to participate, his powers as participant of the investigative action. In addition, it is proposed to consider that the forms of participation of operational staff in investigative actions can be: organizational and security and search and cognitive, depending on which a system of interaction will be built, representing a separation from assistance to the investigator in the production of investigative and procedural actions provided by employees of the body of inquiry.

Keywords: investigator, operative, investigative actions, interaction of the investigator and the body of inquiry, assistance to the investigator during the investigation.

For citation: Laricheva I.V. Privlechenie k uchastiju v sledstvennom dejstvii operativnyh sotrudnikov kak for-ma vzaimodejstvija sledovatelja s operativnymi podrazdelenijami [Involvement of operational staff in the investigation as a form of interaction between the investigator and operational units]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Si-

berian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (103), pp. 198–206. (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.51.019

Следственные действия имеют четко выраженную направленность на получение доказательств, им отведена роль основного правового инструмента (способа) их собирания и формирования. На сегодняшний день юридическая наука и правоприменительная практика не смогли выработать и предложить альтернативные методы уголовно-процессуального доказывания. Более того, система следственных действий расширяется (правда медленно, но в этом есть и большой плюс) и оптимизируется порядок их производства. При этом государственный регулятор (законодатель) уголовно-процессуальных отношений руководствуется строгой установкой обеспечить прозрачную и надежную процессуальную форму представления доказательств в уголовное дело.

Следственные действия носят системный характер, их объединяют одни и те же познавательные и удостоверительные операции, составляющие основу законодательной конструкции отдельно взятого следственного действия. Консолидирующими признаками следственных действий в теории уголовного процесса считаются: 1) познавательная направленность; 2) обеспеченность государственным принуждением; 3) существенное ограничение законных прав граждан; 4) наличие детально разработанного порядка производства; 5) круг субъектов, уполномоченных на их проведение [1]. Во многом схожее функциональное назначение следственных действий объективно обусловило и закрепление в законе (ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, далее – УПК РФ) общих правил их производства.

Среди общих правил или условий проведения следственных действий можно выделить положения, имеющие универсальный, обязательный характер. Они распространяются на все без исключения следственные действия и их применение не зависит от усмотрения следователя. Указанная группа правил сформулирована преимущественно в форме запретов (запрет производства следственных действий в ночное время; запрет применения насилия, угроз и иных незаконных мер).

Отдельные правила представляют адресованные следователю требования обеспечить безопасность для жизни и здоровья участников следственных действий, обязательно их протоколирования. Еще одна группа общих условий разрешает привлекать к производству следственного действия специалиста в определенной области знаний, переводчика, применять технические средства фиксации хода следственного действия в целях обеспечения достоверности его результатов.

Относительно самостоятельным предписанием в ст. 164 УПК РФ воспринимается право следователя *привлечь к участию в следственном действии лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность (ч. 7)*. Предваряя непосредственный анализ данной нормы, обратим внимание на то, что в главе 10 УПК РСФСР «Общие условия производства предварительного следствия» отсутствовала специальная статья, посвященная общим правилам производства следственных действий. В главе 22 УПК РФ «Предварительное следствие» наиболее общие правила проведения следственных действий объединены в статье 164 УПК РФ. Тем самым законодатель подчеркнул их значение при расследовании уголовного дела, устранил некоторое имевшееся дублирование в правовом ре-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/0c8ceef71f9dbab046ca7d0c7b0dd5ecf4ee113d/ (дата обращения: 19.01.2022).

гулировании следственных действий, дополнил перечень общих правил новыми. Для правоприменителя стало более удобным пользоваться данными предписаниями.

Новое по отношению к УПК РСФСР полномочие следователя – привлечь для участия в следственном действии оперативного сотрудника (ч. 7 ст. 164 УПК РФ) целесообразно рассмотреть в системной связи с другими формами оперативно-разыскного сопровождения процессуальной деятельности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Досудебное производство и оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) как самостоятельные и в то же время близкие виды государственной деятельности, обеспечивающие обнаружение, раскрытие и расследование преступлений, лишь условно осуществляются параллельно, самостоятельно. Утверждать, что современный уголовный процесс очищен от инородных, несвойственных для него форм деятельности, в том числе гласной и негласной ОРД, не только преждевременно, но и некорректно.

Учитывая возможности оперативных служб в оказании помощи следователю в расследовании преступлений, в уголовно-процессуальном законодательстве закреплены, с одной стороны, разнообразные формы взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками, не являющимися участниками уголовного процесса, с другой стороны предусмотрено инициативное проведение оперативными сотрудниками оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) по сообщению о преступлении и уголовному делу, расследуемому следователем.

Результаты ОРМ используются не только «внутри ОРД». Они имеют «внешний выход»: могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ², далее – Закон об ОРД), образуют основание проведения следственного действия, указывают на безотлагательность их производства, способствуют принятию органом дознания процессуального решения о производстве неотложных следственных действий [2]. И, наверное, самое главное состоит в том, что оперативно-разыскные данные, представляемые следователю, при соответствующей процессуальной проверке, могут стать доказательствами [3].

Анализируя функциональный аспект полиции как звена классической триады разделения властей и выделяя такую функцию полиции как ОРД, Л. В. Головкин делает следующий принципиальный вывод: любые попытки уйти от полиции в уголовном процессе тщетны, ни одна процессуальная система обойтись без нее не может. «В связи с этим настала пора, – пишет Л. В. Головкин, – рассматривать полицию в качестве неотъемлемого элемента участия государства в уголовном судопроизводстве, у которого, разумеется, должны быть свои теоретические и институциональные границы» [4].

Таким образом, в силу общности ряда задач уголовного процесса и ОРД (выявление, раскрытие и расследование преступлений), схожести способов достижения этих задач (следственные действия и ОРМ³), ограниченных возможностей органов предварительного

²Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция): принят Государственной Думой 5 июля 1995 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ad43ad2ce3d99192cd6a7ad6d1541db364c348db/ (дата обращения: 29.11.2021).

³Сходство конструкций многих следственных действий и ОРМ приводит на практике к подмене процессуальных действий, предусмотренных УПК, проведением ОРМ, сопровождающих производство предварительного расследования по уголовному делу. Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 4 февраля 1999 г. № 18-О по жалобам граждан М. В. Никольской и

следствия в раскрытии собственными силами тщательно подготовленных, замаскированных преступлений, в том числе совершаемых организованными преступными группами, ОРД осуществляется по уголовным делам, находящимся в производстве следователей [5].

В определенные исторически временные отрезки можно отмечать различную степень «насыщенности» уголовного процесса ОРД. Это зависит от многих факторов (смена приоритетов в уголовной политике; серьезные качественные изменения в структуре преступности; проведение правовых реформ в целях усиления борьбы с конкретными видами преступлений; конвергенция уголовного процесса и ОРД в условиях принятия и введения в действие Закона об ОРД 1995 г. и УПК РФ 2001 г.). В настоящий момент уровень нормативного и практического взаимодействия следователя с оперативными подразделениями по расследуемым им уголовным делам предельно высокий. В подтверждение этого обратимся к следующим правовым позициям.

В УПК РФ последовательно реализуется подход, согласно которому следователь наделяется полномочиями инициировать по рассматриваемому сообщению о преступлении и расследуемому им уголовному делу проведение ОРМ. В п. 1 ст. 144, п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 157 УПК РФ закреплено право следователя давать органу дознания поручение о проведении ОРМ. По уголовному делу, по которому предварительное следствие обязательно, возбужденному органом дознания, последний после направления дела руководителю следственного органа вправе самостоятельно, без поручения следователя проводить ОРМ для установления лица, совершившего преступление (ч. 4 ст. 157 УПК РФ).

В ч. 2 ст. 95 УПК РФ регулируются встречи оперативных сотрудников с задержанным подозреваемым при возникновении необходимости проведения ОРМ с его участием. Чтобы вступить в контакт с ним, оперативный сотрудник должен получить письменное разрешение следователя, в производстве которого находится уголовное дело. Особенно важно выделить при анализе содержания ч. 2 ст. 95 УПК РФ то, что количество встреч оперативных сотрудников с находящимся под стражей подозреваемым в законе не ограничено. Также значимо положение, что ч. 2 ст. 95 УПК РФ разрешен опрос содержащегося под стражей подозреваемого сразу несколькими оперативными сотрудниками.

Приведенный перечень норм расширяют предписания ч. 7 ст. 164 УПК РФ, согласно которым следователь вправе привлечь к участию в следственном действии лицо органа, осуществляющего ОРД. Выделение и закрепление данной нормы в УПК РФ дополнительно к п. 1 ст. 144, п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 157 УПК РФ, обеспечивающих оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовного дела, может быть объяснено несколькими причинами, для чего целесообразно рассмотреть имеющиеся в литературе подходы к пониманию сущности и назначения в досудебном производстве ч. 7 ст. 164 УПК РФ.

Комментируя названную норму, В. С. Шадрин полагает, что она поглощается положениями п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, и привлечение к участию в следственном действии оперативного сотрудника происходит в рамках соответствующего поручения следователя органу, осуществляющего ОРД, который и делегирует своего сотрудника в помощь следователю [6]. При таком понимании места ч. 7 ст. 164 УПК РФ в механизме взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследо-

вании уголовных дел, данной статье не отводится статуса самостоятельной формы их сотрудничества. С этим можно поспорить.

Положения ч. 7 ст. 164 УПК РФ распространяются на случаи, когда следователь привлекает оперативного сотрудника к совместному проведению с ним конкретного следственного действия, а не поручает его провести оперативному сотруднику. Если придерживаться позиции В. С. Шадрина, то реализация следователем полномочия привлечь к производству следственного действия должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, должна выглядеть так: следователь дает письменное поручение указанному органу выделить для участия в следственном действии оперативного сотрудника (нескольких оперативных сотрудников); начальник органа, осуществляющего ОРД, направляет оперативного сотрудника к следователю для участия в проводимом им следственном действии. Однако при доминирующем в теории уголовного процесса понимании поручения как способа делегирования следователем полномочий по производству конкретных следственных и иных процессуальных действий в рамках расследования уголовного дела распространение института поручения на ситуацию, определяемую рамками предписаний ч. 7 ст. 164 УПК РФ, не соответствует ее специфике. Следователь здесь не «отчуждает» свое полномочие на производство следственных действий, поскольку он лично проводит его. В каком же порядке происходит привлечение оперативного сотрудника к участию в следственном действии?

Надлежит заметить, что, расследуя уголовное дело, следователь может привлекать к проведению следственных действий и иных участников. В соответствии со ст. 164 УПК РФ следователь вправе привлечь специалиста: перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, разъясняет специалисту его права и ответственность, предусмотренные ст. 58 УПК РФ.

Аналогичный порядок действует при привлечении к участию в следственных действиях переводчика (ст. 59 УПК РФ). Отличие состоит в том, что о назначении лица переводчиком следователь выносит постановление.

Примерно по этой же схеме происходит привлечение к участию в следственных действиях педагога и психолога.

К сожалению, данный алгоритм действий следователя, обеспечивающий вовлечение в расследование уголовного дела названных участников, не предусматривает «начального шага», т. е. их вызова (в законе предпочтение отдается именно этому термину). Отбор и вызов указанных участников осуществляется путем направления руководителю организации либо должностному лицу, или непосредственно лицам, реализующим функции специалиста, переводчика, педагога, психолога, соответствующего письменного требования.

Как можно было убедиться, понятием привлечение лица к участию в следственном действии охватываются действия следователя по его вызову, удостоверению в его личности и разъяснении ему прав, ответственности, а также порядка производства соответствующего следственного действия. Примерно в таком же порядке должно происходить и привлечение оперативного сотрудника к участию в следственном действии.

По мнению В. А. Семенцова и М. А. Нагоевой, положения ч. 7 ст. 164 УПК РФ дают следователю возможность наиболее эффективно использовать ранее добытые оперативные данные по делу, а оперативник «из первых рук» получает исходную информацию, необходимую ему для развертывания ОРМ. Теперь на уровне закона «за-

креплена уже известная практике форма взаимодействия следователя и оперативных служб – оперативное сопровождение расследования» [7].

Оправданно, например, непосредственное участие в обыске оперативного сотрудника, располагающего оперативной информацией о приблизительном месте нахождения предметов, имеющих значение для дела, сведениями о возможных направлениях поисковых действий. Точно так же будет целесообразным привлечение оперативного сотрудника к участию в допросе подозреваемого, взявшего на себя в рамках заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве обязательство сообщить сведения о соучастниках преступления, новых эпизодах преступной деятельности, выдать орудия преступления, ценности, нажитые преступным путем.

На практике следователь привлекает оперативных сотрудников к участию в допросе, очной ставке, опознании, проверке показаний также в случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что поведение подозреваемого или обвиняемого в ходе следственного действия, в частности активное противодействие его производству, может быть опасным для жизни и здоровья следователя, иных участвующих в нем лиц. В связи с чем может возникнуть необходимость принуждения отдельных лиц к выполнению законных требований следователя. Для этих целей вовсе не обязательно привлечение к участию в следственном действии оперативных сотрудников: обеспечить безопасность его участников в состоянии и полицейские, не являющиеся сотрудниками оперативных подразделений полиции. Правовым основанием участия в следственном действии полицейских, обеспечивающих безопасность его участников, служит п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в соответствии с которым следователь уполномочен получать содействие органа дознания при производстве следственных действий.

Раскрывая содержание ч. 7 ст. 164 УПК РФ, С. Б. Россинский акцентирует внимание на том, что участие оперативных сотрудников в следственном действии согласно указанной норме носит исключительно вспомогательный характер и не связано с возложением на них распорядительных функций. Субъектом-распорядителем следственного действия остается следователь. Самостоятельное проведение следственных действий оперативным сотрудником предполагает принципиально иной правовой режим: производство неотложных следственных действий или выполнение отдельных поручений следователя в качестве представителя органа дознания. Привлеченные в соответствии с ч. 7 ст. 164 УПК РФ оперативные сотрудники могут выполнять поисково-познавательные и организационно-обеспечительные функции [8].

Подобная характеристика своеобразия анализируемой нормы представляется наиболее точной. В то же время ошибочной является трактовка содержания ч. 7 ст. 164 УПК РФ, согласно которой «в случае необходимости оперативный работник вправе принять участие в производстве того или иного следственного действия, проводимого следователем» [9]. Общие правила производства следственных действий не содержат соответствующей нормы. Иное означало бы вмешательство в деятельность следователя и во многом лишало бы его процессуальной самостоятельности. Поэтому согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования и принимает решения о производстве следственных действий, о привлечении к участию в них оперативных сотрудников либо других должностных лиц органа дознания.

В заключение надлежит обратить внимание на определенное сходство анализируемой формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД, основанной на предписаниях ч. 7 ст. 164 ПК РФ, с полу-

чением содействия от органа дознания при производстве следственных и иных процессуальных действий, предусмотренного п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Однако они имеют и принципиальные различия.

В теории уголовного процесса отмечается, что «содействие органа дознания при производстве отдельных следственных действий, в зависимости от их характера, проявляется по-разному. Оно может выражаться в непосредственном участии работников органа дознания в следственных и процессуальных действиях. Вместе с тем работники органа дознания, оказывая содействие следователю, могут не принимать участия в следственных действиях. В этих случаях они должны обеспечивать наиболее эффективное производство следственных действий, и данное содействие носит не процессуальный характер» [4]. В порядке ч. 7 ст. 164 УПК РФ оперативный сотрудник принимает непосредственное участие в следственном действии.

Содействие следователю при производстве следственных и процессуальных действий оказывается субъектами, указанными в ч. 1 ст. 40 УПК РФ. В соответствии с ч. 7 ст. 164 УПК РФ к участию в следственном действии привлекается оперативный сотрудник, уполномоченный на осуществление ОРД. Если в рамках первой формы взаимодействия (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) решаются организационно-обеспечительные вопросы в связи с планируемым следственным действием, то вторая форма взаимодействия (ч. 7 ст. 164 УПК РФ) в большей степени предназначена для выполнения поисково-познавательных задач.

Итак, среди многообразия форм взаимодействия следователя с органами дознания в ч. 7 ст. 164 УПК РФ закреплены возможность и порядок привлечения следователем оперативных сотрудников к участию в следственном действии. На практике (да и в теории) возникают трудности с определением круга (видов) следственных действий, в которых необходимо участвовать оперативному сотруднику, его полномочий как участника следственного действия. Важным является и такой вопрос: достаточно ли факт присутствия оперативного сотрудника при проведении следственного действия фиксировать отметкой в протоколе, если он по просьбе следователя предпринимал организационно-обеспечительные и поисково-познавательные меры. Нет ясности и в том, должен ли подписывать оперативный сотрудник протокол следственного действия.

Признание самостоятельности обсуждаемой формы взаимодействия следователя и органа, осуществляющего ОРД, предполагает детальный анализ присущих ей особенностей и отграничение от содействия следователю при производстве следственных и процессуальных действий, оказываемого работниками органа дознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кальницкий В. В. Следственные действия : учебно-методич. пособие. Омск, 2001. С. 10–20; Россинский С. Б. Следственные действия : монография. М., 2018. С. 12–42.
2. Кальницкий В. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основания для производства следственных действий // Законодательство и практика. 2022. № 1. С. 48–53.
3. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Нижний Новгород, 2001. С. 340–343.
4. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. 2022. С. 195.
5. Гусев В. А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика. М., 2014. С. 5.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 522.

7. Семенцов В. А., Нагоева М. А. Процессуальные полномочия следователя в досудебном производстве : монография. Краснодар, 2010. С. 64.
8. Россинский С. Б. Следственные действия : монография. М., 2018. С. 104; Он же. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М., 2021. С. 198.
9. Быков В. М. Следователь в уголовном процессе : монография. М., 2014. С. 123.
10. Зимин Р. В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10–11.

REFERENCES

1. Kalnitskiy V.V. Investigative action. Omsk, 2001. pp. 10-20; Rossinsky S.B. Investigative actions: monograph. M., 2018. pp. 12-42.
2. Kalnitskiy V.V. Using the results of operational investigative activities as a basis for investigative actions. Legislation and practice. 2022, no. 1. pp. 48-53.
3. Polyakov M.P. Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities. Nizhny Novgorod, 2001, pp. 340-343.
4. Golovko L.V. The state and its criminal proceedings. 2022, p. 195.
5. Gusev V.A. The rights of operational police units: legislation and practice. M., 2014, p. 5.
6. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / under the general editorship of V.M. Lebedev; scientific editorship of V.P. Bozhev. - 8th ed., reprint. and dop. M., 2012, p. 522
7. Sementsov V.A., Nagoeva M.A. Procedural powers of the investigator in pre-trial proceedings. Krasnodar, 2010. p. 64.
8. Rossinsky S.B. Investigative actions: monograph. M., 2018. p. 104; On. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence: monograph. M., 2021, p. 198.
9. Bykov V.M. Investigator in criminal proceedings. M., 2014, p. 123.
10. Zimin R.V. Assistance of the bodies of inquiry to the investigator during the preliminary investigation: abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2008, pp. 10-11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларичева Ирина Васильевна, старший следователь. Следственное управление УВД по г. Сочи ГУ МВД России по Краснодарскому краю. 354200. Россия, Сочи, Парковая, 15.

Адъюнкт адъюнктуры. Краснодарский университет МВД России. 350020. Россия, Краснодар, Гаврилова, 96.

INFORMATION ON AUTHOR

Laricheva Irina Vasilyevna, senior investigator. Department of the Interior for the city of Sochi GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar, 354200. Russia, Sochi, Parkovaya st., 15.

Adjunct postgraduate of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 350020, Russia, Sochi, Gavrilova st., 96.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 207–214.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 207–214.

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.77.46.020

ИМИТАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лузько Дмитрий Николаевич

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
luzko_dima@mail.ru

Введение: в статье исследованы некоторые аспекты осуществления имитации преступного поведения в оперативно-разыскной деятельности, проанализирована целесообразность и назначение указанного процесса, для решения частных задач оперативно-разыскной деятельности, рассмотрен вопрос совершенствования традиционных и развитие новых форм и методов противодействия преступности.

Материалы и методы: основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, оперативно-разыскное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы оперативно-разыскного противодействия криминальным проявлениям. Методологической основой исследования послужил диалектический метод научного познания, формально-логический, системный, структурно-функциональный и другие общенаучные методы, а также научные методы аналогии, поиск закономерностей, сравнительного анализа.

Результаты исследования: в ходе работы проведен логико-семантический анализ результатов научных исследований, касающихся имитационных процессов в оперативно-разыскной деятельности, автором предложена новая дефиниция данного явления, выделены элементы, его характеризующие, поставлена проблема необходимости глубокого изучения и применения в оперативно-разыскной деятельности.

Выводы и заключения: с учетом трансформации преступных проявлений и в связи с широким использованием криминальными элементами современных технологий назрела объективная необходимость в модернизации оперативно-разыскного инструментария, направленного на противодействие с преступностью. Принимая во внимание тот факт, что имитация преступного поведения законодательно не закреплена, существует настоятельная потребность в её нормативном регулировании на уровне оперативно-разыскного закона.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, имитация преступного поведения, правовое регулирование.

Для цитирования: Лузько Д. Н. Имитация преступного поведения в оперативно-разыскной деятельности: теоретико-методологический аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 207–214.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.77.46.020

Original article

**IMITATION OF CRIMINAL BEHAVIOR IN
OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT****Dmitry N. Luzko**

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, luzko_dima@mail.ru

Introduction: the article investigates some aspects of the implementation of imitation of criminal behavior in the operational-search activity, analyzes the feasibility and purpose of this process, to solve private problems of the operational- investigative activity, considers the improvement of traditional and development of new forms and methods of combating crime.

Materials and Methods: the basis of the study are the Constitution of the Russian Federation, operational-investigative legislation, departmental regulatory legal acts regulating the issues of operational-investigative counteraction to criminal manifestations. The methodological basis of the study was the dialectical method of scientific knowledge, formal-logical, systemic, structural-functional and other general scientific methods, as well as scientific methods of analogy, the search for patterns, and comparative analysis.

The Results of the Study: in the course of the work a logical and semantic analysis of the results of scientific research concerning the simulation processes in the operative-investigative activity, the author proposed a new definition of this phenomenon, highlighted the elements that characterize it, the problem of the need for deep study and application in the operative-investigative activity was set.

Findings and Conclusions: taking into account the transformation of criminal manifestations, the widespread use of modern technologies by the criminal element. There is an objective need to modernize the operational-search toolkit aimed at combating crime. Taking into account the fact that the imitation of criminal behavior is not legislated, there is an urgent need for its normative regulation at the level of operational-investigative law.

Keywords: operational-search activity, imitation of criminal behavior, legal regulation.

For citation: Luzko D. N. Imitaciy prestupnogo povedenya v operativno-rozysknoj dejatel'nosti: teoretiko-metodologicheskij aspekt [Imitation of criminal behavior in operational-search activity: theoretical and methodological aspect]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022, no, 4 (103) pp. 207–214 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.77.46.020

Трансформация современной преступности, изменение ее не только количественных, но и качественных характеристик, применение новейших технологий, сказывающихся на широкой «анонимизации» делинквентов при совершении ими противоправных деяний, предопределяет потребность принятия государством своевременных и, главное, действенных мер противодействия криминальным проявлениям, возникает необходимость развития новых и совершенствование традиционных форм и методов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД).

Согласно оперативно-разыскному законодательству, основой ОРД является её осуществление посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ). Несмотря на то, что в федеральном законодательстве список указанных мероприятий конкретизирован, нам импонирует точка зрения Н. С. Железняка, отмечающего, что «ОРМ хотя и выступают стержневым элементом ОРД, но не являются её единственными составными частями» [1, с. 11]. Действительно, исходя из практики, помимо зафиксированных в законе об ОРД мероприятий, оперативным сотрудникам приходится осуществлять множество иных действий (в т. ч. их совокупность), структурно не входящих в ОРМ либо частично пересекающихся с ними, но не менее важных для решения задач противодействия преступности. Данный дисбаланс «сковывает инициативу оперативных сотрудников и их творческий подход к решению задач борьбы с наиболее опасными видами преступлений» [2, с. 31]. Что, в свою очередь, препятствует развитию оперативно-разыскной тактики, внедрению новых, не предусмотренных законом, но основанных на достижениях науки и техники, форм и методов ОРД. Одним из таких способов, позволяющих обеспечить высокий уровень конспирации при проведении мероприятий в рамках противоборства преступным проявлениям, является проникновение в криминальную среду, выведывание ее намерений и планов, пресечение противоправной деятельности ее субъектов посредством «имитации преступного поведения». Данный метод, не закреплённый в законодательстве и глубоко не изученный в теории ОРД, тем не менее, пронизывает всю ее сущность и проявляется в различных ее аспектах. Предназначенный для решения частных задач ОРД он в последующем способствует реализации более широкого их спектра.

В оперативно-разыскной и уголовно-правовой науке вопросы имитации преступного поведения рассматривались в работах российских ученых А. И. Алексеева, Г. К. Синилова, Н. С. Железняка, В. В. Нилюка, С. Н. Радчинского, А. В. Маслова, Г. С. Шкабина, Ю. Г. Железнякова, М. Ю. Воронина и некоторых других исследователей в связи с проведением отдельных ОРМ, работы с конфидентами, но в большей мере они касались законодательных пробелов, связанных с освобождением лица от уголовного преследования при совершении противоправных деяний, формально подпадающих под преступные (существующий проблемный вопрос стоит остро в российском законодательстве, требует тщательного изучения и должен являться отдельной темой исследования). Вместе с тем всестороннего рассмотрения процессы, происходящие при имитации преступного поведения, в работах исследователей не получили, что обусловило наличие в теории ОРД пробелов, касающихся, как правового регулирования, так и организации и тактики имитации преступного поведения.

Более подробно идею применения имитации в ОРД в своем научном труде изложил А. В. Пивоварчик, который определил ее как «основанную на законах и подзаконных нормативных актах совокупность действий, направленных на стабилизацию или формирование новой оперативно-тактической ситуации путем воспроизведения с максимальной точностью отдельных действий или обстановки, соответствующих оперативно-тактическому замыслу, в целях введения противоборствующей стороны в заблуждение» [3, с. 23].

Соглашаясь с основной концепцией ученого, хотим в то же время высказать мнение, что автор в неполной мере учел и актуализировал все стороны имитации. Так, рассматривая имитацию только в рамках оперативно-разыскной ситуации, он ограничил ее возможности действиями, хотя и соединяющими в себе совокупность условий, создающих определенную обстановку, но при этом сложившихся в конкретный момент времени. И ещё одно, как нам кажется, концептуальное

обстоятельство, не отраженное А. В. Пивоварчиком, заключается в том, что цель имитации не только во вводе противоборствующей стороны в заблуждение, но и оказание влияния на ее последующие действия.

Наука несостоятельна без отчетливого осмысления проблем и ясно сформулированной терминологии, что ставит перед исследователями оперативно-разыскной теории важнейшую задачу по работе над ее понятийным аппаратом. И оказывает непосредственное влияние на эффективность практической деятельности, которая напрямую зависит от степени научной разработанности ее теоретических основ, важным элементом которой является система общих и частных понятий, выраженных определениями и терминами.

Рассмотрение и разработка конструктивного термина «имитация преступного поведения», определение его сущности и места в структуре ОРД предоставит возможность для более эффективного использования оперативными сотрудниками имитационных процессов.

Как у всякого сложного многоаспектного явления, у имитации не существует единого канонического определения. Термин «имитация», произошедший от лат. *Imitatio*, означает подражание и в своем широком философском понимании представляет собой создание формы по образу совершенного. Так, в античности Платон в своей «теории идей» представлял, что в мироздании существуют абсолютные образы «идеи», из проекций которых состоит весь мир [4, с. 45].

В проводимой работе мы постараемся расширить понимание имитации, не ограничивая ее рамками «подражания», рассмотреть ее способность познавать, создавать и влиять на происходящие процессы с позиции исследователя по отношению к объекту имитации. Такое детальное изучение позволит построить целостный предмет исследования и выявить имитационные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений между субъектом и объектом имитации.

Для понимания общего смысла имитации в первую очередь стоит обратиться к значениям, приводимым в толковых словарях.

Словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой содержит два определения имитации: 1) искусное подражание кому-либо, чему-либо, воспроизведение чего-либо с возможной точностью 2) создание видимости, подделка, не подлинность [5]. В психологии под имитацией подразумевают процесс подражания некоему объекту, копирование его речи, голоса, манеры поведения. Экономическая наука определяет имитацию как подражание, создание искусственной модели реального процесса. В политической философии, политологии и политической публицистике встречаются различные публикации, связанные с тематикой имитации, которые отражают основные ее элементы, выраженные в воспроизведении, моделировании [6]. В военном искусстве, медицине, образовании, технологии имитация подразумевает под собой создание образа, модели объекта или процесса, его искусственное воспроизведение в целях исследования, обучения, прогнозирования [7].

Анализируя содержание понятия имитации, мы приходим к выводу, что оно включает в себя схожие по сущности элементы, которые можно разделить на две группы, объединённые одним смысловым значением:

1) имитация, выраженная в действиях по воспроизведению поведенческого состояния человека, личности, подражающих его манере речи, стилю, повадкам, образу жизни и т. д. (условно назовем ее «ролевой имитацией»).

2) имитация, связанная с моделированием обстановки, искусственным созданием определенных условий (событий), а также объектов с целью решения поставленных задач (условно «динамичная имитация»).

Рассмотрим перечисленные элементы подробнее в свете ОРД.

Для осуществления «ролевой имитации» субъекту ОРД необходимо познать происходящие в криминальной среде процессы. Синтезируя понятие, высказанное Д. А. Керимовым, определим познание как «движение от внешних представлений об определенных объектах к глубинной сущности всей их совокупности, и последующее возвращение к познанным объектам как уже понятым в системе закономерностей их развития» [8, с. 42]. Под познаваемыми объектами в данном контексте подразумеваются не только люди, их действия, эмоции, но и предметы материального мира, явления, процессы, происходящие в определенном пространстве и времени, которые непосредственно воспринимаются исследователем с помощью органов чувств и познаются опосредовано путем использования приборов, аппаратуры либо через знания иных лиц. Как отмечает В. А. Лекторский, «познание – это процесс извлечения информации из реального мира» [9, с. 8]. Субъект ОРД осмысливает, познает и трансформирует полученную информацию в ходе осуществления своей деятельности с последующей её репрезентацией по отношению к объекту оперативной заинтересованности.

В научной среде исследователи выделяют два основных способа получения и передачи информации – словесно-вербальный и наглядно-вещественный (невербальный).

В ходе вербальной коммуникации субъект ОРД доводит до объекта сведения с помощью знаковой системы – языка и письменности, аудиовидеозаписи или иным способом, позволяющим кодировать информацию словесным кодом. Примером такой передачи могут служить знания субъекта ОРД о речевой субкультуре криминального мира, выражающиеся в жаргонной речи, сленге, с помощью которых он предстает перед объектом как типичный представитель преступного сообщества.

Невербальное и знаковое общение, происходящее при помощи жестов, мимики, интонации, особых знаков и визуальных символов, позволяет субъекту ОРД установить и поддерживать контакт с объектом оперативной заинтересованности, создать благоприятное впечатление, передать дополнительную информацию. Помимо этого, сведения могут доводиться через отдельные предметы сопутствующей обстановки, осуществление целенаправленных действий, поддерживающих имидж преступника. Демонстрация криминальной атрибутики (кодграбберы, отмычки, ножи и т. д.), нанесенные татуировки, показательно-негативное отношение к правоохраняемым интересам государства и общества позволяет тем самым субъекту ОРД изобразить свою причастность к преступному образу жизни и решить поставленные оперативно-тактические задачи.

При «динамичной» имитации познаваемые объекты погружаются в искусственно созданную среду, а их поведение изучается, контролируется и управляется лицом, его осуществляющим. Для решения оперативно-тактических задач субъект ОРД может моделировать определенные условия, ситуации и обстановку, создавать объекты, в т. ч. «легендированные», с помощью которых выяснять намерения противодействующего лица, его замыслы, планы, прогнозировать и предопределять его действия, принимать решения, выгодные для себя.

Анализируя основной компонент «динамичной» имитации – моделирование, как метод воспроизведения и исследования определённого фрагмента действительности (предмета, явления, процесса, ситуации) или контроля и

управления им, мы основываемся на представлении и изучении объекта с помощью его копии или подобия – модели. В нашем случае мы предлагаем рассматривать модель в двух формах:

1) материальной копии оригинала или воссоздания определенных условий (например, при осуществлении ОРМ «контролируемая поставка» возможна замена наркотического средства на имитационный материал либо при проведении «оперативного эксперимента» оперативные сотрудники имитируют совершение преступления, подтверждая факт преступного деяния материальными доказательствами (производство имитационного выстрела, фотографиями смерти потерпевшего, информацией в СМИ о произошедшем событии и т.д.).

2) моделирование как условный образ, представленный в абстрактной (мысленной или знаковой) форме и содержащий существенные свойства моделируемого объекта. Так, при изучении и осмыслении действий противоборствующего объекта оперативный сотрудник может мысленно смоделировать и антиципировать происходящие события в процессе выдвижения версии и планирования мероприятий, что повысит вероятностный успех при их реализации. В данном контексте актуальны слова великого китайского мыслителя Сун Цзы: «Кто – еще до сражения – побеждает предварительным расчетом, у того шансов много; кто – еще до сражения – не побеждает расчетом, у того шансов мало» [10, с. 237].

Как мы видим, содержательные элементы имитации дают нам возможность с помощью коммуникативных подходов и моделирования осуществить доведение определенной информации до объекта оперативной заинтересованности, в ходе которой возможна замена или дополнение имеющегося у него представления об окружающем мире, чтобы в последующем, основываясь на этих сведениях, он принимал решения, выгодные субъектам ОРД, тем самым способствовал достижению поставленных целей.

Таким образом, проанализировав некоторые аспекты имитации преступного поведения, можно предложить следующее определение.

Имитация преступного поведения – это действия субъекта ОРД по воспроизведению ролевого поведения объекта оперативной заинтересованности, выраженное в вербальной или невербальной форме либо моделирование искусственной обстановки (ситуации, условий), в ходе которой осуществляется воздействие на данный объект, с целью решения оперативно-тактических задач ОРД.

В своем исследовании мы отразили суть и назначение имитации преступного поведения, вывели дефиницию рассматриваемого процесса, определили ее элементы. В тоже время считаем, что на сегодняшний день анализируемая проблема является актуальной и дискуссионной и требует дальнейшего глубокого изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России. 2019. 332 с. ISBN 978-5-7889-0285-2.

2. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий : монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России. 2016. 232 с.

3. Пивоварчик А. В. Правовые и организационно тактические проблемы имитации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук в оперативно-розыскной деятельности органов

внутренних дел : автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Московская высшая школа милиции МВД России. М., 1993. 25 с.

4 Сизов Р. С., Воробьев Д. В. Теория идей Платона как учение о вневременном и внепространственном существовании // *Juvenis Scientia*. 2019. № 4. С. 45–47.

5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. // М.: АСТ. 2006. 976 с. Т. 3.Р–Я.

6. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М.: Вече, АСТ. 2002; Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна М. Институт новой экономики. 1998. 864 с.; Политология. Энциклопедический словарь / под ред. Ю. И. Аверьянова М. Издательство Московского коммерческого университета. 1993. 432 с.

7. Горевич Б. Н. Применение элементов имитации в дифференциальных моделях военных действий // *Вооружение и экономика*. 2010. № 2 (10). С. 31–41.

8. Керимов Д. А. Основы философии права. М. 1992. С. 42

9. Лекторский В. А. «Познание, действительность, реальность». // Вопросы философии. 2017. №9. С. 7–23.

10. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. / Пер. с кит. и исследование Н. И. Конрада. М.–Л.: Издательство АН СССР. 1950. 404 с.

REFERENCES

1. Zheleznyak N. S. Voprosy aktualizatsii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» [Questions of actualization of the Federal Law «On operational-search activity»]. Krasnoyarsk, Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, 332 p.

2. Chechetin A. E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatii [Ensuring the rights of the individual during operational-search activities]. Saint Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, 232 p.

3. Pivovarchik A.V. Legal and organizational-tactical problems of imitation in the operational-search activity of internal affairs bodies. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1993. 25 p.

4. Sizov R. S. Teoriya idei Platona kak uchenie o vnevremennom i vneprostranstvennom sushchestvovanii [The theory of Plato's ideas as a doctrine of timeless and extra-spatial existence]. *Juvenis Scientia*. 2019, no. 4, pp. 45–47.

5. Efremova T. F. . Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. T.3. Moscow, AST, 2006, 976 p.

6. Ribs A. (by Ed.) Oxford Dictionary of Psychology. Moscow, Vechе, AST, 2002; Azrilyana A. N. (by Ed.) Big Economic Dictionary. Moscow, Institute of New Economics. 1998, 864 p.; Yu. I. Averyanova (by Ed.) Political science. Encyclopedic Dictionary. Moscow, Publishing house of the Moscow Commercial University, 1993, 432 p.

7. Gorevich B. N. Primenenie elementov imitatsii v differentsial'nykh modelyakh voennykh deistvii [The use of simulation elements in differential models of military operations]. *Vooruzhenie i ekonomika—Armament and economics*. 2010, no. 2 (10), pp. 31–41.

8. Kerimov D. A. Osnovy filosofii prava [Fundamentals of the philosophy of law]. Moscow, 1992, p. 42.

9. Lektorsky V. A. «Poznanie, deistvitel'nost', real'nost'» [Knowledge, Reality, Reality]. *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*. 2017, no. 9, pp. 7–23.

10. Sun Tzu. Treatise on the art of war. / Per. with whale. and research by N.I. Konrad. – M.-L. : Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1950, 404 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лузько Дмитрий Николаевич, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Luzko Dmitry Nikolaevich Deputy Head of the Department of Operational and Investigative Activities in the Department of Internal Affairs. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, st. Lermontov, 110

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 215–228.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no.4 (103). P. 215–228.

Научная статья

УДК 316.35

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.73.47.021

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХАЛАТНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Мурина Юлия Викторовна

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация,
levinayv@mail.ru

Введение: в статье проводится сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства стран постсоветского пространства об ответственности за халатность по ряду ключевых моментов: формулировка названия данного преступления, его место в системе Особенной части уголовного закона (видовой объект преступления), особенности субъекта халатности, а также признаков его объективной и субъективной стороны, наличие и содержание квалифицирующих признаков, наказуемость халатности, наличие ее специальных видов или разновидностей.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство стран – бывших республик СССР. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, совместно, как с общенаучными методами исследования, такими как анализ, синтез, дедукция, индукция, так и специальными методами – сравнительно-правовым, формально-логическим.

Результаты исследования: позволили выявить особенности законодательной регламентации уголовной ответственности за халатность в названной группе стран, с учетом положительного зарубежного законодательного опыта в исследуемой сфере сформулировать возможные направления совершенствования норм российского законодательства об ответственности за халатность.

Выводы и заключения: выявлены и описаны три подхода к определению видового объекта и субъекта халатности; отмечена схожесть в описании деяния в составе халатности и некоторые отличия в описании последствий, выступающих основанием дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление; среди возможных направлений совершенствования российского уголовного закона выделены: уточнение формы вины как признака состава халатности, ужесточение санкций норм, предусмотренных чч. 1 и 1¹ ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), а также криминализация халатности как преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях, а также специальных ее видов в других главах уголовного закона.

© Мурина Ю. В., 2022

¹ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021): принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/33ed8a9caec9cd5b4c329b9a17409a19c583d4d4/ (дата обращения 15.01.2022).

Ключевые слова: халатность, должностное лицо, дифференциация уголовной ответственности, сравнительно-правовой анализ, признаки состава халатности.

Для цитирования: Мурина Ю.В. Особенности уголовной ответственности за халатность в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 215–228.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.73.47.021

Original article

SPECIFIC FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR NEGLIGENCE IN THE CRIMINAL LAW OF THE COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE

Yulia V. Murina

Siberian law university, Omsk, Russian Federation,
levinayv@mail.ru

Introduction: the article provides a comparative legal analysis of the norms of the criminal legislation of the post-Soviet countries on liability for negligence on a number of key points: the wording of the name of this crime, its place in the system of the Special Part of the Criminal Law (specific object of the crime), peculiarities of the subject of negligence, and also signs of its objective and subjective side, the presence and content of qualifying signs, punishability of negligence, the presence of its special types or varieties.

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the criminal legislation of the countries - the former republics of the USSR. The methodological basis of the research is the dialectical method of scientific knowledge, together with both general scientific research methods, such as analysis, synthesis, deduction, induction, and special methods - comparative legal, formal logical.

The Results of the study: made it possible to identify the features of the legislative regulation of criminal liability for negligence in the named group of countries, considering the positive foreign legislative experience in the field under study, to formulate possible directions for improving the norms of Russian legislation on liability for negligence.

Findings and Conclusions: identified and described three approaches to the definition of the species object and the subject of negligence; noted the similarity in the description of the act of negligence and differences in the description of the consequences that serve as the basis for the differentiation of criminal liability for the crime in question; Among the possible directions for improving the Russian criminal law, the following are highlighted: clarification of the form of guilt as a sign of the composition of negligence, toughening of the sanctions of the norms provided for by the CC. 1 and 1.1 Art. 293 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the criminalization of negligence as a crime against the interests of service in commercial or other organizations, as well as its special types within the framework of other chapters of the criminal law.

Keywords: negligence, official, differentiation of criminal liability, comparative legal analysis, signs of negligence.

For citation: Murina Yu. V. Osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti za halatnost' v ugovolnom zakonodatel'stve stran postsovetskogo prostranstva [Specific features of criminal liability for negligence in the criminal law of the countries of the post-soviet space]

Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 215–228 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.73.47.021

В современном мире, характеризующимся усилением интеграционных процессов во многих сферах общественной жизни, в том числе и правовой, использование сравнительно-правового метода исследования приобретает особое значение. Нельзя не согласиться с образным выражением Р. Леже: «Изучение других правовых систем позволит человеку, знакомому только с правом своей страны, открыть двери в правовую вселенную» [1, с. 2].

Изучение зарубежного опыта законодательной регламентации тех или иных правовых явлений позволяет критически осмыслить исследуемые нормы отечественного законодательства, задуматься о возможных путях их совершенствования. Как верно отметила А. К. Карданова, сравнительное правоведение «находится на переднем крае развития современной юридической науки, является методологическим донором для юридических наук, привносит в юридическую мысль идеи понимания между народами, культурами, цивилизациями, дает возможность совершенствовать правовую систему России на основе переосмысления развития права в региональном и глобальном масштабе, обогащать национальное право с помощью лучших зарубежных норм и концепций» [2, с. 18].

Большое значение, на наш взгляд, имеет изучение норм о халатности в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства. Их объединяет общий период истории, что обуславливает определенную схожесть уголовно-правового регулирования. Ввиду данного обстоятельства выявление особенностей установления уголовной ответственности за халатность представляет интерес в плане возможной имплементации положительного законодательного опыта.

Анализируемое преступление в уголовном законодательстве указанных стран имеет три варианта названия:

– халатность (УК Республики Казахстан², УК Республики Азербайджан³, УК Республики Таджикистан⁴, УК Кыргызской Республики⁵, УК Туркменистана⁶, УК Эстонии⁷);

² Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=5;-106 (дата обращения 15.05.2021).

³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) URL: [https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#pos=6\(дата обращения 15.05.2021\)](https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#pos=6(дата обращения 15.05.2021)).

⁴ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения 15.05.2021).

⁵ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19. URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840 (дата обращения 15.05.2021).

⁶ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286#pos=68;-54 (дата обращения 15.05.2021).

⁷ Уголовный кодекс Эстонии URL: https://www.legislationonline.org/download/id/6462/file/Estonia_CC_as_of_2002_ru.pdf (дата обращения 15.05.2021).

- служебная халатность (УК Республики Молдова⁸, УК Грузии⁹, УК Республики Армения¹⁰, УК Украины¹¹, УК Республики Беларусь¹²);
- должностная халатность (УК Республики Узбекистан)¹³.

Название главы, в которой располагается преступление, как правило, дает достаточно полное представление о его видовом объекте. Однако в некоторых случаях для уточнения сферы охраняемых общественных отношений, выступающих видовым объектом, требуется исследование признаков субъекта преступления. Этим обусловлено рассмотрение вопросов места расположения нормы о халатности и ее субъекте во взаимосвязи друг с другом.

В большинстве стран обозначенной группы халатность признается посягательством на интересы государственной службы, хотя формулировки соответствующих глав уголовных законов различаются. Так, в УК Республики Армения служебная халатность расположена в главе «Преступления против государственной службы», в УК Туркменистана – **«Преступления против интересов государственной службы»**. В УК Таджикистана чуть более широкое название соответствующей главы – **«Преступления против государственной власти, интересов государственной службы»**. Данные названия вполне определенно свидетельствуют о том, что видовым объектом халатности выступают общественные отношения, в которых реализуются интересы государственной службы. Данный вывод подтверждается и содержанием понятия «должностное лицо», используемого для обозначения субъекта халатности (примечание 3 к ст. 308 УК Республики Армении, примечание к ст. 181 УК Туркменистана, примечание 1 к ст. 314 УК Республики Таджикистан). Законодательные дефиниции должностного лица в названных странах, напоминают понятие «должностного лица» по УК РФ в его первоначальных редакциях.

Схожие названия глав, в которых располагается анализируемое преступление по УК Кыргызской Республики и УК Республики Казахстан – «Коррупционные и иные преступления против интересов государственной и муниципальной службы» и «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления» соответственно. Данные названия также позволяют сделать вывод о том, что видовой объект ограничен сферой интересов государственной (муниципальной) службы. Это подтверждает и содержание субъекта рассматриваемого преступления. Примечательно, что по УК Республики Казахстан для его обозначения используется несколько понятий: лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций, либо приравненное к нему лицо, либо должностное лицо, либо лицо, занимающим ответственную государственную должность. Причем все виды указанных субъектов, условно выражаясь, представляют государственную сферу (пп. 26, 27, 28. 16 ст. 3 УК Республики Казахстан).

⁸ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=179;- (дата обращения 15.05.2021).

⁹ Уголовный кодекс Грузии// Законодательный вестник Грузии URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=229> (дата обращения 15.05.2021)

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Армения URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#11a> (дата обращения 15.05.2021).

¹¹ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30418109 (дата обращения 15.05.2021).

¹² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=3462;-54 (дата обращения 15.05.2021).

¹³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110#pos=5;-106 (дата обращения 15.05.2021).

Несколько иной подход демонстрирует УК Республики Узбекистан, рассматривая в качестве видового объекта должностной халатности порядок управления, а родового – **порядок функционирования органов власти, управления и общественных объединений**. То есть видовой объект халатности – это не интересы службы, а порядок управления, в том числе самоуправления граждан.

В УК Азербайджанской Республики норма о халатности содержится в главе «Коррупционные преступления и иные преступления против интересов службы» раздела «Преступления против государственной власти». Казалось бы, видовой объект, как часть родового, должен быть ограничен интересами государственной службы. Однако понятие должностного лица включает лиц, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, в том числе и в коммерческих и некоммерческих организациях (примечание к ст. 308 УК Азербайджанской Республики). Следовательно, видовой объект халатности включает интересы не только государственной службы, но и службы в коммерческих и иных организациях.

Такой же широкий подход к определению видового объекта исследуемого преступления реализован в УК Республики Беларусь. В названиях соответствующих главы и раздела нет акцента на том, что служба и управление ограничены государственной сферой. Кроме того, понятие «должностное лицо» имеет широкое содержание. В нем акцент сделан именно на полномочиях. Так, должностным лицом признаются не только представители власти, но и представители общественности, наделенные полномочиями представителя власти, а также лица, чьи должности связаны с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, и лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий. При этом форма собственности учреждения, организации или предприятия, где эта должность занимается, не имеет значения (ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь).

Несколько иной подход к определению названия главы уголовного закона, в которой установлена ответственность за халатность, в УК Эстонии и УК Грузии. В этих странах законодатель указал в названиях главы не объект преступлений, а скорее их субъекта: «Должностные преступления» (УК Эстонии), «Служебные преступления» (УК Грузии). В связи с этим приемом законодательной техники для определения видового и непосредственного объекта халатности необходимо обратить внимание, в первую очередь, на субъекта указанного преступления. Поскольку из содержания ст. 160 УК Эстонии следует, что должностными лицами являются лица, занимающие должности в учреждениях, на предприятиях и в организациях, основывающихся на любой форме собственности, можно сделать вывод, что видовой и основной непосредственный объект халатности включает интересы не только государственной службы, но и службы в иных негосударственных организациях.

В УК Грузии субъект халатности обозначен словами «чиновники» и «приравненные к ним лица», законодательное определение которых отсутствует. Однако из примечания 1 к ст. 332 Злоупотребление служебными полномочиями следует, что признак субъектов преступлений, предусмотренных главой «Служебные преступления» – осуществляющие публично-правовых полномочий. То есть можно сказать, что Грузия придерживается широкого подхода к определению субъекта и видового объекта халатности, но все же ограничивая его публичной сферой деятельности физических и юридических лиц.

Такое же ограничение наблюдается и в уголовном законодательстве Украины и Молдовы: видовой объект связан с публичной сферой общественных отношений. Так,

по УК Украины анализируемое преступление расположено в Разделе «Уголовные преступления в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг» (деления на главы уголовного закон Украины не имеет), а по УК Молдовы – в Главе «Преступления против надлежащего порядка работы в публичной сфере».

Отметим, что публичные услуги оказывают не только органы государственной власти и органы местного самоуправления (государственные и муниципальные услуги), но и иные организации (в том числе коммерческие) и лица, специально уполномоченные государством на оказание таких услуг. Отличительной чертой публичных услуг является то, что их содержание и порядок оказания имеют четкую правовую регламентацию [3, с. 36]. То есть видовой объект халатности в данных странах по своему объему занимает «промежуточное» положение: не ограничивается интересами только государственной службы, но и не включает общественные отношения, в которых реализуются интересы службы в коммерческих или иных организациях, чья деятельность не связана с оказанием публичных услуг.

Данный вывод подтверждается и определением субъекта халатности в указанных странах. В соответствии с ч. 3 ст. 18 УК Украины, к должностным относятся среди прочих лица, занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций на предприятиях, в учреждениях или организациях, форма собственности которых не ограничена государственной или муниципальной. Законодатель Республики Молдова уже в самом названии субъекта халатности – «публичное лицо» подчеркивает то, что сфера деятельности субъекта халатности не ограничена государственной службой.

Таким образом, в странах постсоветского пространства реализованы три подхода к определению сферы общественных отношений, выступающих видовым объектом халатности, и субъекту данного преступления:

- узкий (государственный), где названные признаки ограничены государственной сферой;
- широкий (названное ограничение отсутствует);
- промежуточный (включает государственную сферу интересов, а также сферу интересов организаций, осуществляющих публичную деятельность).

Российский законодатель, изначально придерживавшийся первого варианта, сейчас на пути к промежуточному варианту, поскольку в понятие должностного лица включены публично-правовые компании и ряд других организаций¹⁴. Вопрос о необходимости дальнейшего расширения понятия «должностного лица» требует, на наш взгляд, самостоятельного рассмотрения.

Законодательное описание деяния халатности в уголовных законах анализируемых стран практически одинаковое, хотя есть незначительные вариации. Преимущественно, так же, как и в ст. 293 УК РФ, деяние сформулировано следующим образом: неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей (уголовные кодексы Казахстана, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызской Республики, Туркменистана, Молдовы). Второй вариант формулировки – неисполнение или ненадлежащее исполнение своих *служебных* обязанностей (уголовные кодексы Республики Беларусь, Украины, Грузии и Эстонии).

¹⁴ О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377636/ (дата обращения 20.01.2022).

Возможно, второй вариант связан с тем, что преступление имеет название – служебная халатность (в Эстонии – должностная халатность). Впрочем, у некоторых стран, которые сформулировали деяние анализируемого преступления без указания на служебный характер обязанностей, также преступление называется служебной халатностью (УК Республики Армения, УК Республики Молдова).

В объективную сторону халатности по законодательству всех стран помимо деяния входят общественно опасные последствия, то есть состав преступления является материальным. Описание последствий имеет как схожие черты, так и различия. Схожим моментом является дифференциация уголовной ответственности в зависимости от характера последствий. В большинстве стран анализируемой группы статья о халатности состоит из двух частей, лишь в Республики Азербайджан она состоит из трех частей, а в Эстонии – не делится на части.

Последствия как признак основного состава халатности сформулированы в следующих вариациях:

- существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (Таджикистан, Туркменистан). В УК Грузии реализован такой же подход к определению последствий, но вместо слова «граждан» использовано выражение «физического лица или юридического лица»;

- существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства (УК Республики Казахстан, УК Республики Таджикистан). По УК Украины последствие халатности определено таким же образом, но дополнено, что вред может быть причинен помимо вышеуказанных субъектов, еще и интересам отдельных юридических лиц. В некоторых кодексах вместо слова «граждан» использованы слова: «лиц или организаций» (УК Республики Армения), «физических или юридических лиц» (УК Республики Азербайджан);

- ущерб государственному имуществу в особо крупном размере (УК Республики Беларусь);

- значительный вред (УК Кыргызской Республики);

- крупный ущерб либо существенный вред правам или охраняемым законом интересам граждан либо государственным или общественным интересам, средней тяжести или тяжкое телесное повреждение (УК Республики Узбекистан);

- ущерб в крупных размерах общественным интересам либо правам и охраняемым законом интересам физических или юридических лиц (УК Республики Молдова).

- крупный имущественный ущерб или иные тяжкие последствия для охраняемых законом прав и интересов лиц, предприятий, учреждений или организаций либо интересов государства (УК Эстонии).

Анализируя приведенные подходы к определению последствий как признака основного состава халатности, отметим ряд заслуживающих внимания моментов.

В большинстве анализируемых стран при описании последствий как признака основного состава законодатель использует термин «существенный вред» или «существенное нарушение». Последний из вариантов, напомним, используется в УК РФ. Хотя, на наш взгляд, более точно описывает последствия первое словосочетание. Слово «нарушение» может характеризовать и деяние, и его результат, а слово «вред» традиционно используется при определении преступных последствий [4, с. 6; 5, с. 49].

Что же касается существенности, то это оценочное понятие, чаще всего раскрывается в разъяснениях высшей судебной инстанции государств. Однако есть примеры и законодательного определения существенного вреда.

Так, В УК Республики Казахстан дается общая для всего уголовного закона, а не только состава халатности, дефиниция (п. 14 ст. 3 УК РК), из которой следует, что существенным вредом являются как нематериальные, так и материальные имущественные последствия (значительный ущерб). По УК Республики Армения также термин «существенный вред» охватывает материальные и нематериальные последствия. Это отражено в диспозиции нормы о халатности (ч. 1 ст. 315 УК Республики Армения), где после описания последствий в скобках указывается размер имущественного ущерба, признаваемого существенным вредом.

По УК Украины существенный вред – это вред, который в сто и более раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан (примечание 3 к ст. 364), т. е. последствия имеют имущественный характер. А вот УК Республики Узбекистан существенный вред связывается с неимущественными изменениями в правах или охраняемым законом интересах, поскольку в качестве альтернативных последствий, как и в УК РФ, предусмотрен крупный ущерб. Такой подход, на наш взгляд, более верный. Заимствование более широкого понимания существенного вреда, означало бы нарушение традиции российской юридической техники связывать термин ущерб с имущественной сферой, а существенный вред – с неимущественной. Те страны, которые связывают последствия основного состава халатности только с имущественной сферой, уместно, на наш взгляд, используют термин «ущерб».

Обращает на себя внимание, указание в качестве альтернативных последствий халатности средней тяжести или тяжкое телесное повреждение (УК Республики Узбекистан). Следует ли данный вариант законодательной регламентаций последствий воспринять российскому уголовному закону? Полагаем, что нет. Неосторожное причинение средней тяжести вреда не признается преступлением по УК РФ. Что же касается тяжкого вреда здоровью, то данное последствие справедливо считается более тяжким, чем имущественный ущерб или существенное нарушение прав и законных интересов, и признается квалифицирующим признаком халатности.

В качестве квалифицирующих признаков халатности законодатель большинства анализируемых стран предусмотрел смерть или иные тяжкие последствия (Беларусь, Армения, Грузия, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Молдова).

В некоторых странах квалифицирующим признаком являются тяжкие последствия (УК Республики Казахстан, УК Украины). В УК Республики Казахстан данный термин имеет законодательное определение (п. 4 ст. 3 УК Республики Казахстан), из которого следует, что тяжкие последствия включают в себя смерть человека. Видимо, по этой причине последняя отдельно не указывается в квалифицированном составе рассматриваемого преступления. Из законодательного определения тяжких последствий также следует, что смерть одного и смерть нескольких людей, крупный и особо крупный ущерб уравниваются законодателем между собой по степени общественной опасности. Полагаем, что учет различных по своей природе последствий, объединенных общим понятием «тяжкие последствия» осуществляет суд при индивидуализации наказания.

Согласно примечанию 4 к ст. 364 УК Украины, тяжкими последствиями, в том числе и халатности, признаются «такие последствия, которые в двести пятьдесят и более раз превышают необлагаемый минимум доходов граждан». По всей видимости, по УК Украины последствия халатности носят имущественный характер.

Отличается квалифицированный состав должностной халатности по УК Республики Узбекистан. В качестве квалифицирующих признаков указаны: смерть человека (как отмечалось выше, тяжкое телесное повреждение предусмотрено как последствие в основном составе преступления) и незаконный провоз через государственную или таможенную границу Республики Узбекистан наркотических средств, их анало-

гов или психотропных веществ в крупных размерах. То есть законодатель данной страны не использует широкое понятие «тяжкие последствия», дифференцирует ответственность в зависимости от того была ли причинена смерть или тяжкое телесное повреждение и ужесточает ответственность за халатность повлекшую по сути контрабанду наркотических средств, их аналогов или психотропных веществ.

Наименее удачный, на наш взгляд, вариант дифференциации уголовной ответственности за халатность в зависимости от последствий представлен в УК Кыргызской Республики. В качестве признака основного состава указан значительный вред, в качестве признака квалифицированного состава – тяжкий вред. Эти понятия не разъяснены в нормах уголовного закона, что затрудняет толкование их содержания.

В УК Республики Азербайджан предусмотрен особо квалифицирующий признак – смерть двух и более лиц. Такой же законодательный прием использован и в ст. 293 УК РФ.

Если сравнивать уровень дифференциации уголовной ответственности халатность по УК РФ и уголовному законодательству стран постсоветского пространства, то можно сказать, что в России он является наиболее высоким. Это проявляется хотя бы в том, что ст. 293 УК РФ «Халатность» включает 4 части, а не как в большинстве стран – две. Отметим, что в научной литературе иных стран, в частности Беларуси, критикуется столь детальная дифференциация уголовной ответственности в ст. 293 УК РФ. Существование одного основного состава, по мнению критиков, позволяет судье «широко варьировать возможное наказание в зависимости от фактических обстоятельств дела и вины лица» [6, с. 84].

На наш взгляд, в ст. 293 УК РФ вполне адекватно учтена различная степень опасности различных по своему содержанию последствий. Возникает вопрос, может ли зарубежный опыт в части регламентации последствий халатности быть полезен для российского уголовного закона? Полагаем, что возможно было бы использовать для описания последствий в ч.1 ст. 293 УК РФ словосочетание «существенный вред», вместо «существенное нарушение». Кроме того, в ч. 2 ст. 293 УК РФ можно было бы в качестве альтернативных последствий указать на иные тяжкие последствия.

Рассмотрение особенностей законодательной регламентации признаков субъективной стороны халатности приводит к выводу, что при описании основного состава халатности в большинстве анализируемых уголовных законах, также как и в УК РФ, не используются слова «умышленно» или «по неосторожности». Лишь отмечается, что неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей является следствием соответствующего к ним (обязанностям) или к службе отношения – «вследствие недобросовестного или небрежного отношения». После этого указываются последствия: «если это повлекло...».

При описании квалифицированных (особо квалифицированных) составов одни страны также не упоминают форму вины, используя конструкцию: «То же деяние (те же деяния), повлекшее (причинившие)...» – Украина, Грузия, Узбекистан, Молдова.

Другие страны указывают на неосторожную форму вины: «То же деяние (те же деяния), повлекшее (причинившие) по неосторожности...» – Беларусь, Казахстан, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан.

Недостатками указанного приема законодательной техники, используемого при конструировании основного состава халатности, на наш взгляд, являются следующие моменты:

– используется понятие «недобросовестное», которое вообще не относится к формам вины;

– предметом недобросовестного или небрежного отношения являются служба или обязанности, вина же – это психическое отношение к деянию и последствиям. Другими словами, недобросовестное или небрежное отношение к службе может быть и при умышленном деянии, например злоупотреблении должностными полномочиями. Если буквально толковать рассматриваемую норму, то можно сказать, что халатность может быть как умышленным, так и неосторожным преступлением. Однако правоприменитель однозначно признает данное преступление неосторожным. Именно как неосторожное преступление халатность рассматривается в большинстве источников научной и учебной литературы [7, с. 122-123; 8, с. 592].

Кроме того, нелогичным выглядит различное описание субъективной стороны в основном и квалифицированном (особо квалифицированном) составе.

Иной подход в описании субъективной стороны, лишенный указанных недостатков), избрали Кыргызская Республика и Республика Армения.

В ст. 331 УК Кыргызской Республики халатность определена как неисполнение или ненадлежащее, в силу легкомыслия или небрежности, исполнение должностным лицом своих обязанностей, причинившее по неосторожности значительный вред. При описании квалифицирующего признака указано на неосторожность.

Преимуществами такого варианта описания основного состава халатности являются:

- использование терминов, характеризующих неосторожную форму вины (легкомыслие и небрежность);
- легкомыслие или небрежность характеризуют деяние, а не отношение к службе.

Законодатель Республики Армения совместил наиболее распространенный вариант описания деяния халатности и указание на форму вины: «Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, причинившие по неосторожности...». В квалифицированном составе также используется слово «по неосторожности».

Полагаем, что такой законодательный опыт является положительным и может быть воспринят отечественным законодательством.

Наказуемость халатности в странах постсоветского пространства имеет различия. В некоторых из них (Армения, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызская Республика), так же, как и в России, халатность, не повлекшая смерть или тяжкие последствия, не влечет наказания в виде лишения свободы. В тех странах, в которых указанный вид наказания предусмотрен, различается его максимальный срок:

- до 6 месяцев (Азербайджан);
- до 1 года (Казахстан);
- до 2 лет (Молдова)
- до 3 лет (Украина, Грузия);
- до 5 лет (Беларусь).

Отметим, что в Республиках Казахстан и Беларусь, а также в Украине лишение свободы – безальтернативный вид наказания за основной состав халатности.

В качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы предусмотрено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (Беларусь, Украина, Молдова). В Украине также в качестве дополнительного наказания предусмотрен и штраф.

Максимальное наказание квалифицированной халатности – лишение свободы:

- до 4 лет (Казахстан)\$
- до 5 лет (Армения Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан);

- от 2 до 5 лет (Грузия, Украина);
- от 2 до 6 лет (Беларусь, Молдова).

В большинстве стран в качестве дополнительного наказания выступает лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в Украине еще и штраф.

По УК Эстонии максимальное наказание за халатность (ответственность не дифференцируется) – 1 год лишения свободы.

Особо квалифицированный состав халатности, повлекшей смерть двух и более лиц (выделяется только по УК Республики Азербайджан) наказывается лишением свободы от 3 до 7 лет. По УК РФ такой особо квалифицирующий признак влечет такое же максимальное наказание.

Сравнительный анализ наказуемости халатности позволяет сделать вывод о том, что квалифицированный и особо квалифицированный составы данного преступления (ч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ) наказываются так же, как и в большинстве анализируемых стран, а вот санкции чч. 1 и 1¹ УК РФ могли бы стать предметом для самостоятельного исследования в свете возможности их ужесточения (с учетом зарубежного опыта).

Интересен, с точки зрения возможных направлений совершенствования уголовного законодательства в части, касающейся уголовной ответственности за халатность, вопрос о специальных или смежных нормах о данном виде общественно опасного деяния. Отметим, что лишь в немногих странах (Республика Узбекистан, Кыргызская Республика, Туркменистан) уголовное законодательство не содержит таких норм.

Указанные нормы широко представлены в УК Республики Казахстан. Здесь есть и смежная норма, расположенная в **Главе 9. «Уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях» в ст. 254 Недобросовестное отношение к обязанностям**. Основные отличия с халатностью – в видовом объекте и соответственно субъекте преступления. Кроме того, смерть человека или иные тяжкие последствия в данном преступлении являются признаком не квалифицированного, а основного состава. Согласимся с исследователями данной проблемы, что выделение «управленческой халатности» представляет интерес в плане заимствования отечественным законодателем [9, с. 72; 10, с. 55].

Специальные составы халатности по УК Республики Казахстан:

- ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 141). Субъектом такого деяния может быть лицо, на которое указанные обязанности возложены по службе;

- воинское уголовное правонарушение – халатное отношение начальника или должностного лица к службе, причинившее существенный вред (ч. 1 ст. 453 УК Республики Казахстан). Квалифицирующим признаком данного деяния выступают тяжкие последствия, особо квалифицирующими – военное время или в боевая обстановка.

Подобные указанным двум нормам о специальных видах халатности есть в УК Украины (ст. 137 и ст. 425). Халатное отношение к службе как преступление против военной службы есть также в УК Республики Армения (ст. 376) и УК Республики Азербайджан (ст. 342). Нормы о «коммерческой» или «управленческой» халатности в уголовных законах указанных стран нет. Что касается Республик Армения и Азербайджан, видимо, законодатель этих стран не считает «коммерческую» халатность общественно опасным деянием. Применительно же к УК Украины это можно объяснить широким понятием должностного лица.

А вот УК Грузии, относящий к субъектам служебной халатности лиц, осуществляющие публично-правовые полномочия, содержит смежную норму, которая

расположена в Главе «Преступления против интересов службы в предпринимательских и иных организациях» – ст. 220¹ «Халатность».

Основной состав халатности сформулирован следующим образом: «невыполнение или ненадлежащее выполнение лицом, наделенным руководящими, представительскими или другими специальными полномочиями на предприятии или в иной организации, своих служебных обязанностей вследствие небрежного отношения к ним, что повлекло существенное нарушение законных интересов государства».

Обращает на себя внимание формулировка последствий: криминообразующим признаком выступает существенное нарушение только законных государственных интересов (существенное нарушение законных интересов личности и общества преступление не образует). Смерть человека или иные тяжкие последствия – признак квалифицированного состава преступления.

Специальным видом служебной халатности является преступление, предусмотренное ст. 342¹ УК Грузии: Неисполнение или ненадлежащее исполнение служащими Специальной пенитенциарной службы или приравненными к ним лицами установленного на службе порядка вследствие небрежного отношения к нему, повлекшее побег обвиняемого/осужденного из пенитенциарного учреждения, во время вывоза/перевода или экстрадиции либо дезорганизацию деятельности пенитенциарного учреждения. Те же деяния, повлекшие смерть человека или иные тяжкие, влекут более строгую ответственность – по ч. 2 указанной статьи.

Специальный вид халатности по УК Республики Таджикистан предусмотрен в ч. 2 ст. 323(1): Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом или государственным служащим своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло незаконную выдачу паспорта гражданина Республики Таджикистан иностранному гражданину или лицу без гражданства, либо незаконное получение гражданства Республики Таджикистан.

Статья 213 УК Республики Молдова устанавливает ответственность за нарушение по халатности врачом или иным медицинским работником правил или методов оказания медицинской помощи, повлекшее; а) причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью; б) смерть пациента.

На наш взгляд, рассматривать эту норму в качестве специальной по отношению к халатности не совсем верно, поскольку соблюдение правил или методов оказания медицинской помощи – это скорее профессиональные, чем служебные обязанности.

Обобщая результаты проведенного сравнительно-правового анализа норм о халатности по уголовному законодательству стран постсоветского пространства можно сделать ряд выводов.

В уголовном законодательстве указанных стран реализованы три подхода к определению сферы общественных отношений, выступающих видовым объектом халатности, и субъекту данного преступления:

– узкий (государственный), где названные признаки ограничены государственной сферой – Республики Армения, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан;

– широкий (названное ограничение отсутствует) – Республики Беларусь, Азербайджан, Эстония;

– промежуточный (включает государственную сферу интересов, а также сферу интересов организаций и лиц, осуществляющих публичную деятельность – Грузия, Украина, Молдова.

В российском законодательстве отмечается тенденция к расширению, понятия должностного лица. Вопрос о продолжении данного процесса требует, на наш взгляд, самостоятельного рассмотрения.

Описание деяния в составе халатности у всех стран схожее – неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей (служебных обязанностей), последствия основного состава преимущественно обозначаются терминами «существенное нарушение» или «существенный вред», последнее из них, на наш взгляд, предпочтительнее для описаний последствий и могло бы быть использовано в ч. 1 ст. 293 УК РФ, кроме того, ч. 2 ст. 293 УК РФ (с учетом опыта большинства изученных стран) можно было бы дополнить иными тяжкими последствиями.

Считаем заслуживающим внимания законодательный опыт Республики Армения в части описания признаков субъективной стороны основного и квалифицированного состава. Использование слов «причинившие по неосторожности...» исключает сомнения в том, что халатность – неосторожное преступление.

Сравнение санкций норм о халатности показало, что квалифицированный и особо квалифицированный составы данного преступления (ч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ) наказываются также, как и в большинстве анализируемых стран, а вот санкции чч. 1 и 1¹ ст. 293 УК РФ могли бы стать предметом для самостоятельного исследования в свете возможности их ужесточения.

Перспективным направлением развития отечественного законодательства с учетом зарубежного опыта могла бы стать криминализация халатности как преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях, а также специальных ее видов в рамках глав: «Преступления против семьи и несовершеннолетних», «Преступления против военной службы». В связи с этим актуализируется вопрос о формулировке названия халатности и ее разновидностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2011. 576 с.
2. Карданова А.К. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни России // Ленинградский юридический журнал. СПб. 2013. № 2 (32). С. 16–23.
3. Маланина Е. Н. Классификация публичных услуг // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). Право. Вып. 31. С. 36–38.
4. Степанов В.Г. Общественно опасные последствия в уголовном праве: Дис... канд. юрид. наук. Самара. 2006. 204 с.
5. Бавсун М.В., Баландюк В.Н., Вишнякова Н.В., Николаев К.Д. Конспект лекций по уголовному праву России. Общая часть : учебное пособие. Москва: Юрлитинформ. 2017. 188 с.
6. Лазутина Л.Ф., Василевский Л. И. Ответственность за халатность должностных лиц в законодательстве стран-участниц СНГ // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. 2015. № 2 (46). С.82-90.
7. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Москва: Юрид. лит., 1975. 167 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – Омск: Омская академия МВД России. 2020. 768 с.
9. Кочерга В.А. Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты: Дисс... канд. юрид. наук. Краснодар. 2017. 204 с.
10. Царев Е.В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность: история, современность, перспективы развития: Дисс... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. 252 с.

REFERENCES

1. Leger R. Great legal systems of our time: a comparative legal approach. M.: Walters Kluver, 2011, 576 p.
2. Kardanova A.K. On the role of comparative jurisprudence in modern legal life in Russia // Leningrad legal journal. SPb., 2013, no. 2 (32), pp. 16-23.
3. Malanina E. N. Classification of public services // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. No. 1 (255). Right. Issue 31, pp. 36–38.

4. Stepanov V.G. Socially dangerous consequences in criminal law: Dis ... cand. jurid. sciences. Samara, 2006, 204 p.
5. Bavsun M.V., Balandyuk V.N., Vishnyakova N.V., Nikolaev K.D. Lecture notes on criminal law of Russia. Moscow: Yurli-tinform, 2017, 188 p.
6. Lazutina L.F., Vasilevsky L.I. Responsibility for the negligence of officials in the legislation of the CIS member states // Vesnik MDU name AA Kulyashov. 2015, no. 2 (46), pp.82-90.
7. Zdravomyslov B.V. Official crimes. Moscow: Yurid. lit., 1975, 67 p.
8. Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook / ed. M.V. Bavsun. – Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, 768 p.
9. Kocherga V.A. Negligence: substantive, comparative, law enforcement aspects: Diss ... cand. jurid. sciences. Krasnodar. 2017, 204 p.
10. Tsarev E.V. Criminal legislation on liability for negligence: history, modernity, development prospects: Diss ... cand. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2009, 252 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурина Юлия Викторовна, аспирант, Сибирский юридический университет. 644010, г. Омск, ул. Короленко, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Murina Yulia Viktorovna, postgraduate student. Siberian law university. 644010, Omsk, Korolenko, 12.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 229–238.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
no.4 (103). P. 229–238.

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.96.69.022

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СООТВЕТСТВИИ С П. 3 Ч. 1 СТ. 208 УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Петухова Жанна Петровна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
petuhova.zhp@mail.ru

Введение: в статье рассмотрены проблемные вопросы производства предварительного следствия в условиях распространения COVID-19 и принятия решения о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Проведен анализ оснований и условий приостановления предварительного следствия, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Материалы и методы: нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и Указы Президента Российской Федерации регламентирующие основания, порядок и условия приостановления предварительного следствия, а также диссертационные исследования и др. научные работы, рассматривающие данную проблематику. Методологическую основу исследования составили общий диалектический метод познания процессов и явлений, а также познавательные методы, методы логической дедукции и индукции, анализа и обобщения.

Результаты исследования: отразили проблемные вопросы, возникающие при производстве следственных и процессуальных действий по уголовному делу и принятии правового решения по результатам расследования.

Выводы и заключения: по результатам настоящего исследования в п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предлагается вести понятия приостановление предварительного следствия, основание и порядок приостановления следствия, отсутствие реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу и внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Ключевые слова: приостановление предварительного следствия, подозреваемый, обвиняемый, отсутствие реальной возможности, COVID-19, массовая эпидемия.

Для цитирования: Петухова Ж. П. Приостановление предварительного следствия в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 229–238

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.96.69.022

Original article

**SUSPENSION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION
IN ACCORDANCE WITH P. 3 PART 1 ART. 208 CODE OF CRIMINAL
PROCEDURE****Zhanna P. Petukhova**

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, petuhova.zhp@mail.ru

Introduction: the article deals with the problematic issues of conducting a preliminary investigation in the context of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) and making a decision to suspend the preliminary investigation on the grounds provided for in paragraph 3 of part 1 of Art. 208 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The analysis of the grounds and conditions for the suspension of the preliminary investigation, when the location of the suspect or the accused is known, but there is no real possibility of his participation in the criminal case.

Materials and methods: the legal basis of the study was: the Constitution of the Russian Federation, the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Decrees of the President of the Russian Federation regulating the grounds, procedure and conditions for the suspension of the preliminary investigation, as well as dissertations and other scientific works that consider this issue. The methodological basis of the study was the general dialectical method of cognition of processes and phenomena, as well as cognitive methods, methods of logical deduction and induction, analysis and generalization.

The results of the study: reflected the problematic issues that arise during the production of investigative and procedural actions in a criminal case and the adoption of a legal decision based on the results of the investigation.

Findings and Conclusions: according to the results of this study in paragraph 3 of part 1 of Art. 208 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, it is proposed to introduce the concepts of suspension of a preliminary investigation, the basis and procedure for suspension of an investigation, the lack of a real opportunity for the participation of a suspect or accused in a criminal case, and to make changes and additions to Part 1 of Art. 208 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: suspension of the preliminary investigation, suspect, accused, lack of a real opportunity, new coronavirus infection (COVID-19), mass epidemic.

For citation: Petukhova Z.P. Priostanovlenie predvaritel'nogo sledstvija v sootvetstvii s p. 3 ch. 1 st. 208 UPK Rossijskoj Federacii [Suspension of the preliminary investigation in accordance with p. 3 part 1 art. 208 code of criminal procedure]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (103) pp. 229–238 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.96.69.022

В уголовном процессе институт приостановления предварительного следствия существует длительное время. Изучению рассматриваемого института посвящены диссертационные исследования, монографические работы и многочисленные научные труды. Законодатель в последние десятилетия прикладывает усилия по усовершенствованию института приостановления следствия. В сравнении с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР законодатель расширил перечень оснований при-

остановления следствия. В частности в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) введено основание приостановления, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность участия в уголовном деле отсутствует.

Деятельность следователя при принятии правового решения по рассматриваемому основанию заключается в установлении и приобщении к материалам уголовного дела доказательств, отсутствия реальной возможности участия подозреваемого (обвиняемого) при расследовании уголовного дела. Отсутствие единообразного теоретического подхода к рассмотрению основания приостановления предварительного следствия, в связи с отсутствием реальной возможности участия лица, приводит, как результат, к отсутствию единообразной следственной практики. Как известно, проблемные вопросы единого теоретического характера до настоящего времени ни законодателем, ни наукой не решены.

Следует отметить, что институт приостановления предварительного следствия для судебно-следственной практики имеет существенное значение. Поскольку согласно представленной официальной статистике 70-80% возбужденных дел приостанавливаются².

Так, по сведениям МВД России, в январе–декабре 2021 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 2004,4 тыс. преступлений, не раскрытыми остались 933,3 тыс. преступления (или 46,6%) из них 916,7 тыс. преступлений (-2,6%) (или 98,2%) не раскрыты в связи с тем, что не установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых³.

Приведенные статистические данные показывают о неблагоприятном состоянии борьбы с преступностью, поскольку целью уголовного судопроизводства является привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, а приостановление следствия не является итоговым и окончательным решением по делу.

В связи с тем, что остаются нерешенными теоретические вопросы, на практике отсутствует единообразный подход при принятии правового решения о приостановлении предварительного следствия. Вследствие чего, по уголовным делам допускаются нарушения прав и свобод человека и гражданина.

На законодательном уровне отсутствуют понятия «приостановление предварительного следствия», «основание и порядок приостановления предварительного следствия», «реальная возможность». В связи с чем в юридической литературе многие авторы раскрывают данные понятия каждый по-разному.

Так, например, Л. М. Репкин пишет, что «приостановление предварительного следствия – это регламентированный законом перерыв в производстве дела, в течение которого орган дознания, следователь прокурор в пределах своей компетенции принимают активные меры по устранению обстоятельств, вызвавших приостановлению» [1, с. 12].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. От 30.12.2021 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/0c8ceef71f9dbab046ca7d0c7b0dd5ecf4ee113d/ (дата обращения: 15.01.2022).

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г., январь–декабрь 2020 г., январь–декабрь 2021 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=54866237> (дата обращения 15.01.2022).

³ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 15.01.2022).

По мнению В. М. Быкова и В. Д. Ломовского, «приостановление – это установленная уголовно-процессуальным законом особая, исключительная процессуальная форма, применяемая по сравнительно небольшому числу уголовных дел, и лишь в случаях, если в деле отсутствует основной участник уголовного судопроизводства – обвиняемый (подсудимый) или не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого» [2, с. 6–7].

Р. Х. Якупова и А. С. Шагинян указывают, что основаниями приостановления следствия являются обстоятельства, которые препятствуют проведению производства по делу [3, с. 273; 4, с. 14–15]. С. В. Бородин поясняет, что под основаниями следует понимать обстоятельства препятствующие окончанию расследования [5, с. 314].

Несмотря на разные мнения, все авторы считают, что основания приостановления связаны с препятствием расследования уголовного дела. Одни ученые-процессуалисты высказали мнения, что после приостановления следствия недопустимо проведение даже не процессуальных действий. Так же существует и противоположное мнение, что после приостановления следствия возможно производство следственных действий, которые были назначены до приостановления предварительного следствия. Указанные выводы подчеркивают о неоднозначности теоретического подхода.

Все изложенные обстоятельства свидетельствуют об актуальности темы института приостановления предварительного следствия для участников уголовного судопроизводства.

В настоящей работе будет рассмотрено одно из оснований приостановления предварительного следствия в случае, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Данное основание подразумевает, что в ходе расследования лицо, которое совершило преступление, установлено, также установлено место его фактического нахождения, и, соответственно, необходимость в его розыске по делу отсутствует. Однако по какой-либо причине его участие в уголовном деле не представляется возможным. На первый взгляд, все ясно и понятно. Несмотря на всю кажущуюся простоту, у правоприменителей возникают вопросы, что понимать под отсутствием реальной возможности участия в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого. Кроме того, законодателем ни в УПК РФ, ни в иных нормативно-правовых актах не оговорены случаи приостановления предварительного следствия по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В силу отмеченных причин следственная, судебная практика и ряд ученых, например, Ю. В. Даровских и А. В. Саркисова относят к случаям отсутствия реальной возможности нахождения подозреваемого (обвиняемого) за пределами Российской Федерации [6, с. 134].

В то же время следует учитывать, что подозреваемый (обвиняемый) может находиться за пределами РФ в связи с пребыванием в рабочей командировке, на отдыхе, учебе, а также может и умышленно скрываться от органов предварительного следствия за пределами территории России, в связи с чем для его экстрадиции потребуется достаточно длительный промежуток времени. Для выхода из сложившейся ситуации следователь может обратиться с международным поручением об оказании ему правовой помощи. Как показывает следственная практика, исполнение международных поручений занимает длительный промежуток времени, от нескольких месяцев вплоть до года. И не все страны заключили Конвенцию об оказании правовой помо-

щи, что также в свою очередь затрудняет выполнения следственных и процессуальных действий с лицом⁴.

В судебно-следственной практике и, как утверждают ученые-процессуалисты такие, как, например, В. М. Быков, А. М. Попов, М. Ю. Павлик, В. В. Солодовник, С. А. Роганова, Т. Г. Николаева, В. Ю. Стельмах, К. А. Сергеев, А. А. Нечаев, случай «отсутствия реальной возможности участия лица расценивают, когда оно:

- пребывает на зимовке;
- в зарубежной командировке;
- в отдаленной экспедиции;
- на антарктической станции;
- в геологоразведочной партии;
- в труднодоступных в определенное время года местах;
- на борту судна, которое находится в дальнем плавании;
- в дальней экспедиции;
- на прииске;
- в зоне проведения войсковых и контртеррористических операций;
- в зоне боевых действий;
- в зоне стихийных бедствий, которые не представляется возможным спрогнозировать;

– проходит срочную военную службу в другом регионе страны»;
 – отбывает наказание в виде лишения свободы в другом регионе;
 – отбывает наказание, за совершенное преступление, находясь за границей Российской Федерации;

– в связи с нехваткой материальных средств для прибытия к месту предварительного следствия [7, с. 159–162; 8, с. 111–112; 9, с. 39; 10, с. 7, 22; 11, с. 151].

Данные обстоятельства свидетельствуют о невозможности личного участия данных лиц в проведении следственных действий и производстве по уголовному делу.

Однако на практике следователи с большой осторожностью принимают решения о приостановлении следствия по указанному основанию. Данное обстоятельство связано с тем, что в УПК РФ не предусмотрено понятие отсутствие «реальной возможности» участия подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу. В связи с чем, следствие по указанному основанию либо не приостанавливают, либо срок следствия приостанавливается с нарушением закона, либо срок следствия незаконно продлевается, либо уголовное дело прекращается по надуманным основаниям, что, безусловно, сказывается на объективности выводов предварительного следствия.

Автором при изучении уголовных дел установлено, что предварительное следствие приостановлено по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с содержанием лица в следственном изоляторе в другом регионе России. По другому уголовному делу — следствие приостановлено на основании рассмотрения уголовного дела в суде в другом регионе.

В связи с тем, что законодатель породил некую неопределенность данного основания приостановления предварительного следствия, следственная практика сложилась таким образом, что под данное основание попадают абсолютно разные обстоятельства.

С целью недопущения нарушения законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства автор считает, что необходимо в УПК РФ раскрыть поня-

⁴ "Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам" (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения 15.01.2022).

тие «реальная возможность», раскрыть содержание этого основания и на законодательном уровне отразить ситуации, подпадающие под эту норму.

Таким образом, проанализировав выводы ученых-процессуалистов, проведя анализ следственной практики и собственный опыт автора, можно сделать вывод, что правоприменители часто прибегают к незаконному принятию решения о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Кроме того, существующая реальность на сегодняшний день, показывает, что общемировая пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) вскрыла давно назревшие проблемы в уголовном судопроизводстве.

Анализ действующего на территории Российской Федерации уголовно-процессуального законодательства показывает, что в нем отсутствуют специальные нормы, регулирующие деятельность органов государственной власти, правопорядка, а также досудебное производство и судебное разбирательство в чрезвычайных условиях и в условиях массовой пандемии⁵. Данное обстоятельство подтверждается имеющимися диссертационными исследованиями, научными статьями и сборниками проведенных научных конференций.

В связи со сложившейся ситуацией в стране и во исполнение Указов Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»⁶ и от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»⁷ в регионах были введены ограничения по передвижению и введен режим самоизоляции. Необходимо отметить, что у сотрудников правоохранительных органов возникли сложности при расследовании уголовных дел, проведении следственных действий, где предполагается непосредственный контакт лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Сложности возникли и при продлении сроков следствия, продлении содержания обвиняемых под стражей, принятии по уголовным делам решений. Перед следователями остро встал вопрос о соблюдении сроков следствия и недопущению

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 19.01.2022); Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 19.01.2022); О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения 19.01.2022); О военном положении (с изменениями и дополнениями): федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 2-ФКЗ. КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения 19.01.2022); О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (с изменениями и дополнениями): федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения 19.01.2022); О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения (с изменениями и дополнениями): федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ. КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения 19.01.2022).

² Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206. КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения 19.01.2022).

³ О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 № 239. КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/ (дата обращения 19.01.2022).

нарушений законных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Кроме того, у следователей возникали вопросы какое принять правовое решение по уголовным делам, по которым лица, совершившие преступления установлены, однако производство по уголовному делу невозможно, в связи с нахождением на самоизоляции [12, с. 91].

Очевидно, что при данных обстоятельствах производство каких-либо следственных и процессуальных действий невозможно. Принятие решения о приостановлении предварительного следствия будет являться незаконным, так как в соответствии с ч. 5 ст. 208 УПК РФ: «До приостановления предварительного следствия следователь выполняет все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, и принимает меры по розыску либо установлению лица, совершившего преступление». Перед следователем закономерно встает вопрос либо проводить следственные и процессуальные действия, вызывая граждан повесткой, что является законным основанием оставления места жительства, либо подвергнуть опасности инфицирования граждан и самого себя. Соответственно, следователь принимает решение в пользу сохранения здоровья и как следствие, жизни [13, с. 42-43].

Как показывает следственная практика, решения по уголовным делам в период пандемии принимались по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи с тем, что место нахождение подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует, что являлось незаконным решением. В связи с тем, что по уголовному делу не выполнены в полном объеме все необходимые следственные действия не только с участием подозреваемого (обвиняемого), но и потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Автор, солидаризируясь с мнением ученых-процессуалистов, считает, что под отсутствием реальной возможности следует понимать объективные условия, которые временно препятствуют участию подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного следствия.

Юридической литературе известны случаи, когда ряд авторов, например, В. Даценко и А. С. Шагинян высказывали свое мнение о расширении перечня оснований соответствующим пунктом. Например, из-за разлива реки в Республике Коми в весенний период отсутствует какое-либо транспортное сообщение [14, с. 49; 15, с. 15].

В. В. Мозяков в комментариях к УПК РФ предлагал приостанавливать следствие по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, когда необходимо решить вопрос о лишении определенного вида иммунитета, например, дипломатического, судейского, депутатского и иного иммунитета [16, с. 465].

Однако данные точки зрения законодателем не была восприняты [17, с. 327].

Ряд авторов высказывали совершенно противоположное мнение о нецелесообразности расширения перечня оснований. Например, М. Г. Решняк считает, что в данном случае будет нарушено право потерпевшего [18].

Системный анализ уголовно-процессуального законодательства на территории Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что законных оснований приостановления предварительного следствия в условиях массовой пандемии не существует.

Из проведенного анализа следует, что нормы уголовно-процессуального законодательства в части приостановления предварительного следствия по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ требуют усовершенствования. В соответствии с Конституцией Российской Федерации задачами государства являются защита прав и законных интересов граждан. С целью недопущения нарушения законных прав и интересов граждан, необходимо на законодательном уровне закрепить понятия «приостановление предваритель-

ного следствия», «основание и порядок приостановления предварительного следствия», «отсутствие реальной возможности участия лица».

Кроме того, требуют разрешения такие вопросы, как проведение следственных действий в подобных условиях, такие, например, как очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте и многие другие. Решение данных вопросов во многом облегчит труд следователей, так как все случаи отсутствия реальной возможности будут регламентированы законодательством.

Автор, акцентируя внимание на проблемных вопросах приостановления предварительного следствия, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует, подчеркивает актуальность выбранной темы. По статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации в России наблюдается рост преступности, в связи с чем возрастает практическая значимость данного института. В ходе предварительного следствия необходимо устранять обстоятельства, которые служат основанием приостановления предварительного следствия, а следственная деятельность должна быть нацелена на принятие окончательного решения по делу.

Предлагаем внести изменения в УПК РФ и дополнить ч. 1 ст. 208 УПК РФ пунктом 5, изложив его в следующей редакции: *«ввиду массовой эпидемии производство по уголовному делу невозможно»*. Что позволит следователям в условиях пандемии принимать законные и обоснованные решения по уголовным делам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Репкин Л. М. Приостановление предварительного следствия. Учебное пособие. ВСШ МВД СССР. 1971. 127 с.
2. Быков В. М., Ломовский В. Д. Приостановление производства по уголовному делу. М.: «Юридическая литература», 1978. 112 с.
3. Якупов Р. Х. Уголовный процесс : Учеб. для вузов / Под ред. канд. юрид. наук В. Н. Галузо. М.: «Зерцало», 1998. X, 438 с.
4. Шагинян А. С. Приостановление предварительного следствия: Автореферат дисс. ...канд. юрид. наук. Томск, 2001. 24 с.
5. Бородин С. В. Приостановление дознания и предварительного следствия // Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В. П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Спарк», 2000. 574 с.
6. Даровских Ю. В., Саркисов А. В. Прокурорский надзор за законностью приостановления производства по уголовному делу // Академический вестник. 2012. № 1 (19). С. 132–136.
7. Быков В. М., Попов А. М. Приостановление и возобновление предварительного расследования. Монография Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. 178 с.
8. Павлик М. Ю., Солодовник В. В., Роганов С. А., Николаева Т. Г. Особенности правового регулирования оснований приостановления предварительного следствия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 108–114.
9. Стельмах В. Ю. Приостановление и возобновление предварительного расследования. Процессуальный порядок объявления розыска подозреваемого (обвиняемого): учебно-практическое пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015. 92 с.
10. Сергеев К. А. Приостановление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 33 с.
11. Нечаев А. А. Приостановление уголовного дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2009. № 9–1. С. 151–153.

12. Михайлов П. И. Приостановление предварительного следствия по уголовному делу в чрезвычайных условиях на примере пандемии коронавируса (COVID-19) // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47). С. 89–93.
13. Герцен П. О. Проблема обеспечения полноты и объективности предварительного расследования в период режима повышенной готовности к чрезвычайным ситуациям // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 41–46.
14. Даценко В. Регламентация приостановления производства по делу // Социалистическая законность. 1983. № 11. С. 49.
15. Шагинян А. С. Приостановление предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 24 с.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / М-во внутр. дел Рос. Федерации. Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; [Арутюнов А. А. и др.] ; Под общ. ред. В. В. Мозякова и др.: науч.-практ. изд. М.: Книга-Сервис, 2003 (ОАО Ярослав. полигр. комб.). 1275 с.
17. Рагинский М. Ю. Приостановление и окончание предварительного следствия // Комментарий к УПК РСФСР / Под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. М.: Юрид. лит., 1985. 688 с.
18. Решняк М. Г. Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 165 с.

REFERENCES

1. Repkin, L.M. Suspension of preliminary investigation. Tutorial. Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1971, 127 p.
2. Bykov, V.M., Lomovsky V.D. Suspension of criminal proceedings. - M.: "Legal Literature", 1978, 112 p.
3. Yakupov, R.Kh. Criminal process: Proc. for universities / Ed. cand. legal Sciences V. N. Galuzo. - M.: "Zertsalo", 1998, X, 438 p.
4. Shaginyan, A.S. Suspension of the preliminary investigation: abstract of diss. ...cand. legal Sciences. - Tomsk, 2001, 24 p.
5. Borodin, S.V. Suspension of inquiry and preliminary investigation // Criminal process: Textbook for universities. M.: "Spark", 2000, 574 p.
6. Darovskikh, Yu.V., Sarkisov, A.V. Prosecutor's supervision over the legality of the suspension of proceedings in a criminal case. Academic Bulletin. 2012, no. 1 (19), pp. 132-136.
7. Bykov, V.M., Popov, A.M. Suspension and resumption of the preliminary investigation. Monograph - Chelyabinsk: Publishing house LLC "Polygraph-Master", 2006, 178 p.
8. Pavlik, M.Yu., Solodovnik, V.V., Roganov, S.A., Nikolaeva, T.G. Peculiarities of legal regulation of grounds for suspension of preliminary investigation. Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no. 2 (54), pp. 108–114.
9. Stelmakh, V.Yu. Suspension and resumption of the preliminary investigation. Procedural procedure for declaring a search for a suspect (accused): an educational and practical guide. - Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, 92 p.
10. Sergeev, K.A. Suspension of the preliminary investigation: Ph.D. dis. ... cand. legal Sciences. Ekaterinburg, 2002, 33 p.
11. Nechaev, A.A. Suspension of a criminal case on the basis of paragraph 3 of part 1 of Art. 208 Code of Criminal Procedure // Actual problems of combating crimes and other offenses. – 2009. No. 9–1. – S. 151–153.
12. Mikhailov, P.I. Suspension of the preliminary investigation in a criminal case in emergency conditions on the example of the coronavirus pandemic (COVID-19). Eurasian Advocacy. 2020, no. 4 (47), pp. 89–93.
13. Herzen, P.O. The problem of ensuring the completeness and objectivity of the preliminary investigation during the period of high readiness for emergency situations. Criminal Justice. 2020, no. 15, pp. 41–46.

14. Datsenko, V. Regulation of the suspension of proceedings. Socialist legality. 1983, no. 11, pp. 49.
15. Shaginyan, A.S. Suspension of the preliminary investigation: Ph.D. dis. ... cand. legal Sciences. Tomsk, 2001, 24 p.
16. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / Ministry of Internal Affairs. affairs Ros. Federation. Ros. acad. state service under the President of the Russian Federation. Federations; [Arutyunov A. A. and others]; Under total ed. V. V. Mozyakova and others - Scientific and practical. ed. - М.: Book-Service, 2003 (JSC Yaroslavl. polygraph. comb.). – 1275 p.
17. Raginskiy, M.Yu. Suspension and termination of the preliminary investigation // Commentary on the Code of Criminal Procedure of the RSFSR / Ed. A.M. Rekunova, A.K. Orlov. – М.: Yurid. lit., 1985, 688 p.
18. Reshnyak, M.G. The activities of the investigator and the body of inquiry on the search and establishment of the whereabouts of the accused: dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 1998. - 165 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петухова Жанна Петровна, преподаватель кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирской институт МВД России. 664028, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ON AUTHORS

Petukhova Zhanna Petrovna, Lecturer of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664028, Russia, Irkutsk, Lermontova st., 110.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022, принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022, accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 239–246.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
no.4 (103). P. 239–246.

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.44.34.023

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЯХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Попова Ирина Павловна

Восточно-Сибирский институт МВД России г. Иркутск, Российская Федерация,
irinabaikal@mail.ru

Введение: в статье исследована проблема соотношения таких понятий как диспозитивность, дискреция и усмотрение в аспекте использования оценочных категорий в уголовном судопроизводстве, что нередко воспринимается как условия для злоупотребления правами со стороны должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, постановления Пленума Верховного суда РФ и постановления Конституционного суда Российской Федерации, научные исследования в области уголовного судопроизводства. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили продемонстрировать связь дискреционных полномочий властных участников уголовно-процессуальных правоотношений с публичным характером уголовного судопроизводства, раскрыть основные черты диспозитивных начал в уголовном процессе, роль усмотрения правоприменителя при использовании оценочных категорий.

Выводы и заключения: публичный характер уголовного судопроизводства не исключает диспозитивность участников уголовного судопроизводства, реализующих свои личные (частные) интересы или интересы представляемых (защищаемых) ими лиц. Должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу в рамках предоставленных им дискреционных полномочий реализуют возможность усмотрения в выборе альтернативных действий и решений, на основании установленных обстоятельств и мотивируя свои выводы. Оценочные категории позволяют при императивном методе уголовно-процессуального регулирования учитывать индивидуальные особенности по конкретному уголовному делу, с учетом нравственных основ уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, публичность, диспозитивность, усмотрение, дискреционные полномочия, оценочные категории, нравственные основы.

Для цитирования: Попова И. П. К вопросу об оценочных категориях в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 239–246.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.44.34.023

© Попова И. П., 2022

Original article

ON THE ISSUE OF EVALUATION CATEGORIES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**Irina P. Popova**

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, irinabaikal@mail.ru

Introduction: the article examines the problem of the correlation of such concepts as dispositivity, discretion and discretion in the aspect of the use of evaluation categories in criminal proceedings, which is often perceived as conditions for abuse of rights by officials conducting criminal proceedings.

Materials and methods: The normative basis of the research consists of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific research in the field of criminal proceedings. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods, methods of comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the study: allowed to demonstrate the connection of discretionary powers of the power participants of criminal procedural legal relations with the public nature of criminal proceedings, to reveal the main features of dispositive principles in criminal proceedings, the role of discretion of the law enforcement officer when using evaluative concepts.

Findings and Conclusions: the public nature of criminal proceedings does not exclude the dispositivity of participants in criminal proceedings who realize their personal (private) interests or the interests of persons represented (protected) by them. Officials conducting criminal proceedings within the discretionary powers granted to them exercise the possibility of discretion in choosing alternative actions and decisions, based on established circumstances and motivating their conclusions. Evaluation categories make it possible, with the imperative method of criminal procedural regulation, to take into account individual characteristics in a particular criminal case, taking into account the moral foundations of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, publicity, dispositivity, discretion, discretionary powers, evaluation categories, moral foundations.

For citation: Popova I. P. K voprosu ob ochenochnykh kategoriyah v ugovnom sudoproizvodstve [On the issue of evaluation categories in criminal proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (103) pp. 239–246 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.44.34.023

В уголовно-процессуальном праве достаточно широко используются оценочные категории. С точки зрения философии, категории – это основные логические понятия, отражающие наиболее общие и существенные связи и отношения предметов и явлений в действительности [1, с. 226-227]. Все три варианта значения слова «оценить» в Толковом словаре русского языка позволяют выявить сущность исследуемого понятия. По словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «оценить» имеет следующие значения «1) Оценить – определить цену кого-чего-нибудь; 2) Установить качество кого-чего-нибудь, степень, уровень чего-нибудь; 3) Высказать мнение, суж-

дение о ценности или значении кого-чего-нибудь [2, с. 486]. Таким образом, оценочные категории связаны с потребностью высказать собственное суждение на основе наиболее существенных связей, отражающих действительность, что вполне соответствует тому, что в ходе уголовного судопроизводства участниками уголовного судопроизводства высказываются их мнения, которые должны на чем-то основываться. Вопросы доказывания как центрального института, на протяжении всех стадий уголовного процесса напрямую связаны с потребностью оценки и принятия решений, базирующихся на соответствующих установленных обстоятельствах с приведением мотивов решения субъектами уголовно-процессуальных отношений.

Проблема усмотрения при использовании оценочных категорий в уголовном судопроизводстве напрямую связана с насущной потребностью достижения целей уголовного судопроизводства и повышением эффективности направленной к этому уголовно-процессуальной деятельности. Следует солидаризироваться с авторами в том, что «проблема социологического толкования норм права, одна из ее граней – свобода усмотрения правоприменяющего субъекта – весьма сложна и одновременно актуальна, ибо ее решение позволит сделать правоприменение в сфере правоохраны эффективным» [3, с. 153].

Дискуссионность темы усмотрения, дискреции и диспозитивности, соотношения этих понятий между собой, а также с публичностью, состязательностью и принципами уголовного судопроизводства с определенной периодичностью обостряется с принятием тех или иных решений по наиболее громким уголовным делам, вызвавшим общественный резонанс. Не секрет, что в понимании не только большинства граждан, но и отдельных ученых и практиков, использование оценочных категорий создает излишне широкие возможности для усмотрения конкретным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, что граничит, по их мнению, с произволом.

Например, в этой связи отдельные авторы полагают, что некоторые дискреционные полномочия, которыми располагает сторона обвинения на стадии предварительного расследования, не только противоречат основополагающим принципам уголовного судопроизводства, изложенным в ст. ст. 6, 15 и 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ)¹, а именно – принципам равенства и состязательности сторон, а также обеспечения права на защиту, но и, при определенных обстоятельствах, могут создавать благоприятную почву для злоупотреблений и коррупции [4].

При этом вряд ли кто-либо станет отрицать, что каждое уголовное дело представляет собой уникальную ситуацию, к которой не применимы шаблоны, а участники уголовного судопроизводства будут настаивать на учете тех индивидуальных особенностей и обстоятельств, которые имеются, при принятии решений.

Императивный метод правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, являясь превалирующим в силу публичного характера отечественного уголовного судопроизводства, не исключает применение диспозитивных начал. Должностные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, реализуют предоставленные им полномочия не в личных (частных), а в публичных интересах, но при этом имеют возможность действовать по своему усмотрению в рамках предоставленных им законом дискреционных полномочий. Тогда как иные участники уголовного судопроизводства

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.01.2022).

производства, не обладающие властными полномочиями, и лица, которые отстаивают, защищают или представляют интересы других лиц, действуют в силу личного (частного) интереса при выборе возможных вариантов распоряжения своими правами. Вместе с тем нельзя не заметить, что частные интересы не всегда противостоят публичным, напротив, публичный характер уголовного судопроизводства не только не исключает наличие частных интересов, но и призван их защищать, в том числе создавая равные возможности для защиты прав, свобод и законных интересов субъектам уголовно-процессуальных отношений.

Диспозитивный метод правового регулирования, присущий гражданскому процессу, в уголовном процессе также позволяет свободно пользоваться и распоряжаться принадлежащими сторонам правами, за исключением должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. В отдельных нормах уголовно-процессуального закона в этой связи обоснованно отмечено, что наличие частного интереса у должностных лиц влечет их отвод. Так, судья, прокурор, следователь, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, *заинтересованы* в исходе данного уголовного дела (ст. 61 УПК РФ) (выд. – *авт.*).

Обоснованно подчеркивается, что «формами проявления диспозитивности являются диспозитивные права участников уголовного процесса, отстаивающих (защищающих, представляющих) в деле личный интерес» [5, с. 37], Должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу не обладают в нем личными интересами., и, как отмечает С. А. Касаткина, если об усмотрении должностного лица говорить как о его праве, то следует отметить, что свобода выбора альтернативного решения по конкретному делу, во-первых, ограничена рамками закона, во-вторых, обусловлена требованием защиты публичного интереса, а потому выступает как установленный законом способ выполнения публичной обязанности, нежели чем право «в чистом виде». В этих условиях право должностного лица не может рассматриваться как проявление диспозитивности [6, с. 36].

Конституционный Суд Российской Федерации также подчеркивает, что включение элементов диспозитивности в уголовное судопроизводство не меняет ни характера публично-правовых отношений, порождаемых фактом совершения преступления, ни природы принимаемых в связи с этим судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер, ни существа применяемых на основании этих решений мер государственного принуждения².

Верховный Суд Российской Федерации не исключает наличие оценочных категорий при принятии решений и в п. 19 Постановления Пленума от 29.11.2016 г. № 55³ подчеркнул, что признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред, наличие корыстной или иной личной заинтересованности), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в

² По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И. Н. Сардыко: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.10.2011 № 22-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 43. Ст. 6123.

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/ / (дата обращения: 15.01.2022).

описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака⁴.

Следует согласиться с О. А. Максимовым в том, что «сочетание публичных и диспозитивных средств должно быть «настроено» таким образом, чтобы полноценно обеспечивать защиту прав и свобод любого человека, вовлеченного в уголовное судопроизводство» [7, с. 26]. Вместе с тем утверждение данного автора относительно того, что это выступает в качестве единственного назначения современного уголовного судопроизводства, представляется необходимым дополнить. По большому счету, назначением уголовного судопроизводства является защита в установленной законом форме прав и свобод человека и гражданина, законных интересов личности, общества и государства от последствий совершенного преступления.

Так, публичный характер уголовного судопроизводства возлагает на следователя, дознавателя и прокурора *обязанность* осуществления уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения (ст. 21 УПК РФ). Тогда как *право* осуществлять уголовное преследование по делам частного обвинения проистекает из положений уголовно-процессуального закона, предусмотренных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

С одной стороны, вполне закономерно, что такая публичная отрасль права, как уголовно-процессуальное право, в качестве основного метода правового регулирования опирается на императивность. С другой стороны, в целях индивидуализации правового регулирования требуется и возможность «маневренности» в действиях и решениях властными субъектами уголовно-процессуальных отношений. Учитывая сам характер этих правоотношений, очевидно, что наличие дискреционных полномочий должно быть очерчено некими пределами, предпочтительнее нормативно-закрепленными. Субъектам уголовно-процессуальных отношений эти пределы должны быть ясны и прозрачны, а также должны быть предусмотрены соответствующие механизмы в целях защиты прав и законных интересов.

Возникает закономерный вопрос, можно ли унифицировать оценочные категории или свести их к минимуму, дабы исключить все или максимально снизить возможные риски от злоупотребления при их применении? Правительством Российской Федерации для обеспечения проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения была утверждена соответствующая методика, в которой отмечено, что коррупциогенными факторами, устанавливающими для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, являются, в том числе:

1) широта **дискреционных** полномочий, под которой понимается отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственного органа, органа местного самоуправления или организации (их должностных лиц);

2) определение компетенции по формуле «вправе», предполагающей **диспозитивное** установление возможности совершения государственными органами, органа-

⁴ О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

ми местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций (выд. авт.)⁵.

Однако обращает на себя внимание, что второй фактор, по сути, отражающий возможность должностным лицам реализовать дискреционные полномочия, изложен как диспозитивная возможность свободно распоряжаться публичными интересами, что противоречит публичному началу, и вызывает потребность определиться с точностью приведенных формулировок. Учитывая, что данная методика, как лекало, применяется при проверке действующих правовых актов и разработке новых, вызывает сомнения, что не четкие формулировки в самой методике способствуют решению поставленных, в том числе, превентивных задач при проверке действующих актов или их проектов.

Дискреционное усмотрение субъекта «не происходит родом» из диспозитивности, а есть проявление публичных полномочий должностного лица [8, с. 45].

Целью применения оценочных категорий не выступает свобода воли властного участника уголовно-процессуальных правоотношений, а поиск оптимального решения по конкретном уголовному делу в целях достижения назначения уголовного судопроизводства, а значит, в целом – в целях защиты прав, свободы и законных интересов граждан, общества и государства.

Означает ли это, что дальнейший путь совершенствования уголовно-процессуального регулирования за расширением оценочных категорий? Представляется, что эту задачу надо решать путем фильтрации уже имеющихся категорий, поиска границ дискреции, и, в случае необходимости, расширения диспозитивных начал, для большей активности сторон в разрешении уголовно-правового конфликта.

Должностное лицо и государственный орган всегда действуют в публичных интересах на основании строго установленных законом полномочий, ни о каком «свободном распоряжении» которыми речь идти не может [9, с. 285].

Сохраняет актуальность высказывание о том, что «кодекс — не книга для легкого чтения, даже и не ученый трактат, монография: он глух и нем сам по себе; его надо понять» [10, с. 6–7]. И как свидетельствует толкование значения оценочных категорий, «понять» букву закона возможно через призму усмотрения конкретного правоприменителя в пределах предоставленных ему законом дискреционных полномочий. Наличие последних не безгранично, а очерчено в законе такими нравственными основами как совесть и справедливость, о которых прямо упоминает законодатель в принципе уголовного судопроизводства, закрепленном в ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств», справедливость, как одним из требований к приговору, как акту правосудия (ст. 297 УПК РФ), и как одним из аспектов назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Вся система принципов уголовного судопроизводства также призвана выступать ориентиром, маяком в вопросах усмотрения правоприменителей при наличии пробелов в правовом регулировании, а также в случаях альтернативных вариантов принятия решения.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что публичный характер уголовного судопроизводства не исключает диспозитивность участников уголовного судопроизводства, реализующих свои личные (частные) интересы или интересы представляемых (защищаемых) ими лиц. Должностные лица, осуществляющие производство

⁵ Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 10. Ст. 1084.

по уголовному делу в рамках предоставленных им дискреционных полномочий реализуют возможность усмотрения в выборе альтернативных действий и решений, на основании установленных обстоятельств и мотивируя свои выводы. Оценочные категории позволяют при публичном методе уголовно-процессуального регулирования учитывать индивидуальные особенности по конкретному уголовному делу, с учетом нравственных основ уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд., доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1954. 704 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. 944 с.
3. Кожевников В. В. Правовая активность участников правоприменительной деятельности органов внутренних дел: дис. д-ра юрид наук. 12.00.01. М., 2005. 427 с.
4. Лебедева-Романова Е. Как «дискреционные полномочия» следователя нарушают принципы состязательности и равенства сторон // Адвокатская газета. 2020. 23 июля. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-diskretsionnye-polnomochiya-sledovatelya-narushayut-printsipy-sostyazatelnosti-i-ravenstva-storon/> (дата обращения 11.10.2022).
5. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 164 с.
6. Касаткина С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук. 12.00.09. М., 2002. 255 с.
7. Максимов О. А. Единственное назначение современного российского уголовного процесса и средства его достижения // Российский следователь. 2022. № 2. С. 22–26.
8. Аширбекова М. Т, Кудин Ф. М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). ВИЭПП. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 240 с.
9. Головкин Л. В. Принцип публичности уголовного процесса / Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. Статут, 2016. 1278 с.
10. Василенко Ив. Г. Логическое начало уголовно-процессуальных норм. – М., Типограф К. Индриха. 1878. Из Юридического вестника. 18 с.

REFERENCES

1. Brief Philosophical Dictionary / ed. M. Rosenthal and P. Yudin. – 4th ed., add. and correct. Moscow, Gospolitizdat, 1954, 704 p.
2. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. M., 1997, 944 p.
3. Kozhevnikov V.V. Legal activity of participants in law enforcement activities of internal affairs bodies: dis. Doctor of Law. 12.00.01. M., 2005, 427 p.
4. Lebedeva-Romanova E. How the “discretionary powers” of an investigator violate the principles of competition and equality of the parties. Advocate newspaper. 2020, July 23. Electronic access: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-diskretsionnye-polnomochiya-sledovatelya-narushayut-printsipy-sostyazatelnosti-i-ravenstva-storon/> (accessed 10/11/2022).
5. Dikarev I.S. Dispositiveness in the criminal process in Russia. – Volgograd: VolGU Publishing House, 2005, 164 p.
6. Kasatkina S.A. Publicity and optionality in the Russian criminal process: dis. cand. legal Sciences. 12.00.09. M., 2002, 255 p.
7. Maksimov O.A. The only purpose of the modern Russian criminal process and the means to achieve it. Russian investigator. 2022, no. 2, pp. 22–26.

8. Ashirbekova M.T., Kudin F.M. The principle of publicity in Russian pre-trial proceedings in criminal cases (content and forms of implementation). VIEPP. – Volgograd: Publishing House of VolGU, 2007, 240 p.

9. Golovko L.V. The principle of publicity of the criminal process. Statute, 2016. , 1278 p.

10. Vasilenko Iv.G. The logical beginning of criminal procedural norms. М., Printer K. Indrich. 1878. From the Legal Bulletin. 18 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Ирина Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, Иркутск, Лермонтова, 110.

Председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке.

ORCID: 0000-0002-6065-4888

ResearcherID: Y-3120-2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Irina Pavlovna, Candidate of Law, associate professor, , associate professor of Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 110. Chairman of Ust-Ilim City Court of Irkutsk Region Honorary Retirement

Lermontov St, Irkutsk, Russia. 664074.

ORCID: 0000-0002-6065-4888

ResearcherID: Y-3120-2019

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 247–258.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 247–258.

Научная статья

УДК 343.1+343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.53.024

МЕСТО И РОЛЬ ТЕРМИНОЛОГИИ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Светличный Александр Алексеевич

Тульский государственный университет, Тула, Российская Федерация
alexandrsvetl@rambler.ru

Введение: при всем многообразии публикаций в научной и учебной литературе за последние годы, посвященных вопросам терминологии в уголовно-правовых науках, общая система терминологического аппарата данной области знания в должной мере не разработана. В частности, не решены многие спорные терминологические вопросы, возникающие для уголовного процесса, криминалистики, теории оперативно-разыскной деятельности терминологическом поле. В соответствии с этой целью данной работы является попытка осмысления и обоснования места и роли терминологии теории оперативно-разыскной деятельности в системе терминологического аппарата процесса расследования и раскрытия преступлений.

Материалы и методы: нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, законодательство Российской Федерации об оперативно-разыскной деятельности, а также труды отечественных и зарубежных исследователей по вопросам изучаемой проблематики. При написании статьи использовались фундаментальные положения материалистической диалектики, а также общие и частные методы научного познания, в том числе, исторический и сравнительно-правовой, логико-философский, обобщения, описания и другие.

Теоретическая и практическая значимость данной работы определяется сформулированными в ней положениями и выводами, направленными на совершенствование терминологического аппарата теории оперативно-разыскной деятельности, криминалистики, уголовно-правовых наук в целом.

Результаты исследования: в результате исследования выявлены и проанализированы особенности взаимосвязи и взаимовлияния терминологии теории оперативно-разыскной деятельности на понятийный аппарат криминалистики и уголовного процесса, обозначены сложности и проблемы в данной общей терминологической системе.

Выводы и заключения: сделан вывод о необходимости формирования единого терминологического поля данных наук для единообразия в толковании тех или иных терминов всеми субъектами правоприменения.

Ключевые слова: терминология, оперативно-разыскная деятельность, уголовный процесс, язык науки, криминалистика, понятийный аппарат, уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Светличный А. А. Место и роль терминологии теории оперативно-разыскной деятельности в системе терминологического аппарата процесса расследования и раскрытия преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 247–258.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.53.024

Original article

THE PLACE AND ROLE OF THE TERMINOLOGY OF THE THEORY OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF THE PROCESS OF INVESTIGATION AND DISCLOSURE OF CRIMES

Alexander A. Svetlichny

Tula State University, Tula, Russian Federation

alexandrsvetl@rambler.ru

Introduction: With all the variety of publications in the scientific and educational literature in recent years, devoted to the issues of terminology in the criminal law sciences, the general system of the terminological apparatus of this field of knowledge has not been adequately developed. In particular, many controversial terminological issues that arise in the general terminological field for the criminal process, criminalistics, and the theory of operational-search activity have not been resolved. In accordance with this, the purpose of this work is an attempt to comprehend and justify the place and role of the terminology of the theory of operational-search activity in the system of the terminological apparatus of the process of investigating and solving crimes.

Materials and methods: the normative base of the study was the Constitution of the Russian Federation, the criminal procedure legislation of the Russian Federation, the legislation of the Russian Federation on operational-search activities, as well as the works of domestic and foreign researchers on the issues under study. When writing the article, the fundamental provisions of materialistic dialectics were used, as well as general and particular methods of scientific knowledge, including historical and comparative legal, logical and philosophical, generalizations, descriptions, and others.

The theoretical and practical significance of this work is determined by the provisions and conclusions formulated in it, aimed at improving the terminological apparatus of the theory of operational-search activity, forensic science, criminal law sciences in general.

The Results of the study: As a result of the study, the features of the relationship and mutual influence of the terminology of the theory of operational-search activity on the conceptual apparatus of forensic science and criminal procedure were identified and analyzed, the difficulties and problems in this general terminological system were identified.

Findings and Conclusions: It is concluded that it is necessary to form a single terminological field of these sciences for uniformity in the interpretation of certain terms by all subjects of law enforcement.

Keywords: terminology, operational-search activity, criminal procedure, language of science, criminalistics, conceptual apparatus, criminal law sciences.

For citation: Svetlichny A.A. Mesto i rol' terminologii teorii operativno-rozysknoj dejatel'nosti v sisteme terminologicheskogo apparata processa rassledovaniya i raskrytiya prestuplenij [The place and role of the terminology of the theory of operational-search activity in the system of the terminological apparatus of the process of investigation and disclosure of crimes]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No.4 (103), pp. 247–258.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.53.024

Учеными-правоведами довольно часто обсуждаются непростые и весьма дискуссионные вопросы о соотношении и взаимовлиянии терминологического аппарата таких наук, как уголовно-процессуальное право, криминалистика, общая теория судебной экспертизы (в последние годы некоторые авторы опять возвращаются к использовавшемуся в советские годы термину «судебная экспертология» [1; 2, с. 362; 3, с. 421; 4, с. 32]), оперативно-разыскная деятельность [5; 6; 7].

В настоящее время терминология данных наук не всегда корреспондируется, хотя все они направлены на противодействие преступной деятельности, только подходят к данному вопросу с разных сторон. Полагаем, что отдельного внимания заслуживает рассмотрение вопроса о соотношении терминологии теории оперативно-разыскной деятельности и криминалистики, как наук о раскрытии и расследовании преступлений, выявлении их места, роли и значения в общей системе уголовно-правовых наук.

Как показывает практика, существенная роль при раскрытии и расследовании преступлений отведена возможностям и формам использования сведений, полученных при проведении оперативно-разыскной деятельности. Результатам оперативно-разыскной деятельности отводится немаловажная роль в формировании доказательств, при условии, что они были получены с учетом требований, установленных нормами уголовно-процессуального законодательства. Однако следует особо подчеркнуть, что за прошедшие два десятилетия, с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в его статьи было внесено порядка двух тысяч изменений и дополнений, в Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон «Об ОРД») было внесено около пятидесяти поправок, что говорит не столько об изменении общественных отношений в нашем государстве за эти годы, сколько о некоторой несостоятельности и недоработанности данных нормативно-правовых актов, в том числе, с позиции используемого терминологического аппарата.

Отметим, что долгое время среди ученых не было однозначного мнения даже о месте и взаимосвязи криминалистики и теории оперативно-разыскной деятельности. Так, например, некоторые исследователи считали теорию оперативно-разыскной деятельности

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ : принят Государственной Думой 5 июля 1995 года // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 16.01.2022).

разделом криминалистики [8, с. 38-39], другие придерживались точки зрения о том, что это все же самостоятельная дисциплина [9, с. 109]. В настоящее время самостоятельность каждой из данных наук сомнений практически не вызывает, так как объект, предмет, задачи и используемые методы и приемы у каждой наук разные. К тому же, как и в криминалистике, в теории оперативно-разыскной деятельности формируются свои научные школы, разрабатывающие отдельные направления в рамках данной науки.

Тем не менее пересечений сфер криминалистики и теории оперативно-разыскной деятельности, как в теоретическом компоненте, так и в практическом аспекте, довольно много, следовательно, терминология данных наук должна однозначно восприниматься учеными со всех сторон.

Отметим, что в теории уголовного процесса (из которой в свое время и выделились многие науки, направленные на противодействие преступности, в том числе, криминалистика и теория оперативно-разыскной деятельности), ранее ограничивались указанием на процессуальную основу оперативно-разыскной деятельности (например, в ранее действовавшем УПК РСФСР² это были ст.ст.118-119) и непроцессуальные формы ее осуществления. С принятием Закона «Об ОРД» в 1995 г. законодатель определил содержание данного понятия, однако учеными оно трактуется как в широком (обобщающее понятие, включающее в себя сыскную, контрразведывательную и разведывательную деятельность) [10, с. 4], так и в узком смысле (практическая деятельность, проводимая для достижения поставленной цели, когда ее достижение иными законными средствами затруднено или невозможно).

И. Н. Якимов полагал, что «... решение вопросов, где и как искать преступника, как осуществлять преследование и задержание преступника и розыск добытого им путем преступления, относится к числу проблем криминалистической (уголовной) тактики» [11, с. 47]. Понятие розыска И. Н. Якимов трактовал широко как всю деятельность по раскрытию преступления. Подобной точки зрения придерживались В. И. Громов [12, с. 20–21], П. П. Михеев и Н. Н. Семенов [13, с. 6] и другие ученые. Авторы использовали термин «негласный розыск». В. И. Попов отождествлял понятия розыскной и оперативно-разыскной деятельности. Он писал: «Розыск всех видов ведется с помощью розыскных приемов и методов» [14, с.239].

В связи с рассматриваемой проблемой Н. П. Яблоков отмечал: «Криминалистика и теория оперативно-разыскной деятельности – наиболее близкие по теоретическому и практическому содержанию юридические науки. Они имеют одну природу и одни объекты изучения – преступную деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию. Много общего и в истории их развития, тактике и методике проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Сближает указанные дисциплины и их важная роль в обеспечении успешного раскрытия и расследования преступлений. Большинство преступлений раскрывается силами оперативно-разыскных органов. Совместными же криминалистическими и оперативно-разыскными средствами практически раскрываются все преступления. Именно практическая сыскная, розыскная деятельность как агентурная и тайная, не требовавшая поначалу строгой регламентации, до возникновения следственной деятельности и осуществляла все

² «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Документ утратил силу с 1 января 2003 года в связи с принятием Федерального закона от 18.12.2001 N 177-ФЗ.

функции по раскрытию преступлений, установлению и розыску виновных, подлежащих затем передаче суду» [15, с. 43-44].

Таким образом, сущность оперативно-разыскной деятельности с самого начала связывалась с осуществлением общеуголовного розыска или сыска преступников гласными и, главным образом, негласными (агентурными) методами. Поэтому становление и развитие оперативно-разыскной деятельности учеными всегда связывалось со становлением и развитием уголовного сыска.

Об этом также писали В. И. Елинский, В. М. Исаков, А. А. Квачевский, И. А. Климов, П. В. Макалинский, А. Г. Маркушин, В. К. Случевский, И. Я. Фойницкий и другие ученые [16, с. 216–17; 17, с. 11–12; 18, с. 5; 19, с. 4–5]. Да и сами представители данной науки подчеркивали ее неразрывную связь с криминалистикой, отмечая, что, «оперативно-разыскная тактика во многом начала свое формирование в рамках криминалистики. Оперативно-разыскная методика, пожалуй, в еще большей степени использует положения криминалистической методики расследования. Оперативно-розыскная техника позже других разделов отделилась от криминалистической техники». [20, с. 58–59]

Тем не менее вряд ли можно согласиться с мнением В. И. Елинского, отметившего, что разработке самостоятельной теории оперативно-разыскной деятельности и ее совершенствованию мешает позиция некоторых ученых-процессуалистов и криминалистов, относящих эту теорию к сфере криминалистики. Следует заметить, что подобному положению вещей в большей степени способствовали следующие обстоятельства: как правило, оперативно-разыскная деятельность отождествлялась именно с ее практической направленностью; излишняя засекреченность разрабатываемых теоретических проблем; невозможность дискуссионного обсуждения научных проблем с учеными из смежных наук, в силу чего сложился определенный вакуум вокруг формирования теоретических проблем оперативно-розыскной деятельности; наконец, недооценка самими представителями данной научной дисциплины важности скорейшей разработки теоретических и методологических проблем по вопросам ОРД.

Напротив, Р. С. Белкин активно поддержал становление теории ОРД как самостоятельной науки «после интенсивной разработки учеными всех разделов теории оперативно-разыскной деятельности, что послужило фундаментом данной теории и явилось обоснованием необходимости формирования самостоятельного предмета данной науки, отличного от предмета криминалистики, хотя и тесно связанного с последним». [21, с. 96] И далее: «Пока накапливавшийся в рамках криминалистики эмпирический материал не противоречил представлениям о криминалистике как науке лишь о средствах и методах борьбы с преступностью, зарождавшаяся теория оперативно-розыскной деятельности развивалась как часть этой науки, как элемент ее составных частей, разделов. Это был закономерный процесс, типичный для любой науки». [21, с. 200]

Научные исследования таких ученых, как В. Г. Бобров, Д. В. Гребельский, К. К. Горяинов, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашов, В. С. Овчинский, П. А. Олейник, Г. К. Синилов, А. Ю. Шумилов и других внесли большой вклад в формирование и становление самостоятельной теории оперативно-разыскной деятельности, разработки ее терминологического аппарата.

Оперативно-разыскная наука и практика за свою историю становления выработали свои термины, иногда не совсем удачные, например, долгие годы использовалась терми-

нологическая системообразующая модель «оперативный уполномоченный», которая выпадала из ряда терминов как недеривативная³, т. е. не образующая для своей группы производных терминов. Еще одна негармоничная (сложно употребляемое словосочетание) в употреблении терминологическая модель – «лицо, состоящее на оперативном контакте», введение которой не могло быть оправдано. Следуя логике, резидента необходимо было называть лицом, руководящим лицами, выполняющими специальные задания.

Подобные терминологические конструкции («оперативный оперуполномоченный», «доверенное лицо», «лицо, состоящее на оперативном контакте») в практике ОРД неудобны для использования, и именно по этой причине были убраны из первоначальной версии текста Закона «Об ОРД», хотя до сих пор применяются иногда в текстах научных статей, ведомственных актах [22, с. 41]. Есть термины, которые одновременно используются в данной сфере, например, «содействие», «сотрудничество». Например, в п.2 ст.15 указанного Закона «Об ОРД» определено, что органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, предоставляется право «устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе». Термин «содействие» шире и поглощает термин «сотрудничество». Поэтому логичнее изложить эту норму в следующей редакции: «устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие в виде сотрудничества на конфиденциальной основе». Говоря о содействии граждан, законодатель не закрепляет это понятие, закрепляя только условия и требования, предъявляемые к содействию.

Отметим, что именно оперативно-разыскной деятельности присуща терминологическая краткость, которая реализуется в этой науке путем использования аббревиатур либо усечения терминов, например, ОРД (оперативно-разыскная деятельность), ОРМ (оперативно-разыскные мероприятия), ОРО (оперативно-разыскные органы), опер, оперативник и т. п.

В юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о формировании новой отрасли российского права, а соответственно, новой отрасли российской юридической науки – уголовно-разыскного права. [23, с. 3; 24, с. 5] Ученые полагают, что данный вопрос не может быть решен однозначно. Несмотря на то, что оперативно-разыскная деятельность «... обладает всеми необходимыми основаниями: есть правовые нормы (закон об ОРД), регламентирующие виды, основания и порядок оперативно-разыскных мероприятий; имеется предмет правового регулирования – правовые решения, возникающие в процессе этой деятельности; есть самостоятельный субъект, правовые задачи и принципы деятельности. Только не совсем ясно, что это за отрасль права, ибо, как справедливо отмечается в литературе, нормы этого права носят отчетливо процессуальный выраженный характер». [15, с. 59]. В то же время, как отмечает А. А. Чувилев, в нем содержатся нормы, регламентирующие трудовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения. [24, с. 5]

³ Деривация в лингвистике – фигура речи: 1) употребление в одном высказывании двух и более однокоренных слов. 2) замена одного слова другим, близким по значению, но более мягким.

По мнению разработчиков (А. Ю. Шумилов, А. А. Чувилев [23, с. 14]) область формирования науки уголовно-разыскного права могла бы быть представлена схематично следующим образом.

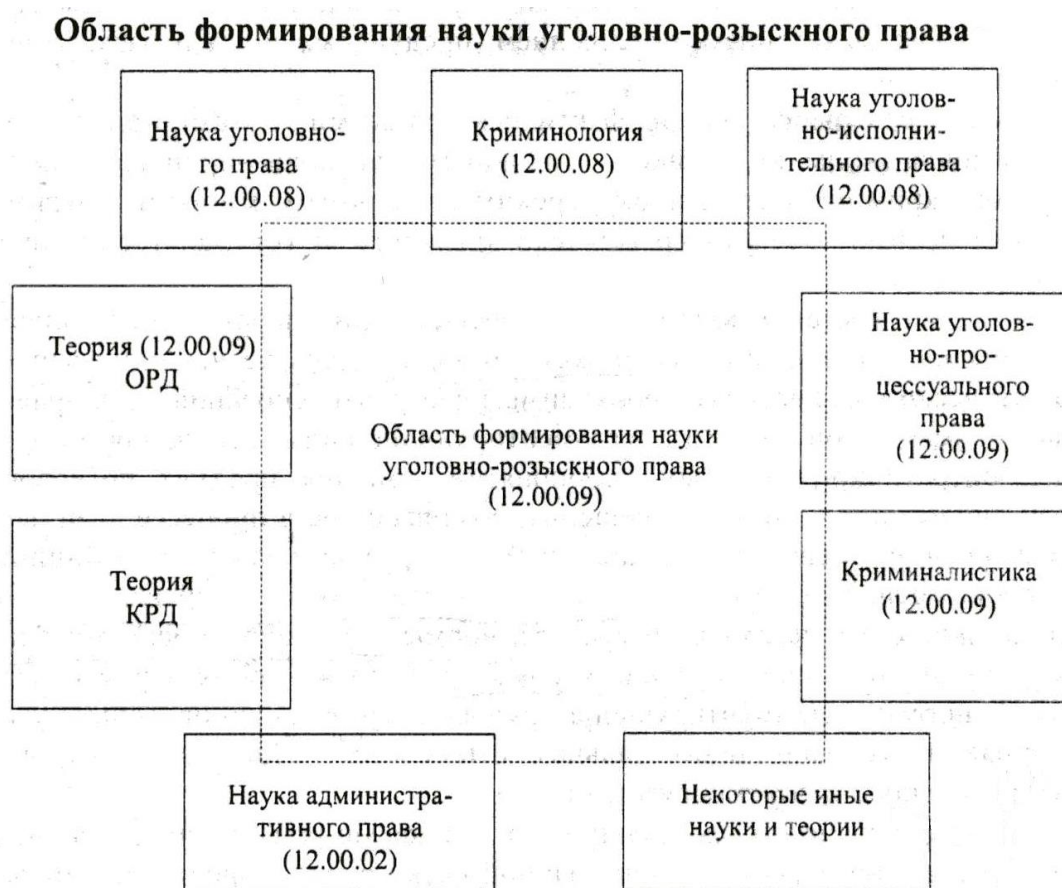

Схема. Область формирования науки уголовно-разыскного права

Данная схема⁴ наглядно демонстрирует в данной структуре принижение ряда наук, в том числе, криминалистики. На наш взгляд, это тоже своеобразная терминологическая неопределенность в области уголовно-правовых наук. Необходимо отметить, что общая теория оперативно-разыскной деятельности в этой отраслевой науке составляет так же лишь ее часть. В ее содержание уже не включены вопросы оперативной тактики, методики и техники, а роль всех научных знаний ничтожно мала. Справедливо отмечено Н. П. Яблоковым, что «Роль и значение криминалистики в формировании теории оперативно-разыскной деятельности настолько существенна, что отдельные суждения иного рода не могут поколебать объективно сложившееся положение вещей по поводу значения криминалистических начал указанной теории как ее теоретической и практической основы». [15, с. 59–60] Справедливо, что данная идея не получила поддержки в научных кругах.

⁴ В схеме используются старая номенклатура специальностей в целях донесения замысла ее разработчика.

Независимо от отнесения оперативно-разыскной деятельности к предмету самостоятельного научного исследования, неразрывная связь этой деятельности с уголовным процессом, криминалистикой вполне очевидна. Так, например, в некоторых учебниках по уголовному процессу уделяется достаточное внимание раскрытию правовой сущности, задач и результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве [25, с. 60]. Надо отметить, что в ст.89 УПК РФ говорится, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом. Возникает казусная ситуация – как же в процессе ОРД возможно получить результаты, которые бы отвечали требованиям УПК РФ? И это тоже отчасти терминологическая проблема, поэтому законодателю, на наш взгляд, следует серьезно задуматься над своими формулировками.

Таким образом, самостоятельность таких наук как уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-разыскной деятельности в настоящее время вопросов не вызывают. Однако все эти и смежные с ними иные уголовно-правовые науки блока 5.1.4., согласно новой номенклатуре научных специальностей, утвержденной Приказом Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118⁵ имеют общую цель – противодействие преступности. Наличие общей цели должно однозначно ставить для них единую задачу – формирование единого терминологического поля для единообразия в толковании тех или иных терминов всеми субъектами правоприменения (следователь, судья, адвокат, дознаватель и т.д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма; Инфра-М, 2018. 368 с.
2. Россинская Е. Р. Научная школа судебной экспертологии кафедры судебных экспертиз и ее роль в исследовании проблем цифровизации судебно-экспертной деятельности // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки (материалы конференции: в 5 ч.). Москва, 2021. С. 362–367.
3. Россинская Е. Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // Lex Russica. М.: Изд-во МГЮА, 2013, № 4. С. 421–428.
4. Ситникова А. И. Криминологическая экспертиза как составляющая экспертологии уголовно-правовых норм // Российский следователь. 2010. N 18. С. 32–34.
5. Толстухина Т. В., Панарина Д. В. К вопросу о понятийной унификации уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего судебно-экспертную деятельность // Юридическое образование и наука. № 7. 2018. С. 22 –27.
6. Панарина Д. В. Современные терминологические проблемы методологии судебной экспертизы // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып.1. Часть II. 2018. С.79–86.
7. Светличный А. А. Несовершенство терминологии процессуального законодатель-

⁵ Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 N 118 (ред. от 27.09.2021) "Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. N 1093". Зарегистрировано в Минюсте России 06.04.2021 N 62998. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2022).

ства как причина неоднозначности понятийного аппарата правоприменительной практики раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2021. N 5. С. 26–29.

8. Танасевич В. Г., Селиванов Н. А., Эйсман А. А., Якубович Н. А. О применении криминалистических методов, приемов и средств в оперативно-розыскной деятельности. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. 192 с.

9. Петрухин И. Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1976. 736 с.

10. Оперативно-розыскная деятельность в современной России как комплексный объект научного познания. Препринт / Шумилов А.Ю. М.: Изд. Дом Шумиловой И.И., 2008. 56 с.

11. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. / Якимов И.Н. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.

12. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места преступления. Сборник научных трудов / Громов В.И.; Предисл.: Крылов В.В. - М.: ЛексЭст, 2003. 544 с.

13. Михеев П. П., Семенов Н. Н. Криминалистика. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы в вопросах и ответах. М., 1926. 124 с.

14. Попов В. И. Розыскная деятельность в системе уголовного процесса и криминалистики // Ученые труды. Ученые труды Казахского университета. Алма-Ата, 1967, Т. 8. С. 237–245.

15. Яблоков Н. П. Криминалистические основы оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001, № 1. С. 26–40.

16. Елинский В. И., Исаков В. М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – начало XX в.). М.: МЮИ, 1997. 80 с.

17. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. Н. Новгород, Нижегородская академия МВД РФ, 1997. 360 с.

18. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Об уголовном преследовании и об иске о вознаграждении за вред и убытки от преступления. Теоретическое и практическое руководство. Ч. 1 / Сост.: Квачевский А. С.-Пб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 368 с.

19. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / Фойницкий И. Я.; Общ. ред., послесл., прим.: Смирнова А. В. С.-Пб.: Альфа, 1996. 552 с.

20. Климов И. А., Синилов Г.К. Некоторые вопросы методологии оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. № 1. С. 58–62.

21. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М.: Изд-во Акад. МВД СССР. 1977. В 3-х т. Т.1. 408 с.

22. Дубоносов Е. С. Мотивация конфиденциального содействия лиц с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Выпуск № 1. 2022. С. 37–43.

23. Шумилов А. Ю. Об уголовно-розыскном праве в России. Краткое изложение некоторых основных положений формирующейся отрасли российского права. М.: Изд. Шумилова И.И., 1998. 16 с.

24. Чувилев А. А. Оперативно-розыскное право. М.: Норма, Инфра-М, 1999. 80 с.

25. Уголовный процесс. Учебник / Басков В. И., Гуценко К. Ф., Ковалев М. А., Куцова Э. Ф., и др.; Под ред.: Гуценко К.Ф. М.: Зерцало, 1997. 509 с.

REFERENCES

1. Teoriya sudebnoi ekspertizy (sudebnaya ekspertologiya): uchebnik [Theory of forensic science (forensic expertise): textbook] / E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina, A.M. Zinin; pod red. E.R. Rossinskoi. 2-e izd., pererab. i dop. – Moscow: Norma; Infra-M, 2018, 368 p. (in Russian).
2. Rossinskaya E.R. Nauchnaya shkola sudebnoi ekspertologii kafedry sudebnykh ekspertiz i ee rol' v issledovanii problem tsifrovizatsii sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti [Scientific school of forensic expertology of the department of forensic examinations and its role in the study of the problems of digitalization of forensic activities]. Novelly Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i zadachi yuridicheskoi nauki (materialy konferentsii: v 5 ch.) [Novels of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science (conference materials: at 5 hours)]. Moscow, 2021, pp. 362-367. (in Russian).
3. Rossinskaya E.R. Sovremennye predstavleniya o predmete i sisteme sudebnoi ekspertologii [Modern ideas about the subject and system of forensic expertology]. Lex Russica. - Moscow: Izd-vo MGYuA, 2013, no. 4, pp. 421-428. (in Russian).
4. Sitnikova A.I. Kriminologicheskaya ekspertiza kak sostavlyayushchaya ekspertologii ugolovno-pravovykh norm [Criminological expertise as a component of the expertology of criminal law]. Rossiiskii sledovatel'. 2010, no. 18, pp. 32 – 34. (in Russian).
5. Tolstukhina T.V., Panarina D.V. K voprosu o ponyatiinoy unifikatsii ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego sudebno-ekspertnuyu deyatel'nost' [On the question of the conceptual unification of criminal procedure legislation regulating forensic activities]. Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2018, no. 7, pp. 22 – 27. (in Russian).
6. Panarina D.V. Sovremennye terminologicheskie problemy metodologii sudebnoi ekspertizy [Modern terminological problems of the methodology of forensic examination]. Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. Vyp.1. Chast' II. 2018, pp.79-86. (in Russian).
7. Svetlichnyi A.A. Nesovershenstvo terminologii protsessual'nogo zakonodatel'stva kak prichina neodnoznachnosti ponyatiinogo apparata pravoprimeritel'noi praktiki raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii [The imperfection of the terminology of procedural legislation as a reason for the ambiguity of the conceptual apparatus of the law enforcement practice of detecting and investigating crimes]. Rossiiskii sledovatel'. 2021, no. 5, pp. 26 - 29. (in Russian).
8. Tanasevich V.G., Selivanov H.A., Eisman A.A., Yakubovich H.A. O primenении kriminalisticheskikh metodov, priemov i sredstv v operativno-rozysknoi deyatel'nosti. Sovetskaya kriminalistika. Teoreticheskie problemy. [On the use of forensic methods, techniques and means in operational-search activities. Soviet criminalistics. Theoretical problems.]. Moscow, 1978, 192 p. (in Russian).
9. Petrukhin I.L. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. [The theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, 1976, 736 p. (in Russian).
10. Operativno-razysknaya deyatel'nost' v sovremennoi Rossii kak kompleksnyi ob"ekt nauchnogo poznaniya. [Operational-search activity in modern Russia as a complex object of scientific knowledge] Preprint / Shumilov A.Yu. – Moscow: Izd. Dom Shumilovoi I.I., 2008, 56 p. (in Russian).
11. Yakimov I.N. Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoi tekhnike i taktike. Novoe izdanie, perepechatannoe s izdaniya 1925 g. [Criminalistics. Guide to criminal technique and tactics. New edition, reprinted from the 1925 edition]. – Moscow: LeksEst, 2003, 496 p. (in Russian).
12. Gromov V.I.; Predisl.: Krylov V.V. Doznanie i predvaritel'noe sledstvie. Metodika rassledovaniya prestuplenii. Osmotr mesta prestupleniya. Sbornik nauchnykh trudov [Inquiry and preliminary investigation. Crime Investigation Methodology. Inspection of the crime scene. Collection of scientific papers]. - Moscow: LeksEst, 2003, 544 p. (in Russian).

13. Mikheev P.P., Semenov N.N. Kriminalistika. Ugolovnyi i ugovolno-protsessual'nyi kodeksy v voprosakh i otvetakh. [Criminalistics. Criminal and criminal procedure codes in questions and answers] – Moscow, 1926. – 124 p. (in Russian).
14. Popov V.I. Rozysknaya deyatel'nost' v sisteme ugovolnogo protsessa i kriminalistiki [Investigative activity in the system of criminal procedure and criminalistics] // Uchenye trudy. Uchenye trudy Kazakhskogo universiteta. - Alma-Ata, 1967, T. 8, pp. 237-245. (in Russian).
15. Yablokov N.P. Kriminalisticheskie osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Forensic bases of operational-search activity]. Vestnik Moskovskogo universiteta. - Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2001, no. 1, pp. 26-40. (in Russian).
16. Elinskii V.I., Isakov V.M. Stanovlenie i razvitie ugovolnogo syska v Rossii (X – nachalo XX v.). [Formation and development of criminal investigation in Russia (X - early XX century).] – Moscow: MYuI, 1997, 80 p. (in Russian).
17. Markushin A.G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' – neobkhodimost' i zakonnost'. [Operational-investigative activity is a necessity and legality] – N.Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD RF, 1997, 360 p. (in Russian).
18. Ob ugovolnom presledovanii, doznanii i predvaritel'nom issledovanii prestuplenii po sudebnym ustavam 1864 goda: Ob ugovolnom presledovanii i ob iske o voznagrazhdenii za vred i ubytki ot prestupleniya. Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo. [On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes according to the judicial charters of 1864: On criminal prosecution and on a claim for compensation for harm and losses from a crime. Theoretical and practical guidance.] Ch. 1 / Sost.: Kvachevskii A. - S.-Pb.: Tip. F. S. Sushchinskogo, 1866, 368 p. (in Russian).
19. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. [Course of criminal proceedings.] T. 1 / Foinitskii I.Ya.; Obshch. red., poslesl., prim.: Smirnova A.V. - S.-Pb.: Al'fa, 1996, 552 p. (in Russian).
20. Klimov I.A., Sinilov G.K. Nekotorye voprosy metodologii operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Some questions of the methodology of operational-search activity]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. - Moscow.: YuNITI-DANA, 2003, no. 1, pp. 58-62. (in Russian).
21. Belkin R.S. Kurs sovetskoi kriminalistiki. [The course of Soviet criminalistics.] – Moscow.: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1977. V 3-kh t. T.1, 408 p. (in Russian).
22. Dubonosov E.S. Motivatsiya konfidentsial'nogo sodeistviya lits s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost' [Motivation of confidential assistance of persons with authorities, carrying out operational investigative activities] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. Vypusk № 1. 2022, pp. 37-43. (in Russian).
23. Shumilov A.Yu. Ob ugovolno-rozysknom prave v Rossii. Kratkoe izlozhenie nekotorykh osnovnykh polozhenii formiruyushcheisya otrasli rossiiskogo prava. [On Criminal Investigation Law in Russia. A brief summary of some of the main provisions of the emerging branch of Russian law] - Moscow.: Izd. Shumilova I.I., 1998, 16 p. (in Russian).
24. Chuvilev A.A. Operativno-rozysknoe pravo. [Operative-investigative law] – Moscow.: Norma, Infra-M, 1999, 80 p. (in Russian).
25. Ugolovnyi protsess. Uchebnik [Criminal process. Textbook] / Baskov V.I., Gutsenko K.F., Kovalev M.A., Kutsova E.F., i dr.; Pod red.: Gutsenko K.F. - Moscow.: Zertsalo, 1997, 509 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светличный Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела. Тульский государственный университет. 300012, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 92.

ORCID: 0000-0001-5611-9914

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlichny Alexander Alekseevich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Examination and Customs. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tula State University", Lenin Ave., 92. Tula, Russian Federation, 300012.

ORCID: 0000-0001-5611-9914

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 259–269.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 259–269.

Научная статья

УДК 343.137.2

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.85.57.025

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСОБОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Солодовник Вячеслав Викторович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, slaviik_bel@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются специфические проблемы особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ДСС), решение которых поможет исключить нарушение прав как обвиняемого, заключившего данное соглашение, так и потерпевшего. Кроме того, автором выделен ряд этапов рассмотрения дела судом в особом порядке при заключении ДСС, к которым отнесены подготовительный, определительный, оценочный, разрешительный и завершающий. Также проанализирован ряд процессуальных условий применения особого порядка судебного разбирательства при заключении ДСС.

Материалы и методы: нормативную базу проведенного исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, постановления Пленума Верховного Суда РФ, регламентирующие особый порядок производства по делу при заключении ДСС, обзоры судебной практики. Методологической основой исследования является универсальный диалектический метод научного познания, а также другие общенаучные методы: сравнение, дедукция, индукция, анализ, синтез, обобщение, наблюдение и описание.

Результаты исследования: позволили выявить ряд процессуальных проблем, возникающих при применении норм рассматриваемого института. Отдельные положения, регламентирующие порядок судопроизводства при заключении ДСС нуждаются в совершенствовании, в связи с чем предложен ряд изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Выводы и заключения: Представляется необходимым наделить участников уголовного процесса (обвиняемого, потерпевшего, защитника) дополнительными процессуальными гарантиями при применении особого порядка рассмотрения уголовного дела с заключенным ДСС.

Ключевые слова: досудебное соглашение, особый порядок, упрощенное производство, сотрудничество, потерпевший, обвиняемый, защитник, ущерб, выделение уголовного дела, представление прокурора.

Для цитирования: Солодовник В.В. О некоторых проблемах особого порядка рассмотрения уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 259–269.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.85.57.025

Original article

ABOUT SOME PROBLEMS OF A SPECIAL ORDER OF CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Vyacheslav V. Solodovnik

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, slaviik_bel@mail.ru

Introduction: the article discusses the specific problems of a special procedure of judicial proceedings at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement (hereinafter - DSS), the solution of which will help to exclude the violation of the rights of both the accused who concluded this agreement and the victim. In addition, the author identifies a number of stages of the court's consideration of the case in a special order when concluding the DSS, which include preparatory, definitive, evaluative, permissive and final. A number of procedural conditions for the application of a special procedure for judicial proceedings at the conclusion of the DSS are also analyzed.

Materials and methods: the normative base of the conducted research consists of the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regulating the special procedure of proceedings in the case of the conclusion of the DSS, reviews of judicial practice. The methodological basis of the research is the universal dialectical method of scientific cognition, as well as other general scientific methods: comparison, deduction, induction, analysis, synthesis, generalization, observation and description.

The results of the study: allowed us to identify a number of procedural problems that arise when applying the norms of the institution in question. Certain provisions regulating the procedure of legal proceedings at the conclusion of the DSS need to be improved, in connection with which a number of amendments to the current criminal procedure legislation are proposed.

Findings and Conclusions: It seems necessary to endow participants in the criminal process (the accused, the victim, the defender) with additional procedural guarantees when applying a special procedure for considering a criminal case with a prisoner of the DSS.

Keywords: pre-trial agreement, special procedure, simplified proceedings, cooperation, victim, accused, defender, damage, allocation of the criminal case, representation of the prosecutor.

For citation: Solodovnik V.V. O nekotoryh problemah osobogo porjadka rassmotrenija ugolovnogo dela pri zaklju-chenii dosudebnogo soglashenija o

sotrudnichestve [About some problems of a special order of consideration of a criminal case at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. no, 4 (103) pp. 259–269 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.85.57.025

Проводимое в настоящее время реформирование российского государства, которое связано с существенными изменениями во всех сферах жизнедеятельности общества, включая социальную, экономическую и духовную, обусловило повышение уровня преступности, а именно тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых, в том числе, организованными преступными группами, организациями и сообществами. Для успешной и эффективной борьбы с такой преступностью необходимо вновь переосмыслить и реформировать некоторые институты уголовно-процессуального права, изменив в некоторых случаях и уголовно-процессуальный закон.

В досудебных стадиях уголовного судопроизводства возникает множество проблем и трудностей, связанных с раскрытием и расследованием именно тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными преступными группами, а также по выявлению и изобличению лиц, которые их совершили. Кроме того, далеко не в каждом случае вред, причиненный преступлением, удастся возместить потерпевшим или государству. Согласно данным статистики МВД России в 2021 году раскрыто менее 50% таких преступлений¹. Для повышения эффективности борьбы с данными преступлениями законодателем и был введен в уголовно-процессуальное законодательство институт досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ДСС). Однако до настоящего времени он не полностью адаптирован к существующей реальности и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Так, порядка 30 % ДСС заключаются по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. При этом большая часть ДСС заключается по делам о преступлениях категории не выше средней тяжести [1, с. 139].

Данные обстоятельства можно связать с существующими проблемами в применении и регламентации процессуальных норм, образующих институт ДСС, а также применения особого порядка производства по делу, обусловленного заключением данного соглашения. Поэтому необходимо рассмотреть особенности упрощенного производства по уголовным делам данной категории.

В результате заключенного ДСС в суд подлежит направлению уголовное дело, материалы которого выделены из основного дела в отдельное производство в ходе предварительного расследования. В этом случае судья рассматривает возможность судебного разбирательства в особом порядке и принимает соответствующее решение. Но предварительно на нем лежит обязанность изучить материалы поступившего уголовного дела, удостовериться, что данное дело ему подсудно и отсутствует необходимость в назначении предварительного слушания.

В процессе анализа материалов уголовного дела судья также должен обратить внимание на наличие в деле документов, подтверждающих факт заключения указанного соглашения, которые являются основанием для применения процедуры особого

¹ Состояние преступности в России в 2021 году. М., 2022. С. 6.

порядка разрешения дела. Перечень данных документов приведен в ч. 2 ст. 317.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ): «ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, досудебное соглашение о сотрудничестве».

Кроме перечисленных документов, должны быть представлены документы, подтверждающие факт вручения обвиняемому и его защитнику представления прокурора об особом порядке рассмотрения уголовного дела, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ. Обязательность наличия в материалах дела данных документов в своем решении обозначил Верховный Суд Российской Федерации, указав, что при их отсутствии судья вправе назначить предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору³.

Судья обязан выяснить у обвиняемого была ли ему вручена копия представления прокурора об особом порядке проведения судебного заседания, и насколько своевременно она была ему вручена. Данные обстоятельства подлежат выяснению, потому что в случае несвоевременного вручения данной копии обвиняемый лишается возможности основательно ознакомиться с содержанием данного представления и представить свои замечания, заявления, ходатайства и жалобы относительно данного документа. В качестве примера невыполнения прокурором требований ч. 3 ст. 317.5 УПК РФ о своевременном вручении указанной копии можно привести постановление Шахунского районного суда Нижегородской области от 5 ноября 2014 г. о возвращении прокурору уголовного дела в отношении П., обвиняемого в совершении мошенничества, в связи с допущением нарушения уголовно-процессуального закона, связанного с невручением копии указанного представления, которая не поступила обвиняемому к моменту начала предварительного слушания⁴.

Представляется, что если представление прокурора отсутствует в деле, а также в случае отсутствия расписки обвиняемого о получении копии данного представления, суд должен назначить и провести предварительное слушание, в ходе которого решить вопрос о возвращении уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ).

В судебной практике вполне возможна ситуация, когда в деле имеется расписка обвиняемого о получении копии представления прокурора, представленная самим прокурором, но обвиняемый поясняет, что данная копия ему не вручалась. По данному поводу Е.Л. Федосеева считает, что «уголовное дело может не возвращаться про-

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a20855e73b533df62ca6ca57efbd804a795c804c/ (дата обращения: 15.01.2022).

³ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (дата обращения: 18.01.2022).

⁴ Обзор судебной практики Нижегородской области в 2014 году положений ст.237 УПК РФ при разрешении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий к рассмотрению дела судом. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/vS58dRDmXmgW/> (дата обращения: 16.01.2022).

курору, если в ходе судебного заседания государственный обвинитель предъявит документы, подтверждающие факт вручения обвиняемому и его адвокату-защитнику копии представления» [2, с. 165]. Мы поддерживаем данную точку зрения и полагаем, что в этой ситуации также необходимо выяснить лично ли обвиняемый написал данную расписку, и как она оказалась у прокурора, если он не получал копию представления. Затем необходимо повторно вручить обвиняемому данную копию и предоставить стороне защиты разумный срок для ознакомления с данным представлением, после чего продолжить производство по делу.

В практической деятельности часто встает вопрос о необходимости обязательного вручения вышеуказанного представления прокурора защитнику лица, с которым заключено ДСС. Соблюдение данного условия на практике при рассмотрении дела в особом порядке в случае заключения ДСС судами не совсем согласована. Так, Е. Л. Федосеевой изучен ряд уголовных дел, рассмотренных судами Московской области, и она приводит совокупность примеров, когда судом не проверялось наличие в деле сведений о вручении копии представления прокурора защитнику лица, с которым заключено ДСС. В протоколах судебных заседаний не имелось никаких записей о выяснении судами обстоятельства невручения копии представления защитнику [2, с. 167].

На наш взгляд, такое невручение копии представления прокурора защитнику лица, заключившего ДСС, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, что может повлечь за собой отмену приговора. Причиной этому является нарушение процессуальных гарантий, предоставленных обвиняемому и его защитнику, связанных с их правом изучить указанное представление, сделать и направить прокурору свои замечания относительно содержания этого представления, которые последний должен рассмотреть и принять по ним решение. В случае нарушения данной процедуры защитник может не иметь возможности ознакомиться с данным представлением и, соответственно, не оказать своему доверителю своевременную юридическую помощь или дать необходимую консультацию.

В связи с изложенными обстоятельствами, по нашему мнению, необходимо на законодательном уровне обязать прокурора представлять в суд вместе с уголовным делом и вышеуказанным представлением также документы, подтверждающие вручение копии данного представления не только обвиняемому, с которым заключено ДСС, но и его защитнику (например, расписки о получении копий данного документа). Соответствующие изменения необходимо внести в ч. 1 ст. 317.6 УПК РФ.

В противном случае, суд должен уголовное дело возвратить прокурору для устранения выявленного нарушения. Поэтому в дополнении нуждается перечень оснований возвращения дела прокурору судом, который закреплен в ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Включению в данный перечень подлежит следующее основание: «не выполнено требование ч. 3 ст. 317.5 УПК РФ о вручении обвиняемому и его защитнику копии соответствующего документа».

Учитывая, что рассмотрение дела судом в особом порядке при заключении ДСС представляет собой некий процесс, то он должен продолжаться во времени, в связи с чем его целесообразно разделить на несколько этапов:

- 1) подготовительный этап, в ходе которого суд производит совокупность подготовительных действий к судебному заседанию;
- 2) определительный этап, в рамках которого суд должен установить наличие или отсутствие условий для применения особого порядка;
- 3) оценочный этап, позволяющий судье провести оценку обоснованности и доказанности обвинения, а также характера и степени содействия подсудимого в рамках заявленного сотрудничества, его значение и результаты;
- 4) разрешительный этап, обусловлен действиями судьи по вынесению приговора;
- 5) завершающий этап, в ходе которого суд провозглашает приговор и разъясняет участникам процесса их право на обжалование данного решения.

Т. А. Рябинина пишет, что «в силу специфического местоположения стадия назначения судебного заседания, с одной стороны, является контрольной, проверочной по отношению к досудебному производству по уголовному делу, а с другой стороны, подготовительной по отношению к судебному разбирательству, что объясняет наличие специфических задач у этой стадии процесса» [3, с. 21]. С точки зрения данного автора нельзя не согласиться, так как стадия назначения судебного заседания имеет особо важное значение не только по причине осуществления в ее рамках подготовительных действий к судебному заседанию, но и потому что в данной стадии суд контролирует выполнение процессуальных условий, необходимых для применения особого порядка рассмотрения дела с заключенным ДСС.

Особый порядок судебного разбирательства при заключении ДСС предполагает наличие определенных условий, к которым можно отнести следующие:

- 1) подтверждение прокурором в суде факта оказания содействия органам предварительного расследования со стороны обвиняемого;
- 2) добровольность заключения обвиняемым ДСС и отсутствие принуждения со стороны сотрудников правоохранительных органов;
- 3) обязательная консультация с адвокатом-защитником перед заявлением ходатайства о заключении ДСС. При этом содержание данного соглашения должно формулироваться с участием адвоката-защитника, который должен иметь возможность своевременно оказать квалифицированную юридическую помощь своему доверителю;
- 4) полное согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением;
- 5) доказательства, собранные в процессе расследования, должны в полном объеме подтверждать предъявленное обвинение;
- 6) обвиняемый должен быть совершеннолетним, то есть достичь возраста 18 лет.

Суд может прийти к выводу о том, что обвиняемый не выполнил в полном объеме условия ДСС, которые требуются для рассмотрения дела в особом порядке. Например, в случае укрытия от следователя информации об остальных соучастниках или других эпизодах преступной деятельности. Также при возникновении у суда сомнений в том, что данное соглашение обвиняемый заключил добровольно, без какого-либо принуждения. В указанных случаях суд должен перейти с особого на общий порядок судебного разбирательства.

Спорным вопросом в судебно-следственной практике является необходимость выделения уголовного дела в отдельное производство при заключении ДСС. В этой связи правильно пишет О.А. Тертышная, что «следователь наделен правом выделения

дела в отдельное производство, но дальнейшее разрешение дела судом в отношении обвиняемого, заключившего ДСС, допускается только по уголовному делу, которое выделено из основного в отдельное производство» [4, с. 152].

В юридической науке также нет однозначного понимания правильного решения данного вопроса. Некоторые авторы полагают, что решение о выделении (невыделении) уголовного дела в отдельное производство должен принимать прокурор [5, с. 35-37; 6, с. 71]. С данной точкой зрения мы не можем согласиться, так как уголовное дело находится в производстве следователя, и поэтому считаем необходимым поддержать позицию В. В. Горюнова, который считает, что «следователь вправе не выделять уголовное дело в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство, если, это приведет к ущербу всесторонности и объективности расследования и разрешения уголовного дела» [7].

По данному вопросу свои разъяснения дал Верховный Суд Российской Федерации, согласно которым «уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство»⁵. Содержание данных разъяснений составляет требование об обязательном выделении уголовного дела в отдельное производство при заключении ДСС. При его нарушении суд вынужден будет вернуть дело прокурору, который, используя предоставленные ему законом процессуальные средства, должен будет организовать устранение указанного недостатка.

С. А. Новиков не согласен с данным положением, считая такое решение законодателя неверным, так как «выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении сотрудничающего лица способно негативно сказаться на всесторонности и объективности предварительного расследования, а также разрешении уголовного дела» [8, с. 44–45]. С приведенной точкой зрения мы полностью согласны и считаем, что следователь должен быть наделен правом самостоятельного принятия указанного решения, конечно, исходя из конкретной следственной ситуации и установленных в ходе расследования обстоятельств. Одним из таких обстоятельств, которые должны быть учтены следователем при принятии указанного решения, является возможность обеспечения безопасности лица, заключившего ДСС. И данное обстоятельство мы считаем ключевым, поскольку, не обеспечив должный уровень безопасности обвиняемому, заключившему ДСС, следователь не вправе отрицательно решить вопрос о выделении уголовного дела в отношении последнего.

Следующей проблемой, требующей законодательного разрешения, является вопрос о степени участия потерпевшего в определении разновидности порядка (общего или особого), в котором уголовное дело подлежит рассмотрению. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, «потерпевший, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, вправе заявлять ходатайства по вопросу о применении особого порядка судебного разбирательства, включая и свое несогласие с данным решением. Суд, в свою очередь, обязан рассмотреть данное ходатайство, проверить

⁵ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (дата обращения: 18.01.2022)

изложенные в нем доводы и принять мотивированное процессуальное решение. Однако сам «факт несогласия потерпевшего с решением о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, в соответствии с главой 40.1 УПК РФ, не может послужить причиной отказа в рассмотрении уголовного дела в особом порядке» [9, с. 42]. Также свою позицию, выражающую несогласие с рассмотрением дела в особом порядке, потерпевший вправе отстаивать при исследовании судом вопросов, относительно выполнения обвиняемым принятых на себя обязательств по условиям ДСС.

Однако А. А. Батчаева считает позицию, которую занял Верховный суд РФ по вышеуказанному вопросу, несправедливой по отношению к потерпевшему, так как мнение последнего должно учитываться при решении вопроса о рассмотрении уголовного дела в порядке гл. 40. 1 УПК РФ [10, с. 22]. С данной точкой зрения следует согласиться, потому что в этой ситуации суд, применяя особый порядок рассмотрения дела, действительно отстраняет потерпевшего от его права на возмещение ущерба, причиненного преступлением. Но учитывая, что рассматриваемый институт существует и функционирует в интересах борьбы с организованной преступностью, способствует вскрытию всей подноготной преступного сообщества, должен способствовать изобличению всех лиц, участвовавших в совершении преступлений, о которых известно обвиняемому, а также поиску средств и имущества, приобретенных и полученных незаконным путем, то отстранение потерпевшего от участия в принятии решения о рассмотрении дела в особом порядке в отношении такого обвиняемого, представляется оправданным.

Как представляется, само влияние потерпевшего на вопрос о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в данной ситуации не требуется, если ему возмещен ущерб, причиненный преступлением. Но в случае, когда ущерб, причиненный преступлением, потерпевшему не возмещен, не выполняется назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). В данной ситуации представляется необходимым устранить проблему возмещения ущерба причиненного преступлением. А поскольку государство в лице прокурора заключает с обвиняемым ДСС, лишая потерпевшего возможности получить возмещение указанного вреда, то государство должно взять на себя ответственность и возместить указанный вред потерпевшему. По нашему мнению, такое возмещение вреда должно осуществляться государством либо за счет бюджета, либо за счет фонда помощи потерпевшим от преступлений, чем и обуславливается необходимость создания подобного фонда. Кроме того, осуществление законных выплат потерпевшему существенно дисциплинирует судей, сотрудников прокуратуры и органы предварительного расследования по вопросам заключения ДСС.

Также в практической деятельности может возникнуть ситуация, при которой обвиняемый выражает отказ от заявленного им ранее ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке и заявляет о своей невиновности в совершении инкриминируемого ему преступления. В этом случае суд должен перейти к рассмотрению дела в общем порядке, но прежде нужно выяснить причины, побудившие обвиняемого отказаться от ранее данных показаний и от заявленного им ходатайства. Не исключено, что такое решение он принял по причине страха перед лицами, в отношении которых он дал показания, изобличающие их в совершении преступлений. Факт наступления данной ситуации свидетельствует о слабой работе защитника со своим доверителем,

потому что еще до рассмотрения дела судом он должен был разъяснить обвиняемому все «плюсы и минусы» заключения ДСС, а также негативные последствия неисполнения обязательств ДСС.

Представляется, что защитник обвиняемого, с которым заключено ДСС, может высказать свою точку зрения по вопросу возможности продолжения сотрудничества и применения по делу особого порядка судебного разбирательства. Но в гл. 40.1 УПК РФ не закреплено право защитника возражать против применения особого порядка судебного разбирательства. Может быть, причина этого в том, что указанные возражения будут противоречить интересам подзащитного. Мы с этим не согласны, потому что считаем указанное упущение серьезной недоработкой со стороны законодателя. Это обусловлено тем, что в случае наличия у защитника доказательств невиновности своего доверителя в совершении инкриминируемого ему преступления, последний может возражать против представления этих доказательств, желая взять вину на себя за преступление, которого он не совершал. Причины для этого могут быть самыми разными (например, отвести подозрение от близкого родственника, боязнь расправы и т.п.). В этой связи свое слово должен взять защитник и, исходя из интересов своего подзащитного, высказать возражения по поводу применения особого порядка рассмотрения уголовного дела.

Таким образом, считаем необходимым сделать некоторые выводы.

1. В целях защиты прав обвиняемого при заключении ДСС, когда данный обвиняемый заявляет о том, что копия представления прокурора ему не была вручена, но в деле имеется его расписка о получении этой копии, считаем необходимым повторно произвести вручение копии представления обвиняемому, предоставив ему разумный срок для ознакомления с данным документом.

2. Нарушение прав обвиняемого, заключившего ДСС, может выражаться в непредоставлении копии соответствующего представления прокурора не только ему, но также и его защитнику, так как последний в связи с лишением его возможности ознакомиться с данным представлением, соответственно, не сможет оказать своему доверителю своевременную юридическую помощь или дать необходимую консультацию. В этом случае суд должен возвратить уголовное дело прокурору для устранения выявленного нарушения.

3. Автором выделен ряд этапов рассмотрения дела судом в особом порядке при заключении ДСС: подготовительный, определительный, оценочный, разрешительный и завершающий.

4. Автором выделен ряд процессуальных условий применения особого порядка судебного разбирательства при заключении ДСС.

5. Отстранение потерпевшего от участия в обсуждении процессуального порядка, в котором уголовное дело подлежит рассмотрению при заключении ДСС, представляется обоснованным, но ему должен быть возмещен ущерб, причиненный преступлением. А поскольку государство в лице прокурора заключает с обвиняемым ДСС, лишая потерпевшего возможности получить возмещение указанного вреда, то государство должно взять на себя ответственность и возместить указанный вред потерпевшему за счет государственного бюджета, либо за счет фонда помощи потерпевшим от преступлений.

6. Целесообразно предоставить защитнику обвиняемого, с которым заключено ДСС, право возражать против применения особого порядка судебного разбирательства в случае наличия у защитника доказательств невиновности своего доверителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корбашов В. Е., Волков А.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы и пути решения // Вестник Екатеринбургского института. 2021. №1. С. 139–144.
2. Федосеева Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 253 с.
3. Рябинина Т. К. Спорные вопросы функциональной деятельности суда в стадии назначения судебного заседания // Уголовное судопроизводство. 2015. № 4. С. 19–28.
4. Тертышная О. А. Уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. 206 с.
5. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: вопросы выделения и соединения уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 35-37.
6. Колесник В. В. Обеспечение безопасности заключившего досудебное соглашение лица как гарантия реализации согласительной процедуры // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 68–72.
7. Горюнов В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве. URL: <http://advocat.blog.ru/133582131.html> (дата обращения: 25.11.2021).
8. Новиков С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья. 2013. № 2. С. 44–45.
9. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В 2 ч. Часть 2: практическое пособие / под ред. В.М. Лебедева. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 303 с.
10. Батчаева А. А. К вопросу об участии потерпевшего в особом порядке судебного разбирательства при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения экологической и продовольственной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза в условиях внедрения генно-инженерных технологий: матер. VII Международной научно-практ. конф. / под редакцией Н. Т. Разгельдеева [и др.]. Саратов, 2021. С. 20–23.

REFERENCES

1. Korbashov V.E., Volkov A.A. Pre-trial cooperation agreement: current problems and solutions // Bulletin of the Catherine Institute. 2021, no. 1, pp. 139-144.
2. Fedoseeva E.L. Special procedure of criminal proceedings at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement: dis. ... cand. jurid. sciences'. - Yekaterinburg, 2014, 253 p.
3. Ryabinina T.K. Disputable issues of the functional activity of the court at the stage of appointment of the court session // Criminal proceedings. 2015, no. 4, pp. 19-28.
4. Tertyshnaya O.A. Criminal procedure mechanism of pre-trial cooperation agreement: dis. ... cand. jurid. sciences'. Voronezh, 2014, 206 p.
5. Bagautdinov K. F. Pre-trial cooperation agreement: issues of separation and connection of criminal cases // Russian justice. 2018, no. 5, pp. 35-37.

6. Kolesnik V.V. Ensuring the security of a person who has concluded a pre-trial agreement as a guarantee of the implementation of a conciliation procedure // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 3, pp. 68-72.

7. Goryunov V. V. Pre-trial cooperation agreement. - URL: <http://advocat.blog.ru/133582131.html> (date of appeal: 11/25/2021).

8. Novikov S. A. Pre-trial cooperation agreement: clarifications received, but problems remained // Russian judge. 2013, no. 2, pp. 44-45.

9. Practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In 2 h. Part 2: a practical guide / edited by V.M. Lebedev. - 8th ed., reprint. and additional. - M.: Publishing house Yurayt, 2019, 303 p.

10. Batchaeva A.A. On the issue of the participation of the victim in a special procedure of judicial proceedings in a pre-trial cooperation agreement concluded // Transformation of legal institutions and methods for ensuring environmental and food security in Russia, CIS countries and the European Union in the conditions of the introduction of genetic engineering technologies: mater. VII International Scientific and Practical Conference / edited by N.T. Razgeldeev [et al.]. - Saratov, 2021, pp. 20-23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солодовник Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин. Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Solodovnik Vyacheslav Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 270–284.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
Vol. no. 4 (103). P. 270–284.

Научная статья

УДК 343.985.2

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.62.82.026

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ КРАЖ АВТОТРАНСПОРТА, ПРИЧИНИВШИХ УЩЕРБ В ОСОБО КРУПНОМ РАЗМЕРЕ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП

Столбов Василий Ростиславович

ГУ МВД России по Иркутской области, Иркутск, Российская Федерация,
virstolbov@bk.ru

Введение: автором рассмотрены тактические особенности реализации оперативно-разыскных мероприятий при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп. Для того чтобы определить тактические особенности оперативно-разыскных мероприятий, была приведена статистика краж автотранспорта в России, а также приведено определение кражи автотранспорта. Также были проанализированы тактические особенности таких мероприятий, как опрос потерпевшего, осмотр места происшествия и иных территорий, имеющих значение для расследования рассматриваемого вида преступлений, наведение справок и других оперативно-разыскных мероприятий. Выявлены проблемы, которые могут оказывать влияние на тактику оперативно-разыскных мероприятий при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют оперативно-разыскное законодательство, законодательные акты, регламентирующие вопросы обеспечения раскрытия краж автотранспорта. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также познавательные методы обобщения и описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования: позволили сформулировать предложения, направленные на совершенствование методики раскрытия краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп.

Выводы и заключения: анализ действующего законодательства в рассматриваемой сфере указывает на необходимость внесения предложений, направленных на совершенствование правового регулирования общественных отношений в этой сфере, для их упорядочения, развития в соответствии с общественными потребностями.

Ключевые слова: кража автотранспорта, кража автотранспорта в составе организованной группы, оперативно-разыскные мероприятия, опрос, следственная ситуация, отстойник.

Для цитирования: Столбов В. Р. Тактические особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 270–284.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.62.82.026

TACTICAL PECULIARITIES OF CARRYING OUT OPERATIONAL AND SEARCH MEASURES WHEN DISCLOSURE OF THEFT OF VEHICLES THAT CAUSED DAMAGE ON A PARTICULAR SIZE COMMITTED AS PART OF ORGANIZED GROUPS

Original article

Vasily R. Stolbov

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region Russian Federation, Irkutsk, vrstolbov@bk.ru

Introduction: the author considers the tactical features of the implementation of operational-search measures in the detection of thefts of vehicles that caused damage on an especially large scale, committed as part of organized groups. In order to determine the tactical features of operational-search activities, the statistics of thefts of vehicles in Russia were given, as well as the definition of theft of vehicles. The tactical features of such activities as interviewing the victim, examining the scene of the incident and other territories relevant to the investigation of the type of crime in question, making inquiries and other operational-search activities were also analyzed. The problems that may influence the tactics of operational-search activities in the detection of thefts of vehicles that caused damage on an especially large scale, committed as part of organized groups, are identified.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the operational-search legislation, legislative acts regulating the issues of ensuring the detection of thefts of motor vehicles. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as cognitive methods of generalization and description, methods of observation, comparison and analysis.

The Results of the study: made it possible to formulate proposals aimed at improving the methodology for detecting theft of vehicles that caused damage on an especially large scale, committed as part of organized groups.

Findings and Conclusions: the analysis of the current legislation in the area under consideration indicates the need to make proposals aimed at improving the legal regulation of public relations in this area, for their streamlining, development in accordance with public needs.

Keywords: theft of vehicles, theft of vehicles as part of an organized group, operational-search activities, interrogation, investigative situation, sump.

For citation: Stolbov V.R. Takticheskie osobennosti provedeniya operativno-razysknykh meropriyatij pri ras-krytii krazh avtotransporta, prichinivshih ushherb v osobo krupnom razmere, sover-shennyh v sostave organizovannyh grupp [Tactical features of carrying out operational-search measures when disclosing thefts of vehicles that caused damage on an especially large scale, committed as part of organized groups]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (103), pp. 270–284 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.62.82.026

В ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹. Из этого следует, что любые преступные посягательства подрывают конституционные основы государства. Причем одним из наиболее распространенных видов преступлений на сегодняшний день являются преступления против собственности, в том числе широкое распространение получили кражи автотранспорта.

Так, в 2018 г. было совершено 16 776 краж автотранспорта, что на 19,5% меньше, чем в 2017 г. [11, с. 21]. В 2019 число краж автотранспорта составило 14 290, что привело к падению данного вида преступлений на 14,8% в сравнении с прошлым аналогичным периодом [12, с. 21]. В 2020 г. совершению подлежали 9 528 краж автотранспорта, что на 33,3% меньше, чем в 2019 г. [13, с. 21]. Таким образом, несмотря на ежегодное снижение числа краж, их число все же остается высоким. Кроме того, они способны нанести значительный ущерб гражданину, что повышает общественную опасность данного вида преступлений. Еще более усугубляют ситуацию кражи автотранспорта, совершенные в составе организованной преступной группы, что обусловлено рядом факторов. В частности, преступления, совершенные преступной группой, создают дополнительные сложности для расследования, поскольку криминальные элементы, объединившиеся в целях автомобильной кражи, способны более эффективно «замести» следы.

Таким образом, актуальность изучения тактических особенностей проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, обусловлена тем, что расследование данных преступлений сопряжено дополнительными сложностями, связанными с согласованными действиями преступников.

Прежде чем определить непосредственно тактические особенности проведения ОРМ при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, определим, что стоит понимать под кражей автомобиля в целом.

Под кражей автотранспорта понимают противоправное, тайное и безвозмездное хищение автотранспорта, которое было совершено в корыстных целях и нанесло ущерб собственнику либо другому владельцу [5, с. 246].

Причем, как отмечает С. В. Харченко, в настоящий момент деятельность преступных элементов, связанная с кражей автотранспорта, характеризуется не только межрегиональным, но и транснациональным характером, что позволяет расценивать соответствующие преступления как криминальный автобизнес, который является источником существенных доходов криминального мира [15, с. 136].

Необходимо отметить факт, что кража дорогостоящего автотранспорта, совершенная организованной преступной группой, имеет свою специфику, которая предопределяет дальнейшую тактику раскрытия и расследования данного вида преступлений.

В частности, речь может идти о том, что организованные группы, выбравшие в качестве своей преступной деятельности кражу дорогостоящих автомобилей, выстраивают свою структуру таким образом, чтобы разоблачение всех членов преступного формирования было крайне затруднительным. Данное положение дел приводит к тому, что в случае «провала» отдельной части преступной группы (чаще всего это каса-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения 04.02.2020).

ется исполнителей) общие ее потери будут минимальны, благодаря чему становится возможным быстрое восстановление ее структуры.

Часто отдельные участники преступной группы не знакомы друг с другом непосредственно, что предотвращает их взаимное разоблачение. Наиболее «защищенным» в данном аспекте является организатор группы и его ближайшие «подручные», вина которых является трудно доказываемой. Примером такой сложно структурированной группы является организованная группа Колотыгина и Ковалева, действовавшая на территории двух субъектов Российской Федерации – Иркутской области и Республики Бурятия в период с 2014 по 2016 годы. Одним из решений организаторов было четкое распределение ролей своих «подгрупп», а также отсутствие информации и общения между рядовыми участниками этих подразделений. Так, «подгруппа» Колотыгина занималась исключительно хищением дорогостоящих автомобилей и доставкой их до границы Иркутской области и Республики Бурятия для передачи участникам «подгруппы» Ковалева. Последние, в свою очередь, осуществляли изменение идентификационных номеров, легализацией и последующей продажей похищенных автомашин. При этом вопросы организационного и финансового характера, касающиеся преступной деятельности всей организованной группы, решались исключительно лидерами «подгрупп» Ковалевым и Колотыгиным между собой².

Кроме того, в некоторых ситуациях, обеспечение «молчания» преступной группы происходит благодаря страху каждого отдельного участника оказаться привлеченным к уголовной ответственности. Помимо этого, в качестве стимула для соблюдения конфиденциальности других членов группы служат опасения, связанные с возможной мстью сообщников за разглашения информации о них [1, с. 173].

И, напротив, существуют ситуации, когда каждый член преступной группировки, занимающийся кражами дорогостоящего автотранспорта, хорошо осведомлен о личности других преступников. В отдельных случаях единство преступной группы, помимо общих преступных целей, дополнительно обеспечивается некоторыми факторами.

В качестве примера таких факторов стоит указать на возможную этническую составляющую. Так, на протяжении некоторого времени в Москве действовала преступная группировка, занимающаяся кражей грузовых автомобилей с целью их дальнейшей продажи, в том числе, путем их разукomплектования и продажи по запчастям. О том, что группа лиц, занимающаяся кражей дорогостоящего автотранспорта, является организованной преступной группой, по мнению следствия, сообщали следующие ее характеристики: наличие регулярных связей; регулярное общение; обсуждение планов и условий совершения преступлений; согласованность усилий; технически отработанное распределение ролей; устойчивость, основанная на этнической общности (Арутюнян Р. Р., Ананян Л. Р. и Агаджанян М. М)³.

Таким образом, согласованность действий преступных групп, занимающихся кражами дорогостоящего автотранспорта, формирует особую специфику тактики раскрытия с использованием определенных ОРМ. При этом изначальные следственные ситуации, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, могут быть различными.

Можно выделить следующие следственные ситуации, имеющие место при краже автотранспорта, совершенной преступными группами:

² Приговор № 1-288/2016 от 23 июня 2016 г. по делу № 1-288/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UpsdtfiERNHO/> (дата обращения 14.01.2022).

³ Приговор № 1-333/2017 1-6/2018 от 19 октября 2018 г. по делу № 1-333/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/87rKz06oMIC/> (дата обращения 15.01.2022).

1. Известны лица (либо одно из лиц), совершившие кражу, а также обнаружен сам краденый автотранспорт.

2. Не известны лица, совершившие преступление, однако обнаружен краденый автотранспорт.

3. Не известны лица, осуществившие кражу автотранспорта, не обнаружен похищенный автотранспорт.

При первой следственной ситуации тактика проведения ОРМ строится на следующих принципах: максимально задокументировать причастность установленных лиц, организовать ОРМ по установлению их местонахождения и организация задержания. В частности, принимаются исчерпывающие меры к установлению видеозаписей, а также наличие очевидцев по месту совершения кражи (путем проведения опроса, а также наведения справок). Помимо этого, может быть применено ОРМ – взятие образцов для сравнительного исследования, а также обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в случаях получения информации оперативными подразделениями от лиц, осуществляющих негласное содействие ОВД. После получения конкретной информации о лицах, причастных к совершению преступления, организуется и проводится дополнительный комплекс ОРМ, в который, как правило, входит наблюдение, снятие с технических каналов связи и прослушивание телефонных переговоров. После фактического задержания участников организованной группы схема расследования в данном случае может принимать следующий вид: обыск подозреваемых; обыски по месту жительства и работы; допрос; наложение ареста на имущество; осмотр места происшествия и предметов, например - орудий взлома; осмотр транспортных средств и т. д.

Относительно второй ситуации действия следователя должны быть ориентированы на максимально эффективное задействование средств, позволяющих исследовать транспортное средство. В связи с этим особое значение приобретает обследование не только самого обнаруженного автотранспорта, но и места, где он был обнаружен. Помимо этого, важными мероприятиями являются допрос свидетелей (например, лиц, обнаруживших транспортное средство); производство выемки осмотра документации на обнаруженный автотранспорт и др. [7, с. 123] При этом оперативные подразделения исходя из полученной информации по результату осмотра места, где обнаружен похищенный автотранспорт, формируют комплекс ОРМ, направленный на установление лиц, причастных к данному преступлению. В случае, когда автомашина обнаружена в гаражном боксе (так называемом «отстойнике»), проводятся мероприятия путем опроса и наведения справок, для установления лиц, посещавших данный гараж, а также его возможного владельца.

Особую сложность для расследования составляет третья ситуация, т.к. отсутствуют данные и о лицах, совершивших кражу, и о местонахождении самого похищенного автотранспорта. В таком случае, целесообразным будет организация проведения ОРМ по месту совершения кражи, в частности: опрос, наведение справок, снятие информации с технических каналов связи. Также при сложившейся следственной ситуации важным аспектом является работа оперативных подразделений с лицами, оказывающими негласное содействие ОВД, с целью получения оперативно-значимой информации о лицах, причастных к совершению кражи дорогостоящего автомобиля.

Таким образом, последовательность ОРМ при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, зависит от изначальной следственной ситуации. Тем не менее можно выделить некоторые общие тактические особенности, эффективные для рассматриваемого вида преступлений.

При планировании раскрытия и расследования преступлений, в том числе, краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, важными будут такие стороны действий следователя, как анализ изначальной следственной ситуации и имеющихся данных.

После анализа информации, имеющейся на первоначальной стадии расследования, определяются обстоятельства, которые необходимо проверить либо установить, а также выбрать средства достижения поставленных целей расследования, определить приоритетные обстоятельства, которые следует установить для определения дальнейшего направления работы. Причем из общего массива обстоятельств важным будет выбрать те, которые подлежат безусловной проверке, т.е. вне зависимости от того, какие следственные версии были выдвинуты. После этого составлению подлежит план расследования. В качестве следующего шага предпринимаются меры по его фактической реализации [14, с. 20].

Рассмотрим специфику отдельных ОРМ, востребованных для раскрытия и расследования краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, более подробно.

Так, на первоначальном этапе раскрытия краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, особую важность представляют опросы, в первую очередь, потерпевшего. Тактика опроса потерпевшего зависит от изначальной следственной ситуации.

Однако в любом случае необходимо иметь в виду то, что потерпевшему, у которого был похищен дорогостоящий автотранспорт, наносится не только значительный материальный ущерб, но моральный вред. В результате потерпевший может характеризоваться сильным нервным потрясением, что должно учитываться при выборе тактики его опроса. В таком случае возможными становятся два варианта развития событий.

Первый вариант развития событий подразумевает, что пострадавший от кражи автотранспорта способен адекватным образом воспринимать действительность. В данной ситуации проведение опроса будет целесообразным.

И, напротив, при втором варианте развития событий потерпевший, испытывающий психологическое потрясение, будет не способен адекватно отвечать на заданные вопросы. Следовательно, опрос необходимо будет на некоторое время отложить [8, с. 67].

Еще раз подчеркнем, что наиболее неблагоприятная следственная ситуация – это ситуация, когда имеются признаки кражи автотранспорта, но сам автотранспорт при этом не обнаружен. По мнению А.Л. Мишуточкина, при подобном положении дел вопросы, задаваемые потерпевшему, должны коррелироваться с возможными версиями, которые выдвигает следователь или оперуполномоченный. Для того же, чтобы опрос был максимально эффективным, необходимо составление плана, по которому будет опрошен потерпевший.

Отметим, что на первоначальной стадии расследования краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, возможно выдвижение версий о: способах совершения преступления; о возможных соучастниках и их ролях; о количественном составе преступной группы; о навыках членов преступной группы; о специальном техническом оборудовании, которое использовали злоумышленники и т.д.

Как демонстрирует следственная практика, наиболее типичными для рассматриваемого вида преступлений могут быть следующие версии:

1. Кражи на самом деле не было, но имела место инсценировка самим потерпевшим, цель чего – получение страховой выплаты.
2. Совершение кражи произошло при условиях, указанных потерпевшим.

3. Причастными к краже могут быть сотрудники страховой компании, в которой был оформлен страховой полис.

4. Причастными к краже являются сотрудники автомойки, автомастерской, сервисного центра по установке систем безопасности и т.д. Иными словами, к краже причастны лица, которые производили определенные манипуляции с автотранспортом, с системой его безопасности, с электронными узлами и т. д.

5. Причастными к краже являются преступные группы, чья специализация – кража дорогостоящего автотранспорта, сопряженная с использованием особых технических устройств: ретрансляторы, кодграбберы и т. д. [8, с. 123].

6. Причастными к краже автотранспорта являются «гастролеры». Основание для такой версии – за короткий временной промежуток были совершены серии аналогичных краж автотранспорта в рамках одного населенного пункта; имеется информация о нахождении близь места кражи автомобилей с иногородними номерами; отсутствие осторожности у преступников в ходе кражи автомобиля (например, совершение кражи под камерами наружного наблюдения, при свидетелях и т. д.) [4, с. 67].

Прежде чем выстроить тактику задавания вопросов, зависящих от изначальной следственной ситуации и выдвигаемой версии, верным будет задать общие вопросы, которые не зависят от указных факторов. В частности, необходимо получить общую информацию о похищенном автомобиле.

Установить (по документам) анкетные данные (заявителя), адрес места жительства; анкетные данные (собственника автомобиля), анкетные данные лиц, допущенных к управлению лиц и сведения о них. Время, в течение которого оставлен автомобиль без присмотра. Место, с которого похищен автомобиль (адрес желательно выяснить точный). Марка и модель автомобиля, цвет кузова; год выпуска; государственный регистрационный знак; идентификационный номер кузова (VIN), общий пробег, количество топлива, оставшегося в баке. Должны быть представлены все документы на транспортное средство: ПТС, свидетельство о регистрации, запасные ключи, брелоки и метки. Страховые свидетельства на автомобиль. Истребовать у владельца фотоснимки похищенного автомобиля [9, с. 118].

После этого выясняются признаки присущие для похищенного автотранспорта. Это касается характеристики и кузова, и салона.

Так, при выяснении описания кузова определяется наличие у него вмятин, трещин, царапин, коррозий, неравномерности окраски и т.д. Дополнительно необходимо узнать об отсутствии в похищенном автотранспорте обязательных элементов, например, зеркал, молдингов, бамперов и др. Также стоит попросить потерпевшего составить список предметов и вещей, находящихся в салоне и багажнике.

Что касается описания салона, то в протоколе допроса указывается следующее: цвет чехлов; наличие дополнительных аксессуаров (подвесок, блокнотов, видеорегистраторов и т.д.); наличие видео- и аудио систем, сабвуфера. Потерпевший, заявивший о наличии в автотранспорте техники, должен предоставить на нее документы.

Ответы на указанные вопросы, позволяют наиболее точно сформировать сотрудникам уголовного розыска ориентировку о похищенном автотранспорте и передать её в дежурную часть, которая в свою очередь ориентирует остальные территориальные ОВД, а также наружные экипажи. Нередко в следственной практике благодаря своевременным ориентировкам удается установить местонахождение похищенного автомобиля, оставленного преступниками на «отстой» во дворах жилых домов населенных пунктов, а также в лесных массивах, прилегающих к ним.

После того, как были заданы общие вопросы, образец которых приведен выше, оперативный работник должен перейти к вопросам, тактика задавания которых зависит от имеющейся следственной ситуации. В качестве примера таких вопросов возь-

мем те их них, которые будут востребованы при краже, которая состоялась из-за деятельности организованных преступных групп, специализация которых – кража дорожного автотранспорта с задействованием специальных технических устройств.

Тактика опроса потерпевшего в таком случае может включать в себя перечень следующих вопросов:

1. Имели ли место отказы в системе безопасности при снятии автотранспорта с охраны либо, напротив, с его постановкой на охрану (в случае, если автомобиль имеет дополнительную сигнализацию, сопряженную со штатной).

2. Были ли украдены у потерпевшего ключи, брелок, когда это происходило.

3. Были ли замечены потерпевшим подозрительные лица, которые находились около его автотранспорта.

4. Может ли потерпевший содействовать составлению субъективных портретов подозрительных лиц [8, с. 71].

5. Подозрительные автомашины, следовавшие накануне кражи за потерпевшим до места стоянки автомашины (гараж, парковка, территория частного дома и т.д.).

6. Подозрительные лица, которые имели при себе какую-либо сумку или рюкзак, которые следовали за потерпевшим, после того, как он оставил автомобиль (в случае установления возможного использования преступниками папок-ретрансляторов).

После того, когда будет получена необходимая информация, следствию необходимо произвести ее оценку по следующим позициям:

1. Время, исчисление которого начинается с момента совершения преступления до того, как в дежурную часть поступило сообщение о краже автотранспорта (необходимо решить, подходящим ли будет план «Перехват» или нет).

2. Место кражи автотранспорта, возможные пути движения похищенного имущества.

3. Потенциальные действия преступной группы, причастной к краже.

4. Наличие средств и сил органов внутренних дел, которые расположены по направлению возможного движения украденного автотранспорта; способность их незамедлительного включения в реализацию заградительных и поисковых мероприятий по горячим следам. Это является необходимым для того, чтобы максимально четко определить расстояние, на которое мог удалиться похищенный автотранспорт от места происшествия [10, с. 117].

Завершив работу, связанную с опросом потерпевшего или заявителя, в зависимости от направленности преступных действий следствие должно известить о краже автотранспорта дежурные части соседних ОВД. Данное мероприятие необходимо тогда, когда на водителя было совершено нападение либо когда кража автотранспорта произошла за несколько часов до того, как поступило соответствующее сообщение от заявителя.

Далее сообщение о преступлении, а также информацию о разыскиваемом средстве необходимо передать нарядам ППС, ДПС, дать ориентировки личному составу ОВД, несущих службу.

Незамедлительно на место происшествия направляется следственно-оперативная группа, в структурный состав которой входят следователь, оперуполномоченный уголовного розыска, участковый уполномоченный полиции, эксперт-криминалист, и в случае необходимости, иные сотрудники, например, кинолог [3, с. 20].

И здесь необходимо заметить, что не менее значимым действием, чем опрос, являются такие разновидности ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. В случае с кражами автотранспорта

особую востребованность приобретает осмотр места происшествия, т. е. места, откуда был похищен автотранспорт.

Отдельное внимание хотелось бы заострить на точке зрения А. В. Головчанского, который предлагает рассматривать осмотр места происшествия как особую тактическую операцию. Кроме того, А. В. Головчанский считает, что в настоящее время поиск камер видеонаблюдения и записей, зафиксированных видеокамерами, возможно отнести к особому тактическому ОРМ.

В связи с этим при осмотре места происшествия можно рекомендовать осуществление такого тактического приема, как поиск и обнаружение камер, которые могли зафиксировать кражу автотранспорта. В большинстве случаев обнаружение таких камер не сопряжено сложностями, поскольку они, в основном, располагаются на фасадах зданий, в конструкциях дверей подъездов жилых домов, на мачтах электроосвещения и стенах охранных павильонов. Причем, как гласит актуальное законодательство, в местах, где расположены камера, должна быть размещена соответствующая информация о проведении видеосъемки. Тем не менее, необходимо учитывать тот факт, что зачастую данное требование закона игнорируется, что не должно служить основанием для прекращения поисковых мероприятий.

Касательно краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, важным будет указать на то, что все чаще жильцы и частных, и многоквартирных домов устанавливают камеры видеонаблюдения в целях контроля за местами парковки своего автотранспорта, а также за путями въезда на придомовую территорию.

Кроме того, в аспекте краж дорогостоящего автотранспорта, ошибкой будет ограничивать поиск видеокамер только на месте происшествия. Рациональным будет расширить дислокацию поисков видеокамер и на прилегающих территориях, сочетая визуальный осмотр с опросом граждан, а также должностных лиц, ставших возможными свидетелями кражи [2, с. 264].

Как показывает следственная практика, извлечение материалов видеонаблюдения зачастую относят к такому ОРМ, как «наведение справок».

Востребованность позиции, выдвинутой А. В. Головчанским, и связанной с обоснованием целесообразности поиска видеокамер, возможно подтвердить материалами следственной практики.

В г. Барнауле Алтайского края на протяжении некоторого времени действовала организованная преступная группа, специализирующаяся на краже дорогостоящего автотранспорта, дело которой было рассмотрено в 2018 г.

Преступная группа, в состав которой входили Чернышов С.Е., Трембач С.В. совершили первую кражу в 2015 г. Объектом хищения стал автомобиль «Тойота Лэнд Крузер 120». Тем самым собственнику автомобиля был нанесен ущерб в особо крупном размере.

В 2016 г. имел место новый преступный эпизод. В этот раз преступникам удалось завладеть автомобилем «Тойота Лэнд Крузер 200», в итоге чего потерпевшему был нанесен ущерб в размере более 3500 000 рублей.

Последовательность действий следственных органов позволила выйти на след преступников. В ходе ОРМ «Наведение справок» было установлено, что похищенный автомобиль под управлением Трембача С. В. и Чернышева С. Е. попал в обзор камер видеонаблюдений, расположенных на выезде из г. Новоалтайска. Последующие ОРМ привели к определению адреса, куда преступники поставили похищенный автомобиль, а именно в гаражный бокс, расположенный в г. Новосибирске. Причем стоит

отметить, что путь похищенного автомобиля удалось отследить благодаря его неоднократному отслеживанию по камерам видеонаблюдения⁴.

Таким образом, поиск материалов, полученных благодаря камерам видеонаблюдения, является востребованным не только при первоначальном осмотре места происшествия, но и в ходе дальнейшего расследования.

Что касается первоначального осмотра места происшествия, то в его ходе с особым вниманием следует отнестись к поиску, изъятию вещественных доказательств, а также к фиксации следов, которые позволят выявить самые вероятные пути направления похищенного автотранспорта.

В целях изъятия следов и вещественных доказательств необходимо зафиксировать:

1. Расположение предметов, по которым проехал автотранспорт.
2. Форма капель жидкости (бензин, масло, вода и т.д.), который упали при движении автотранспорта на поверхность проезжей части.
3. Специфика следов протекторов шин.

Для того чтобы определить вероятные повреждения, нанесенные автотранспорту в процессе его кражи, необходимо исследовать оставшиеся осколки стекла (например, могут быть разбиты стекла фар, выбиты стекла и т.д.); следы, которые были оставлены на мачтах уличного освещения, на столбах, деревьях и т.д.; детали или кусочки краски, которые были отделены от транспортного средства; груз, упавший с автотранспорта.

Значимым мероприятием является осмотр территории, прилегающей к месту кражи автомобиля. Благодаря подворному или поквартирному обходу возможно выявление очевидцев и свидетелей кражи, которых необходимо опросить [16, с. 30].

Также осмотру должны подлежать места, которые могут являться предположительным местом «отстоя» автотранспортных средств. Реализация таких мероприятия должна происходить в тесном сотрудничестве с соответствующими подразделениями полиции, которая осведомлена об оперативной обстановке, существующей в пределах обслуживаемого района [9, с. 67].

Учитывая конкретные обстоятельства кражи автотранспорта, правоохранительные органы извещают медицинские учреждения о возможном обращении за медицинской помощью членов преступной группы.

Иная тактика ОРМ предполагается при розыске автотранспорта «по горячим следам». При введении плана «Перехват» оперативный дежурный должен предпринять действия, направленные на передислокацию средств и сил, которые имеются в наличии.

Последующему осуществлению подлежат мероприятия, разработка которых происходила на подготовительном этапе, а также происходит блокировка районов поиска.

Оперативно-поисковые группы своевременно должны прибыть в поисковую зону, определенную для них заблаговременно, после чего путем сыска предпринять все необходимые меры для обнаружения как похищенного автотранспорта, так и преступной группы [15, с. 143].

В целом, с учетом того, что автотранспорт был похищен профессиональной преступной группой, в условиях неопределенности акцент необходимо делать на тактику ОРМ, позволяющих установить участников группы. На основании этого С. С. Ржанникова делает вывод о том, что при похищениях автотранспорта, совершенного преступной группой, особую роль приобретают следующие виды ОРМ:

1. Наблюдение.
2. Прослушивание телефонных переговоров.

⁴ Приговор № 1-9/2019 от 28 августа 2019 г. по делу № 1-713/2018 // Судакт: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UpsdtfiERHO/> (дата обращения 14.01.2022).

3. Снятие информации с технических каналов связи [4, с. 65].

Учитывая, что чаще всего угоны совершаются профессиональными преступными группами, при проверке версий в рассматриваемой информационно неопределённой ситуации акцент делают на оперативно-разыскные и иные организационные мероприятия по установлению участников группы, а также следственные действия, направленные на изучение материальной обстановки места происшествия, установление примет подозреваемых и индивидуальных особенностей угнанного транспортного средства. Из этого следует, что своевременное и эффективное проведение всех следственных действий, направленных на сбор максимального количества материалов по преступной группе, позволяет быстро раскрыть преступление. При поиске угнанных транспортных средств и лиц, совершивших преступление, а также радиотехнических средств, при помощи которых было совершено преступление, наиболее целесообразно проводить следующие оперативно-разыскные мероприятия: наблюдение; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи.

На завершающем этапе исследования хотелось бы обратить внимание на проблемные моменты расследование краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, которые необходимо учитывать при проведении ОРМ:

1. Слабый уровень экспертного, методического и оперативного сопровождения уголовных дел.

2. Высокая квалификация членов преступных групп, их обращение к техническим новациям; тщательная конспирация преступников, проработка ими лучших путей отхода и т.д.

3. Слабое взаимодействие оперативных служб и следственных органов с подразделениями ГИБДД как в процессе профилактики краж автотранспорта, так и в ходе расследование уже свершившихся преступных посягательств.

4. Неэффективная деятельность следственно-оперативных групп не только на местах происшествий, но и в ходе реализации первоначальных ОРМ и следственных действий [4, с. 68].

И здесь необходимо заметить, что не менее значимым действием, чем опрос, являются такие разновидности ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Однако, данный вид ОРМ, проводимый по фактам краж автотранспорта, причинивших особо крупный ущерб, совершенных организованными группами, применим исключительно в рамках дел оперативного учета. В частности, при получении оперативной информации о возможном местонахождении похищенного автотранспорта. Данный вид ОРМ проводится с привлечением сил и средств бюро специальных технических мероприятий (далее – БСТМ). После получения информации сотрудниками оперативных подразделений в отношении участников организованной группы и местах возможного «отстоя» похищенных дорогостоящих автомобилей, в соответствии с заданием, подписанным соответствующими руководителями, для выполнения оперативно-технического мероприятия (далее – ОТМ), оперативный досмотр определяют сотрудники БСТМ. При этом указанные сотрудники используют специальные технические средства, информация о технических характеристиках которых составляет государственную тайну. Данное оборудование позволяет проверить оперативную информацию и задокументировать результаты проведенного мероприятия, которые в соответствии с пп. 9–12 «Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» от 27 сентября 2013г. могут быть раскритикованы, в случае необходимости.

В рамках же первоначального планирования комплекса ОРМ, направленных на раскрытие кражи автотранспорта, причинившего ущерб в особо крупном размере, в составе организованной группы, особую востребованность приобретает оперативно-разыскное мероприятие «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в привязке к месту, откуда был похищен автотранспорт.

Отдельное внимание хотелось бы заострить на точке зрения А. В. Головчанского, который предлагает рассматривать осмотр места происшествия как особую тактическую операцию. Кроме того, А. В. Головчанский считает, что в настоящее время поиск камер видеонаблюдения и записей, зафиксированными видеосистемами, возможно отнести к особому тактическому ОРМ.

В связи с этим при осмотре места происшествия можно рекомендовать осуществление такого тактического приема, как поиск и обнаружение камер, которые могли зафиксировать кражу автотранспорта. В большинстве случаев обнаружение таких камер не сопряжено со сложностями, поскольку они, в основном, располагаются на фасадах зданий, в конструкциях дверей подъездов жилых домов, на мачтах электроосвещения и стенах охранных павильонов. При этом, как правило, в местах, где расположены камеры, размещена соответствующая информация о проведении видеосъемки. Тем не менее необходимо учитывать тот факт, что зачастую данное требование закона игнорируется, что не должно служить основанием для прекращения поисковых мероприятий.

Касательно краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, важным будет указать на то, что все чаще жильцы и частных, и многоквартирных домов устанавливают камеры видеонаблюдения в целях контроля за местами парковки своего автотранспорта, а также за путями въезда на придомовую территорию.

В целом же успех проведения ОРМ по расследованию краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, зависит от комплекса организационных, управленческих, а также тактических факторов. Существенную роль имеет уровень взаимодействия между правоохранительными службами и подразделениями. Кроме того, выбор верной тактики проведения ОРМ зависит от быстроты и адекватности реагирования сотрудников на изменения оперативной обстановки, от их профессионализма [5, с. 248].

В заключение можно сделать, что специфика тактических особенностей проведения ОРМ при раскрытии краж автотранспорта, причинивших ущерб в особо крупном размере, совершенных в составе организованных групп, связана с особенностями данного вида преступлений. В частности, на первый план среди таких особенностей выходят совместные действия преступной группы, направленные на усложнение процесса раскрытия и расследования преступления и, соответственно, на избегание уголовной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Венедиктов А. А., Венедиктова Ю. Е. Схемы преступной деятельности организованных групп, специализирующихся на кражах автомобилей. 2019. №3-2. С. 170-175. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 15.01.2022). Режим доступа: свободный.
2. Головчанский А. В. Поиск систем видеофиксации в структуре тактики осмотра места происшествия // Вестник воронежского института МВД России. 2020. № 3. – С. 263-268. . URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 15.01.2022). Режим доступа: свободный.

3. Дорош Е. Ю. Оперативно-розыскная характеристика краж из автомобилей // *Colloquium-journal*. 2019. №13-13(37). С. 17-20. . URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 15.01.2022). Режим доступа: свободный.
4. Лисицын А. Г. Некоторые аспекты борьбы с угонами и кражами автотранспорта // *Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. 2019. № 4(21). С. 65–68. . URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 19.01.2022). Режим доступа: свободный.
5. Лисицын А. Г. Некоторые аспекты раскрытия краж и угонов автотранспорта // *Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования*. 2021. № 1(3). С. 243–250. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 12.01.2022). Режим доступа: свободный.
6. Методика расследования краж автотранспортных средств // *Криминалисты: научный портал*. URL: <https://kriminalisty.ru/stati-metodicheskie-rekomendacii-kraja-avto/> (дата обращения 15.01.2022).
7. Мишуточкин А. Л. Тактика допроса потерпевшего при расследовании краж автотранспортных средств, совершаемых организованными преступными группами // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2017. №2. С. 122-124. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 17.01.2022). Режим доступа: свободный.
8. Мишуточкин А. Л. Типичные версии и особенности планирования расследования краж автотранспортных средств, совершаемых организованными преступными группами // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2013. №1. С. 66-71. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 17.01.2022). Режим доступа: свободный.
9. Мухитдинов А. А., Пулатов Ю. С. Организационно-тактические основы раскрытия краж и угонов транспортных средств. Душанбе: «ЭР-граф», 2018. 304 с.
10. Ржанникова С. С. Особенности расследования хищений транспортных средств, совершаемых при помощи радиотехнических устройств // *Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях*. Красноярск, 2019. С. 116–119. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 14.01.2022). Режим доступа: свободный.
11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. Москва: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2019. 60 с.
12. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. Москва: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2020. 66 с.
13. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. Москва: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2021. 66 с. – Текст непосредственный.
14. Сычев А. В., Никуличева И. В. Особенности выявления и расследования краж автотранспорта. Домодедово: ВИПК МВД России, 2019. 79 с. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 14.01.2022). Режим доступа: свободный.
15. Харченко С. В. Актуальные проблемы организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом. 2015. №4(124). С. 136-143. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 14.01.2022). Режим доступа: свободный.

REFERENCES

1. Venediktov A.A., Venediktova Yu.E. Schemes of criminal activity of organized groups specializing in car theft. 2019, no. 3-2, pp. 170-175. URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/15/2022). — Access mode: free. Text: electronic.

2. Golovchansky A.V. Search for video recording systems in the structure of tactics for examining the scene of an incident // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 3, pp. 263-268. . URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/15/2022). Access mode: free. Text: electronic.
3. Dorosh E.Yu. Operational-search characteristics of thefts from cars // Colloquium-journal. 2019, no. 13-13(37), pp. 17-20. . URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/15/2022). — Access mode: free. Text: electronic.
4. Lisitsyn A.G. Some aspects of the fight against theft and theft of vehicles // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2019, no. 4(21), pp. 65-68. . — URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/19/2022). Access mode: free. Text: electronic.
5. Lisitsyn A.G. Some aspects of disclosure of thefts and hijackings of vehicles // Modern criminal procedure law - the lessons of history and problems of further reform. 2021, no. 1(3), pp. 243-250. . URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/12/2022). — Access mode: free. Text: electronic.
6. Methods of investigating the theft of vehicles [Electronic resource] // Criminalists. Scientific portal URL: <https://kriminalisty.ru/stati-metodicheskie-rekomendacii-kraja-avto/> (accessed 01/15/2022).
7. Mishutochkin A.L. Tactics of interrogation of the victim in the investigation of the theft of vehicles committed by organized criminal groups // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2017, no. 2, pp. 122-124. URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/17/2022). Access mode: free. Text: electronic.
8. Mishutochkin A.L. Typical versions and features of planning the investigation of the theft of vehicles committed by organized criminal groups // Bulletin of the Novosibirsk State University. 2013, no. 1, pp. 66-71. URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/17/2022). Access mode: free. Text: electronic.
9. Mukhitdinov A.A., Pulatov Yu.S. Organizational and tactical bases for the detection of thefts and hijackings of vehicles. Dushanbe: "ER-graph", 2018, 304 p. - The text is direct.
10. Rzhannikova S.S. Features of the investigation of theft of vehicles committed with the help of radio devices // Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Krasnoyarsk, 2019, pp. 116-119. — URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/14/2022). — Access mode: free. — Text: electronic.
11. The state of crime in Russia in January-December 2018. Moscow: FKU "Main Information and Analytical Center", 2019, 60 p. - The text is direct.
12. The state of crime in Russia in January-December 2019. Moscow: FKU "Main Information and Analytical Center", 2020, 66 p. - The text is direct.
13. The state of crime in Russia in January-December 2020. Moscow: FKU "Main Information and Analytical Center", 2021. 66 p. - The text is direct.
14. Sychev A.V., Nikulicheva I.V. Features of detection and investigation of vehicle thefts. Domodedovo: VIPK MIA of Russia, 2019, 79 p. — URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/14/2022). — Access mode: free. — Text: electronic.
15. Kharchenko S.V. Actual problems of organizing operational-search activities of internal affairs bodies to combat criminal auto business. 2015, no. 4 (124), pp. 136-143. — URL: <http://www.elibrary.ru> (date of access: 01/14/2022). — Access mode: free. — Text: electronic.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Столбов Василий Ростиславович, начальник отделения по раскрытию резонансных преступлений отдела по борьбе с организованной преступностью Управления уголовного розыска ГУ МВД России по Иркутской области Российская Федерация, 664023, г. Иркутск, ул. Лыткина, 79а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stolbov Vasily Rostislavovich, head of the department for solving high-profile crimes of the department for combating organized crime of the Criminal Investigation Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region Russian Federation, 664023, Irkutsk, st. Lytkina, 79a.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 285–294.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.
no.4 (103). P. 285–294.

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.38.28.027

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОПАГАНДЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Тирских Анатолий Афанасьевич

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
fvs-mvd@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются некоторые аспекты противодействия пропаганде экстремизма и терроризма в сфере информационных технологий.

Автором анализируются точки зрения различных авторов, касающиеся данной проблемы. Исследованы состояние и динамика преступных деяний, связанных с информационными технологиями, в том числе с пропагандой идей экстремизма и терроризма. Приведен краткий портрет личности преступника, указаны некоторые причины и условия совершения указанных преступных деяний, рассмотрены направления их профилактики и предупреждения.

Методы и материалы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, законодательство, которое регламентирующее вопросы противодействия экстремизму и терроризму, а также научные работы, которые исследуют указанную проблематику. Методологическую основу работы оставил общий диалектический метод научного познания. Кроме этого, использованы методы логической дедукции и индукции. Также в исследовании были использованы познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили рассмотреть, проанализировать вопросы противодействия пропаганде экстремизма и терроризма, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, профилактики и предупреждения этих негативных явлений.

Выводы и заключения: рассмотрены некоторые аспекты противодействия пропаганде экстремизма и терроризма, совершаемого в сфере информационных технологий, и приведены меры предупредительного характера.

Ключевые слова: противодействие, пропаганда, экстремизм, терроризм, информационно-коммуникационные технологии, Интернет-преступления.

Для цитирования: Тирских А. А. Противодействие пропаганде экстремизма и терроризма в социальных сетях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск. 2022. № 4 (103). С. 285–294.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.38.28.027

Original article**COUNTERING THE PROMOTION OF EXTREMISM AND
TERRORISM ON SOCIAL MEDIA****Anatoly A. Tirskikh**

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk,
Russian Federation, fvs-mvd@mail.ru

Introduction: some aspects of countering the propaganda of extremism and terrorism committed in the field of information technology. The author analyzes the points of view of various authors regarding this problem. The state and dynamics of criminal acts related to information technology, including the promotion of ideas of extremism and terrorism, have been studied. A brief portrait of the criminal's personality is given, some reasons and conditions for the commission of these criminal acts are indicated, and directions for their prevention and prevention are considered.

Methods and materials: the legal framework of the study was the Constitution of the Russian Federation, the legislation that regulates the issues of countering extremism and terrorism, as well as scientific works that explore these issues. The methodological basis of the work was left by the general dialectical method of scientific knowledge. In addition, the methods of logical deduction and induction are used. Also in the study were used cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the study: made it possible to consider, analyze the issues of countering the propaganda of extremism and terrorism, committed using information and telecommunication technologies, the prevention and prevention of these negative phenomena.

Findings and Conclusions: some aspects of countering the propaganda of extremism and terrorism committed in the field of information technology are considered, and preventive measures are given.

Keywords: counteraction, propaganda, extremism, terrorism, information and communication technologies, Internet, crimes.

For citation: Tirskikh A.A. Protivodejstvie propagande jekstremizma i terrorizma v social'nyh setjah [Countering the promotion of extremism and terrorism on social media]. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (103). FROM. P. 285–294.

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.38.28.027

В современном мире использование новых информационно-телекоммуникационных технологий кардинально меняет жизнедеятельность человека, формирует сферу новых производственных отношений, видоизменяет масштаб и структуру экономических процессов, трансформирует все ступени образования. Неизбежно возникают новые правила и, соответственно, требования к коммуникационным процессам, функционированию информационных систем. Особенно это каса-

ется вопросов информационной безопасности, борьбы с киберпреступностью, пресечению негативного контента в сети Интернет.

Необходимо отметить, что изменения в информационной сфере несут как положительные, так и отрицательные моменты. Совершенствование и распространение информационных технологий, увеличение сферы применения в различных областях человеческой жизни, широкая доступность среди граждан привели к возникновению и крупномасштабному росту преступлений, посягающих на информационную безопасность.

Состояние и динамика преступлений в информационной сфере вызывает тревогу высших должностных лиц государства, включая Президента России. Не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, подчеркнул, что «за последние шесть лет число преступлений в сфере информационных технологий возросло более чем в 10 раз»¹.

Статистические сведения по преступлениям в сфере информационных технологий последних лет характеризуются достаточно высоким объемом, определенной устойчивостью. Их динамику можно рассмотреть в таблице 1.

Таблица 1.

Динамика совершения преступлений в сфере информационных технологий в 2019-2022 гг.

Преступления	Годы			
	2019	2020	2021	1 полугодие 2022
Всего в сфере информационных технологий	294 409	510 396	517 722	248 976
С использованием сети Интернет	157 036	300 337	351 463	182 491
Средств мобильной связи	116 154	218 739	217 652	95 109

Как видно из приведенных данных, число преступлений, совершенных в сфере информационных технологий, с 2019 по 2021 год возросло с 294,4 тыс. до 571 тыс., или на 75,8 %. Более чем в два раза увеличилось число данных преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет. На 87 % возросло число подобных преступных деяний с использованием средств мобильной связи. За первое полугодие 2022 г. также наблюдаются высокие показатели указанных преступных деяний.

Таким образом, можно отметить, что сфера информационных технологий все больше становится подверженной негативным тенденциям распространения преступности.

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России : доклад Президента Российской Федерации В.В. Путина 3 марта 2021 г. Москва // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 19.02.2022).

Рассматривая структуру этих преступлений, можно констатировать, что определенный сегмент составляют совершаемые с использованием информационных технологий преступные деяния экстремистской и террористической направленности.

В российском законодательстве под экстремизмом понимают широкий спектр противоправных действий: от насильственного изменения основ конституционного строя до использования нацистской символики и финансирования экстремистской деятельности².

Терроризм является крайним проявлением экстремизма и обычно сопровождается совершением террористических актов, организацией преступных вооруженных формирований, пропагандой идей терроризма, распространением материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности, и рядом других действий. Анализ указанных терминов позволяет сделать вывод, что к числу преступных деяний, связанных с этими негативными явлениями, безусловно, относятся преступления, связанные с пропагандой идей терроризма и экстремизма.

Сегодня информационное пространство активно используется экстремистскими и террористическими организациями для осуществления связи между членами групп, для организации финансирования преступной деятельности, пропаганды деструктивных идей экстремизма и терроризма, вербовки новых последователей.

Вместе с тем слабое правовое регулирование отношений в сфере информационной безопасности и необходимости выработки кардинальных и действенных мер противодействия пропаганде идей терроризма и экстремизма свидетельствует об актуальности и востребованности научной разработки указанной темы.

При рассмотрении указанных вопросов можно заметить, что некоторые проблемы, связанные с необходимостью противодействия различным угрозам в информационном пространстве, были рассмотрены в работах В. А. Голубева, А. В. Кубышкина, И. Н. Панарина, Л. Г. Панариной, Е. А. Роговского, Е. В. Старостиной, М. И. Шамова и других авторов.

Наряду с общими вопросам информационной безопасности также следует указать, что проблемы противодействия экстремизму и терроризму давно находятся в фокусе внимания ученых и стали темой многих научных исследований.

Так, уголовно-правовому и криминологическому анализу преступлений экстремистской направленности посвятили свои труды такие ученые, как Ю. М. Антонян, В. А. Бурковская, А. С. Горелик, А. И. Долгова, В. П. Емельянов, А. В. Жеребченко, А. В. Петрянин, Э. Ф. Побегайло, В. П. Тихий, В. И. Ткаченко, Р. М. Узденов, В. В. Устинов, А. Г. Хлебушкин и др.

Уголовно-правовой и криминологический анализ преступлений террористической направленности был рассмотрен в работах В. П. Агапова, Ю. М. Антоняна, Л. Д. Гаухмана, В. С. Комиссарова, В. С. Овчинского, иных ученых.

² Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности 25 июля 2002 года» № 114-ФЗ : принят Государственной Думой 27 июня 2002 года, одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года // КонсультантПлюс: сайт. URL <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=37867#W7NQ3QTeYJeDpBe43> (дата обращения 19.02.2022). Режим доступа: по подписке.

Анализ научных трудов свидетельствует, что в указанных работах проблемы распространения экстремизма и терроризма в сети Интернет отражались не в полном объеме и без должной детализации, в контексте изучения общих тем.

Вместе с тем в последние годы некоторые авторы целенаправленно рассматривают указанные проблемы в своих диссертационных исследованиях. Здесь можно отметить диссертации Г. И. Узембаевой «Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика» (2016), С. К. Бадамшина «Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика» (2018).

Наряду с научными исследованиями важное практическое значение имеет закрепления в документах государственных органов необходимости противодействия пропаганде противоправных идей экстремизма и терроризма. Об этом свидетельствует ряд документов стратегического характера, принятых на уровне государства.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится, что растет число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления³.

Также констатируется, что некоторые международные террористические и экстремистские организации проводят работу по пропаганде и вербовке граждан России, формированию на территории страны деструктивных ячеек, вовлечению в незаконную деятельность молодежи. Для широкого распространения вредоносной информации, организации незаконных массовых мероприятий активно используются возможности мировых медиакомпаний.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. отмечается, что информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали для экстремистских организаций основным средством связи, используемыми для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии⁴.

Современную роль сети Интернет в распространении экстремистских действий, в том числе терроризма, нельзя приуменьшить или недооценить. Информационно-телекоммуникационные сети, а также используемые сервисы стали весьма удобным инструментом и средой, где широко распространяются и пропагандируются идеи экстремизма и терроризма.

³ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 19.02.2022). Режим доступа: по подписке.

⁴ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/ (дата обращения 19.02.2022). Режим доступа: по подписке.

В этой связи неудивительно, что указанные преступные деяния нашли свое отражение как в решениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, так и российском уголовном законодательстве. Так, вопросы использования информационных технологий при совершении преступлений террористической и экстремистской направленности отмечены в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5, 6].

В свою очередь уголовный закон Российской Федерации⁵ (далее – УК РФ) говорит, что к преступлениям террористической и экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационных технологий, можно отнести следующие деяния:

- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК);
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК).

Динамику данных преступных деяний следует рассмотреть в таблице 2.

Таблица 2.

Динамика совершения видов преступлений террористической и экстремистской направленности, совершенных с использованием информационных технологий в 2019–2022 годах

Преступления	Годы			
	2019	2020	2021	1 полугодие 2022
Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма ст. 205.2 УК РФ	212	232	315	261
Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности ст. 280 УК РФ	257	340	455	271

Динамический ряд преступлений, связанных с публичным призывом к осуществлению террористической деятельности или публичным оправданием терроризма, или пропагандой терроризма, свидетельствует о тенденции увеличения данных преступных деяний. Так, число подобных преступлений с 2019 г. к 2021 г. возросло почти на 50%.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.11.2021). Режим доступа: по подписке.

За первое полугодие 2022 г. число указанных преступлений превысило годовые показатели 2019 г. на 23 %.

Не лучше ситуация с совершением преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Число указанных преступных деяний с 2019 г. по 2021 г. возросло на 77 %. В первом полугодии 2022 г. также наблюдаются негативные тенденции роста таких преступлений.

Практика деятельности правоохранительных органов говорит о том, что преступления, совершаемые в сфере информационных технологий, относятся к числу наиболее латентных и не входят в показатели официальной статистики реального состояния преступности в указанной сфере. Указанное утверждение относится и к преступлениям террористического и экстремистского характера, совершаемых в сфере информационных технологий.

В примечании к статье 205.2 УК РФ говорится о том, что под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Думается, что подобное определение пропаганды можно соотнести с экстремистскими деяниями.

Как известно, изучение личности преступника имеет кардинальное значение для предупреждения преступлений и осуществления эффективного воздействия на лиц, склонных к девиантному поведению.

В криминологии под личностью преступника обычно понимают совокупность социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих абстрактного нарушителя уголовно-правового запрета [7].

Изучение некоторых данных позволяет сформировать определенный портрет личности преступника, совершающего преступления экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Лица мужского пола в возрасте до 30 лет составляют 90 % данных преступников, совершивших преступные деяния впервые с использованием социальной сети [8].

Значительная доля этих преступлений (до 20%) совершается несовершеннолетними и лицами до 25-ти лет. Не секрет, что именно эти возрастные группы длительное время проводят в сети Интернет в поиске разнообразной информации и становятся жертвами деятельности различных незаконных экстремистских и террористических групп и группировок.

Для своевременного и оперативного предупреждения преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием информационных технологий, безусловно, необходимо выяснить причины и условия, которые способствуют осуществлению преступной деятельности.

К ним обычно относят:

- правовой нигилизм граждан, осуществляющих поиск информации в сети Интернет;
- широкое развитие информационных технологий и недостаточное их правовое регулирование;

- доступность компьютеров и иных средств доступа в сеть Интернет, их определенная низкая стоимость и простота в использовании;
- неограниченный круг граждан для психологического воздействия;
- возможность анонимности деятельности в киберпространстве;
- использование преступниками современных психологических методик и приемов нейролингвистического программирования и др.;
- наличие в сети Интернет значительного числа сообществ, проповедующих противоправный, экстремистский стиль поведения в обществе и создающих в киберпространстве определенную негативную среду, где формируются нигилистские и экстремистские взгляды.

Принимая во внимание высокую общественную опасность преступлений экстремистского и террористического характера, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, одним из важнейших направлений государственной политики должна стать деятельность по предупреждению и профилактике данных преступных деяний.

Такая деятельность должна основываться на международных правовых актах и российском законодательстве, регулирующем сферу противодействия экстремистской деятельности.

К числу мер по противодействию пропаганде идей экстремизма и терроризма следует отнести:

- меры законодательного характера (принятие федеральных законов, регулирующих правоотношения в сфере противодействия экстремизму);
- принятие стратегических и оперативных документов государственных органов по противодействию экстремизма и терроризма (Стратегии, Планы, Дорожные карты и т. п.);
- постоянный мониторинг сети Интернет на предмет наличия противоправного контента и оперативное реагирование на все случаи его выявления;
- меры по пропаганде правовой культуры и правомерного поведения (создание положительного контента в данной сфере и доведение его до максимально широкого круга лиц, особенно в молодежной аудитории);
- контрпропаганда, направленная на нейтрализацию негативной информации, связанной с распространением идей экстремизма и терроризма (создание контента, ориентированного на разоблачение идеологии экстремизма и терроризма, разоблачение негативной роли лидеров преступной среды, вербовщиков, помощников и последователей экстремистской деятельности), и ряд иных мер.

В заключение хотелось бы отметить, что предупреждение пропаганды идей экстремизма и терроризма с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, должно носить комплексный, многоаспектный характер, основанный на знании причин и условий возникновения и развития этих негативных деяний, изучении личности преступника и использовании всего арсенала предупредительных мер. Только такой подход сможет обеспечить действенное воздействие на тенденции развития преступлений в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 N 1 // Рос. газета. Федеральный выпуск N 5708. 2012. 17 февраля.
2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного суда российской Федерации от 28 июня 2011 N 11// Рос. газета. Федеральный выпуск N 5518. 2011. 04 июля.
3. Криминология. Учебник / Гуров А. И., Козлов Ю. Г., Кузнецова Н. Ф., Миньковский Г. М., и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 415 с.
4. Узембаева Г. И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дисс...канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2016. 212 с.

REFERENCES

1. Expanded meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia: [report of the President of the Russian Federation V.V. Putin March 3, 2021 Moscow] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (date of access: 11/29/2022).
2. Federal Law "On counteracting extremist activity on July 25, 2002" No. 114-FZ // SZ RF. 2002. No. 30. Art. 3031.
3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 // SZ RF. 2021. No. 27 (part II).
4. On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 No. 344 // SZ RF. 2020. No. 22. Art. 3475.
5. On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 09, 2012 N 1 // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue N 5708. 02/17/2012.
6. On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist orientation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 N 11 / / Rossiyskaya Gazeta. Federal issue N 5518. 07/04/2011.
7. Criminology. Textbook / Gurov A.I., Kozlov Yu.G., Kuznetsova N.F., Minkovsky G.M., and others; Edited by: Kuznetsova N.F., Minkovsky G.M. - M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 1994. - 415 p.
8. Uzembaeva G.I. Crimes of an extremist orientation, committed using the media or information and telecommunication networks: criminal law and criminological characteristics: diss ... cand. legal Sciences: 12.00.08. - Moscow, 2016. - 212 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тирских Анатолий Афанасьевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, Иркутск, Лермонтова, 110.

INFORMATION ON AUTHORS

Tirskikh Anatoly Afanasyevich, Candidate of Sciences (Law), senior researcher, research and editorial and publishing department. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Russian Federation, Irkutsk, Lermontov Street.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 05.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегия не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработан-

ный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке источников. Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список

источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*). Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (обязательно *с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц*). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (*нумерация сквозная*).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие

ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес Института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.ru**. Оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 4 (103) 2022

Редактор: Н. А. Платонова
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110